

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

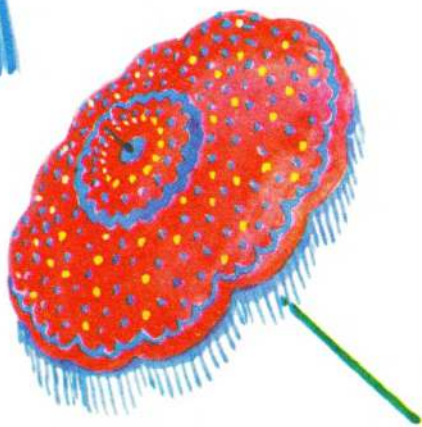
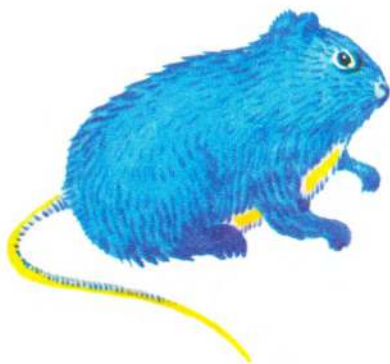
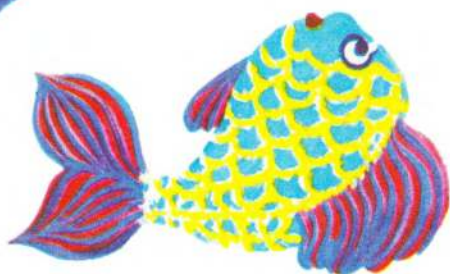

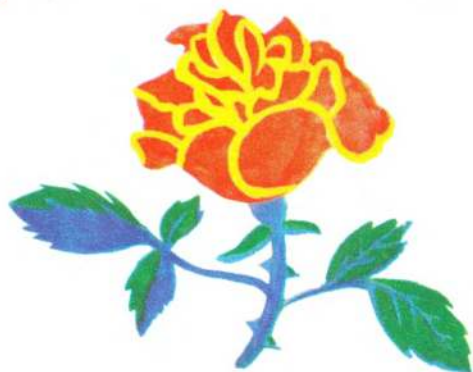
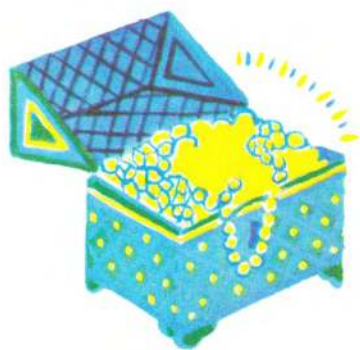
Шутка Черного Лешего

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ

Шутка Черного Лешего

**Сказочные истории
о русалках, домовых и прочей
нечистой силе**

1 9 9 3

Москва — Санкт-Петербург
«КИМОС» — фирма «РИТА» — «БИБЛИОПОЛИС»

**Оформление серии и этой книги
Владимира Волипца**

ISBN 5-86138-008-2

**© Составление, оформление.
«КИМОС», 1993**

Озерная дева

РУСАЛКА ИЗ КОЛОНСЕЯ

Шотландская сказка

Жил когда-то на острове Колонсее молодой князь по имени Эндрю, и славился он на всю Шотландию своим воинским умением и доблестью. Любил князь прекрасную девушку Мораг, и она любила его. Вот раз сидят они вместе, мечтают о близкой свадьбе, как вдруг едет гонец от шотландского короля. Представился князю и говорит:

— Привез я из-за моря колонсейскому князю письмо от короля.

Распечатал Эндрю письмо, и лицо его омрачилось.

— Враг напал на Шотландию, — сказал он невесте. — Король призывает меня под свои знамена. Не будет у нас через месяц свадьбы, дорогая Мораг.

Приказал князь немедля снарядить ладью и пошел проститься с невестой. Взяла Мораг руку любимого и надела ему на палец перстень с красным камнем — рубином.

— Не снимай его, — сказала. — Покуда горит рубин алым огнем, знай, сердце мое принадлежит тебе.

Поцеловал ее князь и отплыл в Шотландию.

Много недель длилась жестокая битва, наконец выгнали врага за пределы Шотландии. Исполнил Эндрю свой ратный долг и с легким сердцем пустился в обратный путь, на запад. Часто смотрел молодой князь на заветный перстень, который горел у него на пальце, как капелька крови. Значит, верна ему Мораг, ждет его на родном острове.

Море было спокойно, сильно и слаженно гребла дружина.

Вот уже погас дневной свет, засеребрилась на море лунная дорожка, и поднялся вдали над водой родной остров. Не спится молодому князю, ходит он по ладье, мечтает о невесте.

Вдруг — что это? Качается на волне красавица с распущенными золотыми волосами.

Откуда она здесь, уж не упала ли с какой-нибудь лодки? Приказал князь своим людям сушить весла. А они как не слышат, и скользит ладья вперёд все быстрее.

«Это, верно, русалка», — решил Эндрю и поспешно отворотился: он любил свою Мораг и ни на кого больше не хотел смотреть.

Но вот ладья поравнялась с русалкой, протянула она свою белую руку, обняла князя и увлекла с собой в морскую пучину.

Все глубже и глубже опускались они сквозь толщу прозрачной, зеленоватой воды. Вот уже вокруг них глухое безмолвие. Мимо плывут рыбы и всякие чудовища. Дно усеяно обломками кораблей, среди них белеют кости мореходов, нашедших смерть на дне океана.

Наконец приплыли они к дому русалки. Вместо пола — золотой песок, вместо крыши — где-то высоко-высоко — голубой воздух, вместо комнат — сотни пещер с бесчисленными переходами. Золотой песок пестрит кораллами, жемчугом, перламутром.

— Смотри, как у меня красиво! — молвила русалка нежным голосом. — Будешь жить со мной в этих пещерах, и я буду вечно любить тебя.

— Нет! — воскликнул князь. — Отпусти меня на землю к моей невесте. Ее одну я люблю во всем свете.

— Ах, останься со мной! — сказала русалка и принесла ему пригоршню разноцветных ракушек.

А потом спела сладкую русалочью песню и обмахнула его длинными шелковистыми волосами. Но Эндрю оттолкнул русалку, устремив взор свой на рубиновый перстень.

— Отпусти меня обратно в надводный мир, — умолял князь. — Я никогда не полюблю тебя.

— Подумай хорошенько, — тихо проговорила русалка. — Не останешься по доброй воле, запру тебя в пещеру и будешь моим пленником на веки вечные. Подумай хорошенько и полюби меня.

— Никогда! — вскричал Эндрю. — Лучше умереть, чем нарушить верность любимой.

Только он сказал эти слова, золотой песок, ракушки, самоцветы — все вдруг исчезло, и очутился князь в огромной черной пещере.

Ладья с дружиной тем временем причалила к острову. Никто не видел, как русалка увлекла с собой князя, и все решили, что он упал в море и утонул. Вот с каким печальным известием вернулась дружина на Колонсей. Весь народ оплакивал погибшего князя, одна Мораг не поверила — сердцем чувствовала, что любимый жив, и ждала его возвращения.

Но не выбраться Эндрю из пещеры — у входа ее пенятся и бурлят могучие волны. Много дней провел он в водяном заточении, но горел алым светом рубин у него на пальце, и надежда не гасла в его сердце.

И вот однажды приплыла в пещеру русалка, распустила в воде золотые волосы.

— Зачем ты приплыла сюда? — крикнул Эндрю.

— Не сердись, князь! Я решила отпустить тебя. Только дай мне взамен одну вещь.

— Какую? — спросил князь.

— Твой рубиновый перстень, — чуть заметно улыбнулась русалка.

Она и не думала отпускать князя, хотелось ей выманить у него кольцо. Перестанет князь глядеть на рубин и забудет про свою земную любовь.

— Я охотно подарю тебе перстень, — ответил князь, — и навсегда останусь в подводном царстве. Только и ты выполни мою просьбу. Отнеси меня на поверхность моря, дай последний раз взглянуть на родной остров.

Подхватила его русалка и понесла наверх сквозь толщу зеленоватой воды; видит Эндрю, совсем близко что-то чернеет — да ведь это скалы, сбегаящие с острова в море.

— Дай мне отсюда взглянуть на землю, — попросил Эндрю.

Всплыла русалка наверх, и увидел Эндрю опять звездное небо.

— А теперь подари мне свой перстень, — протянула руку русалка.

Глаза ее впились в горящий кровью рубин, и не заметила она, что земля совсем рядом.

В мгновение ока выскользнул Эндрю из объятий русалки, ухватился за выступ скалы, подтянулся, что было силы, и выскочил из воды на землю. Рванулась за ним русалка, да уж поздно, не достать ей князя. Крикнула она что-то гневное и упала обратно в пенистые волны.

Долго следила русалка, как бежал князь по скалистой косе, а потом свернул к дому невесты.

Обезумела от ярости и уплыла к себе на дно.

На острове Колонсее до сих пор верят, что возле того места, где нырнула русалка, можно и сейчас слышать ее дикую, печальную песню. Она поет из глубины моря для князя, которого любила и потеряла, и будет петь так до скончания века.

ОЗЕРНАЯ ДЕВА

Английская сказка

Давно это было. Жила в Уэльсе вдова, был у нее сын. Погнал он как-то коров и овец пастись на крутой склон горы у самого озера. День был пасмурный, туман клочьями свисал с горных отрогов; стоит пастух, поглядывает за овцами, вдруг чудится ему — солнце блеснуло из-за облаков; глянул на озеро, а это не солнце светит — сидит посреди озера на маленьком островке девушка красоты неописанной, золотые волосы сияют, как солнце, и расчесывает она их золотым гребнем.

Не долго думая, вынул парень из сумки ячменный хлеб, твердый, как сухарь, и кусок сыра, что дала ему мать. Протянул девушке на ладони и зовет ее. Подняла девушка голову, увидела пастуха, встала, шагнула с островка и пошла к нему по воде, как посуху. Взглянула на хлеб с сыром и покачала головой:

— Слишком жесткий у тебя хлеб. Я такой есть не могу.

Сказала и исчезла. Только парень ее и видел.

Вернулся он домой, рассказал матери про Озерную деву и прибавил, что жить без нее не может, умрет, коли в жены не возьмет. На другой день дала ему мать недопеченный хлеб, помягче. Может, этот ей больше понравится.

Долго стоял на берегу парень, глядел в воды озера. Вдруг чудится, будто солнечный луч блеснул, а это опять Озерная дева озаряет своей красой горный склон. Показалась она парню сегодня еще краше.

Протянул он ей на ладони хлеб с сыром — хлеб на этот раз помягче, недопеченный, — позвал ее громким голосом и просит пойти за него замуж. Подошла к нему девушка по воде, как посуху, глянула на хлеб и покачала головой:

— Хлеб-то недопечен, не пойду за тебя.

Как ни просил парень, как ни умолял, опять исчезла Озер-

ная дева, словно ее и не было.

Вернулся парень домой, бросился в отчаянии на постель, рассказал матери, что с ним было. Взяла мать мехи, раздула хорошенько огонь, замесила тесто как надо и поставила хлеб печься. Скоро такой дух от него пошел; вынула мать каравай из печи — высокий, душистый, корочка румяная.

Пошел сын и назавтра скотину пасти к озеру, опять дала ему мать с собой хлеб с куском сыра.

Долго ждал у берега парень, опершись на посох. День был ясный, в небе сияло солнце, вода в озере не шелохнется. Уж и полдень миновал — нет Озерной девы. Темнеть стало, опечалился парень: видно, не придет она больше. Собрал скотину, чтобы домой гнать, глянул на озеро и ахнул: идут по воде, как посуху, черные атласные коровы. Стал парень ждать, что будет дальше, ведь коровы-то без пастуха не ходят. Вдруг их Озерная дева пасет? И верно, явилась опять Озерная дева и ласково так глядит.

Ступил парень в воду и протянул ей ячменный хлеб с куском сыра. Подошла девушка, глянула на хлеб, улыбнулась. А парень опять ее замуж зовет. Протянула руку девушка, взяла хлеб, молвила, что и он ей мил, пойдет за него замуж. Только пусть обещает одно условие соблюдать.

Вот женятся они, станут жить вместе, так Боже упаси ей к чему-нибудь железному прикоснуться. Если это случится, уйдет она обратно в озеро, не останется с ним, как бы ей ни хотелось, и никогда уж больше они не увидятся.

Обрадовался парень, засмеялся: это условие, говорит, легче легкого выполнить.

Только он эти слова промолвил, Озерная дева опять исчезла. Такая тоска обуяла парня, крикнул он, что пойдет за ней даже на дно озера: лучше смерть, чем одному без нее жить. И пошел в воду, глядь — Озерная дева возвращается, да не одна, а ведет с собой почтенного старца.

— Будешь любить и жалеть мою дочь, — говорит ему старец, — бери ее в жены. Дам за ней богатое приданое — столько коров и овец, до скольких она на одном дыхании сосчитает. Но помни: обидишь ее или коснется она чего железного, хоть и ненароком, не видеть тебе никогда Озерной девы, уйдет она от тебя в озеро и все свое приданое с собой заберет.

Обрадовался парень, обещал, что будет любить и беречь жену пуще глаза, ничего железного у них в доме и духу не будет. Соединил старец их руки, произнес напутственное слово, поце-

ловались молодые и стали муж и жена.

Велит отец дочери считать, пока хватит дыхания. Стала она считать:

— Раз, два, три, четыре, пять...

Быстро так выговаривает. На одном дыхании до пятнадцати досчитала.

Вышли из озера пятнадцать овец с длинной шелковистой шерстью.

И второй раз девушка до пятнадцати досчитала. Вышли из озера четырнадцать черных атласных коров и пятнадцатый — красавец белоголовый бык.

Взял парень девушку за руку и повел ее домой вместе с волшебным стадом.

Долго и счастливо жили пастух и Озерная дева. Не было во всем Уэльсе молока и масла вкуснее, чем у ее коров. Не было длиннее и мягче шерсти, чем у ее овец. Стоит ли говорить, как смотрел пастух, чтоб не коснулась его жена невзначай чего-нибудь железного.

Родила ему Озерная дева трех сыновей. Много лет прошло. Выросли сыновья умные и пригожие. Состарился их отец, а жена его точно и не подвластна времени. Все так же прекрасна, и голос нежный, как в тот давний день, когда явилась она из озера во всем блеске. Годы согнули старика, да разве это беда, если есть у него сыновья-помощники, дом — полная чаша, коров и овец не счесть.

Вот однажды собрались отец с матерью на ярмарку, хозяйство решили на сыновей оставить. Пошли они на склон горы, где табун пасся, за двумя лошадками — не идти же на ярмарку пешком. А это была та самая гора, с которой молодой пастух первый раз увидел Озерную деву. Побежала жена-волшебница легко — ноги у нее были по-прежнему резвые — и тотчас ухватила за гриву одну лошадку. Поймала и кричит мужу, чтобы бросил ей поводок.

А ему точно застило — бросил он не поводок, а уздечку. Ударила уздечка по руке жены железным кольцом. Глянула на мужа Озерная дева с невыразимой печалью, отпустила лошадку и запела нежным голосом:

*Вы, буренки и пеструшки с пятнами на лбу,
Собирайтесь поскорее, всех домой зову.
Старый бык белоголовый, не мычи, друг мой,
И теляток, и ягнят — всех возьму с собой.*

Задул ветер, потемнело небо, опять запела Озерная дева, и голос ее слился с завыванием ветра:

*Четыре серые быка,
Скорей ко мне бегом!
Я жду, скорей ко мне, скорей!
Зовет нас отчий дом!*

Покинули коровы стойла — а крепко были привязаны, — бегут, ясли за собой тащат; и четыре серых быка поспешают за ними, так с плугами и ушли с поля. Снова и снова кличет Озерная дева свое приданое; вот уж и овцы сбежались, за ними — ягнята, блеют так тоненько. Еще миг — и Озерная дева с волшебным стадом навсегда канула в воды озера.

Идет старик домой и плачет. Позвал сыновей и рассказал им, что случилось. До сих пор сыновья о тайне своей матери-красавицы ничего не знали.

Теперь узнали и стали утешать отца.

— Не печалься, отец, — говорят. — Матушка и впредь будет о нас заботиться.

И стали каждый вечер ходить на берег, смотреть на воды озера — ждали, что выйдет к ним матушка. Сколько ни ходили, ничего не высмотрели. Невозмутимо озеро, только ветерок рябит его спокойную гладь.

Но вот в полнолуние явилась наконец Озерная дева. Видно, не зря сыновья ждали ее. Вышла к сыновьям красавица мать, как когда-то к их отцу в пору его юности, нежно поздоровалась и сказала, что любит их пуще прежнего и что хочет научить их одному волшебству. И если послушают они ее, станут славными и знаменитыми. Ведь волшебство это не злое, а доброе; откроет она им, как исцелять людей от всех болезней.

Ведет Озерная дева сыновей по берегу, показывает целебные травы. Вот «яркий глаз», чтобы глаза не болели, вот «лихорадник» — против лихорадки, а вот «лечеран» — любую рану заживает. Научила, какую траву когда собирать, какими словами болезнь заговаривать, как смешивать травы, как варить целебное зелье.

Внимательно слушали сыновья мать-волшебницу, слово мимо не пролетело, и стали все трое самыми искусными и знаменитыми лекарями в Уэльсе.

А когда состарились, передали детям свое знание; сотни лет все больные и недужные лечились у их внуков, правнуков и

праправнуков, которые все были посвящены в лекарское искусство Озерной девы.

РУСАЛКА

Украинская сказка

Жил-был на свете молодец, и был он сыном министра в одном царстве. Молодца звали Йосип. Но чего не было у этого Йосипа, так это памяти. Вышел он из дома на двор, и забыл зачем, хотел обратно вернуться, да забыл, где двери. Однако был этот молодец ловкий да пригожий, и больше всего на свете любил охотиться, только отец его в лес не пускал, боялся, что обратно дорогу не найдет.

Как-то раз просил он отца так долго и так жалостно, что отец сжалился над ним и согласился.

— Ладно, — сказал он, — иди себе на охоту. Только с тобой я пошлю своего слугу. Смотри, пусть он от тебя ни на шаг не отходит, а то быть беде.

Йосип поблагодарил, сели они со слугой на коней и поехали. Ехали-ехали, приехали к темному лесу и увидели зайца. Йосип сорвал ружье с плеча, подстрелил зайца и помчался за ним. Слуга отстал, потерял Йосипа из виду и так его и не нашел. Вернулся слуга домой и рассказал министру, как все было и как Йосип исчез, точно сквозь землю провалился. Отец закручинился и стал себя во всем обвинять. Йосип-то был у него единственным сыном.

А между тем Йосип блуждал по лесу, пока не пришел к большому пруду. В том пруду купались двенадцать девушек. Йосип глаз от них не мог оторвать, так они были красивы — одна другой прекраснее. Девушки эти были русалки.

Долго смотрел на них Йосип, потом набрался смелости, подкрался ближе, схватил платье одной русалки и спрятал под рубашку.

Вскоре вышли девушки из воды, одиннадцать оделись, а двенадцатой было не во что. Тут подошел к ней Йосип и говорит:

— Не ищи свое платье, оно у меня. Коли доведешь меня до замка, я тебе его отдам. Самому мне туда не добраться.

Что оставалось делать бедной русалке? Повела она Йосипа домой.

Только и дома не отдал Йосип русалке ее платье, спрятал

его, а ей подарил новое. Русалка без своего платья не могла вернуться в пруд, вот и осталась она у Йосипа.

Три года жили они счастливо, тихо и мирно. А потом родился у них сын. Однажды забывчивый Йосип ушел из дома и забыл взять с собой ключ от сундука, где было заперто платье русалки. А когда вернулся домой, не нашел ни жены, ни сына. Йосип долго горевал, а потом решил, что пойдет искать их по всему свету.

Долго бродил он по темным лесам, по высоким горам и каждого встречного зверя спрашивал, не видел ли тот жены и сыночка. Но кого он ни спрашивал, никто и слыхом о них не слышал. Однажды встретил он старого волка и говорит:

— Не слышал ли ты что-нибудь о моей жене и сыночке?

— Я сам не слышал, но может быть, мой старший брат что-нибудь знает.

Завыл волк из всех сил, и тут же со всех сторон начали сбегаться волки. Последним прибежал старший брат, старый волк, хромой на три ноги. Волк стал всех расспрашивать, но никто ничего не знал. Только старый хромой волк сказал:

— Знаю я, они живут за двенадцать земель отсюда.

Опечалился Йосип, так далеко ему ни за что не дойти, а хромой волк ему и говорит:

— Садись на меня, я тебя довезу прямо к ее избушке.

Не успел Йосип и глазом моргнуть, как принес его волк на высокую гору, а на той горе стояла избушка.

— В избушке этой живет колдунья, а вместе с ней ее двенадцать дочерей. Одна из них — твоя жена. Не забудешь, что я тебе сказал?

Йосип кивнул, но только волк убежал, как он тут же все забыл. Бродил он возле избушки и вдруг увидел мальчика.

— Не знаешь, малыш, где тут двенадцать девушек живут?

— Как мне не знать, вот в этой избе. Только их всего одиннадцать, а двенадцатая — это моя мать.

Понял Йосип, что перед ним его собственный сын. Поднял он его на руки и побежал вместе с ним в избушку. А в избушке сидела колдунья и со злостью на него напустилась:

— Значит все-таки нашел свою жену? Ну ладно, можешь ее взять, только если узнаешь ее среди двенадцати сестер.

Вскоре прилетели русалки домой, и жена Йосипа очень обрадовалась, когда увидела своего мужа. И сейчас же через сына передала ему, что, когда он станет выбирать среди двенадцати русалок, она будет вторая справа стоять.

Только Йосип услышал это, сразу же и забыл. Увидел он двенадцать русалок, а свою жену узнать не может и все ходит вокруг них, угадать старается. Так бы и ходил вечно, если бы его жена за рукав не потянула. Он и угадал.

Кольдунья видела это и говорит:

— Угадал ты, да не сам. Поэтому можешь со своей женой жить, но только здесь, в моей избушке.

Понятное дело, что ни Йосипу, ни его жене это не понравилось. Они только и ждали, что колдунья перестанет за ними следить, чтобы убежать от нее.

Ждали они, ждали, но колдунья глаз с них не спускала. Только раз задремала она, а жена Йосипа схватила помело, посадила на него Йосипа и сына, сама вперед села, и полетели они через горы и доли, через леса и реки, через двенадцать земель к дому Йосипа.

Но колдунья не долго дремала, проснулась и увидела, что они исчезли. Схватила колдунья волшебную кочергу и полетела вслед за беглецами. Скоро стала она их догонять.

— Дело плохо, — сказала дочь, когда увидела, что колдунья за ними летит. — Ну да ладно, что-нибудь придумаем.

Села она на землю, превратила Йосипа в озеро, сыночка в кувшинку, помело в тополь, а себя в утку и принялась плавать по озеру.

Прилетела колдунья и сразу догадалась, что догнала беглецов. Позвала она утку:

— Уточка, уточка, ты моя родная доченька, приплыви ко мне, я тебе подарок принесла.

Уточка подплыла к колдунье, а та дала ей серебряный орешек. Уточка схватила быстро орешек, спрятала под крыло и уплыла прочь.

— Уточка, уточка, моя родная доченька, приплыви ко мне, подарок получишь, — позвала колдунья во второй раз и дала ей золотое яичко.

Уточка подхватила яичко под крыло и уплыла прочь.

В третий раз поманила колдунья уточку:

— Уточка, уточка, моя родная доченька, приплыви ко мне, подарок получишь.

Только уточка на этот раз не приплыла. Знала, что в третий раз не удастся ей упорхнуть. Колдунья еще постояла на берегу, потом села на кочергу и улетела несолоно хлебавши.

Жена Йосипа расколдовала их, и они полетели домой.

— Подождите меня здесь, — сказал Йосип, когда они уже были перед домом министра. — Я пойду первый, а потом

вернусь за вами и с великой славой введу в дом, чтобы все видели, что я нашел жену и сына.

Жена его просила:

— Не ходи, уйдешь от нас на три шага и обо всем забудешь.

Только Йосип не дал себя уговорить, пошел домой один и, конечно, тут же обо всем забыл. И стал жить так, точно ни жены у него не было, ни ребенка.

Вот через какое-то время отец и говорит Йосипу:

— Живешь ты один как перст. Надо бы тебе, сынок, жениться.

Йосип согласился с отцом, а когда выбрали ему невесту, он с ней обручился, и все стали к свадьбе готовиться.

Перед свадьбой устроил министр большой бал, а на тот бал мог прийти каждый, кто хотел. Узнала об этом жена Йосипа и решила идти на бал. Она разгрызла серебряный орешек, что получила от матери в подарок, нашла в нем серебряное платье, надела его и стала прекрасной, как звезда на небе.

Вот пришла она на бал. Все глаз от нее не могли оторвать, а больше всех — Йосип. Целый вечер он вокруг нее увивался, танцевал только с ней. О своей невесте он и думать забыл. Только не узнал он, что перед ним его жена и мать его сына.

На второй день устроили опять бал. Русалка разбила золотое яичко, вынула из него золотое платье и стала прекрасной, словно солнце на небе. Все на балу ей восхищались, а больше всех — Йосип. Так что его невеста в огорчение впала. Только он опять не узнал, что танцует со своей женой.

А на третий день снова был бал. Жена Йосипа опять пришла, но на этот раз было на ней русалочье платье, а за руку она вела сына. Подошла она к Йосипу и говорит:

— Как же ты женишься, когда у тебя жена есть и ребенок?

Только тут Йосип все вспомнил. Свадьбу отменили, а он стал жить со своей русалкой и сыном счастливо и спокойно.

Ольга ФОРШ

РУСАЛОЧКА-РОТОЗЕЕЧКА

Морской царь был вдовый, только всего и родни у него, что наследник-царевич Бульбук да дочка Русалочка-Ротозеечка. Ротозеечкой прозвали царевну за то, что она, как задумается, так сейчас ротик и открывает.

А задумывалась она часто и все об одном и том же: как бы ей сделать для всех хорошее дело.

На морском дне ведь дел не то что хороших, а и самых обыкновенных не было никаких. Всем места много, всем пищи много — знай себе плавай! Правда, по утрам морской царь охаживал дозором морское дно: щупал, крепко ль сидят на скалах губки, учил рака-отшельника прятать мягкий хвост в домик, сыпал перламутровой раковине между створок песок, чтобы она не ленилась плакать, крупней жемчуг делать. Все же прочее время морской царь спал себе сладко на цветных водорослях.

Ротозеечку, как ни просилась она, царь ни за что не хотел брать с собой по морскому дозору — потому, говорил он, не женское это дело!

— Ах, няня, мне ску-учно... — плакала царевна усатой Дельфинше.

— Посчитай-ка свои жемчуга, посмотри, как актинии оплетают серебряных рыбок, — наставляла Дельфинша, старая няня.

— Мне все надоело, все ску-учно...

— Выдадут замуж, сейчас станет весело...

— А что делать-то замужем?

— В новом море считать новый жемчуг.

— Опять то же самое! А как попасть в новое море?

— Дай срок, прилетит аист-сват, царевичу нашему притащит невесту, а взамен тебя снесет куда надо.

— А скоро ли прилететь аисту-свату? — не унималась Ротозеечка.

— В вот как волосики твои вырастут до хвоста, тогда уж прости-прощай! — сказала ласковая Дельфинша-няня и, сделав русалочке своим твердым усом пробор на головке, заплела ей две длинных зеленых косы, а концы их украсила красными бантами, которые царевич Бульбук утащил для сестры из человеческой купальни. Ротозеечка смерила глазками, долго ль расти зеленым косицам до хвостового плавника, и весело засмеялась: оказалось не больше вершочка.

Наступила весна, потемнело море, и совсем по-другому, чем зимой, принялся купаться в нем месяц. Побежали, пыхтя, по зеленым волнам пароходы, а за ними по шипучему белому следу во все плавники закувыркались дельфины.

Кряхтит старая Дельфинша-няня, а туда же, за ними кувыркается.

И вот узнала Ротозеечка, что в первую темную ночь, когда

безопасней лететь, принесет аист-сват Бульбукову невесту, а ее снесет в новое море.

Отец, морской царь, стал теперь особенно ласков:

— Чем могу угодить тебе, доченька?

— Ах, возьми меня, батюшка, хоть один только раз дозором по твоим морским делам.

Уступил Ротозеечке отец-царь, ну и наплавалась она так, что хвостик у нее заболел, а все-таки ничего интересного в мужском морском деле для себя не нашла.

Все там, по правде сказать, само собой происходит, хоть и вовсе дозором не плавать: рак-отшельник не сегодня-завтра сам научится свой хвостик прятать, губки и кораллы растут, как им надо расти, а перламутровую раковину уж лучше бы вовсе не мучить: жемчуг, конечно, красивый, да ведь и без него прожить можно.

И Ротозеечка приняла крепко-накрепко одно решение.

Вот настал вечер той безлунной ночи, когда свату-аисту прилететь. Расчесала Дельфинша-няня в последний раз длинные зеленые волосы, и покрыли они Ротозеечку густым шелковым покрывалом с руками и с плавниками.

Заплакала старая Дельфинша-няня:

— На кого меня, дитяtko, покидаешь?

Отдала Ротозеечка обратно царевичу два красных банта, чтобы он ими украсил свою невесту, обняла няню, и рыбок, и рака-отшельника и села, тихая, к отцу на колени. Едва вышла первая звездочка на безлунное небо, морской царь вывел дочку на большую скалу, торчавшую башней из моря, а сам, чтобы не очень расстроиться, поскрее уплыл. Однако на дне царь не выдержал и как был, в короне и мантии, сел на свой морской пол и заплакал.

— Папенька, пересядьте, прошу вас, на трон, — сказал царевич Бульбук, — ведь сейчас моя невеста прибудет.

Царь опомнился, вытряхнул из бороды мягких рачков-креветок, взял в руку коралловый скипетр и сел на свой трон.

Недолго оставалась на камне Ротозеечка одна. Вот послышался шум сильных крыльев, и аист, держа что-то большим клювом и лапами, опустил на камни.

Из черного плаща выскользнула чужая морская царевна, тоже с зелеными волосами, только не скучная, а, напротив того, очень веселая, и с громким смехом, даже не взглянув на Ротозеечку, прыгнула в воду.

— Из чего сделана эта неприятная материя? — спросила Ротозеечка аиста, трогая пальчиком черный плащ. — У нас на дне нет таких водорослей.

— Это резиновый плащ одного мальчика-растеряхи, — сказал аист, — я его подобрал для свадебных путешествий морских принцесс; если пойдет дождь, они под этим плащом не вымокнут в пресной воде, столь неприятной для морских обитателей.

— Милый аист, — попросила Ротозеечка, — вы все знаете: снесите меня туда, где я могу сделать хорошее дело!

— Эге, — проклекотал аист, — от хорошего дела вам не очень-то поздоровится! Хорошее дело вы можете сделать только в пресной воде. Поступайте-ка лучше в морские царицы...

— Ах, это скучно мне, аист: ведь я никому на дне моря не могу быть полезной, все там навеки устроено, все там по правилам.

— Ну, а чем вы, собственно, могли б стать полезной? — спросил аист.

— Я умею плескаться моим хвостиком так, что при месяце кажется, будто в воде купается драгоценное серебро.

— Очень похвально... А еще что умеете? — качнул аист носом.

Заплакала Ротозеечка и сказала:

— Больше ничего не умею.

— Если вы уверены, что плескаться хвостиком очень красиво, я могу снести вас поближе к земле: никого нет хитрей человека. Человек из всего извлечь может пользу.

Ротозеечка легла на резиновый плащ и сложила ручки.

— Ах, умный аист, несите меня поскорей...

— Сейчас понесу. Только я должен вас предупредить: от пресной воды сокращаются дни жизни морских обитателей, а для вашего дела мне надо снести вас не иначе как в Мертвую лужу.

— Несите, несите!

Аист завернул Ротозеечку в черный плащ мальчика-растеряхи и взвился с нею над морем.

Долго летел он, спускаясь отдыхать на болотные кочки и снова вздымаясь над ними; наконец, когда небо уж стало алеть, он бережно вытряхнул русалочку над небольшим озером.

— Плавайте себе на здоровье! — крикнул аист, улетаю.

Ротозеечка очень обрадовалась воде и нырнула. Но, глотнув вместо привычной горько-соленой противную сладковатую, сде-

лала гримасу и всплыла на поверхность.

Невысокие холмы на берегу покрыты были кустарником, у самой воды росли широкие листья мать-мачехи, колокольчики и ползучие травы; впрочем, около одного, самого отлогого берега все это было вытоптано до самой черной земли.

Озеро было круглое и такое тихое, будто уснувшее. Мертвая лужа, вспомнила Ротозеечка, как назвал его аист, и, грустная, скрылась на дно, но жгучий глаз солнца нашел ее и на дне, и после зеленого сумрака моря светлая пресная вода не дала Ротозеечке ни отдыха, ни прохлады, и только сильная усталость заставила на минуту закрыть глазки.

Ее разбудил топот, чей-то дикий рев и сопенье. Стадо рыжих коров, чавкая копытами, входило в озеро; все жадно вытягивали рогатые морды и ревели во весь голос.

За коровами шел пастушок, грустный мальчик в лохмотьях. Пастушок лениво, будто с трудом, поднимал над стадом свой бич с длинной веревкой и хлопал им, как стрелял из ружья, так громко, что у Ротозеечки заныли от непривычки уши.

Когда мальчик сел на камень, Ротозеечка увидела близко его драные лапти и бледные щеки. Она захотела, чтобы он улыбнулся, и сделала единственное, что умела делать, — заплескала хвостиком. Спокойная гладь озера, взбаламученная только у самых берегов пьющим стадом, вдруг взялась светлою рябью и весело понесла эту рябь до самых песков побережья. Казалось, солнце упало в воду и разбилось на золотые чешуйки.

От ожившего озера кусты сделались зеленей, молодые листочки мать-мачехи развернулись, коровы подняли мокрые морды, а невеселый пастушок повеселел; забыл все свои горести и смотрел не отрываясь на ожившую воду, пока ему не закричал кто-то сверху: «Эй, гони стадо доиться!»

Пастушок встал с камня, но, щелкая бичом над коровами, он все оглядывался назад, и Ротозеечка заметила, что походка у мальчика теперь бодрая, как у хорошо отдохнувшего человека.

Когда короткие сумерки сменила синяя многоглазая ночь, пастушок пришел снова. Теперь он был еще грустнее, чем днем, и, обхватив руками нечесаную, лохматую голову, горько плакал о том, как трудно быть маленьким сиротой.

Ротозеечка разрывалась от жалости и опять, не зная, чем утешить мальчика, не умея ничего сказать, только с новой силой ударяла плавниками об воду.

Вот прорезала луна синий бархат неба, и, вдруг побледнев,

ушли к Богу жаркие звезды. Луна одна, как царица в зеркало, смотрелась в воду, а волны-барашки, поднятые Ротозеечкой, будто молодые пажи, передавали друг другу драгоценные блески с серебристого шлейфа царицы.

Мальчик смеялся, звал озеро ласковым именем, и казалось ему — это покойная мама выпросила для него у ангелов серебряные игрушки...

А насмотревшись вволю, он тут же и заснул в сухом нагретом песке.

Скоро Ротозеечка заметила, что теперь все время, пока коровы стояли в воде, мальчик, вынув из кармана уголь, царапал им что-то по камню, и при этом у него было такое же счастливое лицо, как у морского царевича Бульбука, когда отец украсил его в первый раз морскою звездой.

Однажды в полдень, едва стадо затопталось в воде, а мальчик, по обыкновению, пачкал углем раздобытую где-то тетрадь белой бумаги, к нему подошел чужой человек в широкополой шляпе, с ящиком красок в руках.

Чужой человек взял в руки тетрадку мальчика, похлопал его по плечу и, ласково разговаривая, пошел с ним вместе за стадом.

С этого дня Ротозеечка больше не видела пастушка. Вместо него на водопой водил стадо совсем другой мальчик, который на озеро не смотрел и только и делал, что бранил коров плохими словами.

От тоски по родному соленому морю и от разлуки с мальчиком, которого полюбила, Ротозеечка начала тосковать.

Потускнела ее переливчатая чешуя, поредели зеленые косы, а хвостик без прежней силы плескался в воде.

Наступили осенние холода, и сердитый ветер засыпал озеро желтыми и красными листьями. Русалочке очень хотелось уснуть на мягком илистом дне, но она из последних сил выплывала ночью к белому камню, где сидел, бывало, пастушок, и смотрела в черное небо, не летит ли сват аист в свои теплые страны.

И аист, наконец, полетел, а на пути спустился к белому камню, стал на длинную ногу и качнул красным носом:

— Не захотите ль на родину?

Ротозеечка грустно сказала:

— Я здесь останусь и буду ждать мальчика-пастушка, его увел человек с длинными волосами, в широкополой шляпе.

— Обыкновенно такой человек у людей зовется художником, — прервал Ротозеечку аист. — Но зачем же художнику ваш пастушок? Или он срисовал, как вы плескали хвостиком по воде? Я

ведь вам говорил: человек из всего извлечь себе может пользу...

Но теперь уже Ротозеечка не дала кончить аисту, она захлопала в ладоши.

— Ну, конечно, мальчик только и делал, что рисовал, как я была хвостиком по воде! Но мне казалось, что у него выходили одни черные пятна, кроме того, он так ужасно пачкал себе лицо и руки, что едва ли это могло понравиться художнику.

— Ну, разумеется, все черные пятна, кроме тех, которые мальчик сделал себе на носу, пришлось как раз на своем месте, — сказал аист несколько свысока, — потому что иначе знаменитый художник не взял бы мальчика к себе в ученики. А что он взял именно его, теперь я знаю наверное.

— Ах, милый аист, опять вы все знаете, расскажите же мне поскорей!

Аист продул ноздри своего красного клюва и начал:

— На зеленой горе есть сосна с опаленной верхушкой; на эту сосну крестьянские дети насадили деревянное колесо, чтобы жене моей было удобней устроиться с аистятами; туда же и я, само собой разумеется, прилетаю с лягушками в клюве.

Как раз против нас, в белом доме с высокою башней, живет художник. Обыкновенно он жил один со своими картинами. Но этой весной он привез с собой мальчика. Мальчик мне сразу понравился тем, что не дразнил моих аистят, а день-деньской бегал на речку и рисовал ее быструю воду и в дождь и в ведро.

И я даже обеспокоился, когда мальчик просидел раз безвыходно в своей башне. Пролетая утром за кормом для жены и для маленьких аистят, я заглянул к нему в открытое окошко и — представьте! — не мог удержаться от клекота, а уж, кажется, видал виды и умею держать себя в обществе.

Но разве мог я предположить хоть минуту, что встречу там вас, Ротозеечка, с вашим хвостом, плавниками и зелеными косами, и притом не в воде, а на белой стене круглой башни? Должно быть, вы очень понравились учителю мальчика, потому что, взглянув на стену, он обнял своего питомца и подарил ему такой большой ящик красок, что я бы в нем мог поместить все мое семейство.

Ротозеечка слушала, открыв ротик.

— Как мог мальчик меня срисовать? Ведь я была хвостиком под водой, и ему это не было видно.

— Этот мальчик оказался художником, — сказал аист со знанием дела, — а художники видят то, чего не видят другие, и даже то, чего совсем нет на свете. Один из приезжих гостей

написал вместо меня какую-то грязную лиловую птицу и подписал: «Злая совесть». Каково? Это после того, как я выкормил лягушатами аистят, а для чистоты брал болотную ванну!..

Аист еще долго бранил художника и толковал об искусстве, но Ротозеечка его больше не слушала.

Она опустила на мягкий ил, сложила крест-накрест ручки и стала ждать мальчика. Теперь она знала наверное: если он сумел увидеть ее на дне озера, он узнает и то, как она его ждет и как любит.

— Эй, вы, — закричал Ротозеечке аист, — ведь поплескались хвостиком сколько надо, возвращайтесь в соленую воду!

Ротозеечка ничего не ответила, аист обиделся и улетел.

Отошла осень, прикатила на санках зима, соскочил у нее с запяток мороз да как дунет на озеро!

Льдом схватило воду, а вместе с водой и опавшие осенью листья; и стало озеро зеркалом в оправе из желтых и красных камней.

Ротозеечка слабела с каждым часом, все глубже и глубже уходила в мягкое дно и наконец скрылась в нем с головой. Зато весной, когда берега озера оделись новой мать-мачехой и ползучими травами, из глазок Русалочки-Ротозеечки появились чудесные незабудки, из зеленых волос вырос аир, душистая трава, а к середине лета из самого сердца протянулся вверх белоснежный цветок водяной лилии.

Случилось так, что как раз в это время бывший мальчик-пастушок, теперь любимый ученик известного художника, проехал с учителем мимо родной деревни.

Мальчик сейчас же побежал к озеру и, махая шапкой, сказал:

— Здравствуй, мой милый первый учитель, здравствуй, дорогая Русалочка! Ты мне часто снилась, когда я пастушком спал у белого камня, и, поверь, я тебя никогда не забуду!

В ответ на его слова цветок водяной лилии, выросший прямо из сердца доброй Ротозеечки, дрогнул белыми лепестками и раскрыл, как огонек в белой лампаде, свою яркую сердцевину.

Мальчик прыгнул в воду, подплыл к лилии и сорвал, насколько мог длиннее, ее коричневый гибкий стебель.

ЦАРИЦА ВОД

Бразильская легенда

Жил на свете один очень бедный человек, у которого было небольшое бобовое поле на берегу реки. Но когда поспевал урожай, то ни один боб не попадал в руки хозяина: в первую же ночь

все бобы куда-то исчезали. Наконец ему надоело работать неизвестно на кого, и решил он узнать, кто крадет его бобы.

Однажды, сторожа, как обычно, свое поле, он вдруг увидел девушку, прекрасную, как сама любовь. Она шла между стеблей, наклонялась и обрывала все бобы. Подкрался он к ней осторожно и схватил ее за руку:

— А, так это ты таскаешь мои бобы? Теперь ты пойдешь ко мне в дом и будешь моей женой.

Девушка кричала и вырывалась:

— Опустить меня, я больше не буду рвать твои бобы! Никогда не буду!

Но крестьянин никак не отпускал ее. Наконец девушка смирилась:

— Ладно. Я выйду за тебя. Но, смотри, никогда не проклинай тех, кто живет под водой.

Крестьянин обещал и привел ее к себе в дом и женился на ней. После свадьбы его состояние начало расти, как по волшебству. Он построил себе хороший дом, купил рабов; у него появилось много скота, много угодий, много денег.

Шло время, и его жена становилась все более задумчивой и рассеянной. Ну такой рассеянной, что и представить себе не можете. Словно нарочно. Она забывала дать поесть детям, и они ходили грязные и оборванные. Дома всегда было не прибрано, везде полно мусору. Рабы, без доброго хозяйского глаза, отлынивали от работы, да только и делали, что ссорились между собой. А сама хозяйка, босая, в рваном платье, с растрепанными волосами, целыми днями спала.

Бедняга крестьянин чувствовал себя спокойно, только когда уходил из дому по своим делам. Но стоило ему переступить порог дома, как на него обрушивались ругань и жалобы, и он чувствовал, что сходит с ума.

Плакали от голода дети:

— Отец, я хочу есть... Отец, я хочу есть...

А рабы жаловались друг на друга:

— Сеньор, заступись, такой-то меня обманул. Сеньор, заступись, такой-то меня ударил.

Суций ад! Он был настолько пришиблен всем этим, что старался пореже бывать дома. Однажды, совершенно измученный такой жизнью, он тихонько сказал:

— Проклинаю тех, кто живет под водой...

А молодая женщина давно ждала этих заповедных слов и давно мечтала уйти отсюда, потому что она была Царицей Вод и ей безумно хотелось вернуться к себе в реку. Она поспешно

встала и выбежала за дверь с песней:

*За все, что мы тут видели,
Калунга,
За то, как нас обидели,
Калунга,
Кто служит мне по чести,
Калунга,
Со мной идите вместе,
Калунга,
В дом мой родной,
Калунга,
Глубоко под водой,
Калунга...
Забыл ты обещание,
Калунга,
Обрек на поругание,
Калунга,
Живущих под водой,
Калунга,
В реке моей родной,
Калунга...¹*

В ужасе закричал крестьянин:

— Не уходи, жена моя, не уходи!

Но разве ее удержишь! Она ушла, и тотчас за ней потянулись дети, рабы, быки, лошади, овцы, свиньи, утки, куры, индюки — все, все. А бедный хозяин, схватившись за голову, кричал:

— Не уходи, жена моя, не уходи!

А она даже не оглянулась и продолжала свой путь, напевая:

*За все, что мы тут видели,
Калунга,
За то, как нас обидели,
Калунга...*

Вслед за людьми и животными потянулась из дома мебель, посуда, одежда, сундуки и все, что было куплено на ее деньги. А крестьянин бежал сзади, одетый в свои прежние лохмотья, и кричал:

---

¹ Стихи переведены И. Тыняновой.

— Не уходи, жена моя, не уходи!

Но все было напрасно. Наконец за нею двинулись дом, телятники, курятники, сараи, хлева, пашня, деревья и все остальное. Придя на берег реки, молодая женщина со всем, что с нею было, скрылась под водой и исчезла.

А крестьянин стал жить бедно, как когда-то, обрабатывая свое бобовое поле. Но Царица Вод больше уже не трогала его бобы.

ИАРА — МАТЬ ВОД

Бразильская легенда

Сказывают, что Иара лежит на белом песчаном дне реки и играет с рыбешками матупирис, которые проплывают поверх ее тела, наполовину скрытого потоком, убегающим к затопленным лесам игапо.

Иара — прекрасная индианка, она поет под сенью пальм, расчесывая свои черные волосы, такие же жгуче-черные, как и ее большие чудные глаза.

Лоб ее венчает гирлянда лиловых цветов, а тонкие алые губы улыбаются так обольстительно и влекуще. Поет Иара, а лесное эхо вторит ее песне.

Когда наступает ночь, голос Матери Вод звенит и льется над исполинской рекой.

Гаснет последний луч солнца. Распускаются, тянутся к небу алые розы и золотистые бутоны жасмина. А Иара все поет и поет. И юноша-индеец страшится подняться к истокам реки. Он дрожит, потрясенный пением Иары, и бежит, чтобы не слышать ее голоса, и шепчет:

— О, Иара!.. Она прекрасна... но она несет смерть!

Однажды стая рыб увлекла юношу далеко от дома и ночь застала его на озере...

Оно было так огромно, множество речных притоков впадало в него, и юноша пытался удержать свою лодку на воде, то налегая твердой рукой на весла, то отталкиваясь от берега, чтобы не наткнуться на затонувшее дерево; так он плыл мимо прибрежных зарослей, пальмовых рощ, затопленных лесов.

Но вдруг он услышал песню и увидел, как из воды поднимается головка Иары. Улыбка, взгляд и красота ее ослепили юношу. Выскользнули весла из его рук, и забыл он все: и родной дом, и семью, онемел и оглох, слыша только биение своего собственного сердца;

забылся рыбак, и каное его само поплыло по течению. Когда же юноша очнулся, в лицо ему дул свежий ветер с бескрайних просторов Амазонки.

А на другой день он проснулся поздно и сразу понял, что все радости жизни для него претворились в печаль; мукой было ему находиться под родной крышей, заботы близких обременяли, и только река влекла его. Пустынные края у ее истоков притягивали юношу.

— Околдовала его Иара! — говорили люди.

Каждое утро, едва солнце вставало над горизонтом, а птицы в рощах приветствовали его дружным хором, легкое каное под темным, окрашенным пальмовым соком парусом уже скользило по реке, и юноша-тапуйо жаждал услышать вечернюю песню птицы аранкуа.

Однажды, чтобы скоротать время, решил он поохотиться на морских черепахах. Но стрелы выпали у него из рук, и лук опустился.

Шло время, а он, погруженный в раздумье, плыл по течению, отдавшись на волю волн.

Вот уже в гнезда вернулись цапли, и гнезда побелели от множества птиц, но аранкуа еще не запела. Юноша чувствовал, как уходит его печаль и возвращается радость: солнце опускалось за деревья, берега Амазонки погружались в темноту, наступал час Иары!

Очнувшись, стал влюбленный потихоньку грести. Выглянув из зарослей тростника, испугал его грызун капивара, вспорхнул с плавучего островка бекас, плеснула рыба в реке — и сердце юноши сжалось в мучительной надежде.

В лесу, среди зыбких обманчивых теней вдруг послышалась страстная, чарующая песня. Это Иара жаловалась на холодность юноши. А у него выпали из рук весла, и нет сил отвести глаза от прекрасной Иары, сегодня она как никогда хороша. Рвется из груди его сердце, но на память приходят слова матери:

— Сынок, не дай Иаре околдовать себя! Беги от нее, потому что гибельны ее объятия.

Аранкуа уже не поет. Из лесу доносится только резкий смех ночной птицы урутау.

Ночь уже вступила в свои права. Темнота окутала берега, и юноша грустнее обычного возвращался домой, разрываясь между влечением сердца и наставлениями матери.

Так идут дни за днями. Индеец давно забросил рыбную ловлю, он избегает друзей и родных.

* * *

И вот однажды увидели люди, как плывет по реке его опустевшая лодка. С тех пор никогда уже не вышел рыбак на лов рыбы: увлекла и околдовала его Иара.

Сказывают, что несколько дней спустя нашли на тростниковом островке тело юноши, губы его еще кровоточили от поцелуев Иары.

Якоб и Вильгельм ГРИММ

РУСАЛКА В ПРУДУ

Жил-был на свете мельник; он жил вместе со своей женой в полном довольстве. Денег и всякого добра было у них вдосталь, и из году в год достаток у них все увеличивался. Но беда-то подкрадывается в ночи: как выросло их богатство, так год за годом стало оно таять, и под конец осталась у мельника одна только мельница, на которой он работал. Он был в большом горе и, ложась спать после трудового дня, не находил себе покоя и ворочался в постели с боку на бок, полный дум и забот.

Раз поутру, когда еще не начинало светать, поднялся он и вышел пройтись, думая, что, может, у него на душе полегчает. Он переходил через мельничную плотину, и как раз в это время засиял первый луч солнца, и вот он услышал, что в запруде что-то шумит. Он оглянулся и увидел красивую женщину, медленно выходящую из воды. Она держала в нежных руках, над плечами длинные волосы, они спускались вниз и покрывали ее белое тело. Мельник понял, что это русалка, и от страха не знал, что ему делать — уйти или остаться здесь. Но раздался нежный русалочий голос, она окликнула его по имени и спросила, отчего он такой опечаленный. Поначалу мельник не мог вымолвить и слова, но, услышав, что она говорит так ласково, сердце его успокоилось, и он рассказал ей, что он жил прежде в богатстве и счастье, а теперь так обеднел, что не знает, как ему и на свете прожить.

— Успокойся, — сказала русалка, — я сделаю тебя еще богаче и счастливей, чем прежде, но ты должен пообещать, что отдашь мне то, что только что родилось у тебя в доме.

«Что бы это могло быть? — подумал мельник. — Пожалуй, щенок или котенок», — и он посулил то, что потребовала у него русалка. Русалка опять погрузилась в воду, а он, успокоенный и в добром настроении, направился к своей мельнице. Но не успел он дойти, как вышла из дверей работница и крикнула ему, что он может порадоваться, что родила, мол, жена ему мальчика. Остановился мельник, как громом пораженный, и понял, что хитрая русалка знала об этом и его обманула. С поникшей головой он подошел к постели жены, и когда та спросила: «Почему ты не радуешься красивому мальчику?» — он рассказал ей, что с ним приключилось и какое он дал обещание русалке.

«На что мне теперь и счастье и богатство, — добавил он, — если я должен потерять свое дитя? Да что делать теперь?» Пришли родственники поздравить его и пожелать ему счастья, но и они тоже не знали, что ему посоветовать.

А между тем счастье снова вернулось в дом мельника. Что бы он ни начинал, все ему удавалось, и было так, будто все сундуки и закрома сами собой наполняются и денег в шкафу каждую ночь становится все больше и больше. В скором времени стало у него богатств больше, чем было прежде. Но не мог он спокойно этому радоваться: обещание, данное им русалке, мучило его сердце. Всякий раз, проходя мимо пруда, он боялся, что вот-вот она выплывет и напомнит ему про его долг. Мальчика он вовсе не подпускал к воде. «Берегись, — говорил он ему, — если ты подойдешь к воде, протянется оттуда рука, она схватит тебя и утащит за собою на дно. Но проходил год за годом, а русалка все не показывалась, и мельник начал было уже успокаиваться.

Мальчик вырос, стал юношей и поступил в обучение к одному охотнику. Когда он выучился и сделался отличным охотником, взял его один помещик к себе на службу. А жила в той деревне одна красивая и честная девушка; она понравилась охотнику, и когда помещик об этом узнал, он подарил ему маленький домик. Молодые справили свадьбу и стали себе жить-поживать мирно и счастливо и от всего сердца любили друг друга.

Как-то раз пришлось охотнику гнаться за ланью. Когда зверь выбежал из лесу и помчался по полю, охотник бросился за ним и наконец уложил его наповал. Но он не заметил того, что находится вблизи русалочьего пруда, и, выпотрошив зверя, он подошел к воде, чтобы умыть испачканные кровью руки. Но только погрузил он их в воду, как вынырнула из пруда русалка,

обвила его влажными руками и так быстро увлекла его за собой, что только волны над ними заплескались.

Когда наступил вечер и охотник домой не вернулся, жена испугалась и пошла его разыскивать; а так как он часто рассказывал ей, что надо ему опасаться преследований русалки и не подходить близко к пруду, то она сразу почувствовала, что произошло. Она поспешила к пруду и, увидев на берегу его охотничью сумку, поняла, что с ним случилось несчастье.

Плача и заламывая руки, она стала звать своего любимого по имени, но напрасно; она побежала в другую сторону пруда и стала его звать снова; она начала ругать русалку, но ответа не было. Зеркало пруда оставалось спокойным, и только молодой месяц один неподвижно гляделся в него с высоты.

Бедная женщина не покидала пруда. Быстрыми шагами она без устали все ходила вокруг него, то молча, то громко крича, то тихо стелая. Наконец силы у нее иссякли, она упала на траву и крепко-крепко уснула.

И вскоре приснился ей сон. Будто идет она в страхе на гору между огромными обломками скал. Шипы и колючки впиваются ей в ноги, дождь хлещет ей в лицо, и ветер треплет ее длинные волосы. Вот добралась она до вершины, и перед нею открылась другая картина. Небо было голубое, воздух нежный, земля мягко под ней опускалась, и на зеленом, покрытом пестрыми цветами лугу оказалась чистенькая избушка. Она подошла к ней, открыла дверь, смотрит — сидит в избушке старуха с седыми волосами и ласково ей кивает. В этот миг бедная женщина проснулась.

Уже наступило утро, и она тотчас решила послушаться сна. Она с трудом поднялась на гору, и было все так же, как виделось ей ночью во сне. Старуха приветливо встретила ее и предложила ей сесть на стул.

— Ты, должно быть, пережила какое-нибудь несчастье, — сказала старуха, — что явилась ко мне в одинокую хижину?

И женщина рассказала ей со слезами, что с нею случилось.

— Успокойся, — сказала старуха, — я тебе помогу. На тебе золотой гребень. Обожди, пока взойдет полная луна, а потом ступай к пруду, сядь снова на его берегу и расчеши свои длинные черные волосы этим гребнем. Когда ты это сделаешь, положи его на берегу, и ты увидишь, что случится.

Женщина вернулась назад, но время до полнолуния двигалось медленно. Наконец показалась на небе сияющая луна, и женщина вышла к пруду, села на берегу и начала расчесывать свои длинные черные волосы золотым гребнем, а потом пол-

ожила его на самый край у воды. И вдруг разбушевался пруд, поднялась волна, подкатилась к берегу и унесла с собой гребень. Это длилось не дольше, чем надо было, чтобы гребень опустился на дно, — и вдруг расступилась водная гладь, и поднялась оттуда голова охотника. Он не молвил ни слова, но поглядел на жену грустным взором. В этот миг подкатилась с шумом вторая волна и укрыла голову мужа.

Вдруг все исчезло, и пруд стоял такой же спокойный, как прежде, и только в нем отражалась полная луна.

Женщина вернулась назад безутешной, но сон указал ей снова на избушку старухи. На другое утро женщина собралась опять в путь-дорогу и рассказала про свое горе вещей старухе. Дала ей старуха золотую флейту и сказала:

— погоди, пока наступит опять полнолуние, а затем возьми флейту, сядь на берегу, сыграй на ней красивую песню и, когда окончишь, положи ее на песок, и увидишь, что случится.

Женщина сделала так, как ей велела старуха. И только положила она флейту на песок, как в глубине пруда вдруг что-то зашумело: поднялась волна, подкатилась и утащила за собой флейту. Вскоре вода расступилась, и показалась оттуда не только голова, но половина туловища мужа. Он протянул ей в страстном желанье руки, но в этот миг зашумела навстречу другая волна, захлестнула его и увлекла снова вниз за собой.

— Ах, что мне с того, — сказала несчастная, — если я вижу своего любимого, но теряю его опять!

Она снова запечалилась, но сон в третий раз привел ее в избушку старухи. Она направилась в путь-дорогу, и вещая старуха дала ей золотую прялку, утешила ее и сказала:

— Еще сделано не все, ты повремени, пока взойдет полная луна, тогда возьми прялку, сядь на берегу и напряди полную мотушку пряжи, а когда ты окончишь, поставь прялку у самой воды, и ты увидишь, что случится.

Женщина так все точно и сделала. Только показалась полная луна, она принесла на берег золотую прялку и усердно пряла до тех пор, пока не вышел весь лен, мотушка была полна пряжи. И только оказалась прялка на берегу, как в глубине пруда зашумело еще сильнее, чем прежде, быстро подкатилась сильная волна и унесла с собой прялку. И тотчас вместе с волной поднялась вверх голова, а затем и все тело мужа. Он быстро выскочил на берег, схватил за руку свою жену и побежал с ней. Но только они немного отошли, как поднялся со страшным шумом весь пруд и с яростной силой

разлился по широкому полю. Беглецы уже чувствовали свою неминуемую смерть, нокликнула женщина в страхе на помощь старуху, и вмиг они были обращены: она в жабу, а он в лягушку. Докатилась до них волна, но не могла их утопить, только разлучила их друг с другом и унесла далеко-далеко.

Когда схлынула вода и они ступили на сушу, к ним вернулся снова их человеческий образ. Но они не знали, где находится каждый из них. Они оказались среди чужих людей, ничего не слыжавших про их родную землю. Их разделяли высокие горы и глубокие долины. Чтоб поддержать свою жизнь, им обоим пришлось пасти овец. Долгие годы они гоняли свои стада по полям и лесам и были исполнены тоски и печали.

Однажды, когда снова поднялась из недр земных весна, вышли оба они в один и тот же день со своими стадами на пастбище и случайно двинулись друг другу навстречу. Он заметил на дальнем обрыве скал стадо и погнал своих овец в ту сторону. Они сошлись в одной долине, но не узнали друг друга. Но им было радостно, что они теперь не так одиноки. С той поры они пасли свои стада вместе; они говорили мало, но чувствовали себя утешенными. Однажды вечером, когда на небе сияла полная луна и овцы уже отдыхали, достал пастух из сумки флейту и начал на ней играть прекрасную, но печальную песню. Кончил он ту песню и видит, что плачет пастушка горькими слезами.

— Чего ты плачешь? — спросил он.

— Ах, — ответила она, — вот так же светила полная луна, когда я в последний раз играла эту песню на флейте и показалась из пруда голова моего любимого.

Он глянул на нее, и словно пелена спала у него с глаз, и он узнал свою милую жену; а когда она посмотрела на него и луна осветила ему лицо, она тоже узнала его. Они бросились друг к другу в объятия и стали целоваться, — а были ли они счастливы, о том спрашивать незачем.

Якоб и Вильгельм ГРИММ

УНДИНА

Играли раз братец с сестрицей у колодца и, играючи, упали оба в колодец. А жила там внизу ундиная, вот она и говорит:

— Уж теперь-то вы мои! Теперь вы должны на меня прилежно работать, — и увела их с собой.

Дала она девочке прясть запутанный жесткий лен, и к тому же ей пришлось наливать воду в бездонную бочку; а мальчика заставила рубить дерево тупым топором; и получали они вместо еды одни только твердые как камень клецки. Стало наконец детям совсем невмоготу, и они выждали, когда однажды в воскресный день ундины были в церкви, и убежали. А так как церковь находилась по пути, то ундины заметили, что птички-то улетели, и пустилась за ними большими прыжками в погоню. Но дети увидели ее издали, и бросила девочка позади себя щетку, — и выросла вдруг большая гора щеток с тысячами тысяч колючек, и пришлось ундине пробиваться через нее с большим трудом; но наконец она все-таки сквозь нее пролезла. Как увидели это дети, бросил мальчик тогда позади себя гребенку, — и поднялась большая гора из гребенок с тысячами тысяч зубцов; но ундины знали, как за них уцепиться, и наконец все-таки по ним прошла.

Бросила тогда девочка вслед за собой зеркало, — и выросла зеркальная гора, и была она такая скользкая, что никак не могла злая ундины через нее перелезть. И подумала ундины: «Лучше пойду я скорее домой, возьму свой топор да разрублю зеркальную гору надвое». Но пока она вернулась назад и разрубила зеркала, дети уже давно убежали далеко-далеко, — и пришлось ундине опять опуститься в свой колодезь.

МОРГАНЫ НА ОСТРОВЕ УЭССАН

Французская сказка

Когда-то давно, очень давно, может быть, еще в те времена, когда святой Павел пришел из Иберии на наш остров, жила в Уэссане одна красивая девушка лет шестнадцати-семнадцати, и звали эту девушку Мона Кербили. Так хороша была Мона, что все, кто ее видел, с восторгом говорили ее матери:

— Ну и красивая же дочка у вас, Жанна! Она хороша, как моргана, никогда еще не видывали на нашем острове такой красавицы. Можно подумать, что она дочь какого-нибудь моргана.

— Не говорите так, — возражала добрая мать Моно. — Видит Бог, ее отец — Фанш Кербили, мой муж. Это так же верно, как-то, что я — ее мать.

Отец Моны был рыбак и почти все время проводил в море. Мать работала на клочке земли подле хижины, а в непогоду пряла лен. Мона ходила с другими девушками на морской берег собирать разные съедобные ракушки, которыми кормилась вся семья.

Должно быть, морганы — их тогда много водилось на острове — заметили Мону и так же, как и люди, были поражены ее красотой.

Раз, когда она, как всегда, сидела с подругами на берегу, девушки заговорили о своих женихах. Каждая хвалила своего за то, что он хороший рыбак, ловко умеет провести лодку среди множества подводных камней, которыми окружен остров.

— Напрасно ты, Мона, воротишь нос от Эрвона Кердюдая, — сказала Маргарита Арфур дочери Фанша Кербили. — Он славный парень, не пьет, никогда не ссорится с товарищами, и никто лучше его не управляет лодкой в опасных местах — у Старой Кобылы и у мыса Стиффа.

— Вот еще! — отвечала Мона с презрением (потому что, наслушавшись похвал своей красоте, она стала тщеславна и надменна). — Ни за что не буду женой рыбака! Я красива, как моргана, и выйду замуж только за принца или за сына какого-нибудь знатного вельможи, богатого и сильного. Или, по крайней мере, за моргана.

Случилось так, что ее слова подслушал старый морган, который прятался, должно быть, за какой-нибудь скалой или под водорослями. Он бросился на Мону и утащил ее на дно моря.

Девушки побежали в деревню рассказать матери Моны о том, что случилось. Жанна Кербили пряла на пороге своей хижины. Она бросила кудель и веретено и помчалась к морю. Она громко звала дочь, даже вошла в воду и шла так далеко, как только могла, к тому месту, где исчезла Мона. Но все было напрасно, ничей голос не отозвался из воды на ее плач и отчаянный зов.

Весть об исчезновении Моны быстро разнеслась по всему острову и никого особенно не удивила. «Мона была дочерью моргана, — говорили люди, — и, видно, отец утащил ее в море».

Похитителем Моны был король морганов острова Уэссан. Он унес девушку в свой подводный дворец. Дворец был настоящее чудо, самое красивое королевское жилище на земле не могло с ним сравниться.

У старого моргана был сын, прекраснейший из морганов; этот сын влюбился в Мону и просил у отца позволения жениться на ней. Но король и сам задумал это сделать, а потому ответил сыну, что никогда не позволит ему взять в жены дочь земли.

— В нашем царстве, — сказал он сыну, — немало красивых девушек-морган, которые будут счастливы иметь своим супругом королевского сына. И когда ты выберешь одну из них, я дам свое согласие.

Молодой морган пришел в отчаяние. Он объявил отцу, что никогда не женится, если ему нельзя жениться на той, кого он любит, — на Моне, дочери земли.

Старый морган, видя, что сын чахнет с горя и тоски, заставил его посвататься к моргане, которая славилась красотой и была дочерью одного из знатных вельмож двора. Назначили день свадьбы, пригласили множество гостей. Жених и невеста отправились в церковь, а за ними великолепный свадебный кортеж. Ведь у этих морских жителей, хотя они и некрещенные, есть своя вера и храмы под водой. Говорят, у них даже есть свои епископы, и Гульвен Пендюфф, один старый моряк с нашего острова, который объездил все моря на свете, уверял меня, что он видывал их не раз.

Бедной Моне было приказано оставаться дома и приготовить свадебный обед. Но ей не дали никакой провизии, ровно ничего, только одни пустые горшки да кастрюли, — это были большие морские раковины. Старый морган сказал ей, что, когда все вернутся из церкви, она должна подать на стол прекрасный обед, или ей не миновать смерти. Судите же сами, в каком смятении и горе была бедняжка! Да и жених был не менее печален и озабочен!

Когда кортеж двинулся к церкви, жених вдруг воскликнул:

— Ах, я позабыл дома кольцо моей невесты!

— Скажи, где оно, и я пошлю за ним, — сказал ему отец.

— Нет, нет, я сам схожу за ним, никто другой не найдет кольца там, куда я его спрятал. Я сбегаю домой и мигом вернусь.

И он ушел один, не позволив никому сопровождать его. Он прошел прямо на кухню, где бедная Мона плакала в отчаянии.

— Не печалься, — сказал он ей, — обед будет готов вовремя. Положись на меня.

Он подошел к очагу и промолвил:

— Добрый огонь в очаг! — и в очаге тотчас запылал огонь.

Потом принц стал по очереди дотрагиваться рукой до каждой кастрюли, каждого горшка, каждого вертела и блюда, приговаривая:

— В этом горшке будет лососина, в этом — камбала под устрицами, на вертеле — утка, здесь — жареная макрель, в этих кувшинах — вина и лучшие наливки...

И кастрюли, горшки, блюда, кувшины наполнялись кушаньями и напитками при одном прикосновении его руки. Мона опомниться не могла от удивления, видя, что обед приготовлен в мгновение ока без всякой помощи с ее стороны.

Молодой морган поспешно бросился догонять кортеж. Пришли в церковь. Брачный обряд совершил морской епископ. После этого все воротились во дворец. Старый король пошел прямо на кухню и сказал Моне:

— Вот мы и вернулись. Готово ли все?

— Готово, — отвечала Мона спокойно.

Удивленный таким ответом, он стал поднимать крышки с горшков и кастрюль, заглянул в кувшины и с недовольной миной сказал:

— Тебе помогли. Но я еще с тобой расправлюсь!

Сели за стол. Гости много пили и ели, потом начались пение и пляки.

Около полуночи новобрачные удалились в свою великолепно разукрашенную спальню, и старый морган приказал Моне проводить их туда. Она должна была стоять у постели и светить им, держа в руке горящую свечу. Когда свеча сгорит до ее руки, Мону ждала смерть.

Бедная Мона повиновалась. А старый морган ждал в соседней комнате и время от времени кричал оттуда:

— Что, свеча еще не сгорела до твоей руки?

— Нет еще, — отвечала Мона.

Так он спрашивал несколько раз. Наконец, когда свеча почти догорела, новобрачный сказал молодой жене:

— Возьми на минутку свечу у Моны и поддержи ее, пока Мона зажжет нам другую.

Молодая моргана, не зная ничего о намерениях свекра, взяла свечу из рук Моны.

В эту минуту старый король спросил опять:

— Что, свеча сгорела до твоей руки?

— Отвечай: «да», — шепнул молодой морган.

— Да, — сказала моргана.

И тотчас старый король вбежал в спальню, бросился к той, что держала свечу, и, даже не взглянув на девушку, одним ударом сабли снес ей голову. Потом вышел вон.

Только что вошло солнце, как новобрачный отправился к отцу и сказал ему:

— Отец, я пришел просить у вас позволения жениться.

— Жениться? Да разве ты не женился вчера?

— Моей жены больше нет в живых.

— Нет в живых? Так ты ее убил, несчастный?

— Нет, отец, это не я, а вы ее убили.

— Я? Я убил твою жену?

— Да, отец. Разве не вы вчера ночью ударом сабли снесли голову той, что держала горящую свечу у моей постели?

— Да, но ведь то была дочь земли!

— Нет, отец мой, то была моргана, с которой я обвенчался по вашей воле. И вот я уже вдовец. Если вы мне не верите, вы легко можете убедиться сами — ее тело еще лежит у меня в спальне.

Старый морган побежал в спальню и увидел, что сын говорит правду. Гнев его был ужасен.

— Кого же ты хочешь взять в жены? — спросил он у сына, немного поостыв.

— Дочь земли.

Старый король ничего не ответил и вышел из спальни. Но прошло несколько дней, он понял, должно быть, как безрассудно соперничать с сыном, и дал согласие на его брак с Моной. Свадьбу отпраздновали весьма пышно и торжественно.

Молодой морган был очень внимателен к жене и баловал ее, как только мог. Он кормил ее маленькими вкусными рыбками, которых ловил сам, дарил ей разные украшения из драгоценных морских жемчужин, отыскивал для нее красивые раковины, перламутровые и золотистые, самые редкие и чудесные морские цветы и травы.

Но, несмотря на все это, Мону тянуло на землю, к отцу и матери, в бедную хижину на берегу моря.

Муж не хотел ее отпускать: он все боялся, что она не вернется. А Мона сильно затосковала, плакала день и ночь. Наконец однажды молодой морган сказал ей:

— Улыбнись хоть разок, моя радость, и я отведу тебя в отцовский дом.

Мона улыбнулась ему, и морган, который был волшебником, произнес:

— Мост, поднимись!

Тотчас же из воды поднялся красивый хрустальный мост, чтобы они могли перейти со дна моря на землю.

Увидев это, старый морган понял, что сын его такой же волшебник, как он, и сказал:

— Пойду и я с вами.

Все трое взошли на мост: Мона впереди, за ней — муж, а на несколько шагов позади — старый морган.

Только что Мона и ее муж, шедшие впереди, ступили на землю, как молодой морган произнес:

— Мост, опустись!

И мост опустился в глубину моря, унося на себе старого моргана.

Муж Моны не решился проводить ее до самого дома родителей. Он отпустил Мону одну, сказав ей:

— Вернись обратно, когда зайдет солнце. Я буду ждать тебя здесь. Но смотри, чтобы ни один мужчина не поцеловал тебя и даже не коснулся твоей руки.

Мона обещала все исполнить и побежала к родному дому. Был час обеда, и вся семья собралась за столом.

— Здравствуйте, отец и мать! Здравствуйте, братья и сестры! — закричала Мона, вбегая в хижину.

Добрые люди смотрели на нее, остолебенев от удивления, и никто не узнавал ее: она была так хороша, так величава в своем пышном наряде! Мону опечалила такая встреча, слезы выступили в нее на глазах. Она стала ходить по дому, дотрагивалась рукой до каждой вещи и говорила:

— Вот этот камень мы принесли с берега, и я сиживала на нем у огня. А вот и кровать, на которой я спала. Вот деревянная чашка, из которой я ела суп. А там, за дверью, веник из дрока, которым я подметала дом. А вот и кувшин, с которым я ходила по воду к источнику.

Слыша все это, родители в конце концов узнали Мону и, плача от счастья, стали обнимать ее, и все радовались, что они опять вместе.

Но недаром морган, супруг Моны, наказывал ей не целовать ни одного мужчину: с этой минуты она ничего больше не помнила о своем замужестве, о жизни у морганов. Она осталась у родителей, и скоро к ней стали свататься со всех сторон. От

женихов отбоя не было, но Мона никого не слушала и не хотела выходить замуж.

У отца Моны, как и у всякого жителя острова, был свой клочок земли, где он сажал картофель и всякие овощи, засеивал и немного ячменя. Этого, да еще той дани, которую им ежедневно платило море рыбой и моллюсками, хватало, чтобы прокормиться. Перед домом находилось гумно, на котором молотили хлеб, и стоял стог соломы. Часто по ночам, когда Мона лежала в постели, ей чудилось, что сквозь вой ветра и глухой шум волн, бившихся о прибрежные скалы, она слышит чьи-то стоны и жалобы за дверью хижины. Но она думала, что это души бедных утопленников призывают к живым, которые их забыли, и просят молиться за них. Она шептала заупокойную молитву и, жалея тех, кто в такую погоду находится в море, спокойно засыпала.

Но вот раз ночью она ясно услышала слова, произнесенные таким жалобным голосом, что они раздирали сердце:

— Ах, Мона, неужели ты так скоро забыла своего мужа-моргана, который спас тебе жизнь и любит тебя? Ты ведь обещала вернуться в тот же день, а между тем я так давно жду тебя и так несчастен! Ах, Мона, Мона, сжался надо мной и вернись поскорее!

Тут Мона разом вспомнила все. Она встала с постели, вышла и увидела у дверей молодого моргана, который в жалобах и столах изливал свое горе. Она бросилась в его объятия... и с той поры ее больше никогда никто не видел.

Ганс Христиан АНДЕРСЕН

РУСАЛОЧКА

В открытом море вода такая синяя, как васильки, и прозрачная, как чистое стекло, — но зато и глубоко там! Так глубоко, что ни одной цепи не хватит, чтобы якорь достал до дна, а чтобы измерить эту глубину, пришлось бы громоздить друг на друга невесть сколько колоколен. Вот там-то и живут русалки.

Не подумайте, что там, на дне, один голый белый песок; нет, там растут невиданные деревья и цветы с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды. Между ветвями шныряют рыбы, большие и маленькие — точь-в-точь как у нас птицы. В самом

глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с высокими стрельчатыми окнами из чистейшего янтаря и с крышей из раковин, которые то открываются, то закрываются, смотря по тому, прилив или отлив; это очень красиво: ведь в каждой раковине лежит такая сияющая жемчужина, что она одна украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать, женщина умная, но очень гордая своим родом: она носила на хвосте целую дюжину устриц, тогда как вельможи имели право носить всего-навсего шесть. Вообще же она была особа, достойная всяческих похвал, прежде всего потому, что очень любила своих маленьких внучек. Все шесть принцесс были прехорошенькими русалочками, но лучше всех была самая младшая, нежная и прозрачная, как лепесток розы, с глубокими синими, как море, глазами. Но у нее, как у других русалок, не было ножек, а только рыбий хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где по стенам росли живые цветы. В открытые янтарные окна вплывали рыбки, как у нас, бывает, влетают ласточки; рыбки не боялись маленьких принцесс, ели из их рук и позволяли себя гладить.

Возле дворца был большой сад; там росли огненно-красные и темно-голубые деревья с вечно колеблющимися ветвями и листьями; плоды их при этом сверкали, как золото, а цветы — как огоньки. Вместо земли там был мелкий, голубоватый, как серное пламя, песок, и потому там на всем лежал какой-то удивительный голубоватый отблеск, — казалось, будто витаешь высоко-высоко в воздухе, причем, небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна видно было солнце; оно казалось пурпурным цветком, из чашечки которого лился свет.

У каждой принцессы был в саду свой уголок; тут они могли копать и сажать, что хотели. Одна сделала себе цветочную грядку в виде кита, другой захотелось, чтобы ее грядка была похожа на русалочку, а самая младшая сделала себе грядку круглую, как солнце, и засадила ее ярко-красными цветами. Странное дитя была эта русалочка: такая тихая, задумчивая. Другие сестры украшали свой садик разными разностями, которые доставались им с затонувших кораблей, а она любила только свои яркие, как солнце, цветы да прекрасного белого мраморного

мальчика, упавшего на дно моря с какого-то погибшего корабля. Русалочка посадила у статуи красную плакучую иву, которая пышно разрослась; ветви ее обвивали статую и клонились к голубому песку, где колебалась их фиолетовая тень, — вершина и корни точно играли и целовались друг с другом!

Больше всего любила русалочка слушать рассказы о людях, живущих наверху, на земле. Старухе бабушке пришлось рассказать ей все, что она знала о кораблях и городах, о людях и о животных. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахнут, — не то что тут, в море! — что леса там зеленые, а рыбы, которые живут в ветвях, звонко поют. Бабушка называла рыбками птичек, иначе внуки не поняли бы ее: они ведь сроду не видавали птиц.

— Когда вам исполнится пятнадцать лет, — говорила бабушка, — вам тоже разрешат всплывать на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз должно было исполниться пятнадцать лет, но другим сестрам — они были погодки — приходилось еще ждать, и дольше всех — самой младшей. Но каждая обещала рассказать остальным сестрам о том, что ей больше всего понравится в первый день, — рассказов бабушки им было мало, им хотелось знать обо всем поподробнее.

Никого не тянуло так на поверхность моря, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Сколько ночей провела она у открытого окна, вглядываясь в синеву моря, где шевелили своими плавниками и хвостами целые стаи рыбок! Она видела сквозь воду месяц и звезды; они, конечно, блестели не так ярко, но зато казались гораздо больше, чем кажутся нам. Случалось, что под ними скользило как будто большое темное облако, и русалочка знала, что это или проплывал кит, или проходил корабль с сотнями людей; они и не думали о хорошенькой русалочке, что стояла там, в глубине моря, и протягивала к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Но больше всего, по ее словам, ей понравилось лежать в тихую погоду на песчаной отмели и нежиться при свете месяца, любуясь раскинувшимся по берегу городом: там, точно сотни

звезд, горели огни, слышались музыка, шум и грохот экипажей, виднелись башни со шпилями, звонили колокола. Да, именно потому, что ей нельзя было попасть туда, ее больше всего и манило это зрелище.

Как жадно слушала ее рассказы самая младшая сестра! Стоя вечером у открытого окна и вглядываясь в морскую синеву, она только и думала, что о большом шумном городе, и ей казалось даже, что она слышит звон колоколов.

Через год и вторая сестра получила позволение подниматься на поверхность моря и плыть, куда захочет. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака... да тут у нее уж и слов не хватало! Пурпуровые и фиолетовые, они быстро неслись по небу, но еще быстрее их несла к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая лебедей; русалочка тоже поплыла было к солнцу, но оно опустилось в море, и по небу и в воде разлилась розовая вечерняя заря.

Еще через год всплыла на поверхность моря третья принцесса; она была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидела зеленые холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окруженные густыми рощами, где пели птицы; солнце светило и грело так, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы освежить свое пылающее лицо. В маленькой бухте она увидела толпу голеньких ребят-ишек, которые плескались в воде; она хотела было поиграть с ними, но они испугались ее и убежали, а вместо них появился какой-то черный зверек и так страшно принялся на нее таять, что русалка перепугалась и уплыла назад в море; это была собака, но русалка ведь никогда еще не видала собак.

И вот принцесса все вспоминала эти чудные леса, зеленые холмы и прелестных детей, которые умеют плавать, хоть у них и нет рыбьего хвоста!

Четвертая сестра не была такой смелой; она держалась больше в открытом море и рассказывала, что это было лучше всего: куда ни глянь, на много-много миль вокруг одна вода да небо, опрокинутое, точно огромный стеклянный купол; вдали, как морские чайки, проносились большие корабли, играли и кувыркались веселые дельфины и пускали из ноздрей сотни фонтанов огромные киты.

Потом пришла очередь предпоследней сестры; ее день ро-

ждения был зимой, и поэтому она увидала то, чего не видели другие: море было зеленоватого цвета, повсюду плавали большие ледяные горы — ни дать ни взять жемчужины, рассказывала она, но такие огромные, выше самых высоких колоколен, построенных людьми! Некоторые из них были причудливой формы и блестели, как алмазы. Она уселась на самую большую, ветер развевал ее длинные волосы, а моряки испуганно обходили гору подальше. К вечеру небо покрылось тучами, засверкала молния, загредел гром и темное море стало бросать ледяные глыбы из стороны в сторону, а они так и сверкали при блеске молнии. На кораблях убрали паруса, люди метались в страхе и ужасе, а она спокойно плыла на ледяной горе и смотрела, как огненные зигзаги молнии, прорезав небо, падали в море.

Каждая из сестер была в восторге от того, что видела наверху в первый раз, — все было для них ново и поэтому нравилось; но, получив, как взрослые девушки, позволение плавать повсюду, они скоро пресытились этими прогулками и через месяц стали говорить, что у них дома, на дне, лучше.

Часто по вечерам все пять сестер, взявшись за руки, подымались на поверхность; у всех были чудеснейшие голоса, каких не бывает у людей на земле, и вот, когда начиналась буря и они видели, что корабль обречен на гибель, они подплывали к нему и нежными голосами пели о чудесах подводного царства и уговаривали моряков не бояться опуститься на дно; но моряки не могли разобрать слов; им казалось, что это просто шумят волны; да им все равно и не удалось бы увидеть на дне никаких чудес — если корабль погибал, люди тонули и опускались ко дворцу морского царя уже мертвыми.

Младшая же русалочка, когда сестры ее всплывали рука об руку на поверхность моря, оставалась одна-одинешенька и смотрела им вслед, готовая заплакать, но русалки не умеют плакать, и от этого ей было еще тяжелей.

— Ах, когда же мне будет пятнадцать лет? — говорила она. — Я знаю, что очень люблю и тот мир, и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

— Ну вот, вырастили и тебя! — сказала бабушка, вдовствующая королева. — Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестер!

И она надела русалочке на голову венок из белых лилий, — каждый лепесток был половинкой жемчужины — потом, для

обозначения высокого сана принцессы, приказала восьми устрицам прицепиться к ее хвосту.

— Ой, как больно! — воскликнула русалочка.

— Ради красоты и потерпеть не грех! — сказала старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжелый венок — красные цветы из ее садика шли ей куда больше, — но она не посмела!

— Прощайте! — сказала она и легко и плавно, точно пузырек воздуха, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака еще сияли пурпуром и золотом, тогда как в красноватом небе уже зажигались ясные вечерние звезды; воздух был мягок и свеж, а море — как зеркало. Неподалеку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трехмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом, — не было ведь ни малейшего ветерка; на вантах и реях сидели матросы, с палубы неслись звуки музыки и песен, когда же совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков; казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла к самым окнам каюты, и, когда волны слегка приподнимали ее, она могла заглянуть в каюту. Там было множество разодетых людей, но лучше всех был молодой принц с большими черными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет; в тот день праздновалось его рождение, оттого на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, кверху взвились сотни ракет, и стало светло, как днем, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула голову, и ей показалось, что все звезды с небес попадали к ней в море. Никогда еще не видела она такой огненной потехи; большие солнца вертелись колесом, огромные огненные рыбы били в воздухе хвостами, и все это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было разглядеть каждую веревку, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц! Он пожимал людям руки, улыбался и смеялся, а музыка все гремела и гремела в тишине ясной ночи.

Становилось уже поздно, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца принца. Разноцветные огоньки потухли, ракеты больше не взлетали в воздух, не слышалось и пушечных выстрелов, зато загудело и застонало само море. Русалочка качалась на волнах рядом с кораблем и все загляды-

вала в каюту, а корабль стал набирать скорость, паруса развевались один за другим, ветер крепчал, волны все нарастали, облака сгустились, и где-то вдаль засверкала молния. Начиналась буря! Матросы принялись убирать паруса; огромный корабль страшно качало, ветер так и кидал его из стороны в сторону, вокруг корабля вздымались высокие валы, словно черные горы, грозившие сомкнуться над мачтами корабля, но он нырял между водяными стенами, как лебедь, и снова взлетал на гребни. Русалочку буря только забавляла, а морякам приходилось туго. Корабль стонал и скрипел, толстые доски трещали, волны перекашивались через палубу; грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль опрокинулся на бок, и вода хлынула в трюм. Тут русалочка поняла опасность; ей самой приходилось остерегаться бревен и обломков, носившихся по волнам. На минуту сделалось вдруг так темно, что хоть глаз выколи; но вот опять блеснула молния, и русалочка вновь увидела на корабле людей; каждый спасался, как мог. Русалочка отыскивала глазами принца и, когда корабль пошел ко дну, видела, что принц погрузился в воду. Сначала русалочка очень обрадовалась тому, что он попадет теперь к ним на дно, но потом вспомнила, что люди не могут жить в воде и что он может приплыть во дворец ее отца только мертвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между бревнами и досками, совсем забывая, что они в любую минуту могут ее раздавить. Приходилось то нырять в самую глубину, то взлетать кверху вместе с волнами, но вот наконец она настигла принца, который уже почти совсем выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю; руки и ноги отказались ему служить, а прелестные глаза закрылись; он умер бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих, куда угодно.

К утру непогода стихла; от корабля не осталось и щепки; солнце опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живую окраску, но глаза его все еще не открывались.

Русалочка откинула со лба принца волосы и поцеловала его в высокий, красивый лоб; ей показалось, что принц похож на мраморного мальчика, что стоит у нее в саду; она поцеловала его еще раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она увидела твердую землю и высокие, уходящие в небо горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленела чудная роща, а над ней выси-

лась то ли церковь, то ли монастырь — она не знала толком, что это. В роще росли апельсиновые и лимонные деревья, а у ворот здания — высокие пальмы. У входа в тихую, но глубокую бухту стоял утес, возле которого море намыло мелкий белый песок; вот сюда-то и приплыла русалочка и положила принца на берег, позаботившись о том, чтобы голова его лежала выше и на самом солнце.

В это время в высоком белом доме зазвонили в колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше, за большие камни, которые торчали из воды, покрыла себе волосы и грудь морскою пеной — теперь никто не различил бы в этой пене ее лица — и стала ждать: не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось недолго: к принцу подошла одна из молодых девушек и сначала очень испугалась, но тут же собралась с духом и позвала на помощь людей. Затем русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь! Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое белое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

И прежде она была тихой и задумчивой, теперь же стала еще тише, еще задумчивее. Сестры спрашивали ее, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она ничего им не рассказала.

Часто и вечером и утром приплывала она к тому месту, где оставила принца, видела, как созревали в садах плоды, как их потом собирали, видела, как стоял снег на высоких горах, но принца так больше и не видела и возвращалась домой с каждым разом все печальнее и печальнее. Единственной отрадой было для нее сидеть в своем садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за цветами она больше не ухаживала; они росли, как хотели, по тропинкам и на дорожках, переплелись своими стеблями и листьями с ветвями дерева, и в садике стало совсем темно.

Наконец она не выдержала и рассказала обо всем одной из своих сестер; за ней узнали секрет и все остальные сестры, но больше никто, кроме разве еще двух-трех русалок, ну, а те никому не сказали, разве уж самым близким подругам. Одна из них, оказывается, знала, кто этот принц, видела праздник на корабле и даже могла сказать, где находится его королевство.

— Поплыли вместе, сестрица! — сказали русалочке сестры и рука об руку поднялись на поверхность моря близ того места,

где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо в море. Великолепные вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах, между колоннами, окружавшими все здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые люди. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шелковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшены большими картинами. Загляденье, да и только! Посреди самой просторной залы журчал большой фонтан; струи воды били высоко-высоко под самый стеклянный купол потолка, через который на воду и на диковинные растения, росшие в широком бассейне, лились лучи солнца.

Теперь русалочка знала, где живет принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестер не осмеливалась подплывать к земле так близко, как она; она же заплывала и в узкий канал, который проходил как раз под великолепным мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинешенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной развевающимися флагами, — русалочка выглядывала из зеленого тростника, и если люди иной раз замечали ее длинную серебристо-белую вуаль, развевающуюся по ветру, то думали, что это лебедь машет крыльями.

Не раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нем много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда его полумертвого носило по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на ее груди и как нежно поцеловала она его тогда. А он-то ничего не знал о ней, она ему и присниться не могла!

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, все сильнее и сильнее тянуло ее к ним; их земной мир казался ей куда больше, чем ее подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы к самым облакам, а их земля с лесами и полями тянулась далеко-далеко, ее и глазом не охватить! Русалочке очень хотелось побольше узнать о людях и об их жизни, но сестры не могли ответить на все ее вопросы, и она обращалась к бабушке: старуха хорошо знала «высший свет», как

она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

— Если люди не тонут, — спрашивала русалочка, — то они живут вечно, не умирают, как мы?

— Ну что ты! — отвечала старуха. — Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живем триста лет, но, когда нам приходит конец, нас не хоронят среди близких, у нас нет даже могил, мы просто превращаемся в морскую пену. Нам не дано бессмертной души, и мы никогда не воскресаем; мы — как тростник: вырвешь его с корнем, и он не зазеленеет вновь! У людей, напротив, есть бессмертная душа, которая живет вечно, даже и после того, как тело превращается в прах; она улетает на небо, прямо к мерцающим звездам! Как мы можем подняться со дна морского и увидеть землю, где живут люди, так и они могут подняться после смерти в неведомые блаженные страны, которых нам не видать никогда!

— А почему у нас нет бессмертной души? — грустно спросила русалочка. — Я бы отдала все свои сотни лет за один день человеческой жизни, чтобы потом тоже подняться на небо.

— Вздор! Нечего и думать об этом! — сказала старуха. — Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле!

— Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыки волн, не увижу чудесных цветов и красного солнца! Неужели я никак не могу обрести бессмертную душу?

— Можешь, — сказала бабушка, — если кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, если отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и велит священнику соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу; тогда частица его души сообщится тебе, и когда-нибудь ты вкусишь вечного блаженства. Он даст тебе душу и сохранит при себе свою. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым, твой рыбий хвост, люди находят безобразным; они ничего не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки — ноги, как они их называют.

Русалочка глубоко вздохнула и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

— Будем жить — не тужить! — сказала старуха. — Повеселимся вволю свои триста лет — это срок немалый, тем слаще будет отдых после смерти! Сегодня вечером у нас во дворце бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и

травянисто-зеленых раковин с голубыми огоньками в середине; огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены — и море вокруг. Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб и чешуя их переливается золотом, серебром, пурпуром.

Посреди залы вода струилась широким потоком, и в нем танцевали водяные и русалки под свое чудное пение. Таких звучных, нежных голосов не бывает у людей. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у нее; но потом она опять начала думать о надводном мире, о прекрасном принце, и ей стало грустно, что у нее нет бессмертной души. Она незаметно ускользнула из дворца и, пока там пели и веселились, печально сидела в своем садике. Вдруг сверху до нее донеслись звуки валторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему я бы охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла — только бы быть с ним и обрести бессмертную душу! Пока сестры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме; я всегда боялась ее, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей еще ни разу не приходилось проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже трава — кругом только голый серый песок; вода в водоворотах бурлила и шумела, как под мельничными колесами, и увлекала за собой в глубину все, что только встречала на пути. Русалочке пришлось плыть как раз между такими бурлящими водоворотами; дальше путь к жилищу ведьмы лежал через пузырившийся ил; это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до ее жилья, окруженного диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нем росли полипы, полуживотные-полурастения, похожие на стоголовых змей, торчащих прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими сочленениями, от корня до самой верхушки, они хватали гибкими пальцами все, что только им попадалось, и уже никогда не выпускали. Русалочка испуганно приостановилась, сердечко ее забилося от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце, о бессмертной душе и собралась с духом:

крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянули к ней свои извивающиеся пальцы. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами все, что удавалось им схватить: белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики, кости животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыр-кались, показывая противное желтоватое брюхо, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Омерзительных ужей она звала своими цыплятками и позволяла им ползать по своей большой, ноздреватой, как губка, груди.

— Знаю, знаю, зачем ты пришла! — сказала русалочке морская ведьма. — Глупости ты затеваешь, ну да я все-таки помогу тебе — тебе же на беду, моя красавица! Ты хочешь отделаться от своего хвоста и получить вместо него две подпорки, чтобы ходить, как люди; хочешь, чтобы молодой принц полюбил тебя, а ты получила бы бессмертную душу!

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба и ужи попадали с нее и растянулись на песке.

— Ну ладно, ты пришла в самое время! — продолжала ведьма. — Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю тебе питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним к берегу еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Затем все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Ты сохранишь свою плавную, скользкую походку — ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но помни, что ты будешь ступать как по лезвию ножа и изранишь свои ножки в кровь. Вытерпишь все это? Тогда я помогу тебе.

— Да! — сказала русалочка дрожащим голосом и подумала о принце и о бессмертной душе.

— Помни, — сказала ведьма, — что раз ты примешь человеческий облик, тебе уже не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер! А если принц не полюбит тебя так, что забудет ради тебя и отца и

мать, не отдастся тебе всем сердцем и не велит священнику соединить ваши руки, чтобы вы стали мужем и женой, ты не получишь бессмертной души. С первой же зарей после его женитьбы на другой твое сердце разорвется на части, и ты станешь пеной морской!

— Пусть! — сказала русалочка и побледнела как смерть.

— А еще ты должна мне заплатить за помощь, — сказала ведьма. — И я недешево возьму! У тебя чудный голос, и им ты думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос мне. Я возьму за свой бесценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: ведь я должна примешать к напитку свою собственную кровь, чтобы он стал остер, как лезвие меча.

— Если ты возьмешь мой голос, что же останется мне? — спросила русалочка.

— Твое прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза — этого довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся; высунешь язычок, и я отрежу его в уплату за волшебный напиток!

— Хорошо! — сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье.

— Чистота — превыше всего! — сказала она и обтерла котел связкой живых ужей. Потом она расцарапала себе грудь; в котел закапала черная кровь, и скоро стали подниматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал. Ведьма поминутно подбавляла в котел новых и новых снадобий, и когда питье закипело, оно забулькало так, будто плакал крокодил. Наконец напиток был готов, на вид он казался прозрачайшей ключевой водой!

— Бери! — сказала ведьма, отдавая русалочке напиток; потом отрезала ей язык, и русалочка стала немая — не могла больше ни петь, ни говорить!

— Если полипы схватят тебя, когда ты поплывешь назад, — сказала ведьма, — брызни на них каплю этого питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячи кусков!

Но русалочке не пришлось этого делать — полипы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в ее руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела больше войти туда, — ведь она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсег-

да. Сердце ее готово было разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на синюю поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидала перед собой дворец принца и присела на великолепную мраморную лестницу. Месяц озарял ее своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила обжигающий напиток, и ей показалось, будто ее пронзили обоюдоострым мечом; она потеряла сознание и упала замертво. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце; во всем теле она чувствовала жгучую боль. Перед ней стоял красавец принц и смотрел на нее своими черными, как ночь, глазами; она потупилась и увидала, что рыбий хвост исчез, а вместо него у нее две ножки, беленькие и маленькие, как у ребенка. Но она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими темно-голубыми глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял ее за руку и повел во дворец. Ведьма сказала правду: каждый шаг причинял русалочке такую боль, будто она ступала по острым ножам и иголкам; но она терпеливо переносила боль и шла об руку с принцем, легкая, как пузырек воздуха; принц и все окружающие только дивились ее чудной, скользящей походке.

Русалочку раздели в шелк и муслин, и она стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла ни петь, ни говорить. Как-то раз красивые рабыни, все в шелку и золоте, появились перед принцем и его царственными родителями и стали петь. Одна из них пела особенно хоршо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей; русалочке стало очень грустно: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! «Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, чтобы только быть возле него!»

Потом рабыни начали танцевать под звуки чудеснейшей музыки; тут и русалочка подняла свои белые хорошенькие ручки, встала на цыпочки и понеслась в легком, воздушном танце; так не танцевал еще никто! Каждое движение подчеркивало ее красоту, а глаза ее говорили сердцу больше, чем пение всех рабынь.

Все были в восхищении, особенно принц, он назвал русалочку своим маленьким найденышем, и русалочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ноги ее касались земли, ей

было так больно, будто она ступала по острым ножам. Принц сказал, что она всегда должна быть возле него; и ей было позволено спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он велел сшить ей мужской костюм, чтобы она могла сопровождать его на прогулках верхом. Они ездили по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птички, а зеленые ветви касались их плеч; они взбирались на высокие горы, и хотя из ее ног сочилась кровь и все видели это, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины; там они любовались на облака, плывущие у их ног, точно стаи птиц, улетающих в чужие страны.

Когда же они оставались дома, русалочка ходила по ночам на берег моря, спускалась по мраморной лестнице, окунала свои пылавшие огнем ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку ее сестры и запели печальную песню; она кивнула им, они узнали ее и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали ее каждую ночь, а один раз она увидела в отдалении даже свою старую бабушку, которая уже много-много лет не поднималась из воды, и самого морского царя с короной на голове; они простирали к ней руки, но не смели подплывать к земле так близко, как сестры.

День ото дня принц привязывался к русалочке все сильнее и сильнее, но он любил ее только, как милое, доброе дитя, сделать же ее своей женой и королевой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе она ведь не могла обрести бессмертной души и должна была, в день его женитьбы на другой, превратиться в морскую пену.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» — казалось, спрашивали глаза русалочки, когда принц обнимал ее и целовал в лоб.

— Да, я люблю тебя! — говорил принц. — У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел однажды и, верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль разбился, волны выбросили меня на берег вблизи какого-то храма, где служат Богу молодые девушки; самая младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел ее всего два раза, но ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на нее и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! — думала русалочка. — Я вынесла его из волн морских на берег и

положила в роще, возле храма, а сама спряталась в морской пене и смотрела, не придет ли кто-нибудь ему на помощь. Я видела эту красивую девушку, которую он любит больше, чем меня! — и русалочка глубоко-глубоко вздыхала, плакать она не могла. — Но та девушка принадлежит храму, никогда не вернется в мир, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плаванье. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом деле, чтобы увидеть принцессу; с ним едет большая свита. Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась — она ведь лучше всех знала мысли принца.

— Я должен ехать! — говорил он ей. — Мне надо посмотреть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда не полюблю ее! Она ведь не похожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если уж мне придется наконец избрать себе невесту, я лучше выберу тебя, мой немой найденныш с говорящими глазами!

И он целовал ее в розовые губы, играл ее длинными волосами и клал свою голову к ней на грудь, где билось сердце, жаждавшее человеческого счастья и бессмертной души.

— Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? — говорил он, когда они уже стояли на великолепном корабле, который должен был отвезти их в земли соседнего короля.

И принц стал рассказывать ей о бурях и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в глубинах, и о том, что видели там водолазы, а она только улыбалась, слушая его рассказы, — она-то лучше всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала глядеть в прозрачные волны; и ей показалось, что она видит отцовский дворец; старуха бабушка в серебряной короне стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли ее сестры; они печально смотрели на нее и ломали свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошел корабельный юнга, и сестры нырнули в воду, юнга же подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Наутро корабль вошел в гавань великолепной столицы соседнего королевства. В городе зазвонили в колокола, с высоких башен раздались звуки рогов, а на площадях стали строиться полки солдат с блестящими штыками и развевающимися знаменами. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы еще не было,— она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда ее отдали учиться всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на нее и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она еще не видала. Кожа у нее была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных темных ресниц улыбались синие кроткие глаза.

— Это ты! — воскликнул принц. — Ты спасла мне жизнь, когда я полумертвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою зардевшуюся невесту.

— Ах, я так счастлив! — сказал он русалочке. — То, о чем я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня!

Русалочка поцеловала ему руку, и ей показалось, что сердце ее вот-вот разорвется от боли: его свадьба ведь убьет ее, превратит в морскую пену!

Колокола в церквах звонили, по улицам разъезжали герольды, оповещая народ о помолвке принцессы. В алтарях в драгоценных сосудах курились благовония. Священники кадили ладаном, жених и невеста подали друг другу руки и получили благословение епископа. Русалочка, разодетая в шелк и золото, держала шлейф невесты, но уши ее не слышали праздничной музыки, глаза не видели блестящей церемонии, она думала о своем смертном часе и о том, что она теряет с жизнью.

В тот же вечер жених с невестой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развевались, на палубе был раскинут роскошный шатер из золота и пурпура, устланный мягкими подушками; там новобрачные должны были провести эту тихую, прохладную ночь.

Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно скользнул по волнам и понесся в открытое море.

Как только смерклось, на корабле зажглись сотни разноцветных фонариков, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые поднялась на поверхность моря и увидела такое же веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, пре-

следуемая коршуном. Все были в восторге: никогда еще она не танцевала так чудесно! Ее нежные ножки болели, словно их резали ножами, но она не чувствовала этой боли — сердцу ее было еще больнее. Она знала, что лишь один вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и ежедневно терпела невыносимые мучения, о которых он и не догадывался. Лишь эту ночь оставалось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звездное небо, а там наступит для нее вечная ночь, без мыслей, без сновидений. Ей ведь не было дано бессмертной души! Далеко за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала со смертельной мукой в сердце, принц же целовал красавицу жену, а она играла его черными кудрями; наконец рука об руку удалились они в свой великолепный шатер.

На корабле все стихло, только рулевой стоял у руля. Русалочка оперлась своими белыми руками о борт и, повернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, как она знала, должен был убить ее. И вдруг она увидела, как из моря поднялись ее сестры; они были бледны, как и она, но их длинные роскошные волосы не развевались больше по ветру — они были обрезаны.

— Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти! А она дала нам вот этот нож — видишь, какой он острый? Прежде чем взойдет солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда теплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срастутся в рыбий хвост и ты снова станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживешь свои триста лет, прежде чем превратишься в соленую морскую пену. Но спеши! Или он, или ты — один из вас должен умереть до восхода солнца! Наша старая бабушка так печалится, что потеряла от горя все свои седые волосы, а нам остригла волосы своими ножницами ведьма! Убей принца и вернись к нам! Торопись, видишь, на небе показалась красная полоска? Скоро взойдет солнце, и ты умрешь!

С этими словами они глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпуровую занавесь шатра и увидела, что головка прелестной новобрачной покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнес имя своей жены — она одна была у него

в голове! — нож дрогнул в руках у русалочки. Еще минута — и она бросила его в волны, которые покраснели, точно окрасились кровью, в том месте, где он упал. В последний раз посмотрела она на принца полуугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело ее расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти: она видела ясное солнце и сотни каких-то прозрачных, чудных созданий, реявших над ней, а сквозь них просвечивали белые паруса корабля и розовые облака в небе; голоса их звучали как музыка, но такая нежная, что человеческое ухо не расслышало бы ее, так же как человеческие глаза не различали их самих. У них не было крыльев, но они носились в воздухе, легкие и незримые. Русалочка увидала, что и у нее такое же тело, как у них, и что она все больше и больше отделяется от морской пены.

— К кому я иду? — спросила она, поднимаясь в воздух, и ее голос звучал такую дивною музыкой, какой не в силах передать земные звуки.

— К дочерям воздуха! — ответили ей воздушные создания. — У русалки нет бессмертной души, и обрести ее она может, только если ее полюбит человек. Ее вечное существование зависит от чужой воли. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они могут заслужить ее добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, и навеем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и несем людям исцеление и отраду. Пройдет триста лет, во время которых мы будем усиленно творить добро, и мы получим в награду бессмертную душу и сможем изведать вечное блаженство, доступное людям. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, что и мы, ты любила и страдала, поднимись же вместе с нами в заоблачный мир. Теперь ты сама можешь добрыми делами заслужить себе бессмертную душу и обрести ее через триста лет!

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы.

На корабле за это время все опять пришло в движение, и русалочка увидала, как принц с женой ищут ее. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимая, поцеловала русалочка красавицу в лоб, улыбнулась принцу и поднялась вместе с

другими дочерьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

— Через триста лет мы войдем в Божье царство!

— Может быть, и раньше! — прошептала одна из дочерей воздуха. — Невидимками влетаем мы в жилища людей, где есть дети, и если находим там доброе, послушное дитя, которое радует своих родителей и заслуживает их любовь, мы улыбаемся.

Ребенок не видит нас, когда мы летаем по комнате, и если мы радуемся, глядя на него, наш трехсотлетний срок сокращается на год. Но если мы увидим там злого, непослушного ребенка, мы горько плачем, и каждая слеза прибавляет к долгому сроку нашего испытания лишний день!

Кристиан ПИНО

ЖАН-РЫБА И СИРЕНА

Нашего героя звали Жаном-Рыбой не потому, что это имя как-то предопределяло его судьбу; просто у его родного отца было прозвище Рыба, а его крестного отца звали Жаном. Когда Жан-Рыба родился, ни одна из волшебниц не заинтересовалась его судьбой, ни у одной из них это событие не вызвало улыбки или даже простой гримасы. Море в этот час было беспокойным, но его отец, занятый ловлей морского утря, не услышал ничего особенного в свисте ветра в спущенных парусах и тревожном зове гудков. Разразилась сильная буря, которую можно было бы считать за некое предзнаменование, если бы северные моря, омывающие эти дальние страны, бушевали только по случаю важных событий в жизни людей.

Когда Жану-Рыбе было шесть лет, умерла его мать. Он рос без присмотра, как все сироты. Если лодка его отца уплывала далеко в открытое море, добрая соседка давала Жану кусок хлеба и он уходил в школу; в полдень он ел горячий суп у своего учителя, а вечером на ужин собирал на утесах раковины с моллюсками. Мальчик поздно возвращался в свою темную хижину, он любил подолгу сидеть у моря и всматриваться в слабое мерцание светильников на рыбацких лодках. Когда надвигался густой туман, Жан приходил к соседке, садился вместе со своей маленькой подружкой Аделиной возле огня и весь вечер рассматривал картинки. Иногда мать Аделины рассказы-

вала детям прекрасные печальные легенды родного края: об одном моряке, который лишился ума из-за сирены с глазами глубже океана, о другом моряке, превращенном в туман и вечерами блуждающем неслышно над хижинами, и еще о многих моряках, которые не вернулись к родным берегам...

Жан-Рыба вырос. В восемнадцать лет он был самым красивым парнем в округе, и колдунья, матушка Агар, предсказала, что его полюбит принцесса. Все жители селенья надеялись дожидаться этого чуда, верного источника богатства и счастья для бедняков, — все, кроме Аделины. Двое молодых людей больше не разглядывали картинок, как бывало в детстве, а вечерами созерцали вместе звезды на небе и огни светильников на лодках в море. Иногда Жан сопровождал отца на лов рыбы. Целый день он тянул сеть, наполненную зелеными, голубыми и серебряными рыбами, а потом садился на носу лодки и кончиками замерзших пальцев посылал к берегу нежные поцелуи. Они летели над водой, словно чайки, и на полпути встречались с поцелуями Аделины.

Как-то вечером отец Жана попал в густой, пронизывающий туман; после этого он заболел воспалением легких и умер. Жан стал ловить рыбу один. Он оставался в море по несколько дней подряд, заплывая подальше, туда, где чаще встречаются богатые рыбой отмели, где море еще зеленее и еще таинственнее. Аделина ждала его возвращения.

Однажды, когда она смотрела на удаляющийся парус своего друга, над ней пролетела большая птица, накрыв ее на мгновение своей тенью. Почему-то Аделине показалось, что эта птица — вестница несчастья. Девушка прибежала домой и, обливаясь слезами, кинулась в объятия своей матери.

А в это самое время Жан чувствовал себя счастливым человеком: безмятежная погода предвещала хороший вечер, и молодой рыбак надеялся, что завтра он наполнит лодку рыбой. Еще несколько таких удачных выходов в море, и он сможет отправиться в город и купить там обручальное колечко — тоненький золотой ободок с жемчужиной из южных морей.

И вдруг в одно мгновение на море упал туман. Жан еще никогда не видел, чтобы он появился так неожиданно и был таким плотным, таким леденящим. Молодой рыбак вздрогнул, надел теплую фуфайку, которую связала ему Аделина, и убрал на ночь парус. Он уже хотел было лечь спать в тесной каморке, как вдруг услышал чей-то зов. Но напрасно он старался что-либо разглядеть — небо и море

слились в однообразной, печальной, серой мгле. Жан крикнул — никто не отозвался. Неожиданно ему пришла в голову необычайная мысль: а что если попробовать забросить свою сеть? Может быть, он думал вытянуть рыб с золотым нутром или осьминогов с алмазными присосками? В густом тумане, когда море кажется еще более таинственным, люди верят в чудеса и призраки. Этой ночью сама судьба направляла сеть Жана, и когда он почувствовал под рукой небывалую тяжесть, в его сердце вселилась безумная надежда. Он стал тянуть изо всех сил, но можно было подумать, что могучее море держит добычу. Рыбак не бросает своей сети, даже если она полна свинца. Жан уперся в борт лодки и начал борьбу. Это был жестокий поединок, похожий на его прежние схватки с маленькими приятелями во дворе школы, когда он один перетягивал нескольких из них канатом с узлами и волочил побежденных по земле. Но на этот раз его перетянули; он не удержался и очутился в ледяной воде, совершенно не подготовленный к смерти...

Уцепившись за свою сеть, Жан-Рыба почувствовал, что опускается в глубь моря. Он поразился, что его желудок и легкие не наполняются водой, и еще больше удивился, чувствуя себя таким же бодрым, как на твердой земле, опьяненным быстротой своего движения и сознающим свою силу.

Странная прогулка длилась не больше четверти часа и закончилась в роскошном хрустальном дворце, украшенном розовато-лиловыми водорослями и зелеными изумрудами. Тут-то Жан и заметил, что победителем в недавнем единоборстве, стремительно увлекшим его вместе с сетью ко дну, оказалась маленькая сирена.

Славные белокурые рыбаки северных морей не представляли себе подобной красавицы даже в самых сокровенных мечтах, а ожидавшие их ясноглазые девушки с волосами, похожими на колосья спелой ржи под лучами солнца, казались рядом с ней лишь призраками красоты.

— Сеньор, — сказала красавица сирена, и голос ее напоминал рокот маленьких волн, разливающихся по песку, — добро пожаловать во дворец моего отца — короля тритонов. Вы извините меня, пожалуйста, что вас привели в гости насильно: я зацепилась за вашу сеть, и один из нас должен был стать пленником другого. Я постараюсь, чтобы вы не сожалели о своем поражении.

Она взяла Жана за руку и ввела во дворец. Молодой рыбак последовал за ней. Считая, что он находится в каком-то чудес-

ном сновидении, он ущипнул себя за руку, чтобы проснуться, но по-прежнему его окружала слегка красноватая вода, и он понял, что действительность может превзойти воображение.

— Меня зовут Дельфиной, — продолжала сирена, — в память о дельфине, который спас жизнь моей матери. А знаете ли вы, что мне восемнадцать лет и у меня еще нет мужа? Тритонам недостает обаяния, и они банальны в разговорах. Я всегда мечтала выйти замуж за мужчину, особенно за рыбака. Иногда вечерами я ради забавы плавала вокруг лодок, но меня замечали только старые матросы и начинали с испуга креститься. Надеюсь, вы не станете осенять себя крестным знаменем, говоря мне за завтраком «доброе утро».

Жан не сказал в ответ ни слова: он был слишком ошеломлен необыкновенной красотой своей спутницы, роскошью дворца и своим фантастическим приключением. Молодой рыбак и сирена прошли между двумя рядами совершенно неподвижных черных осьминогов.

— Полк моих гусар, — сказала Дельфина, указывая на них. — Сейчас мы пойдем в нарядную залу, и я представлю вас моему отцу, королю тритонов.

Жан очутился перед громадным коралловым тронном, на котором восседал, опершись на свой хвост, старый, приветливый на вид тритон. Молодому рыбаку показалось, будто он слышит длинную приветственную речь, чувствует, как его руку ласкает другая рука, нежная и очень холодная, но внезапно его охватила страшная усталость, и он уже не мог больше ни понимать, ни чувствовать, ни благодарить. Он потерял сознание.

Когда Жан пришел в себя, ему показалось, что он попал в аквариум. Вокруг него ловко сновали большие красные рыбы. Одна из них принесла ему зубную щетку, сделанную из мягких рыбных косточек, другая предложила восхитительную пасту в ракушке. Наконец осьминог почистил ему обувь, поплеывая на нее ваксой собственного изготовления. Когда Жан-Рыба привел себя в порядок, к нему приблизилась черная рыба, склонилась перед ним, сделала знак следовать за собой и повела его в парадную залу. Как и накануне, король тритонов восседал на коралловом троне с тем же благожелательным видом. Сидевшая рядом с ним Дельфина в платье из серебряных чешуек казалась чудесной жемчужиной. Тритоны и черные осьминоги в молчании неподвижно стояли в несколько рядов.

— Рыбак, — произнес король, — ты первый человек, который добрался до нас живым. До сих пор мы знали людей лишь по бесполезным трупам, которые мы выносили на поверхность волн. А обитатели нашего мира, пожелавшие узнать твердую землю, также никогда не возвращались. Вы, люди, принимали их за рыб или морских чудовищ, так как человеческие глаза не умеют по-настоящему видеть ни души, ни тела. Потому-то сирены и люди соединялись только в ваших и наших легендах. Сегодня впервые в истории мира мы отпразднуем такое бракосочетание. Моя дочь Дельфина согласна стать твоей женой. Благодаря этому браку ты сделаешься наследником моего королевства, а позже станешь владыкой волн. Тогда один Нептун сможет сравниться с тобой мощью, но он уже стар, тогда как ты молод и силен.

Жан не успел ответить, как король подал знак, и в залу вошли двенадцать прелестных сирен, которые несли в руках букеты морских цветов, розовые коралловые ветви и маленькие короны, сделанные из чешуек разноцветных рыб.

Сирены окружили молодого рыбака, и каждая из них, проходя перед ним, подавала ему цветок и дарила улыбкой. Когда они удалились, Дельфина поднялась и подошла к своему нареченному.

— Мой любимый, — проговорила она, — настал день, когда сбываются мои мечты. Протяни свою левую руку, и мой отец наденет на нее королевский браслет, как этого требует наш обычай. Затем ты произнесешь ритуальную клятву: «Клянусь быть верным своей супруге так же, как самому морю; обещаю вычеркнуть из своего сердца память о прошлом».

Почему Дельфина упомянула о прошлом? В сознании Жана словно распахнулась какая-то дверца. Он больше не видел хрустального дворца, величественного тритона и осьминогов. Не видел он больше ни Дельфины, ни ее платья из чешуек. Перед его глазами стояла Аделина в юбке из грубого полотна. У нее был немного вздернутый нос, прядь волос свисала на щеку, глаза ее не блестели холодным сапфировым блеском, как у сирен, а были полны нежности...

— Я не женюсь на сирене, — громко сказал Жан-Рыба. — В моем сердце другая женщина. Позвольте мне возвратиться к ней!

На одно мгновение ему показалось, будто по зале пронеслась буря, так сильно захлопали хвостами тритоны и заволновались осьминоги. Король поднялся на своем троне. Теперь он напоминал беса, подскочившего на спиральной пружине.

— Рыбак, — сказал он, — ты единственный человек, который попал к нам живым, и ты нанес нам жесточайшее оскорбление. Итак, сегодня вечером труп этого человека поплывет на яростных волнах. Осьминоги, задушить его!

— Остановитесь! — закричала Дельфина. — Еще не все потеряно. Пусть он возвратится к женщине, которую любит; она сама придет ко мне.

Она приблизилась к Жану, положила свою маленькую руку на его грудь в том месте, где сильнее всего билось его сердце, и произнесла несколько таинственных слов. Скоро на ее губах снова появилась улыбка, и она отняла руку, тщательно пряча в ней что-то...

— Он может уйти, отец. Сохраните королевский браслет: скоро вы наденете его на руку этого человека. Осьминоги, пропустите нас!

Сказав это, Дельфина сама проводила молодого рыбака к берегу.

Не кто иной, как матушка Агар нашла тело Жана-Рыбы, лежащее на маленьком пустынном пляже. Несмотря на преклонный возраст и щедедушность, матушка Агар сумела поднять его и дотащить до своей хижины. Там она привела Жана в чувство, влив ему между зубами несколько капель черноватой жидкости.

— Ну, мой красавчик рыбак, вы снова вернулись в мир живых людей. Теперь лежите спокойно, а я схожу за вашей Аделиной.

— Аделина? — прошептал Жан. — Я впервые слышу это имя.

— Спите, спите, вы сейчас ничего не соображаете.

И колдунья, оставив рыбака одного, заковыляла из хижины.

Аделину она нашла в слезах: на рассвете рыбаки встретили пустую лодку Жана и по возвращении сообщили девушке о том, что жених ее, вероятно, погиб.

— Он не умер, — закричала матушка Агар, — море выбросило его на берег, он невредим, разве только чуть не в своем уме. — И она добавила, так как умела приврать, когда нужно: — Он зовет тебя, Аделина.

Несколько мгновений спустя девушка держала голову Жана на своих коленях и целовала его глаза.

— Как ты бледен, мой любимый, — шептала она, — и какой у тебя блуждающий взгляд! Я напрасно стараюсь увидеть свое лицо в твоих глазах — в них лишь какое-то неясное отражение. Поговори со мной.

— Вы хорошая и красивая девушка, — ответил Жан, — ваше лицо не совсем мне незнакомо; мы, наверное, где-нибудь встречались. Я, конечно, с удовольствием снова вас повидаю, но сегодня мне нужно уйти.

— Куда же вы пойдете, мой красавчик рыбак? — пошутила матушка Агар. — В этих краях вас никто не ожидает, кроме Аделины.

— Я должен вернуться в море. Меня там ждут.

— Боже мой, — простонала девушка, — сжался над моим женихом, он утратил разум.

Матушка Агар, утешая ее, сказала:

— Дочка, шестьдесят лет я занимаюсь колдовством и умею отличить здравомыслящего человека от сумасшедшего. Этот парень в своем уме, но, должно быть, он потрясен приключением, которое случилось с ним. Наберись терпения и нежности, и ты вернешь ему память...

Жан оправился довольно быстро. Казалось, он узнал свой дом, свою прежнюю школу, свое селение, но смотрел на все это без радости, хотя, впрочем, и без печали. Он уже не вел с Аделиной тех нежных бесед, как прежде, не дарил ей свои поцелуи и не ждал их от нее. У него было лишь одно желание: уплыть на своей лодке. Однако в море Жан не забрасывал сети. Он пристально смотрел на воду, словно надеялся, что из нее появится что-то такое, без чего он не может жить. Вечером Жан возвращался, не поймав ни одной рыбы, и, пообедав, усаживался на утесе и так же пристально смотрел в море. Аделина печально садилась рядом с ним, но, казалось, он едва замечал ее присутствие.

«О чем он может думать? — спрашивала себя девушка. — Почему он смотрит на море с такой тоской в глазах? Неужели во время бури вихрем унесло его душу и он ожидает, что ее возвратит ему какая-нибудь белая птица? Но не сможет ли моя любовь вдохнуть в него другую душу? Хотя он даже не вспоминает о том, что любил меня».

И, обхватив голову руками, она плакала, но он не слышал ее рыданий.

Проведя несколько дней в тоске, Аделина решила повидать матушку Агар. Она принесла ей масла, сыра и яиц, так как знала, что та любит поесть.

— Уж очень ты печальная, дочка, — сказала колдунья,

увидев ее, — твои глаза слишком жадные: они съели половину твоего лица. Если хочешь нравиться своему рыбаку, нужно быстро осушить слезы и улыбаться, чтобы он видел, какие у тебя белые зубки. Когда ты поблекнешь и станешь морщинистой, как я, тебе хватит времени подумать о неверности бытия.

— Матушка Агар, я плачу потому, что потеряла своего жениха. Это и привело меня к вам. Правда, он охотно проводит со мной досуг, но мне кажется, в нем нет души; иногда, рассказывая мне о своем несчастье, он машинально гладит мою руку, но так, словно касается рукой дерева.

— Чего же ты хочешь от меня, дочка?

— Матушка Агар, я знаю, что вы умеете приготавливать какое-то таинственное варево и, когда выпиваете его, вам становится известно все — прошлое и будущее, сущность вещей и людей. Прodelайте это сегодня для меня.

— А ты, дочка, не боишься того, что я открою тебе? Я скажу всю правду, какой бы жестокой она ни была. Готова ли ты выслушать ее?

— Да, я готова и не испытываю страха.

Тогда колдунья налила в котелок рыбьего жира, подбавила туда соли, трав и несколько зерен. Скоро по комнате распространился ужасный запах. Аделина ничем не проявила своего отвращения. Когда варево было готово, она сама подала его матушке Агар и смотрела, как та глотает горячий напиток. Прошло несколько минут, и колдунья, закрыв глаза, начала говорить: «Я вижу Жана-Рыбу! Он находится в глубине моря, и осьминог чистит ему обувь. Теперь я вижу сирену! Какая она красивая! Она улыбается рыбаку, но тот отводит глаза. Она подходит к нему, кладет руку на его сердце. В ее глазах много любви и жестокости! На груди Жана появляется слабое мерцание. Сирена срывает его и прикладывает к своему пальцу. Теперь на этом пальце я не вижу ничего, кроме жемчужины со странным отблеском, вделанной в золотую оправу. Аделина, в этой жемчужине заключена еще живая любовь твоего жениха...»

Матушка Агар замолчала.

— И вы не можете сказать ничего больше? — умоляющим голосом произнесла девушка. — Но как же мне достать эту жемчужину со дна моря? Как возвратить украденную у меня любовь?

— Этого я не знаю. Дворец и сирена исчезли, перед моими

глазами остался только твой жених. Он очень печален. Он и сам не ведает, что его сердце стало пустым.

— Что же мне сделать для его спасения? Помогите мне, ради Бога, матушка Агар, я готова на все.

— Дочка, я не могу помочь тебе; пусть твоими поступками руководит твоя любовь.

Прошло еще несколько дней. Жан-Рыба становился все печальнее, он почти не ел и не разговаривал. Аделину не покидало отчаяние, и она ловила себя на том, что тоже пристально глядит на море...

Однажды вечером Жан взял Аделину за руку и сказал ей:

— Аделина, ты хорошая, добрая девушка, но я вынужден причинить тебе большое огорчение: завтра на рассвете я уплыву на своей лодке и никогда больше не возвращусь к берегу; моя судьба, где-то там, в море. Слишком давно она зовет меня — должен же я в конце концов услышать ее зов! Прощай!

Девушка осталась одна. Она положила голову на руки и погрузилась в размышления. Так и сидела она на небольшой скале, которая когда-то была слишком широкой для нее и Жана, прижавшихся друг к другу...

Поздно ночью Аделина встала и спустилась к берегу. Рыбачьи лодки плясали на волнах, словно китайские тени на экране. Девушка без колебаний вошла по пояс в холодную воду и быстро добралась до лодки своего жениха. Она умело отвязала ее, натянула парус и, взявшись за руль, направилась в открытое море. Ночь была ясная, ветер благоприятный, и скоро берег скрылся из глаз Аделины. Теперь одни только звезды связывали ее с миром, который остался позади. Она смотрела на них с какой-то тоской, как если бы, умирая, пересчитывала на стенах своей девичьей комнаты бесцветные букетики из старой поблекшей бумаги...

Аделина сама еще не знала, что станет делать. Она только вспоминала фразу, которую Жан устало произнес как-то вечером: «...Я забросил свою сеть, и тогда она пришла за мной».

В раздумье провела Аделина всю ночь и весь следующий день. Когда снова наступил вечер, море стало беспокойным. Девушка почувствовала, что силы ее убывают, и храбро забросила голубую сеть в море.

Она не стала бороться, когда почувствовала, как отяжелела сеть в ее руках, и позволила увлечь себя в воду. Ее почти не

удивило, что она не потеряла сознания. Она искала чуда или смерти. Раз смерть не пришла к ней сразу, значит должно произойти какое-то чудо. Через четверть часа это чудо предстало перед Аделиной в виде юного тритона, на улыбающемся лице которого виднелись черные подстриженные усики.

— Принцесса, — произнес юноша-рыба, — позвольте мне выразить вам свою радость, удивление и восхищение. Мы не привыкли к подобным посещениям, а нашим белокурый сиренам при всей их миловидности немного недостает задора и пикантности.

После этих слов тритон взял Аделину за руку и привел ее к дворцу из голубого камня, отделанного рубинами.

— Вот дворец моего отца Нептуна. У бедного старика уже не все в порядке с головой, но он еще очень галантен. Сейчас я вас ему представлю.

Девушка очутилась перед старцем, настолько обросшим короткой густой шерстью, что он был похож на плюшевого зверька.

— Здравствуй, Икар, здравствуй, — сказал Нептун, — ты привел ко мне красивую рыбку.

— Это не рыбка, а девушка!

— Да... Извини меня, я очень скверно слышу, при мне нет слухового аппарата.

— Девушка с земли! — закричал Икар.

— Очень интересно. А у нее весьма милые ножки! Что же вы хотите сделать с такой добычей, дорогой сын?

— Я женюсь на ней, отец, если вы ничего не имеете против.

— Так ведь вы уже женились на семи или восьми сиренах без моего согласия. Поступайте, как вам заблагорассудится.

Тогда Икар коснулся коленом земли и спросил Аделину, согласна ли она стать его женой.

— Я не откажусь от подобной чести, — ответила девушка с притворной скромностью, — но в моей стране, перед тем как просить руки девушки, принято делать подарок, достойный избранницы.

— Требуйте от меня все, что захотите, принцесса! Если бы луна находилась под волнами, я отправился бы за ней ради вас! Увы, мы, бедные тритоны, можем схватить лишь ее отражение в воде!

— Я хочу иметь кольцо, которое носит на пальце дочь короля тритонов.

Икар побледнел:

— Вы требуете от меня подарка, достать который труднее всего на свете: король тритонов и мой отец — смертельные

враги. Но вы получите это кольцо!

Тритон исчез, и Аделина осталась наедине с Нептуном.

— Дорогая рыбка, — произнес старец, — я не знаю, что вы потребовали у моего сына, но, судя по его встревоженному виду, я готов поклясться, что вы себя оценили по достоинству. А пока его нет, не хотите ли сыграть со мной в шашки?

Нептун велел слугам принести стол с разрисованной в черную и белую клетку крышкой и с расставленными белыми и черными шашками.

— Ваш ход, дорогая рыбка, — сказал он, — я играю черными.

Через три дня Икар принес кольцо.

— Принцесса, вот перстенок, который вы хотели получить. Правда, жемчуг странный на вид и ободок немного тонковат, но это кольцо — прекраснейшее в мире, потому что вы пожелали иметь его.

— Сеньор тритон, — сказала Аделина, — теперь ничто не мешает мне стать вашей женой. Позвольте мне только в последний раз взглянуть на свою деревню и обнять своих старых родителей.

— Я никогда не позволю вам возвратиться на землю: у вас не хватит храбрости вернуться сюда.

— Сеньор, я умоляю вас об этом. Разрешите мне по крайней мере подняться на поверхность и посмотреть на свой дом на берегу. Может быть, я сумею каким-нибудь знаком успокоить людей, которые считают меня погибшей. Я буду вечно благодарна вам за это.

— А вы спуститесь снова в глубь моря?

— Сразу же, как только вы захотите увести меня сюда.

Хотя нос Аделины сильно шевелился, обличая ее во лжи, но девушка казалась такой трогательной и милой, что Икар уступил и повел ее к берегу.

Приблизившись к поверхности моря, Икар и Аделина поплыли один возле другого, вернее, друг над другом, так как Икар, опасаясь, что его заметят рыбаки, довольствовался лишь созерцанием ножек своей невесты. Поэтому он не заметил, как подошла рыбацкая лодка, и не успел схватить Аделину, когда мужские руки подняли ее над водой...

В течение двух дней сын Нептуна ожидал чуда, затем он решил не спеша возвратиться во дворец к своему отцу. Там царило необычайное оживление. Помолодевший Нептун, вооруженный слуховым аппаратом, встретил Икара с распростертыми объятиями.

— Мое дорогое дитя, вы не довели до моего сведения, что дочь короля тритонов Дельфина отдала вам свою руку. Вот чрезвычайный посол, он прибыл для обсуждения церемонии бракосочетания.

— Увы, отец, — печально произнес Икар, — я не сумел получить кольцо, не дав кое-каких обещаний. Но я не собирался их выполнять.

— Вы выполните их. Этот брак укрепит мой трон и обеспечит мир среди тритонов. К тому же Дельфина, кажется, самая красивая сирена всех океанов. Без сомнения, вы не пожалеете, став ее мужем. Кстати, куда девалась ваша рыбка?

— Она не сдержала своего слова, — гневно ответил Икар, — у женщин совести еще меньше, чем у сирен...

Жан-Рыба нашел свою любовь в жемчужине с розовато-лиловым отблеском. Сидя на маленькой скале рядом с Аделиной, он строил планы на будущее:

— В воскресенье я пойду в город, куплю там кольцо и надену его на твой пальчик.

— Зачем? — ответила Аделина. — Я могу носить то, которое достала на морском дне.

— Я хочу, чтобы ты бросила его в море. К чему тебе хранить подарки этого молодого человека... то есть тритона?

— Тогда и ты брось жемчужину, — ответила девушка, — пусть и у тебя ничего не останется от сирены.

Жан и Аделина освободились от своих сувениров и нежно обнялись, не подозревая, что они обеспечили вечный мир в глубинах океанов!

Как черта перехитрили

ЧЕРТ И ВЕДЬМА

Польская сказка

дному мельнику чертяка все запруду портил. Тот — починит, а чертяка опять течь устроит — воды нет, молоть нельзя. Пришла к мельнику одна бабка, мельник ей и говорит:

— Помогли бы вы мне, отведили бы черта, я бы вам меру муки отсыпал.

— Помогу, — согласилась бабка.

Велела она мельнику справить новый плуг железный, упряжь, хомут, постромки, уздечку, вожжи, кнут — все железное.

Вот справил мельник снаряжение, бабка разложила его, поколдовала над ним и кричит:

— Выходь!

И вышел к ней черт.

Запрягла она черта, погнала его на вырубку, на пни, и пахал он там до самого полдня. В полдень пошла бабка на мельницу обедать, а его так в упряжи и оставила.

Стоит он, стоит, а тут идет из лесу мужик с хворостом. Мужик был бедный, дров купить ему не на что было, так он хворост собирал. Черт ему и говорит:

— Запрягись, потягай плуг вместо меня. Не будешь больше за хворостом бегать, я тебе кучу денег дам, поле купишь.

Подумал мужик и говорит:

— Давай!

Вылез черт из упряжи, мужика запряг, а сам бегом на сенокос, к

девкам, чтобы косточки расправить. Эта бабка его здорово уходила кнутом-то железным!

Вот пришла бабка с обеда, давай дальше пахать. Мужик дерг плуг — ан ни с места. А бабка его — кнутом! Железным.

Заорал мужик: помогите, мол спасите!

А ведьма и молвит:

— Что-то ты до обеда не вопил, дружок! Будешь запруду портить?

— Не буду! — кричит мужик. — Да я сюда ни ногой!

А черт издала мужиковы вопли слушает, по сему со смеху катается.

Выпрягла бабка мужика.

— Ступай, — говорит.

И ушла на мельницу.

Вылез черт из сена, говорит мужику:

— Пошли в лес.

Пошли они в лес, и черт дал там мужику кучу денег. Больше он за хворостом в лес не бегал. Черт запруду портить бросил, а бабке мельник меру муки отсыпал.

ЧЕРТ И СВЯТОЙ МАРТИН

Польская сказка

Наделял Бог Адама всякими злаками для посева: вот это — людям, это — скоту... А нечистый тут как тут. И видит, что для них, чертей, ничего у Бога не приготовлено. Вот он и попросил для своей братии хоть что-нибудь. У Бога же к тому времени оставались только репа и овес. «Э, ладно, — думает Бог. — Много ли проку в репе да овсе?»

— Тебе будет репа и овес.

Чтобы не забыть, черт стал повторять про себя:

— Репа и овес, репа и овес...

И пошел прочь. Но святой Мартин пожалел, что репа и овес достались нечистым. Пусть не много пользы от овса да репы, а все же и они могут пригодиться людям. Крикнул святой Мартин в сердцах на черта, тот и позабыл с перепугу, что ему Бог дал. Спрашивает у святого Мартина, а тот отвечает:

— Репей и осот.

Обрадовался чертяка:

— Ага, верно, верно! Репей и осот!

И всегда с той поры среди хлебов сеет черт осот, а у домов, где люди сажают картошку да капусту, черт сажает репей.

ЧЕРТОВ КАМЕНЬ

Польская сказка

Еще недавно у дороги, которая ведет из Велигоры в Смеховице, лежал громадный камень. Он был так велик, что казался пограничным холмом. Камень блестел в отлеме серебром и золотом. Его огромные размеры, удивительный цвет и форма, напоминающая яйцо, острым концом обращенное точно на север, — все наводило на мысль, что дело здесь не просто. Каждый прохожий замечал эту диковинку и ломал себе голову: откуда взялся этот валун? Все называли его «чертовым камнем», да мало кто знал, откуда пошло это название.

Сказывали старухи, будто в ту пору, когда были они малыми детьми, их столетние бабки вечером, за прялкой, нет-нет да и вспомнят, бывало, историю валуна. А было это в те времена, когда по всему свету увивалось чертей видимо-невидимо. Черти сидели на дорогах, бродили по дубравам, прятались в оврагах, гарцевали с ведьмами на Лысой горе. Они чинили людям обиды, соблазняли их, а потом, как рыбаки сетью, тащили души прямехонько в ад.

Неподалеку от тех мест жил в деревне пан, известный злым нравом и неслыханной силой. Звали его Валигора. К югу от него жил в своем поместье другой пан, которого звали Смешек, потому что он любил посмеяться. А к востоку, всего в каких-нибудь восьмидесяти верстах находился третий пан по имени Жить.

Все трое продали души чертям. Старшой черт приготовил договор на телячьей коже, который каждый из них скрепил кровью из среднего пальца.

Первый пан хотел быть сильным, второй — всегда веселым, а третий собирался прожить не меньше, чем Мафусаил. Черт устроил им житье-бытье, какое кому хотелось. Но без денег на этом свете не обойдешься, и черт показал им в трясине, что была как раз посреди их владений, глубоченную яму, заполненную по самые края чем-то, как снег, белым. А было это чистое серебро, и хотя трое панов стали выгребать его целыми мешками, серебро все не убывало.

Черти стерегли эту яму днем и ночью, но не под силу им было уберечь свое сокровище: ведь и в те времена хватало воров, которые, не боясь утонуть в трясине, постоянно таскали серебро.

Ко всему этому присматривался Господь Бог со своего небесного престола. С согласия Бога черти жестоко мучили тех, кого им удавалось схватить на месте преступления, ибо всякий грех должен быть наказан.

Но вот вмещалась в это Святая Дева. Видя муки грешников, она, в своем великом милосердии, именем Сына Божьего, принявшего смерть на кресте, упросила Бога-отца, чтобы в лапы к чертям попадали только нехристи и еретики, а чтобы католиков не смели трогать без суда Всевышнего.

Однажды ночью какому-то захудалому шляхтенку удалось при свете месяца одолеть трясины. С мешком, полным серебра, он кинулся удирать полями. Черти его заметили и тотчас пустились в погоню. Но шляхтенок на своих длинных ногах бежал быстрее зайца. Старшой черт затрясся от злобы, увидав, что молодые дьяволята не могут догнать наглеца. Бежать за ним вдогонку самому было поздно. Тогда черт выворотил из земли камень величиной без малого с бедняцкую халупу и со страшной силой швырнул его вслед убежавшему. Глыба загремела, засвистала, заскрежетала и наполовину врезалась в землю. Черт остался доволен: тяжелый камень придавил и шляхтича и мешок с серебром.

Все это не укрылось от глаз Отца Небесного. Он вспомнил про обещание, данное Святой Деве. Ведь тот шляхтенок, хоть и согрешил от жадности, соблазнившись дьявольским добром, был все же праведным католиком, а его имя даже в святую книгу было записано. И тогда повелел Господь Бог чертям, не медля ни минуты, убираться в пекло. А старшому черту наказал сидеть на том самом камне и, уж не чиня людям обиды, стеречь до Страшного суда тело грешника, лежащего под камнем.

Вместе с чертями пропала навсегда и яма с серебром. На другой день, когда паны Валигора, Смешек и Жить сошлись, как обычно, к заветному месту, они увидели не белое сверкающее серебро, а расщелину, по самые края заполненную смердящим и черным дьявольским дерьмом.

Люди на богатство-то всегда завистливы, один другому не доверяет, вот и те паны начали промеж себя ругаться, а вскоре дошло и до потасовки. Один сваливает на другого, один другому кричит: ты, мол, украл серебро! Больше всех горячился пан Жить, ему ведь предстояло еще долгое житье. Схватил он Валигору за ворот и так рванул к себе, что оба упали на землю. Смешек не стал дожидаться, пока Валигора подыметься да порасшибает им лбы: спихнул он их обоих в яму со зловонным чертовым дерьмом. Не по силам оказалось панам выбраться из топкой жижи. На Смешека же напал неудержимый смех. Хохо-тал он, хохотал... пока брюхо не лопнуло.

А еще говорили старые люди, что деревня называется Велигора, а не Валигора вот почему: как вырвал черт свою глыбу из середины земли, так оттуда и поднялась превеликая гора. Смеховицы ведут свое название от пана Смешка, а деревня Жите от третьего пана — Житя, который хотел жить не меньше покойника Мафусаила, да Смешек утопил его в чертовом болоте раньше времени...

КАК МАРЫСЯ ЧЕРТА ПЕРЕХИТРИЛА

Польская сказка

У одного мужика-вдовца от покойной жены осталась дочка. Женился он во второй раз на вдове, у которой тоже дочка была. Мачеха сильно обижала падчерицу, хотела ее со свету сжить, чтобы все добро досталось ее Ягусе. Только о том и думала, как бы падчерицу извести.

А была в той деревне мельница, на которой по ночам черти хозяйничали, муку мололи. Людям по ночам молоть нельзя было, после урочного часа никто туда войти не смел, боялись, что черти голову оторвут.

Вот и погнала однажды ночью та мачеха свою падчерицу на мельницу и велела ей смолоть корец пшеницы. Не стала падчерица прекословить, собралась и пошла. Пришла она на ту заклятую мельницу, поставила мешок к лотку, сама к другим мешкам прижалась, дрожит от страха, не знает — то ли остаться, то ли убежать. Да и бежать боязно — того и гляди черти в темноте набросятся. Вот сидит она и видит — идет к ней господин в цилиндре, во фраке, в белых перчатках, только из-под фрака хвост торчит. Подходит он к ней и говорит:

— Марыся, идем танцевать!

А Марыся ему отвечает:

— Э, нет, не пойду. У меня юбки нету!

Указывает, значит, чтобы он принес ей белую юбку. Пан отправился за юбкой, принес и говорит:

— Марыся, идем танцевать!

— Э, нет, не пойду. У меня сорочки нету.

Сходил он за сорочкой, принес сорочку всю расшитую узорами. Опять зовет ее танцевать. А она отнекивается:

— Э, нет, не пойду. У меня корсажа нету.

Принес он ей цветной корсаж — глаз не отвести.

— Марыся, идем танцевать!

— Э, нет, не пойду. У меня передника нету.

Принес он ей передник.

— Э, нет, не пойду. У меня сапожек нету.

Принес он ей сапожки. Не сапожки — чудо, до колен шнуровка, и опять танцевать приглашает.

— Э, нет, не пойду, какие тут танцы! Ботинки ты мне принес, а чулок захватить не догадался. Что ж мне ботинки-то на босу ногу надевать прикажешь?

Принес ей господин чулки, опять зовет танцевать, а она требует бусы, потом сережки, потом перстенок.

Все это он ей доставил, танцевать зовет.

— Э, нет, не пойду. Волосы у меня не расчесаны, а расчесать нечем.

Принес он ей гребень, а ей понадобилась лента в косу. Принес черт и ленту, думает: «Ну, конец! Теперь-то ей от меня не отвертеться!»

Приглашает ее, а она в ответ:

— Э, нет, не пойду. Мне вперед умыться надо.

— Да в чем же я тебе воду принесу? Нету здесь кувшинов.

— А вот в этом.

И протягивает ему решето.

Взялся черт решетом воду носить. Носил, носил — что наберет, все по дороге выльется, никак не донести. Обозлился черт, швырнул ей решето под ноги да как закричит:

— Ну погоди! Вот придешь еще раз на мельницу, я тебе покажу, мерзавка!

Но тут кончилось его время, и пришлось ему ни с чем прочь убираться. Огляделась Марыся вокруг, смотрит, а мешок уже полон муки. Вскинула она его на спину и понесла домой. А дома все спят и дверь заперта. Никто и не ждал, что она вернется с мельницы живехонька. А с ней ничего худого не случилось, потому что она смекалистая была и велела черту вещи носить по одной, чтобы время провести и в танцы его чертовские с ним не пускаться.

Вот пришла она домой, стучится.

— Кто там? — спрашивает мачеха.

— Отоприте, матушка! Это я, Марыся, с мельницы пришла, мешок муки принесла.

Мачеха, понятно, не обрадовалась, что падчерица вернулась жива-невредима. Отперла она дверь, зажгла свечу, глядит: Марыся это или не Марыся? Присмотрелась как следует — а на Марысе-то корсаж новый, юбка шелковая, передник с вышивкой, бусы как орехи, ботинки до самых колен, шнурованные, в ушах серьги, на руке

перстень! Схватилаась тут мачеха за голову.

— Марыся, да кто ж тебе все это дал? Ну, говори же! Неужто на мельнице дали?

— Ой, матушка! Каких там только нарядов нет! Бери, что душе угодно. А уж какой господин красивый приглашал меня танцевать! Да я не пошла, не захотела.

Стало мачехе завидно. Подумала она: «Нужно мою Ягусю на мельницу послать. Пусть и она принарядится».

И на другую ночь шлет мать Ягусю с корцем пшеницы на мельницу. Не очень-то хотелось Ягусе идти туда ночью, да уж больно хотелось ей нарядиться не хуже Марыси.

Пришла она на мельницу, уселась, сидит, дрожит от страха. И вот является тот самый господин в цилиндре, во фраке и в белых перчатках. Он решил было, что перед ним Марыся. «Ну, — думает, — сейчас расквитаемся!»

— Марыся, — кричит. — Пойдешь со мной танцевать?

А девушка ему в ответ:

— Какие тут танцы, когда у меня нет юбки, нет сорочки, нет передника, башмаков, чулок, корсажа, нет бус, сережек и персенька, нет ленты в косу и умыться нечем!

Отправился черт за всем этим добром, принес разом все, что у него попросили, ушат с водой не позабыл и торопит:

— Давай побыстрей! Мойся, одевайся, а то у меня времени мало.

Ягуся скоренько оделась, умылась, волосы расчесала и пошла танцевать с чертом. Как прошел с ней черт три круга, так заходило у ней все перед глазами, ноги заплелись. И тогда оторвал ей черт голову и выбросил с мельницы. А туловище просунул через решетку в окне — половина снаружи, половина внутри.

Мать ждет-пождет — нет дочки. Молчит мать, только вздыхает. А жаловаться стыдно, как бы Марыся смеяться не начала. А Марыся-то лежит, не спит, догадывается, о чем мачеха вздыхает и почему Ягуся не идет: должно быть, черт ей голову оторвал. Не утерпела мачеха, и только светать начало, встала и бегом на мельницу! Глядь — голова Ягусина на земле валяется. Запричитала мачеха:

— Боже милосердный! Родное мое дитяtko, что же это с тобой сделали?!

Взглянула она вверх, а из окна туловище Ягуcино свисает. Не посмела мачеха крик поднять, плакать да жаловаться, боялась, что люди смеяться начнут над ее глупостью. Знала ведь, что на мельнице творится, и сама свою дочку на погибель туда послала.

Вернулась она в свою хату и только показала подчерице Ягусину голову:

— Гляди, что с моей Ягусей случилось!

— Ах, матушка, не надо было ее туда посылать. Там смекалка нужна, без нее живым не уйдешь.

С тех пор полюбила мачеха Марысю больше, чем свою покойную Ягусю. Одна ведь она у нее осталась.

Вот до чего жадность доводит! Уж как жалела потом баба, что польстилась на дурацкие одежки да безделушки и лишилась из-за нее любимой дочери.

О ДЬЯВОЛЕ И ГОСПОДЕ БОГЕ

Польская сказка

Встретились как-то раз Господь Бог с дьяволом, или, как в народе попросту говорится, с чертом.

Поклонился черт и говорит:

— Добрый день, Господь Бог.

— Здравствуй, черт.

— Скажи мне, Господи, почему это я тебя господином величаю, а ты меня просто чертом называешь?

Отвечает ему Бог:

— Видишь ли, я всем господин, потому что дал людям добро, ты же вечно козни строишь, глаза бы людей на тебя не смотрели.

Так шли они, шли, разговаривали, вдруг видят: пасется на лугу корова.

Обрадовался лукавый:

— А давай-ка посмотрим, как эта тварь нас встретит.

Согласился Бог:

— Ладно, ступай ты к корове первый, увидим, что она с тобою сделает.

Подошел черт к буренушке поближе, наставила она рога, вот-вот бодаться начнет.

Просиял добрый Бог:

— Ну, видишь, чертов сын, корова — и та тебя не любит.

Отвечает ему черт:

— Теперь, Боже, твоя очередь, ты к корове подойди, интересно, как она тебя встретит.

Приблизился Господь Бог к животному, увидела его бедная корова, испугалась Божьего сияния. Бросилась бежать со всех

ног, со страха дороги не разбирая, и попала в овраг. А на дне оврага была топь, никак корове оттуда не выбраться.

Тут дьявол и говорит:

— Что же ты, Господи, наделал, как теперь нам быть?

На счастье, увидел корову в овраге пастух, побежал он в деревню, позвал хозяина. Прибежал хозяин коровы, давай ругаться:

— И какой тебя черт туда занес?

Услышал нечистый, обиделся:

— Справедливо ли это, Боже: ты скотину в овраг загнал, а ругают меня?

Пошел мужик за помощью, самому ему было не справиться. Сошлись соседи, кричат, галдят, руками машут, а в грязь никому лезть не хочется.

Надоело дьяволу без дела стоять.

— Не говорил ли я тебе, Господи, что черт сильнее тебя? Теперь смотри.

Пошел нечистый и помог мужику корову из оврага вытащить.

Обрадовались тут люди, давай благодарить!

— Вот, слава Богу, помог нам.

Улыбнулся тогда лукавый и сказал Всевышнему:

— Ты уж прости людям, Господи, не ведают часто они, что творят.

КАК ЧЕРТ ПОМОГ БЕДНОМУ МУЖИКУ

Польская сказка

Жил один мужик очень бедно, а были у него жена и семеро детей. И вот однажды нечего было есть в его доме, пошел он в костел и стал просить Бога послать ему что-нибудь, а сам подумал, что если уж Бог не поможет, то придется пойти и украсть.

Молился крестьянин и вдруг слышит позади себя чьи-то шаги. Оглянулся он и видит: стоит у амвона человек, одетый во все черное. Наклонился черный, отодвинул каменную плиту, что-то из-под пола вытащил и воскликнул:

— Флорек, все твое, только дырявый мешок мой!

Потряс он мешок, посыпалось оттуда золото. Обрадовался мужик, собрал деньги и пошел домой. По дороге купил детям подарки, себе сермягу. Увидели злые люди, что завелись у бедного крестьянина деньги, пошли к пану и наговорили ему, что украл Флорек у него золотые. Забрал богач у холопа все золото, а его, беднягу, приказал посадить в яму. Ночью

пришел к пану черт, взял да и отнес его на высокую липу, а сам остался под деревом.

Проснулся богач, испугался, давай кричать:

— Господи, где я?

Отвечает ему нечистый:

— Ты сидишь так же высоко, как Флорек глубоко. Вспомни-ка, свои ли ты деньги у него взял, за что ты его в яму посадил?

Запрысся богач, пообещал все вернуть крестьянину, да еще и двадцать ренских прибавить, только бы снял его нечистый с липы.

Отнес черт пана домой, а наутро позвал богач Флорека к себе и отдал ему все деньги, да еще и двадцать ренских дал в придачу.

ЯРОШЕК

Польская сказка

Приземистые сосны с чуть розоватыми стволами покачивались на пригорке. Сучья их сплелись, точно сосны обнялись в горе. Нижние ветки, сухие, совсем голые, торчали в разные стороны. Под одним таким большим корявым деревом стоял батрак Янюрек и распутывал веревку. Глаза его жалобно смотрели прямо перед собой, а руки дрожали и не могли завязать петлю.

— Не хочется, ох, как не хочется мне расставаться с жизнью, — бормотал он чуть слышно. — Жаль покидать белый свет, оставлять жену и детей... Да что поделаешь, камни есть не будешь, семью ими не прокормишь...

— Да ты никак вешаться хочешь? — закричал вдруг старый лесной чертушка Ярошек, просунув сквозь густой кустарник свой рогатый лоб.

— Эх, хотеть не хочу, а приходится, — вздохнул крестьянин. — Приготовился умирать.

— Знать, бедность тебя заела?

— Не так бедность, как «добрый» хозяин.

— Что, обидел?

— Скорее, помог. С его-то благодеяний все и началось.

— Ничего не пойму, несешь какой-то вздор.

— Понял бы, кабы попробовал его доброту на собственной шкуре.

— Нет уж, лучше, видно, не пробовать. Это не сладость, если потом от нее горько становится. Так что же все-таки тебя мучает?

— Расскажи я все, ты ведь только руками разведешь, а мне воспоминания пуще душу разбередят.

- Как знать? Может, смогу я твоему горю помочь.
- Нечистый и помощь... Совсем так, как если бы надумали поженить воду с огнем.
- Ну и маловер же ты, как я посмотрю.
- Как же я тебе могу поверить? Ведь хозяин, который мне петлю на шею накинуд, сделал это, наверно, не без бесовской помощи.
- Черт черту рознь.
- Э-э, да, пожалуй, тем только и отличаются они, что у одного рога подлиннее, а у другого покороче.
- Плетешь языком, скоро уж моего терпения не хватит. Что ни слово, то оскорбление. Скажи мне наконец толком, что там у тебя стряслось?

Уселись они под сосной, мужик — на одном пне, чертушка — на другом. Ветер шумел в верхушках деревьев, трещали кузнечики в траве, стрекотали синицы.

А Янюрек рассказывал:

— Взял я у хозяина деньги в долг, иначе было не прожить. Работы нет, земли нет, дома своего — и то нет. С утра до вечера гнул я спину на хозяйском поле. Солнце меня с косою на работе встречало, ночь провожала. Заработка никакого, зато детей — как галчат. Что ни год, то рот. А тут, будто этого мне только и не доставало, одолели болезни. И в боку колет, и в спине колет, и черт знает где не болит. От слабости руки не поднимаются, а работы благодетель наваливает все больше и больше. Голод покоя не дает, обедками с барского стола сыт не будешь. На те деньги, что в долг брал, проценты выросли. Хозяин кривится, косо на меня смотрит. А сегодня взял да и выложил, что у него на душе. Сказал, что не даст больше муки и чтоб убирался я из его дома на все четыре стороны. Давай тут дети плакать, жена причитать. В отчаянии схватил я веревку и припелся в лес. Не работник я, так и грешно мне у семьи кусок отнимать. Скорей люди их пожалеют, если меня не станет.

С этими словами он стал было опять трясущимися руками завязывать петлю. Сучок торчал невысоко над его головой, можно было расстаться с жизнью, не карабкаясь на дерево.

Да только, видно, не судьба. Положил Ярошек лапу с длинными когтями на веревку, посмотрел Янюрек на него: по щекам черта бежали слезы. Потягивал он носом, казалось, что вот-вот заблеет, как молодая коза.

— Иди-ка ты, куда шел, — вздохнул крестьянин, — мне и так тошно, а тут еще ты...

- Послушай, я без тебя отсюда не уйду.
- И куда же ты меня отведешь, благодетель? Ведь и так я рано или поздно, а все равно попаду к тебе в ад.
- А речь как раз идет о том, чтобы ты не очень спешил туда.
- Думаешь, что сможешь помочь?
- Пожалуй, да... Жаль мне твою детвору. Настрепал ты их здесь, на грешной земле, столько же, сколько и я там у себя в пекле.
- Знать, не обошла нас судьба, раз детьми наделила.
- Ну, идем, что ли.

Завел Ярошек мужика в глухую лесную чащу. В такие дебри, где птица не пролетит, мышь не пробежит. Янюрек, когда опомнился, понять не мог, как пробрались они сквозь заросли и кусты. Должно быть, без чертовых штучек тут не обошлось. Остановились они под дикую грушею, росла она посреди поляны, и груш на ней было больше, чем листьев. Застучал об землю чертушка копытом — тук-тук, закричал по-петушиному — ку-ка-ре-ку!

Задрожала в ответ земля, зашумело дерево. И посыпались с него не груши, а золотые талеры и дукаты. Стало от золота в чаще светлее, на душе у мужика веселее.

Позабыл он тут о веревке, позабыл о смерти. Вытаращил глаза — то на Ярошека, то на деньги смотрит. Батюшки, минуту выздоровел от всех болезней. Упал на колени и стал загребать деньги двумя руками. Желтые, круглые, новые, будто только что с монетного двора. Набил он полные карманы, насыпал в голенища, стал набирать золото за пазуху и в рукава. А рукава дырявые, деньги обратно сыплются; да он не глуп, знает подбирает их снова. Собрал все золото, едва движется. И только теперь вспомнил о своем доброхоте Ярошке. Хотел было крестьянин его поблагодарить, но чертушки и след простыл. Растаял, как облако. Только за горой кто-то тоскливо похныкивал:

— Эх, простота, простота! Как узнает Люцифер, что я на-делал, прикажет, пожалуй, угостить березовой кашей.

Но не очень-то растрогали крестьянина жалобы Ярошека. Шел он себе под гору, согнувшись под тяжестью, выбирал такие межи да стежки, чтобы никто его не увидел, не догадался, какие сокровища он несет.

Уже смеркаться начинало, когда дотащился он до дома богача, что стоял на берегу реки.

Вошел он в избу и начал молча карманы да голенища опоражнивать, вытряхивать. Жена и дети уж и не думали его живым увидеть, обрадовались, смотрят на золото, глазам собственным не верят. А

Янюрек все достает и достает деньги из-под лохмотьев. Звенят золотые, на столе подпрыгивают, комнату чудным светом освещают. Ушла грусть-печаль с лиц, заулыбались жена и дети, наполнилась комната смехом вместо плача.

Рассказал муж жене, что и как, да и говорит:

— Хорошо бы теперь узнать, сколько я принес домой золота. Пойди к хозяину и попроси у него мерку. А заодно отнеси деньги, которые мы ему должны, пусть он свой нос не воротит.

Пошла жена, отдала долг, попросила мерку. Перемеряли они все золото при свете месяца — свечи у них в доме не было — и легли спать счастливые. А наутро отнесла жена Янюрека богачу мерку. Поставила в сених и не заметила, что на дне ее остался один золотой. Увидел этот талер хозяин.

— Ах, так вот на что была им нужна мерка — чтобы золото мерять! — закричал он.

— И откуда только оно у бедняка взялось? — ломала себе голову жена богача. — Может, клад в земле нашел, а может, украл?

— Откуда бы ни взялось, — злился муж. — Важно то, что у него, у бедняка, есть золото, а у меня, владельца каменного дома, нет столько золота, чтобы можно было мерять его меркою.

— Только кажется мне, что золото это не его, а наше, — подстрекала мужа жена. — Он ведь в нашем доме живет, мы его поим и кормим, нашею меркою золото мерял...

— Конечно же, наше, — выпаращил глазищи обрадованный богач. — Как перед Богом, золото наше. — Да вдруг нахмурился. — Беда только в том, что лежит оно не в нашем сундуке, а у него в мешке.

— Надо бы этот мешок у него отобрать.

— А как?

— Да, как?

Думали они, думали и придумали. Сдох как раз у богача осел, вот и решил он, что наденет на себя ослиную шкуру и пойдет жильцов пугать, будто сама нечистая сила. У тех поджилки от страха задрожат, уберутся они из дому и про деньги позабудут.

Как решили, так и сделали. Едва вечер наступал, натянул богач на себя ослиную шкуру, вышел из дому и давай под окнами гонять, галдеть, ржать, рычать.

— Хи-хи-хи! Ху-ху-ху! — раздавалось по саду, разносилось по ночи.

Доносился этот галдеж и в комнату Янюрека. Дрожали воробьи под крышею, тряслись с перепугу дети крестьянина. Крестилась и его жена. А он сидел себе у печки, плечами пожимал да трубку

покуривал. С той поры как появилось у него золото, не печалился уж он и никого не боялся. Да и кого же было ему бояться? Черта? Так ведь он сам, по доброй воле, дал ему деньги в лесу. И не так страшен был черт, как пытался намалевать его богач, натянув на себя ослиную шкуру.

Но хозяин надежды не терял. Гарцевал под окнами, выл, скакал, бревно царапал, рычал. Уж семь потов сошло с него, а он все не унимался.

Поднял он такой шум, что даже Ярошек услышал в пекле. Выглянул чертушка на белый свет, прислушался, понял, с какой стороны вой, выскочил на землю. Подумал было он, что это Янюрёк так веселится, что бесовское золото лишило его ума-разума.

Примчался он к дому богача и только тут понял, в чем дело. Узнал чертушка под ослиной шкурой самого хозяина, смекнул, что к чему. Рассмеялся, да тут же и рассердился:

— Посмотрите, люди добрые, на этого жадюгу. Вначале довел Янюрёка до того, что бедняга чуть не повесился, а теперь захотелось ему отобрать у крестьянина деньги. И какие деньги! Из самой сатанинской сокровищницы. Но и это еще не все. Выдает себя за черта, и во что вырядился? В ослиную шкуру! Насмехается над чертями, будто те и в самом деле не смогли бы принарядиться во что-нибудь более порядочное, чем в шкуру глупого осла. Будто не придумали бы они чего-нибудь пострашнее, чем гарцевать под окнами.

Рассердился Ярошек, никогда не сердился он так сильно. Блеснул он глазами, как угольями, копытами топнул, забормотал. Схватил богача за толстый загривок, забросил его себе на плечи, как мешок, и потрусил с ним в пекло. Пусть не портит, если берется за чертовскую работу, пусть сначала подучится у чертей в пекле. Ослиную же шкуру повесил на заборе, на память жене богача.

А Янюрёк жил себе с тех пор и ни о чем не печалился.

О НИЩЕМ КОРОЛЕ

Польская сказка

Жил на свете один человек. Был он совсем еще не старый, но носил длинную бороду, а потому и казался дедом. С малых лет собирал он милостыню. Особенно хорошо подавали ему люди во время праздника отпущения грехов.

И вот однажды идет он через лес — а день был жаркий, — захотелось ему передохнуть, себя в порядок привести, да где? Ни корчмы не видно, ни дома лесничего — кто же, кроме разбойников, станет жить в лесу? Так устал дед, что даже подумал: «Пошел бы я, кажется, к самому черту, лишь бы приют какой-нибудь найти».

Ночь настала. Идет нищий, идет, месяц из-за тучки выплыл, лес густой осветил, видит дед — что-то меж деревьев промелькнуло. Подошел поближе, смотрит: перед ним дом стоит. Вошел он в дом — темно, пусто. Как и у всякого нищего, были у него, в котомке разные нужные вещи, а среди них и грошовая свечка. Вынул нищий спички, вытащил свечку, зажег ее, увидел, что стоит в большой избе, в углу ее образ висит, под образом — лавка. Образ большой, от самого потолка чуть ли не до самого пола, рама у него золоченая, а кто нарисован, не разобрать — темно. Сел дед на пол, свечку на лавку поставил, начал во всех швах, во всех уголках своей одежды искать нечистую тварь и смерти ее предавать. А свечка знай себе горит перед образом, горит да потрескивает, все ярче разгорается. Захотелось тут деду узнать, кто из святых на образе нарисован, взглянул он ненароком — что за диво! Совсем не святой на нем изображен, а сам дьявол, точь-в-точь такой, каким его дед себе представлял.

Был нищий не из робкого десятка, не очень-то он испугался и, закончив свое дело, начал в образ всматриваться, а свечка все так же на лавке стоит, стоит, горит да потрескивает.

Вдруг слышит дед — что-то позади него шелестит, будто двери открываются и кто-то в них заглядывает. Оглянулся он, присмотрелся, видит: стоит богато одетый господин.

Говорит незнакомец:

— Что ты здесь делаешь, человеке?

— Хотел я тут переночевать, вы уж не гневайтесь, я по белу свету брожу и притомился очень.

— Хорошо, оставайся здесь, спи себе на здоровье, ты мне такую честь оказал, что я и не знаю, как тебя благодарить. Проси, чего хочешь.

Удивился нищий:

— Да что же я такого для вас сделал?

— Тем ты меня порадовал, что перед моим образом свечку поставил. Это мой дом, мой портрет. Это я и есть, но ты меня не бойся.

Забеспокоился тут нищий, на портрет взглянул: что правда, то правда, — похожи как две капли воды. И рожки на голове, и

козьи копыта вместо ног, и хвост фракком прикрыт. Выступил холодный пот у деда на лбу, а дьявол продолжает:

— Обычно люди мною брезгуют, святым поклоняются, а ты вот мне честь, как святому, оказал, этого я никогда не забуду. Проси, чего хочешь, все для тебя сделаю.

Попросил нищий поест и попить, и тотчас же появилось все на столе.

Поел он, попил, и сатана ему говорит:

— Проси еще, чего тебе нужно.

Отвечает ему дед:

— Э-э, господин, человек я скромный, дай, если можешь, мне немного денег, и пойду я себе своей дорогой.

Дал ему дьявол денег, а сам говорит:

— Что деньги! Сегодня они есть, завтра их нет, а я вот сделаю тебя королем.

— Ну какой из меня король! Господин, наверное, шутит.

— Совсем нет. Неподалеку отсюда живет один король, есть у него дочка-красавица, вот я и женю тебя на ней.

Сказал сатана и стал от радости скакать по избе.

Рассмеялся дед:

— Да на такого бродягу, как я, королевна и смотреть не захочет.

— Это уж моя забота, я так все улажу, что королевская дочка влюбится в тебя по уши. Ну как, согласен?

— Пусть будет по-вашему, — ответил нищий. Хоть и не верится ему, а все же заманчиво.

Принес нечистый воду, вымыл, побрил, причесал нищего — а тот ведь был, как мы уже говорили, не старый, — но оставил его в лохмотьях и дал ему в руки золотую табакерку. Сам оделся лакеем в богатой ливрее и говорит:

— Теперь в костел к молитве пойдем. А как придем, ты вот в этой же самой одежде в самый первый ряд иди, к большому алтарю, и рядом с королевной садись. Если будут на тебя косо смотреть, не обращай на это внимания, я же буду, будто слуга твой, стоять с молитвенником сзади. Как заметишь, что ты не по душе королевской дочке, достань табакерку и угости ее табаком, — увидишь, как она тотчас же подберет.

Пошел нищий в костел, а сатана — следом за ним, точно слуга его. Королевна в первом ряду сидела, увидела она, что рядом с нею нищий садится, сморщилась, скривилась. Но неудобно же прогнать его во время торжественной службы!

Королевна в сердцах только спрашивает:

— Как посмел ты, бедняк, выбрать место в костеле рядом со мной?

Отвечает ей смело нищий:

— Слуга, что позади меня стоит, говорит своим видом, что не из бедных я. А одежду нищего ношу просто для покаяния. Не отворачивайся, королевна, — может, и доведется тебе увидеть меня иным, предстану я еще перед тобой и в ином виде.

Подал тут дьявол-слуга нищему в бархат с позолотой переплетенный молитвенник. Принялся бедняк молиться усердно.

Разобрало любопытство королевну, знай задает она нищему вопросы, а он отвечает ей на все молчанием да все подносит ей золотую табакерку и угощает ее пахучим табаком. Попробовала она разок-другой табачку из чудесной табакерки и влюбилась в нищего, а как стали из костела выходить, пригласила его на завтра к себе в королевский замок.

— Приеду, прекрасная королевна, приеду к тебе и к твоему батюшке; скажи ему, что хочу я просить у него твоей руки.

— Приходи, дорогой, желанный мой, а теперь до свидания, — сказала королевна, покраснела, за свитой своей из костела выбежала и к себе домой поехала.

Удивлялись подруги королевны, удивлялся честной народ в костеле, глядя то на королевну, то на нищего, удивлялись и понять не могли, о чем они шепчутся.

На другой день одел дьявол нищего в дорогие одежды, сделал из него как бы короля немецкого, пристегнул ему на грудь новенькие ордена, пальцы богатыми перстнями украсил. Подъехала тут карета, сел нищий в нее, вскочил дьявол на запятки, места кучера и форейтора черти заняли. А как тронулись с места шесть вороных, только искры из-под копыт посыпались, и вот стоят уже они перед королевским дворцом.

Окружало короля много вельможных господ, стали они друг у друга спрашивать, что это за богач приехал, но никто о нем ничего не знал. Вышла тут королевна, упала к ногам батюшки, стала его просить-молить выдать ее замуж за прибывшего. А нищий, разодевшийся на этот раз богато, просит у короля руки его дочери и заверяет всех, что он человек богатый и знатный, но живший до сей поры в бедности, чтобы познать мудрость жизни.

Видя, как убивается его дочь, согласился король на брак и тут же пригласил гостей и нареченного на пиршество. Затянулся пир далеко за полночь. Пошел жених отдыхать в особые покои. Вошел он в спальню, а дьявол за ним:

— Что, брат, доволен?

— Еще бы, королем ведь быть лучше, чем нищим, еды и питья вдоволь, да еще и кровать мягкая.

— Ну, хорошо, быть, значит, тебе королем, но только с таким уговором: как один раз поставил ты мне свечку, так теперь будешь ставить ее всегда, да не нищенскую, сальную, а две восковые, королевские. А если перестанешь мне честь оказывать, расскажу я всем, что ты за персона, тогда прости-прощай твоя королевская корона.

Присягнул нищий дьяволу, пообещал ставить каждый вечер перед его образом две восковые свечи и — что правда, то правда, — женившись, никогда не забывал данного обещания. Жена же его, королевна, была очень набожная, ставила она свечи перед святыми образами, молилась им, поклонялась и совсем не знала, что муж ее потихоньку ставит каждый день свечи дьяволу. Так и служили они одновременно Богу и черту, как, между прочим, и делает большинство людей.

НА СЛУЖБЕ У ДЬЯВОЛА

Польская сказка

Не раз приходилось служить Совизджалу¹ у богатых хозяев. А они, известно, чаще били, чем жаловали. Такая уж у них натура. Правда, и Диль покорным не был, все старался панам-богачам чем-нибудь да насолить. Потому и не удивительно, что доставалось ему чаще других: и пороли его и кулаками тузили.

Но хуже всех был последний хозяин — граф, гордый юнкер с моноклем, в шляпе с пером из хвоста цапли, с хлыстом в правой руке. Этот уж так колотил Совизджала, колотил да выколачивал, как служанка ковер. Только пыль столбом вилась с его нищенской одежды.

Терпел Совизджал, терпел, наконец не вытерпел и удрал с графского двора. Плохо ли, хорошо ли, а только поступил он на службу в пекло к самому дьяволу. Ездил тогда сатана по белу свету, как ездят знатные господа. Вот и встретились они как-то на постоялом дворе, где остановился нечистый на ночлег.

---

¹Диль Совизжал — польский вариант имени легендарного героя Тиля Уленшпигеля.

Подумал Совизджал, подумал и решил: «Раз люди так злы — может, дьявол будет лучше».

И был он, пожалуй, в этом прав.

Разговорились они за столом. Диль проворным был от рождения. Ловко поднес нечистому кружку пива и поставил перед ним блюдо. И тут же мимоходом проронил словечко, что сидит без работы.

Кивнул дьявол завитой головой.

— Хорошо, будешь служить у меня.

Работать Совизджал никогда особенно не любил, поэтому он спросил у лукавого, что ему надо будет делать в пекле.

Прищелкнул дьявол языком, подмигнул глазом.

— У меня не служба, а рай Божий. Не мойся, не чешись, рубаху не латай, четками мне под ухом не бренчи. Одно только исполняй аккуратно: поддерживай вечный огонь под котлом.

— И все? — свистнул обрадованный Совизджал.

— И все, — поддакнул сатана.

— Кажется, это мне подойдет.

— Думаю, что не надорвешься.

Подписал работник с дьяволом контракт на три года. Оставил его нечистый в пекле за хозяина, а сам отправился таскаться по вертепам. Только изредка заглядывал во дворец. Напрасно работника не ругал, а напротив, все хвалил да похваливал. Скоро вышел срок службе, нанялся Диль снова на четыре года.

— Долго я живу на белом свете, можно сказать, целую вечность, а не встречал еще такого верного слуги, — причмокнул довольно дьявол.

— А я — такого славного хозяина, — сказал Диль.

Так проходили дни за днями, месяцы за месяцами. Сатана дома не засиживался. Шатался по миру; где бывал, что делал — перед работником не отчитывался. Да и тот не расспрашивал. У хозяев свои заботы, у слуг — свои.

Было у Совизджала еды вдоволь, постель мягкая, и денег в торбе все прибавлялось. Хорошая жизнь быстро сказалась. Лицо его стало круглым, как дыня, а живот величиной с ведро. И был бы Совизджал совсем счастлив, если бы не любопытство. Захотелось ему узнать, что в котле варится.

Огонь под котлом бушевал, не жалел Диль буковых бревен, камни — и те могли бы уже свариться, не то что какое-то там чертовское фрикасе.

Не ест работник, ни пьет, днем и ночью об одном и том же

думает, того и гляди с ума сойдет. Похудел, осунулся, сам с собою говорить начал.

В конце концов не выдержал, не послушался наказа хозяина-дьявола. Заглянул в котел — и отскочил назад от удивления. Варились в котле все его бывшие хозяева-мучители. И тот, который дубил ему кожу раз в неделю, говоря, что кнут нужен слуге, как больному лекарство. И тот, лысый, который впрягал крестьян в плуг, потому что жаль ему было лошадей. И третий, и четвертый, и пятый... В общем, собралось в котле одно вельможное панство.

Увидел Совизджал осужденных на вечные муки и захлопнул крышку. Насмотрелся он досыта на своих мучителей при их жизни, сейчас о них не скучал. Пусть себе пекутся, жарятся — заслужили, ничего не скажешь.

Боялся он только теперь, как бы дьявол не прогнал его со службы на все четыре стороны за то, что сунул он свой нос, куда его не просили, но все обошлось, как нельзя лучше.

— Ну что, увидел? Успокоился? — спросил у Дилиа хозяин.

— Б-р-р-р! — содрогнулся работник от отвращения.

Отслужил Совизджал еще четыре года, говорит ему великодушный дьявол:

— Помнишь, в писании сказано: «Не добро человеку быть единому»? Глупости разные ему в голову лезут. Так вот тебе мой совет: поищи-ка ты себе жену. Да не ведьму, не пустомелю, как это было уже два раза — слава Богу, на твоё счастье, переселились они в лучший мир, — а такую, как цветочек весенний, чтобы, как говорят, хоть к ране ее прикладывай. Я же тебя в день свадьбы подарком награжу.

Не очень-то хотелось Дилю жениться, но не посмел он ослушаться хозяина. А тут еще подарок...

Не откладывая в долгий ящик, начал он себе жену подыскивать. Стал ходить от деревни к деревне, от избы к избе. Глазами подмигивать, как петух, возле девушек похаживать. Но не спешили они на его зов, а напротив, разбегались, как от ястреба.

Кто знает Совизджала, тот не удивится. Ну, какая бы девушка позарилась на дубину без гроша в кармане? Красоты тоже никакой. Башка что ступка, губы толстые, красные, глаза в разные стороны смотрят, ноги колесом, да еще и колтун на голове. А язык длиннее, чем у любой бабы. Руки черные как земля, а весь наряд его под стать дырявым лаптям.

Ну, кто бы, скажите, полюбил бродягу и бездельника чумазо-

го, похожего скорее на чучело, чем на человека? Красивые и некрасивые, едва только он приходил, прятались от него в каморках, запирали двери на четыре замка. Носа своего не показывали, пока не выносило его из избы.

Сватался он, сватался, наконец удалось ему одну девушку уговорить. Жила она возле леса, в старой хате. Лицо у нее было красное, рябое, и все потягивала она носом, а ноги были у нее кривые, как у Диля.

«А ведь похожа она на меня, — подумал как-то вечером на гулянье Совизджал. — Те же ноги, то же обличье. Красивая будет женушка у Диля».

Прошло времени немного, договорились они о свадьбе. А дьявол тем временем играл себе в одной компании в карты. Надо сказать, что картежником он был заядлым и этим не отличался от земных господ.

Играл днем, играл ночью, но не везло ему на этот раз, карта в руки не шла. Проиграл все, что у него было: дворец, землю, карету, возницу. Запутался бы он совсем в долгах, если бы не Диль Совизджал. Обеспокоился работник, как бы хозяин, позабыв обо всем на свете, не проиграл и его вместе с невестой. Вот и стал он позади дьявола, начал следить за игрой, дотронулся до ясновельможного плеча.

— Чего тебе? — зарычал на Диля дьявол.

Был он зол, прямо огонь изрыгал. Мало того, что запутался в карточных делах, так еще эта бестолочь вертится тут под ногами.

— Может, в долг дать? — сладко прошептал Совизджал.

— А у тебя есть деньги? — сразу сбавил тон сатана.

— Найду, если нужно.

— Давай!

Высыпал из мешочка деньги Диль, положил их на столе перед сатаной. Поставил нечистый их на карту. И вот, с легкой руки ли работника, а может, чертик в талерах сидел, — только пошла дьяволу хорошая карта. Отыграл он дворец, землю, карету и возницу. Вошел в азарт; не успел Совизджал оглянуться, как удвоил, утроил нечистый свое состояние.

Мог теперь жениться себе Совизджал преспокойно. Не боялся он, что потеряет хлеб и работу.

Ну, и, конечно, отблагодарил его хозяин пекла по-королевски. Дал не только три воза серебра в свадебный подарок, но и согласился быть посаженным отцом Совизджала.

КАК КУБА С ЧЕРТОМ В КАРТЫ ИГРАЛ

Польская сказка

Жил однажды на свете парень, который очень любил играть в карты, а звали его Кубой. И таким он был заядлым картежником, что даже когда на поле ехал, забрасывал вожжи себе на шею и сам с собою играл.

Вот как-то едет он да играет, а навстречу ему какой-то господин. Стал он посреди дороги и говорит Кубе:

— Вижу я, что ты очень любишь играть в карты. Как думаешь: не сыграть ли нам хоть одну партию?

Обрадовался парень:

— Вот так повезло мне! Иди скорее, только скажи вначале — что ты поставишь?

Отвечает ему незнакомец:

— Я могу поставить грешную душу, а ты ставь свою.

Договорились они. А был это не простой смертный, а один из чертей, и звали его Рокитой.

Но Кубе было все равно, с кем иметь дело, лишь бы партнер был. Согласился он даже на такую высокую ставку.

Полетел черт Рокита в пекло за грешной душой, возвратился обратно, посадил душу на дерево, и началась игра.

Играли они, играли, наконец Куба выиграл. Ничего не поделаешь, пришлось Роките выпустить душу на волю.

Скривился нечистый, говорит Кубе:

— Давай-ка еще сыграем, должен же я выпущенную душу отыграть.

— Хорошо, — согласился парень. — Только я в долг не играю, как хочешь, ставь еще душу.

Полетел черт в пекло за грешной душой. Не успел, пожалуй, ксендз в котеле молитву прочесть, как возвратился он обратно. Началась игра.

Играли они, играли, вспотел Рокита, как мышь, а все равно выиграл опять Куба у нечистого. Разгневался черт, вошел в азарт.

— Будешь еще играть, иначе не оставлю я тебя в покое ни днем, ни ночью.

А Куба ему отвечает:

— Пожалуйста, будем играть до тех пор, пока будет у тебя что ставить.

Задумался тут чертов сын.

— Так и быть, поставлю я еще одну грешную душу, но если уж и ее проиграю, то тут игре конец.

Полетел вновь нечистый дух в пекло, да так быстро, что только пыль столбом за ним взвилась.

Но на этот раз долго не возвращался: не хотели больше в пекле давать ему ни единой души, а самый старый черт даже накричал на него:

— Дурень ты, Рокита! Неужели не мог ты придумать ничего лучшего, как играть в карты с Кубой? Ведь это же такой игрок, каких на свете мало, он все пекло у тебя выиграть может.

Стал тут Рокита выкручиваться да оправдываться, наконец говорит:

— Ты, старик, раньше времени не кричи, уж если я и эту душу проиграю, то все равно раздобуду как-нибудь три других.

Возвратился черт на поле. Но и на этот раз пришлось ему выпустить душу на волю. Понял тут нечистый, что не обыграть ему Кубу, стал он думать-гадать, как дальше быть, что делать. Думал, думал и наконец говорит:

— Эх, парень, знал бы ты, каково мне сейчас! Да что поделаешь! А ты, и вправду, хват, черта — и того обыграл. Но не подумай, что черти совсем уж бессильные. Вот если хочешь, могу я женить тебя на самой красивой девушке.

Улыбнулся Куба:

— А почему бы и нет? Если есть у тебя на примете для меня невеста красивая да богатая, давай ее сюда, женюсь хоть сейчас.

— Ишь, какой быстрый. Так, брат, ничего не делается. Женить я тебя женю, да только должен ты сперва семь месяцев не стричься, не бриться, не чесаться, не мыться и ногтей на руках и ногах не обрезать. А через семь месяцев я за тобою приеду, и поедем мы тогда к невесте.

Согласился Куба, дал ему черт немного денег и наказал идти на постоянный двор, снять там каморку и жить отдельно от всех людей. Может он есть, пить, веселиться, но не должен ни стричься, ни бриться, ни мыться и ногтей не обрезать, а ждать черта.

Сделал парень все так, как Рокита ему сказал. Прошло времени ни много, ни мало, стал он похож на страшилище. Волосы у него торчали в разные стороны, как иголки у ежа, лицо — грязное, обросшее, а ногти на руках и ногах почти такой величины, как шпоры у самого дьявола. Стоило Кубе где-нибудь появиться, как люди от него разбегались и громко кричали:

— Нечистый идет, нечистый!

Вот и вынужден был Куба сидеть у себя в каморке и дожидаться, когда за ним придет черт.

Прошло семь месяцев. Наконец появился лукавый в образе богатого господина. Подъехал он к постоялому двору в золоченой карете, запряженной четырьмя лошадьми, и говорит Кубе:

— Пришло время, настал час, собирайся, поедem к твоей невесте!

Сели они в карету и поехали далеко-далеко, в столицу одного королевства. Жил-был в той столице один король, который воевал с соседями, нужны были ему на войну деньги. Объявили королевские глашатаи, что тот, кто даст королю три меры золота — будь то бедняк, старик или чужестранец, — получит полкоролевства и одну из королевских дочерей себе в жены.

Поехали нечистый с Кубою прямо в королевский замок, попросил черт доложить, что они привезли с собой три меры золота. Обрадовался король, приказал стражникам гостей впустить и в большую залу их проводить. Договорился король обо всем с Рокитою, начали слуги носить золото из чертовой кареты. Перенесли, перемеряли, заперли в королевской сокровищнице.

Говорит тут черт:

— А теперь, король, должен ты отдать одну из своих дочерей вот этому человеку в жены.

Сказал черт и показал на Кубу, который до этого прятался за спиной нечистого, боясь на люди показаться.

Посмотрел король на парня, посмотрел и ахнул. Неужели должен будет он отдать свою дочь-красавицу грязному бродяге?

Однако говорит:

— Не хотелось бы мне расставаться с дочерью, да что поделаешь, слово не воробей...

Приказал он тотчас же позвать четырех своих дочерей. Пришли королевны-красавицы, показал им король на Кубу:

— Скажите-ка мне, дочери милые, которой из вас этот человек по душе, потому что должна одна из вас выйти за него замуж. Иначе придется мне обратно отдать три меры золота, и тогда не на что будет вести войну.

Первая дочь говорит:

— Я такого мужа не хочу. Чем его в мужья брать, лучше повеситься!

Взглянула на Кубу вторая:

— Чем за такого замуж идти, лучше утопиться!

Надула губы третья:

— Чем с таким венчаться, лучше уж отравиться!

Была у короля еще одна дочь, самая младшая, самая красивая. Жаль ей стало отца и сказала она:

— Я пойду за него замуж, батюшка. Лучше уж мне пропадать, чем всему войску погибнуть.

Поехал Куба к себе домой, дома побрился, помылся, причесался, ногти на руках и ногах обрезал, вновь стал красивым, статным парнем, каким был раньше. Приехал тут Рокита в золоченой карете, запряженной шестеркой лошадей, сел Куба в карету, и направились они к невесте.

Как увидела три старшие дочери, какой Куба славный парень, стало досадно им, что достался он самой младшей. Он зависти одна из них повесилась, другая утопилась, а третья отравилась.

Достались Роките их души, стал он в пекло собираться, начал с Кубою прощаться, говорит ему на прощанье:

— Вот видишь: теперь никто из нас не в обиде. Ты получил одну красавицу, а я — сразу три души вместо тех трех, что тебе в карты проиграл. В расчете мы! Ну, прощай, Куба, — кто знает, придется ли еще встретиться!

ХРОМОЙ БЕС

Польская сказка

Жал мужик в поле рожь. Принесла ему жена обед. Поел мужик, а как собралась баба домой идти, он и говорит ей:

— Будешь через поле идти, смотри, в колодец не свались, я его мешком прикрыл, чтобы вода холодной была.

Но баба мужа не послушала, на мешок наступила и в колодец провалилась.

Вечером пришел крестьянин домой, дети его обступили и спрашивают:

— А где наша матушка?

Пришлось крестьянину неправду сказать:

— Пошла за сеном для коров.

А сам передохнул немного, взял багор и побежал в поле. Прибежал к колодцу, опустил багор и шарит. Чувствует, будто подцепил что-то. Стал мужик тащить, смотрит — а на крючке висит хромой бес.

Говорит он мужику:

— Вот хорошо, что ты меня вытащил. Было нас в колодце семеро чертей, всех баба поколотила. Другие-то разбежались, а

я хромой, мне не удрать. Только как же я теперь тебе заплачу? Денег у меня нет. — Задумался нечистый. — А знаешь что? Вселюсь-ка я в пана, а ты меня из него выгонишь, он тебе и заплатит. Но как вселюсь я во второго, ты меня гнать не берись, не то я тебе голову оторву.

Выгнал мужик беса из пана, получил за это деньги. Вселился бес во второго пана, снова позвали крестьянина. Стал он нечистого гнать, а тот и кричит ему:

— Я ведь тебе наказывал, чтобы не смел ты меня второй раз тревожить; быть тебе теперь без головы.

Схитрил мужик:

— Так ведь не я тебя гоню, а баба, что вас в колодце колотила.

Испугался бес, удрал со страху, до самой Америки добежал. А мужик получил деньги за работу, домой вернулся и долго еще жил и не тужил вместе со своими детьми.

КАК ЧЕРТ МОНАХОМ БЫЛ

Польская сказка

Пошел как-то раз крестьянин в лес, чтобы нарубить дров. Дала ему жена на обед испеченную в золе лепешку. Положил мужик узелок на пень, а черт взял да и украл его. Принес нечистый лепешку в пекло, показал ее антихристу и говорит, что поможет она ему добыть чью-нибудь душу — ведь холопы из-за хлеба обязательно подерутся.

Отвечает ему сатана:

— Э-э, нет, красть у бедняка не годится.

Собрал Люцифер тотчас всех чертей, думали они, гадали, как собрата наказать, и решили, что должен он отнести и положить лепешку туда, откуда украл ее, и, кроме того: быть ему в одном из монастырей семь лет квестарем, собирать милостыню для монастыря.

Пришел черт на монастырский двор, стал в квестари проситься. А в монастыре не было как раз монаха, собирателя подаваний. Приняли его на полгода. Дали пару лошадей и телегу. Стал он ездить от дома к дому, от пана к пану, подают ему люди столько, что приходится просить у них телегу, чтобы довезти пожертвования до монастыря. Привезет в монастырь, отдаст все настоятелю и опять едет.

И вот как-то раз подъехал он к одному богатому двору, а хозяина дома не было. Говорит ему хозяйка:

— Муж в город по делам уехал, я бы и рада вам что-нибудь дать, да нет у меня ничего, разве что несколько грошей.

А у этого хозяина был такой обычай: как кто из гостей — во двор, так он — в шкаф, чтобы гости его не объели.

Поехал себе монах дальше. Едет, едет, приехал в один дом и попал как раз на обед. А в это время закончил повар готовить огромного сома, и рыбу подали на стол. Гости уж и других кушаний понаелись, но при виде сома глаза у них разгорелись, каждый по кусочку берет и на тарелку к себе кладет. Видит монах, что про кучера его совсем забыли, а кучер с утра ничего не ел. Начал тут черт икать да кривиться, будто вот-вот его рвать начнет, гости и разбежались кто куда. Взял тогда монах сома, отнес его кучеру и говорит:

— Бери, ешь, раз тебе ничего другого не дали — значит, весь сом твой.

А гости тем временем опять к столу пришли, смотрят, где сом, а сома уж и след простыл. Подал хозяин монаху милостыню, и поехал он дальше.

Приехал он как-то опять к тому дому, где жадный богач жил. Попал к обеду, хозяина и на этот раз дома не оказалось. Увидел нечистый, что висит на стене заряженный пистолет, взял его в руки, а потом мелом нарисовал на дверце шкафа круг, как раз на уровне груди хозяина, отошел на несколько шагов, прицелился, а сам и спрашивает у хозяйки:

— Как вы думаете, хозяйюшка, попаду ли я в этот круг?

А хозяйка как закричит, стала она черта просить-молить, чтобы он не стрелял, а то мужа убить может.

— Ведь мужа-то вашего дома нет.

— Ой, дома он, дома, в шкафу сидит!

Вышел тогда из своего убежища хозяин. Попросил у него монах милостыню для монастыря. Был у пана в стаде бешеный бык, такой злой, что никто чужой подступиться к нему не смел. Сказал тут пан, что жертвует на монастырь быка, только пусть сам монах пойдет и возьмет его, а сам подумал, что монаху с быком не справиться. Пошел черт, поймал быка, привязал к возу, поплелся тот покорно за телегою.

Удивился хозяин:

— И что за шельма этот монах?

Приказал он тогда собак спустить, на монаха их натравить. А сам подумал: «Испугается Божий слугитель, уберется восвояси и быка со страху отпустит».

Но черт еще и собак поймал, привязал к возу и в монастырь привел. Не стало теперь у пана ни быка, ни собак. Как он ни злился, как ни сердился, да поделаться ничего не мог, провел его проклятый монах.

А черт, кроме подаяния, привозил всегда с собою в монастырь по вязанке прутьев. Накопилась их во дворе большая куча. Удивляются старые монахи, зачем так много лозины, а нечистый и говорит им:

— Как развалится забор, можно будет из них сделать новый, вот и не придется тратить деньги на изгородь.

Так прошло шесть лет. На седьмой год повысили черта в должности. Сделали его экономом, а на его место приняли другого. Разбогател монастырь за те шесть лет, что ездил нечистый за подаянием. Были теперь на монахах одежды богатые, в костеле утварь дорогая, для толстых монахов всегда еда вкусная.

И вот стал черт ключником, выдает он теперь продукты на кухню, раздает, сколько может, нищим.

Как-то раз позвал он много гостей, пригласил короля и шляхту, хотелось ему со всеми распротиться да расплатиться. А перед этим взял да и роздал нищим все, что в монастырских кладовых было, повару же ничего не выдал. Ругается повар, черта поминает, уже двенадцать часов пробило, а на кухне — ни дров, ни еды, темень беспросветная.

В этот же самый день принимал гостей в соседнем государстве один король.

Отправился ключник-черт к тому королю на кухню, забрал все, что там только было, и перенес в монастырь для своих гостей.

Смотрит повар, а уж на кухне всего полным-полно, удивляется, руками разводит: выбирать ничего не выбирал, готовить ничего не готовил, а столы от еды и вина ломаются!

Говорит монах прислужнику:

— Пора бы на стол подавать, гостей дорогих угощать.

А прислужник ничего не знал, ведать ничего не ведал о том, как черт угощение достал.

— Что прикажете подавать, чем гостей угощать, если на кухне темным-темно и повару готовить нечего?

Улыбнулся лукавый:

— Ступай да посмотри хорошенько — может, что-нибудь и найдешь для нас.

Пошел прислужник, посмотрел и испугался.

Наелись гости, напились, благодарят хозяина. А он возьми да и подстрекни тех, кто побольше выпил. Завязалась тут драка, стали гости теми лозинами, что возил монах будто бы для изгороди, друг друга хлестать. Бились-дрались, а наутро пятидесяти в живых недосчитались. Досталось черту вместо одной души сразу полсотни. Забрал он их с

собою в пекло. А монахи так и не заметили, когда он исчез.

О РЫБАКЕ И ЧЕРТЕ

Польская сказка

Давным-давно, еще тогда, когда старый дуб, что растет у дороги на Устку, был чуть побольше ромашки, жил старый рыбак по прозвищу Промык¹.

Прозвали его так потому, что были у него волосы совсем седые, а глаза ясные-ясные. Славился старик своею мудростью и добротой. Никогда и никому не отказывал он в помощи. Почитали его все, любили и ставили в пример другим.

И хоть был уже стар Промык, не мог он расстаться со своими сетями. Руки у него были еще сильные, посильнее, чем кой у кого из молодых.

Уловом своим делился рыбак с убогой вдовой.

И был старик очень набожный. Всегда перед тем, как выйти в море, становился он на берегу на колени и молился долго и усердно, поверая Богу заботы, радости и печали. Слушал его молитвы ветер, слушало море.

— Нет у Промыка даже единого греха на совести. Святой старик, — говорили меж собою устковские рыбаки. — Никогда он не заругается, никогда не разозлится.

Потому-то и решил черт, прятавшийся в морских дюнах, любой ценой завладеть душой рыбака, чтобы не попрекал его сатана, не называл ленивым бездельником.

И вот как-то раз не везло Промыку во время лова. Попадались в сети крабы, морские ракушки да мелкая рыбешка. Вдалеке виднелась золотая полоска берега, лениво плескались волны о борта лодки.

— Счастливого улова! — вдруг раздался позади чей-то голос. Обернулся старик. Тяжело налегая на весла, к нему подплывал незнакомый рыбак. — Ну как, хорош ли улов, Промык?

— Что-то в последние дни не очень, — ответил старик. — Одна мелочь попадает в сети. Бросаю ее обратно в море, пусть подрастет. Вот посмотри, — подтянул он сеть, — одна мелюзга.

Рассмеялся громко незнакомый рыбак:

— Эх, вижу я, хоть и стар ты, а в этом деле понимаешь не много.

---

¹Промык — луч, свет.

Посмотри, что за сети у тебя, Промык. Ведь ячеи в них совсем маленькие. Не удивительно, что попадает в них одна мелкая рыба. Подумай — если двери в твоём доме будут всего с пол-локтя вышиной, сможет ли гость войти к тебе в дом? Нет! Кто еще прошмыгнет, даже пес небольшой, а человеку не пройти. Посмотри, какие большие ячеи в моих сетях, и посмотри, какая рыба лежит на дне моей лодки.

— Правда! — удивился Промык. — Вот уж никогда не думал. У нас в деревне у всех такие сети, как у меня. А ты сам откуда будешь?

— Хо-хо! Издалека!

— Я старый рыбак, но разумный совет, хоть и от молодого, охотно выслушаю. Скажи: что же мне делать?

Помолчал немного незнакомец, а потом и говорит:

— Распусти свои сети, Промык, и сделай новые. Тогда увидишь, кто из нас прав. Только не говори об этом своим товарищам.

Поблагодарил Промык незнакомого рыбака и поплыл к берегу.

«Надо бы, конечно, рыбакам рассказать, — подумал он. — Да только не очень-то они верят новым выдумкам, нужно сперва самому сети испробовать. Если будет удачный лов, это убедит их скорее».

Засел старик в избе и стал вязать при жалком огне сети с большими ячеями. Медленно подвигалась работа, никогда подобных сетей не приходилось ему делать. Вязал день, вязал второй и третий, устали глаза. Наконец закончил старик работу и поплыл ловить рыбу.

Отгреб подальше от берега, перекрестился и закинул сеть.

— А ну-ка, посмотрим!

Но не помогла новая сеть Промыку, не поймал он ничего. Вздохнул тогда старик потихоньку и уж хотел было поворачивать обратно, как вдруг услышал знакомый голос:

— Счастливого улова! Ну, как твои дела, Промык?

— Совсем плохо, сегодня даже камбала не попалась.

— А сеть у тебя какая?

— Да новая.

— Покажи-ка мне ее.

Поднял Промык сеть со дна лодки трясущимися морщинистыми руками.

Рассмеялся громко странный рыбак:

— Так ведь опять она никуда не годится! Посмотрика на мою сеть! У меня в лодке полно всякой рыбы, а ты снова возвращаешься

с пустыми руками! Такой рыбы и в Балтике нет, как ячеи в твоих сетях. Плыви назад и сделай ячеи побольше! Ну, будь здоров!

Возвратился Промык домой и вновь засел за работу.

«Как бы хотелось мне помочь односельчанам, сделать для них сети, как у чужого рыбака, — думал старик. — Может, теперь сделаю ячеи такие, как надо».

Но не удался лов и на этот раз. Впервые в жизни разозлился Промык и бросил сети в волны.

— Черт бы побрал такую работу! — выругался он.

И тотчас же вновь подплыл незнакомый рыбак. Но теперь заметил Промык небольшие рожки, которые торчали у него из-под рыбацкого капюшона. Удивился старик, а черт рассмеялся весело:

— Мой верх, Промык! Разозлился ты, заругался — согрешил дважды. Лиха беда начало; клянусь самым сатаной, будет твоя душа мне принадлежать.

— Одурачил ты меня, лукавый! Сглупил я, поверил твоим речам поганым. Вперед тебе это не удастся. Поди прочь, негодный, не то я тебе покажу...

— Ну, ну, какой горячий! Послушай, Промык, отдай-ка ты мне сейчас свою душу, а я тебе взамен сеть, которую стоит только закинуть в море, как будет она полна всякой рыбы. А не согласишься, буду вредить тебе до последних дней твоих. Будешь жить в бедности, ругаться, грешить — и все равно станешь моим. Теперь же можешь выгадать, получить сеть-самохватку. Думаю, что ты выберешь последнее.

— А я сейчас думаю, как бы тебе веслом по шее дать...

— П-р-р-р-х! — фыркнул зло черт. — Какой упрямый! Ты лучше подумай, а передумаешь, ударь три раза в старую сосну на берегу. Я и приду.

Добрался Промык домой и долго смеялся над своей доверчивостью. А наутро взял большой моток веревки и пошел к старой сосне. Согнулся он, будто под тяжестью, когда брел по берегу, по сыпучему песку. Солнце все выше поднималось, чайки со стоном кружились над волнами. Подошел старик к сосне, отер вспотевший лоб и постучал в потрескавшуюся кору.

Черт появился тотчас.

— Хе-хе, — засмеялся нечистый радостно, — я знал, что ты неглупый, согласишься отдать душу за сеть-самохватку.

— Ладно, быть по-твоему, но должен ты сперва исполнить три моих желания.

— Говори скорее, какие. Ничего нет, что бы я сделать не смог.

Развел ветерок седые волосы Промыка, показал старик рукой на далекие дюны и сказал:

— Хочу, чтобы всегда было тихо в этом заливе, чтобы ветер не уносил лодки рыбаков в море. Подвинь-ка ты дюны поближе к берегу, пусть закроют они от ветра хоть малую часть моря.

Дунул черт, взвился вверх огромный столб пыли. Работал он три дня и три ночи, наконец передвинул дюны. Обливаясь потом, предстал черт перед Промыком.

— Что еще должен я сделать?

— Теперь посади на дюнах густой сосновый лес, чтобы ветер не переносил песок с места на место.

Три дня и три ночи носил нечистый дух деревья из-под Дунинова, Харброва и Рытвян, пока не покрылись дюны соснами.

— Ну, а последнее твое желание? — проворчал нетерпеливо черт. — Еще немного — будет твоя душа моею!

— Я два раза хлопну, а ты за это время клубок размотай и обкрутись веревкою с головы до пят!

— Хи-хи-хи! — захихикал черт радостно. — Какой пустяк! А ну, давай!

Хлопнул рыбак два раза — прошумело только, смотрит — нечистый сам себя опутал веревкою. Повалил его Промык на землю, связал концы веревки. Зарычал злобно обессиленный черт. Поднял его старик и бросил в море.

— Не будешь больше, нечистая сила, соблазнять бедных рыбаков сетями-самохватками! Сиди теперь на дне моря, пусть там тебя крабы едят!

Долго еще жил старый Промык, а когда умер, все в деревне оплакивали его. Жизнь пошла свои чередом. Но до сих пор, как говорят устковские рыбаки, нужно плыть подальше от того места, где утопил Промык черта, потому что нечистый мутит воду над собой, водовороты крутит, когда бьется в бессильной злобе лбом о морское дно.

КАК МУЖИК У ЧЕРТА ДЕНЬГИ ЗАНИМАЛ

Польская сказка

Жил один мужик очень бедно. Пошел в лес, идет и думает, где бы денег раздобыть. Вдруг навстречу ему охотник, достает он из кармана кошелек, полный денег, показывает его и говорит мужику, что он может бедняка выручить, выдавать

ему десять лет подряд по сто рублей каждый год. Был же это не охотник, а сам нечистый. Крестьянин подумал, подумал, да и согласился, хоть и нужно было ему по договору за эти деньги через десять лет отдать свою голову.

Прошло десять лет. Явился черт к мужику за головой. А тот вместо головы дает ему кочан капусты. Растерялся черт:

— Как же это? Ты свою голову давай.

А крестьянин ему и говорит:

— Пойди в корчму да сделай так, чтобы два приятеля поссорились, а сам слушай, что говорить будут. Как начнут они друг другу бока мять и скажет кто-нибудь из них первым: «Смотри, чтоб я тебе твой кочан не оторвал», — то ты проиграл, а если скажет что другое, то получишь мою голову.

Так оно все и случилось. Как поссорил черт собутыльников в корчме, начали они друг друга тузить, тут один из них и кричит другому: «Я тебе твой кочан откручу, будешь по белу свету без головы ходить».

Пришлось черту вместо головы мужика забрать кочан капусты. А ночью повырывал он со злости на огороде у крестьянина всю капусту, сложил ее в кучу и никого к ней не подпускал, пока она не сгнила.

КАК МЕЛЬНИКИ ССОРИЛИСЬ

Польская сказка

Прекрасными лесами Тухольскими от озера Вздыдзе до самого города Свеце течет река Вда. Зеленеют по ее берегам смолистые сосны, отражаются в воде, и от этого вода кажется темной, потому и называют часто ее Черной водой. Растут близ нее маленькие сосенки. Лес подходит к самой реке. Но временами вздыхает она свободно — когда выходит на зеленые луга, поросшие сочной травой.

Неподалеку от местечка Грудек река круто поворачивает. Давным-давно стояли здесь две мельницы: верхняя и нижняя.

Хозяин нижней мельницы, Доброгост, был человек тихий и справедливый. По старому обычаю, брал он за помол меру зерна и никогда никого не обманывал. Люди его уважали и охотно привозили к нему зерно.

Второй же мельник, хозяин верхней мельницы, Немир, был вздорный и жадный. Любой ценой хотелось ему поскорее разбога-

теть, потому и старался он взять за труды больше, чем следовало.

Когда крестьяне это заметили, стали они объезжать верхнюю мельницу. Тянулись подводы их только к мельнице Доброгоста. Пробовал было Немир завернуть их к себе, становился у дороги, улыбался ласково и говорил:

— Прошу вас, люди добрые, заворачивайте ко мне, моя мельница хорошо мелет, а сейчас как раз без дела стоит, долго ждать не придется, сразу же получите муку — хоть белую, хоть темную, какую хотите.

Чесал тогда молча крестьянин за ухом, смотрел исподлобья и только подгонял лошадей, чтобы поскорее доехать до нижней мельницы.

Наконец дело дошло до того, что мельница Доброгоста работала днем и ночью, не останавливаясь ни на минутку, и часто, особенно в жатву, собиралась у мельницы очередь. На всю околицу было слышно, как равномерно и беспрестанно постукивали ее жернова. Вздрагивала мельница, грохотала, днем и ночью поскрипывала. И как будто говорила:

*Течет вода,
А жернова
Все трут зерно,
Хоть ночь темна.*

А жернова на верхней мельнице работали не больше часа или двух в день, а потом Немир останавливал их, потому что нечего было молоть. Бывали же и такие дни, когда и вовсе мельница простаивала без движения.

Стала зависть грызть-точить душу Немира. И вот однажды прибежал он к мельнице Доброгоста. Хотелось ему самому убедиться, насколько хороши дела у соседа. Увидел он, что мельница работает полным ходом, что с работников пот градом льет, а они на это не сетуют, — рассердился еще пуще. Не мог больше злой человек совладать с собой, начал он тут ругать Доброгоста, кликать беду на его голову, кричать:

— Это ты виноват в том, что моя мельница не работает. Ты крестьян отговариваешь, которые хотели бы у меня зерно молоть, дать мне работу и деньги и заработок. Но тебе это даром не пройдет. Не будь я Немир — если моя мельница стоит, то и твоя долго работать не будет.

Но не обращал внимания Доброгост на его угрозы и злобу.

Улыбался он, не принимая всерьез смешных угроз мельника.

Посчитал Немир добродушную улыбку Доброгоста за издевку, а тут еще показалось ему, будто жернова, поскрипывая, передразнивают завистника, и казалось, что они выговаривают:

*Болтай, болтун,
А все равно
Уж этот спор
Решен давно!*

Ударила кровь ему в голову, как ошпаренный выскочил он со двора и с пеною у рта закричал:

— Я вам покажу... Вы еще меня вспомните!

И с тех пор стал он думать-гадать, как бы подорвать благополучие соседа. Тайным, ему только известным способом договорился он с чертом. Согласился нечистый, пообещал помочь злому Немиру отомстить соседу, но при одном условии: должен был отписать мельник бесовским силам свою душу. Согласился одурманенный завистью мельник и скрепил договор, подписав его кровью из своего пальца.

Договорились они, что принесет черт огромный камень и бросит его в реку у нижней мельницы. Перекроет камень течение, остановится мельница, перестанут вертеться ее жернова-насмешиники.

Обрадовался слуга дьявола, что удалось ему заполучить еще одну людскую душу, и с жаром принялся за работу. Первым делом начал он искать камень нужной величины. Искал здесь и там, искал долго, наконец нашел, хоть и очень далеко. И вот однажды ночью взял черт длинную-предлинную цепь и полетел за камнем. Обвязал его цепью и поднялся с камнем ввысь.

Черт был сильный, но трудов ему стоило немало, чтобы лететь по воздуху с таким тяжелым грузом. Сыпались огненные искры в разные стороны, а в небе гремело, как в самую сильную грозу. Тряслись и крестились на земле люди от страха.

А черт летит, летит, верста за верстой приближается к цели. Радует в душе нечистый — скоро работе конец. Совсем немного уже осталось до нижней мельницы, да вдруг запели петухи. Начинало светать, нужно было возвращаться бесу в пекло. Выпустил тут черт камень из когтей, полетел он вниз, зарылся глубоко в землю, никому не причинив вреда.

Лежит он там до сих пор, и, как говорят старые люди, по сей день еще видны на нем следы от цепи, которой обвязывал его нечистый дух.

А черт после своей неудачи никогда больше не показывался в этой околице, стыдился, должно быть, своей неловкости. Все

так же молола зерно крестьян нижняя мельница Доброгоста, а Немир со зла на себя и на черта забросил свою мельницу и подался на чужую сторону.

МАЗУР САМОГО ЧЕРТА ХИТРЕЕ

Польская сказка

Нужны были мазуру¹ деньги, взял он в долг у черта с уговором, что отдаст их вместе со своей душой, когда опадут все листья с деревьев.

Погулял мазур, почуяв в руках деньги, погулял, да и за дело взялся. Построил на те деньги дом, хлев, амбар, накупил коров, коней, овец, прикупил земли и леса соснового, который начинался тут же за его хатою. Все лето работал крестьянин в поле, осенью собрал урожай богатый, посеял озимые рожь и пшеницу. А черт тем временем от нечего делать шатался по полю, смотрел, как мужик сеет, и думал: «До чего же глупый мазур, и зачем он трудится — ведь все равно не успеет даже снег выпасть, как сцапаю я его душу».

Усмехался от радости нечистый и крутил хвостом.

Узнал крестьянин его издалека, шапку перед ним снял и поклонился, а сам знай себе посмеивается над неразумным чертом.

Осень пришла, ударили первые морозы, посыпались листья с деревьев, как летом град, один за другим. Пришел вечером черт под окна хаты мазура, видит: мазур спать собирается, весело под нос молитву бубнит. Постучал нечистый в окно.

Вышел крестьянин и говорит:

— Приходи утром, тогда и рассчитаемся.

До самого утра дрожал черт под окнами мужицкой хаты, хотелось ему поскорее получить желанную душу мазура.

А рано поутру перекрестился мужик, сотворил не торопясь утреннюю молитву, положил в карман бутылку со святой водой и вышел на улицу.

Обрадовался черт, схватил мазура за шиворот, да только мужик так нечистого пихнул, что тот ногами накрылся.

— Подожди еще, чертов сын; позабыл ты, видно, наш уговор, давай я тебе его напомним, а пока не смей подходить ко мне, не то залью твои глаза святой водой.

Стоит черт, скорчившись, ушибленные места потирает, от холода и обиды дрожит, а сам тянет:

---

¹Мазур — житель Мазовья.

— Долг и душу отдай!

— Ишь, чего захотел, проклятый! Договорились ведь мы, посмотри-ка на лес, нечестивец: что, разве он не зеленый, разве нет листьев на соснах? То-то! Ну, некогда мне тут с тобой разговаривать, бывай здоров, пожалуй, больше не увидимся.

И пошел себе мужик в хату. А черт чуть со стыда не сгорел, за рога схватился, а потом на первую попавшую сосну вскочил и давай ее зубами грызть, когтями зеленые листья-иголки сдирать.

Весь перекололся, да только как он ни бился, а иголки и не собирались осыпаться. Слез тогда нечистый с дерева и сказал смиренно:

— Э-э, да, видно, мазур самого черта хитрее.

А крестьянин на глупого черта из окошка поглядывает да посмеивается.

ЧЕРТ И ГОСПОДА

Сербо-лужицкая сказка

У дороги, что связала между собой Черный Холмец и Чисов, лежит в ложбинке большой камень, на котором можно увидеть отпечатки чертовых лап. Вот что об этом рассказывают в народе.

В старые времена в Будышине и Каменце было много рыцарей и разных господ, которые над бедными мужиками издевались и измывались как хотели. Мужики тогда часто просили черта взять к себе всех этих господ. И вот однажды черт рассердился, нашел большой мешок, запихал в него всех господ, набил плотно-плотно, как только мог, и полетел в Нижнюю Лужицу.

Но в ложбинке возле Черного Холмца лопнул у него мешок, вот черт и остановился на том камне, где и по сию пору сохранились следы чертовых лап. Полетел черт дальше к Злему Коморовому. И пришла ему в голову мысль взглянуть, что его компания в мешке поделывает. Развязал он мешок, а один из господ — хоп! — и выскочил. Раздосадованный черт как завопит:

— Ну и шкодлив!

С той поры деревня эта и стала называться Шкодами.

А когда летел он у Старой Дарбни, совсем выбился из сил, развязал свой мешок и высыпал все барахло на землю. Так и посеял он господ, и разлетелись они по всей округе от

Калавы до Древка. И до самого 1945 года было в этом краю полным-полно господских хозяйств, в то время как возле Шкодов только тот один и оставался, что сам у черта из мешка выскочил.

КУЗНЕЦ И ЧЕРТ

Сербо-лужицкая сказка

Жил в Радуше кузнец, и пришел по его душу черт. А кузнец как раз траву косил. Увидел он черта и кричит ему:

— Нет у меня времени лясы с тобой точить! Лучше помоги мне скосить луг!

Черт согласился. Дал ему кузнец рало с косовищем из ольхового прута. Вместо футляра для бруска повесил ночной горшок, а вместе оселка — большой кирпич. Принялись они косить. А на том лугу стоял толстый старый дуб. Черт и спрашивает кузнеца:

— Кузнечик, этот цветочек тоже скосить надо?

— Все, что здесь растет, надо скосить, — отвечает кузнец.

Наточил черт свою косу, три раза взмахнул и скосил дуб.

Кончили они косить и пошли домой. А кузнец захотел вдруг переобуться, а своим подмастерьям наказал, чтоб они раскалили железный прут, пока он переобуваться будет. Принесли подмастерья прут, а кузнец бросил свои башмаки под кровать и кричит черту:

— Черт, а черт, достань мои башмаки.

Полез черт под кровать, а кузнец давай его горячим прутом охаживать, пока черт не завопил от боли дурным голосом.

Вскоре кузнец помер. До рая не мог добраться, пришел в ад, стучит в дверь.

Черт спрашивает:

— Кто там?

— Кузнец из Радуша, — отвечает кузнец.

— Радушинскому кузнецу в ад хода нет, я его больше не желаю видеть.

Нечего делать. Отправился кузнец в рай и просит дозволения хоть разочек туда заглянуть. Да нет, не позволяют. А кузнец все просит и просит, и так он упорно просил, что приоткрылась дверь. Просунул кузнец в щель ногу в башмаке, а потом и сам вошел. Так он и попал в рай.

КАК ЧЕРТ СПРЕВУ ПАХАЛ

Сербо-лужицкая сказка

Наша река Спрева, особенно в Нижней Лужице, очень извилиста. Старые люди говорят, оттого она такая кривая, будто черт ее пахал. Дело в том, что, когда черт пахал реку, его вол никак не хотел идти прямо. Черт разозлился и запустил в него своей шапкой. Вол шарахнулся в сторону, сначала в одну, потом в другую.

Между Дрежницами и Либанойцами черт совсем вымотался и присел на камень отдохнуть — на том камне и по сей день можно увидеть следы его копыт. Потом черт захотел посмотреть, сколько ему еще пахать осталось, и взобрался на дуб. И там тоже его следы отпечатались. А когда черт возле Пицня пахал, у него вол из ярма выскочил. А самого черта плугом так шарахнуло, что он утонул в Чертовой луже. Так черт и попал в ад. А вол его все пахал и пахал, — аж до самых Борков дошел, а потом куда-то исчез.

А камень тот много лет назад купил кузнец и поставил перед своим домом. Дом уже был совсем готов, и все в нем какой-то странный запах стоял. Искали, искали, в чем дело, да так ничего и не нашли. А ведь не иначе, как это чертов камень вонял.

ГЛУПЫЙ ЧЕРТ И СВЯТОЙ ПЕТР

Сербо-лужицкая сказка

Пошли однажды святой Петр и черт свиней воровать. Выбрали они хрюшку пожирней, святой Петр и говорит:

— Я возьму переднюю часть, а ты бери заднюю.

И достался черту один только хвостик. Понятно, к жаркому полагается капуста и картошка, и отправились святой Петр и черт в огород. Увидели они капусту, святой Петр и говорит:

— Ты бери корешки, а я уж возьму вершки.

Получил святой Петр свою долю, а черту только корни достались. Пошли по картошку. Черт и говорит святому Петру:

— Ну хватит, дважды ты меня обманывал, теперь я хочу попробовать вершки, а ты уж на этот раз бери корешки.

Так святому Петру достались клубни, а глупому черту одна ботва.

КАК ЧЕРТА ПЕРЕХИТРИЛИ

Французская сказка

Однажды Люцифер вышел из ада и отправился заключать сделки с работниками.

Сначала он пришел к мельнику по прозвищу Пьер Пройдоха, у которого была ветряная мельница. Черт условился с мельником, что тот будет каждый день поставлять ему тысячу мер муки, а если выдастся день, когда он не справится с работой, черт вправе в конце года забрать его в ад. Черт в свою очередь обязался заботиться, чтобы мельница не ломалась. И он обязался поставлять ветер, который вертел бы ее крылья.

Когда сделка была заключена, черт решил, что ему не хватит тысячи мер в день, и обратился к Пьеру Простофиле, у которого была водяная мельница.

Мельники принялись молотить, и несколько дней дело спорилось. Но вскоре черт стал упрекать Пьера Пройдоху, что у него мука получается хуже, чем у соседа на водяной мельнице.

— Это не моя вина, — ответил мельник. — У Пьера Простофили больше порядка на мельнице, чем у меня.

После этого Люцифер заключил сделку с пекарем, который должен был получать муку с обеих мельниц и выпекать хлеб. Печь у булочника была большая-пребольшая, футов сто в обхвате. Ему самому приходилось только сажать хлебы, потому что в помощники Люцифер послал туда своих чертенят.

После этого черт зашел к сапожнику и сказал ему, чтоб тот поставлял ему ежедневно сто пар сапог.

— Как же, по-вашему, я могу это сделать? — спросил сапожник.

— Я помогу тебе и хорошо заплачу. Какая твоя цена?

— Десять тысяч франков.

— Ладно, — сказал черт. — Но если ты не будешь работать как следует, я через год заберу тебя в ад.

Сапожник взялся за работу и в первый же день смастерил сто пар сапог. Но на следующий день он запьянствовал, и черт отколотил его, выругав за дурное поведение.

— Вы лучше помогите мне немного, — сказал сапожник, — и мы скоро наверстаем упущенное время.

— Я занят, — огрызнулся черт, — мне еще нужно найти себе портного.

Портной должен был каждый день поставлять двадцать пять курток и двадцать пять пар штанов.

— Но то, что вы требуете, мне не под силу! — воскликнул портной.

— Будет под силу, если я захочу, и в помощниках у тебя тоже недостатка не будет. Но если работа будет плохо сделана, придется тебе через год отправляться в ад. Какую плату ты хочешь?

— Двадцать тысяч франков.

— Согласен, — ответил черт.

Портной старался изо всех сил, но работа не спорилась так, как ему хотелось, и он вспомнил обещание черта дать ему помощников.

По его требованию Люцифер послал ему сотню чертенят, и стоило им только взглянуть на сукно, как штаны уже были готовы.

— Теперь, — сказал черт после сделки с портным, — я должен обратиться к кузнецу. Мне требуются подковы для моих лошадей и замки для моих комнат.

Он отправился к кузнецу. Кузнец пользовался незавидной славой и сидел без работы; звали его Пьер Сквернослов.

— Пьер Сквернослов, — сказал черт, — если хочешь взять у меня заказ, я достану тебе железа, угля и все, что тебе потребуется.

— Это будет кстати, — ответил кузнец, — потому что в кузнице у меня совсем пусто.

— Ты в накладе не останешься, — сказал черт, — но за это ты обязан смастерить в день сто подков и сто замков. Уж я дам тебе такую сноровку!

— Хорошо, только вы должны мне прислать подмастерьев раздувать горн.

— Согласен. Какую же ты просишь плату?

— Пятьдесят тысяч франков.

— Пятьдесят тысяч франков! Да ты, видно, смеешься надо мной!

— Ну что ж, если вы считаете, что это много, столкнемся на двадцати пяти тысячах.

Пьер Сквернослов взялся за работу и каждый день выполнял заказ.

Заклучив со всеми сделки, черт отправился поглядеть, как справляются его работники.

Он встретил Пьера Пройдоху у дверей ветряной мельницы.

— Ну что, как дела?

— Не совсем так, как мне бы хотелось. Пока вы где-то расхаживаете, у меня то ветер не дует, то жернова отказывают.

Мне одному не под силу ни поднять их, ни насечь.

— Я помогу тебе, — сказал черт.

— Подлезайте под жернов и насекайте, а я буду держать, чтобы он не упал.

Черт взял молоток и залез под жернов. Увидев, что черт весь ушел в работу, Пьер Пройдоха выпустил из рук жернов и закричал:

— Мне не удержать его, не удержать!

Он быстро пустил мельницу в ход, а черт, чувствуя, что его вот-вот раздавит, стал отчаянно кричать. Он умолял Пьера Пройдоху освободить его и обещал скрепить кровью обязательство не забирать мельника через год в ад.

Затем Люцифер отправился на водяную мельницу к Пьеру Простофиле, который был человек бесхитростный. Все у него шло хорошо, и черт похвалил его, пообщав отвести ему у себя в аду самую лучшую водяную мельницу.

— Да вы мне ее сейчас дайте, — сказал Пьер Простофиля.

— Значит, ты хочешь, чтоб я тебя сейчас забрал в ад?

— Ну да, — ответил тот, — я охотно соглашусь.

Черт унес бедного мельника в ад и отправился к булочнику.

— Там, наверху, хлеба недостает, и частенько он бывает плохо выпечен.

— Уж я старался как мог, но мне не хватает помощников.

— Может быть, твоя печь не в порядке?

— А кто его знает? Теперь идет выпечка хлеба — приходите завтра, посмотрите, не нужно ли там что-нибудь исправить.

«Я постараюсь перехитрить его, — подумал булочник, — но как это сделать? На огне его не сожжешь. Раздобуду-ка я себе чан святой воды и поставлю его около печки, как будто там обыкновенная ключевая вода, потом достану себе старую епитрахиль».

На другой день черт пришел страшно злой и стал кричать, что хлеб выпечен еще хуже, чем раньше. Булочник, открыв заслонку, предложил черту влезть самому в печь и осмотреть ее.

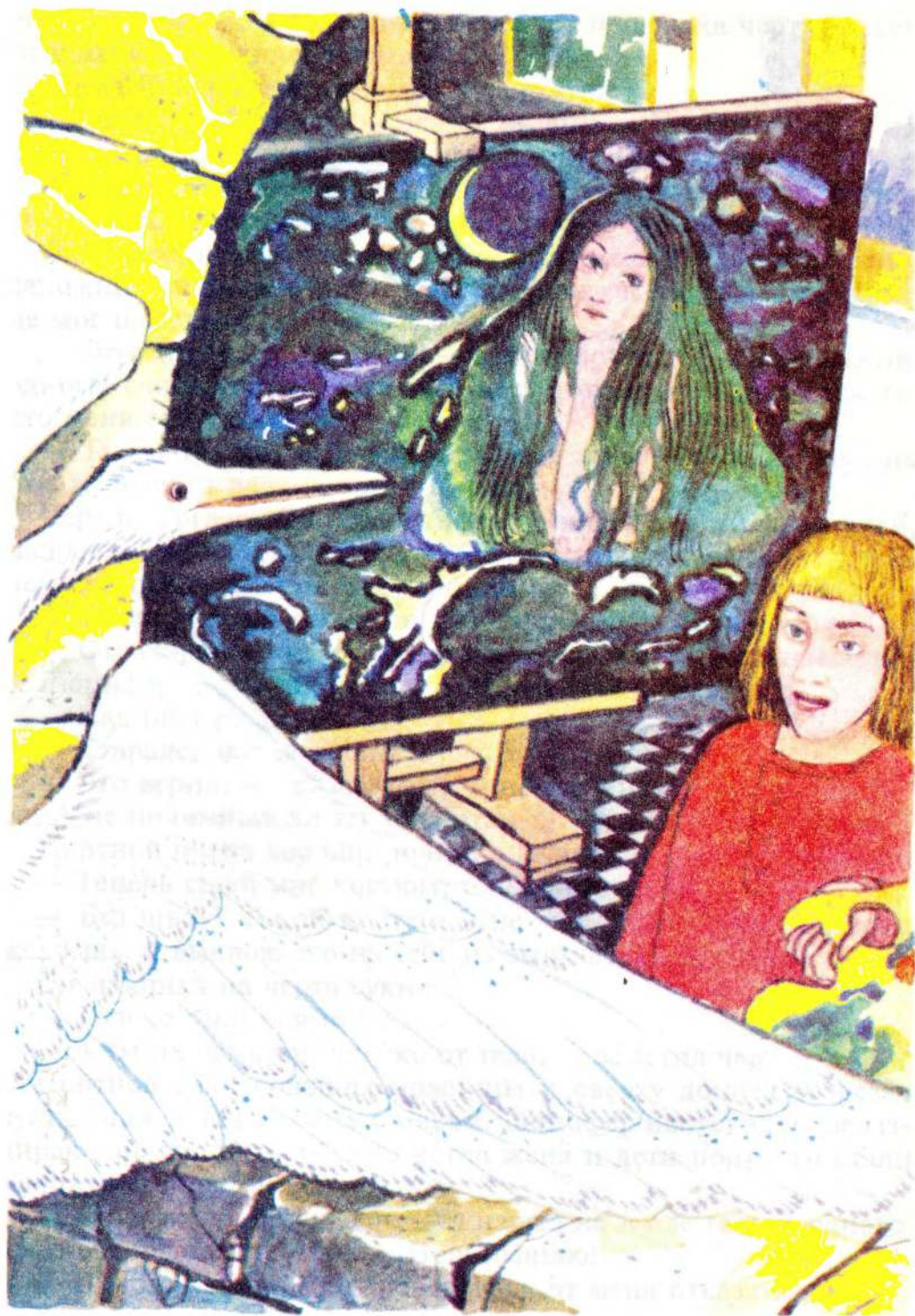
Люцифер влез туда, и булочник окропил святой водой печь и закрыл камнем заслонку, чтобы черт не вышел. Бедный Люцифер кричал так, как будто с него кожу сдирают:

— Вынь меня из печи, я сгорю!

— Распишись, что отказываешься от всех прав на меня.

— Не могу расписаться, я ничего не вижу.

Булочник открыл заслонку, и когда черт высунулся, обмотал

его епитрахилью и не снимал ее до тех пор, пока черт по всем правилам не подписал бумагу.

Тогда Люцифер отправился к сапожнику.

— Ты плохой мастер, — сказал он ему. — У меня наверху не хватает сапог, да и те, что ты сшил, никуда не годятся.

— Уж лучше сделать невозможно! Станьте-ка между этими двумя кожами и посмотрите, как я их прочно сшиваю.

Люцифер, ничего не подозревая, стал между двумя кожами, а сапожник сшил их вместе, да так крепко, что черт даже руками не мог шевельнуть.

— Отпусти меня, друг мой! — взмолился черт. — Никогда ни одному сапожнику не бывать в аду! Это так же верно, как то, что меня зовут Люцифер.

— Ты до тех пор останешься между этими кожами, пока не откажешься от всяких прав на меня.

Черт не согласился и бегал в таком виде в течение двух дней, напрасно пытаясь сбросить с себя кожи. Пришлось ему волей-неволей обратиться опять к сапожнику:

— Спори с меня эти кожи, любезный друг, прошу тебя.

— Откажись от меня или останешься в таком виде навсегда.

Люцифер подписал бумагу и отправился к портному.

— Как идет работа?

— Старался изо всех сил.

— Это верно, — сказал черт, — не могу на тебя пожаловаться. А не починишь ли ты мне штаны, они совсем порвались?

Портной очень хорошо починил штаны, и черт ему сказал:

— Теперь сшей мне костюм, только без швов.

— Без швов? Такой костюм я не могу тебе сшить, но если желаешь, я выкрою его на тебе из этой штуки сукна.

Он накинул на черта сукно.

— Только стой прямо.

— А ты не режь так близко от тела, — заметил черт.

Портной взял большие ножницы и сверху донизу разрезал сукно, прихватывая кожу с мясом. Люцифер испускал душераздирающие вопли, особенно когда жена и дети портного стали кропить его святой водой.

— Ах, — воскликнул черт, — я нашел на земле только одного честного человека — Пьера Простифилю!

— Подпиши бумагу, что обещаешь от меня отказаться.

— Ни за что!

— А ну-ка, полейте его как следует.

— Подпишу, подпишу! — заорал черт.

Затем он пошел к кузнецу.

— Работаете?

— Да, сколько могу.

— Это верно, у меня наверху уже почти у всех есть подковы и замки. Ты хороший кузнец, и напрасно тебя люди оговаривали.

— Ваши сапоги, — сказал кузнец, — уже поизносились; если желаете, могу вам выковать каблуки, и сапожки станут как новые.

— Ты хорошо придумал, только мне хотелось бы иметь каблуки стальные.

— Это можно сделать.

— Подкуй меня, я щедро тебя вознагражу.

Кузнец выковал гвозди, острые как шило и длиной по крайней мере в полметра, потом сказал черту:

— Теперь придется мне привязать вас. Вы ведь знаете, что нельзя подковать непривязанную лошадь.

Кузнец прикрутил черта к двери железными цепями, и пока он держал черта за ногу, один из подмастерьев накалил подковы. Когда они были готовы, кузнец взял одну из них, опустил в святую воду и приложил черту к ноге. Тот закричал благим матом.

— Подожди, — крикнул ему кузнец, — уж я тебя подкую!

И, ударяя изо всех сил молотком, он вогнал ему гвозди в ногу по самое колено.

— Пусти, пусти! — кричал черт. — Все люди плуты, и самый худший из них — это ты!

— Нет, нужно подковать тебя на обе ноги, я ничего не люблю делать наполовину.

Он подковал черту другую ногу. Люцифер кричал что было мочи, а кузнец кропил его святой водой, приговаривая:

— Когда подковывают лошадь, нужно поливать железо!

Черт снова расписался, что отказывается от всех прав на кузнеца, а потом, рассерженный и обиженный, ушел, хромя, из кузницы.

Вот булочник умер и, подойдя к воротам рая, постучался. Святой Петр открыл ему и сказал:

— Ступай своей дорогой, тут тебе делать нечего.

«Вот оно что! — подумал булочник. — Поджарил я когда-то черта, теперь он меня взгреет!»

Подойдя к дверям ада, булочник сказал привратнику:

— Мне как будто сюда полагается войти?

— А как вас зовут?

— Пьер Дюфур.

— Я уже слышал о вас от моего хозяина, — сказал привратник. — Люцифер, — крикнул он черту, — тут Пьер Дюфур просит ему дать у нас местечко.

— Гони его в шею. Он небось думает, что я не помню, как он меня в своей печи поджаривал.

«Наконец-то я с ним развязался, — подумал булочник. — Но нужно мне все-таки найти какое-нибудь пристанище».

Он отправился в чистилище и встретил святого Ива, который сказал ему:

— Что вам надо, друг мой?

— Не найдется ли у вашей милости для меня местечка?

— А что у вас за ремесло?

— Я булочник.

— Странно, что вы не можете найти себе места.

— Не могу, — святой Петр захлопнул ворота перед самым моим носом, а черт выставил меня из ада за то, что я малость поджарил его когда-то в печи.

— Входите, мой друг, постараемся найти вам какой-нибудь уголок. Булочники обычно не пользуются плохой славой!

Спустя некоторое время умер Пьер Пройдоха.

Он подошел к воротам рая, и святой Петр сказал ему:

— Что тебе здесь нужно?

— Чтоб вы открыли мне ворота рая.

— А чем ты занимался?

— Был мельником.

— Друг ты мой, никогда еще ни один мельник не переступал порога рая, — все они воры и плуты.

«Вот я и влопался, — подумал Пьер Пройдоха, — придется мне пойти к тому, кого я чуть не раздавил между жерновами».

Проходя мимо чистилища, он на всякий случай постучался туда.

— Нельзя ли мне сюда войти? — спросил он.

— А не были ли вы случайно мельником?

— Был.

— Мельники в чистилище не допускаются, ступайте в ад.

— В ад! Не хотелось бы мне идти в это место. Ведь я чуть было не смолот черта. Пристройте меня у вас в каком ни на есть уголке!

— Никак не могу, — ответил святой Ив.

Когда мельник подошел к дверям ада, привратник спросил его:

— Что тебе здесь нужно?

— Хочу войти.

— А как тебя звать?

— Пьер Пройдоха.

— Вот оно что! Так это ты Пьер Пройдоха? Не ты ли так хорошо обработал нашего хозяина?

— Да, я.

— Ступай тогда за мной.

Пьер Пройдоха уныло поплелся вслед за привратником. Увидев его, черт закричал:

— Ты, видимо, не прочь меня и сегодня молотить?

Мельник ничего не ответил.

— Выбрось его сию минуту отсюда, — сказал Люцифер привратнику. — У меня таких молодцов, как он, достаточно.

Пьер Пройдоха, не говоря ни слова, убрался восвояси. Он и сейчас муку мелет.

Сапожник после смерти тоже направился к воротам рая, но святой Петр сказал ему, что имени его нет в списках, а когда он подошел к чистилищу, святой Ив тоже предложил ему убраться подальше. Тогда сапожник подошел к двери ада и попросил там местечка.

— А как тебя звать?

— Вы все равно моего имени не знаете. Я был сапожником у вашего хозяина.

— Так это ты его так хорошо зашил? Ну, не поздоровится же тебе за это!

— Я так и думал, — ответил сапожник.

— Ступай за мной.

Сапожник с понурым видом потащился вслед за привратником; он считал, что теперь-то он попался.

Увидав его, черт закричал:

— Выбрось его поскорее отсюда! Не будь я Люцифер, если пушу в ад хоть одного сапожника!

Сапожник поспешно ушел, не ожидая, чтобы привратник проводил его до ворот.

Умер, в свою очередь, и кузнец. Он сразу направился к воротам рая.

— Что тебе нужно? — спросил святой Петр.

— Хочу в рай.

— А ты его заслужил, что туда просишься?

— Кто его знает!

— Проваливай, здесь нет для тебя места.

У ворот чистилища святой Ив отказался впустить его, так как святой Петр не выдал ему нужных бумаг.

«На этот раз я здорово влопался, — подумал кузнец. — Я подковал черта, он, в свою очередь, подкует меня».

Кузнец поплелся прочь такими мелкими шажками, что добирался больше недели, а подойдя к аду, стал бродить вокруг да около, не решаясь войти.

— Что тебе надо? — спросил привратник.

— Я пришел узнать, не нужен ли вашему хозяину кузнец.

— А как тебя звать?

— Пьер Сквернослов.

— А, ему давно охота повидать тебя.

Привратник привел кузнеца к черту.

— Вот, — сказал он, — Пьер Сквернослов спрашивает, не требуется ли вам кузнец.

— Ага! — воскликнул Люцифер. — Не бойся, теперь я позабочусь о тебе. У меня до сих пор на ногах подковы, которые ты мне прибил, никто не может снять их.

— Если вы меня отпустите, я сниму их.

— А ты можешь это сделать?

— Да, так же легко, как приделал.

Кузнец приказал раздуть огонь и расковал черта, и тот помиловал его.

Из всех работников Люцифер забрал себе только Пьера Простофилю, который попался из-за своей простоты.

ЧЕРТОВА КОСА

Французская сказка

В Древние времена люди в Геде кос и не видывали, а сено снимали обыкновенными портновскими ножницами, так что работа у них совсем не спорилась.

Черт время от времени заходил в эти места за большими камнями — они нужны были ему, чтобы воздвигнуть гору святого Михаила. У него как раз было такое орудие, которым можно было в мгновение ока снять траву с целого луга, черт работал только ночью и никому своего орудия не давал.

Раз он обещал одному беспутному человеку, с которым был в дружбе, выкосить ночью его луг. Святой Михаил узнал об этом и, забравшись на луг того человека, утыкал землю зубьями бороны, — а

у бороны зубья, как известно, железные. Потом он спрятался в дупло старого дуба и стал дожидаться наступления ночи. Он почти весь уместился в дупле, и только голова торчала среди листвы.

Черт появился, подошел к плетню, постучал молотком по лезвию косы, потом насадил ее на длинную палку, наточил и наконец равномерными взмахами стал косить траву, которая так и падала вокруг него.

Когда коса наткнулась в первый раз на железо, она зазубрилась. Черт начал ругаться, как только черти умеют, но продолжал работу. Наткнувшись на второй зуб, коса сломалась. Черт промолвил вслух:

— Вот и испортилась моя коса, придется нести ее к кузнецу! — и, продолжая сыпать проклятиями, пошел к местечку Динже.

На другой день святой Михаил отправился в Динже к кузнецу и спросил, не приносили ли ему в починку один инструмент.

— Принесли, — отвечал кузнец. — Странная какая-то штука, я таких никогда и не видывал.

— Вот что, кузнец, сделай-ка ты мне такую точно, и тогда я тебе объясню, для чего она служит.

— Ладно.

Святой Михаил не стал прятать своей косы, как черт. Он ее ссужал всем и всех учил, как работать ею.

Таким образом все люди начали употреблять косу.

Видя у крестьян в руках косы, сатана понял, что тайна его раскрыта, и сразу догадался, что его выследил святой Михаил. Рассвирепев, он отправился к святому и вызвал его на поединок.

— Согласен, — ответил архангел. — Но с условием, что мы будем драться в печи.

— Где хочешь, мне все равно.

И оба пошли в ближайшую деревню.

По дороге святой Михаил нашел деревянный молоток с короткой ручкой, которым женщины разминают коноплю и лен перед тем, как их трепать. Он сунул его под мышку и пошел дальше.

Пришли к печи. Черт прихватил с собой ухват и полез внутрь. Святой Михаил двинулся за ним. Ухват был такой длинный, что никак не входил в печь, и, пока черт тянул его к себе, святой Михаил нещадно колотил своего противника молотком по голове.

— Пощади! — завопил черт. — Ведь этак ты меня убьешь!

— Я тебя пощажу только с тем условием, чтобы ты убрался

из наших мест и никогда больше сюда не возвращался.

Торг был заключен, и с той поры в Геде никогда больше не видали дьявола.

Якоб и Вильгельм ГРИММ

ЧЕРТ С ТРЕМЯ ЗОЛОТЫМИ ВОЛОСАМИ

Жила однажды бедная женщина, вот родила она сыночка, родился он на свет в рубашке, и было ему предсказано, что на четырнадцатом году он женится на королевской дочери. И случилось, что вскоре после того прибыл в эту деревню король; но никто не знал, что это король, и, когда он стал расспрашивать у людей, что тут у них нового, ему ответили:

— Да вот родился у нас на этих днях ребенок в рубашке; что он ни задумает, во всем ему будет удача. И предсказано ему еще, что на четырнадцатом году будто женится он на королевской дочери.

А было у короля сердце злое; разгневался он, узнав о таком предсказанье, и пошел к родителям ребенка, прикинулся таким ласковым, таким добрым и говорит:

— Вы люди бедные, отдайте мне вашего ребенка, уж я о нем позабочусь.

Поначалу они отказывались, но когда этот чужой человек предложил им за это немало золота, они порешили: «Уж раз он родился счастливецом, то будет это для него к лучшему», — и они согласились и отдали ребенка.

Положил король ребенка в походный ларец и поскакал с ним на коне дальше. Подъехал он к глубокому омуту, бросил ларец в воду и подумал: «Вот я и спас свою дочь от непрошеного жениха». Но ларец не утонул, а поплыл, словно кораблик, и ни одна капля воды в него не просочилась. И отплыл он на две мили от королевской столицы, приплыл к мельнице и остановился у плотины. К счастью, стоял поблизости работник с мельницы, он заметил ларец и вытащил его багром на берег, думая найти в нем немалые сокровища; но когда он его открыл, то увидел, что лежит в нем красивый мальчик, здоровый и веселый. Он принес его к мельнику и его жене, и так как детей у них не было, то мельничиха обрадовалась и говорит:

— Это сам Господь Бог послал нам дитятко. — Стали они о найденныше заботиться, и он вырос, воспитанный во многих добродетелях.

Но вот случилось однажды, что король, желая укрыться от грозы, зашел на мельницу и, заметив рослого мальчика, спросил у мельника и его жены, не их ли это сын.

— Нет, — ответили они, — это найденныш. Четырнадцать лет тому назад его принесло в ларце к нашей плотине, и работник вытащил его из воды.

Тогда король понял, что это не кто иной, как тот самый счастливец, которого он бросил в воду, и он сказал:

— А нельзя ли будет, люди добрые, послать его с моим письмом к королеве? Я дам ему за это в награду два золотых.

— Как прикажет король, — ответили мельник и мельничиха и велели юноше приготовиться в путь-дорогу.

И написал король письмо королеве, а было в нем сказано: «Как только этот мальчик прибудет с моим письмом, я приказываю его убить и закопать в землю; и сделать все это надо до моего возвращения».

Отправился мальчик с этим письмом в дорогу, но в пути заблудился и попал под вечер в дремучий лес. В темноте он заметил огонек, пошел навстречу ему и очутился около избушки. Вошел он туда, видит — сидит у очага старуха, а больше в избушке никого нету. Она увидала юношу, испугалась и говорит:

— Ты откуда и куда направляешься?

— Я иду с мельницы, — ответил он, — направляюсь к королеве, несу ей письмо; да вот заблудился в лесу и хотел бы у тебя переночевать.

— Бедный ты мальчик, — молвила старуха, — ведь ты попал в разбойничий притон; когда разбойники вечером вернутся домой, они тебя убьют.

— Ну, что ж, пускай приходит кто угодно, — сказал юноша, — я никого не боюсь; я так устал, что идти дальше не в силах. — И он лег на лавку и уснул.

Вскоре явились разбойники и гневно спросили, почему тут лежит какой-то чужой мальчик.

— Ах, — сказала старуха, — да ведь это ж еще совсем невинный младенец, он заблудился в лесу и я из жалости его приютила; он должен доставить письмо королеве.

Распечатали разбойники письмо, прочитали его, а написано

в нем было, что как только он явится, его надо немедленно убить. И вот почувствовали жестокие разбойники жалость, их атаман разорвал письмо и написал вместо него другое, где сказано было, что как только он явится, его тотчас должны обвенчать с королевской дочерью. Они оставили его спокойно спать на лавке до самого утра, а когда он проснулся, дали ему письмо и показали дорогу.

Королева, получив письмо и прочитав его, поступила так, как было в нем указано: она велела устроить пышную свадьбу, и королевна была повенчана со счастливецом. А так как юноша был красивый и ласковый, то жила она с ним в радости и довольстве.

Спустя некоторое время король вернулся в свой замок и увидел, что исполнилось предсказанье и счастливцев повенчан с его дочерью.

— Как это случилось? — спросил он. — Ведь я в своем письме дал совсем другой указ.

Тогда подала ему королева письмо и сказала: пусть, мол, сам поглядит, что в нем написано. Прочитал король письмо и сразу заметил, что его подменили другим. Он спросил юношу, куда девалось доверенное ему письмо и почему он принес вместо него другое.

— Я ничего об этом не знаю, — ответил он, — должно быть, его ночью подменили, когда я спал в лесу.

И сказал разгневанный король:

— Ну, это тебе не так-то легко удастся! Кто хочет получить дочь мою в жены, тот должен добыть мне из ада три золотых волоса с головы черта, — если принесешь, что я требую, то останется моя дочь твоею женой.

Так думал король отделаться от него раз навсегда. Но счастливцев ответил:

— Что ж, золотые волосы я вам добуду, черта я не боюсь. — На том он простился с королем и начал свое странствие.

И привела его дорога к одной столице. Городской привратник начал его выпрашивать, какое он ремесло знает и что умеет делать.

— Я все умею делать, — ответил счастливцев.

— Тогда окажи нам услугу, — сказал привратник, — объясни, отчего наш фонтан на рыночной площади, из которого прежде било вино, ныне иссяк и даже вода из него не течет.

— Это я вам объясню, — ответил юноша, — подождите только, пока я назад вернусь.

И он отправился дальше и подошел к другому городу; и опять

спросил его привратник, какое ремесло он знает и что умеет делать.

— Я все умею делать, — ответил он.

— Тогда окажи нам услугу и скажи, отчего дерево в нашем городе раньше давало золотые яблоки, а теперь на нем даже и листьев нету.

— Это я вам объясню, — ответил он, — только подождите, пока я назад вернусь.

Пошел он дальше и пришел к большой реке, и надо было ему через ту реку переправиться. Перевозчик спросил его, какое он ремесло знает и что умеет делать.

— Я все умею делать, — ответил он.

— Тогда окажи мне услугу, — сказал перевозчик, — растолкуй мне, почему я должен все время заниматься перевозом и никто меня никогда не сменит?

— Я это тебе объясню, — ответил он, — только подожди, пока я назад вернусь.

Переправился он через реку и отыскал вход в преисподнюю. А было там черным-черно и копотью все покрыто, а черта на ту пору дома не оказалось, и только сидела там его бабушка в широком большом кресле.

— Чего тебе надобно? — спросила она у него, и показалась она ему не такой уж злой.

— Да вот хотелось бы мне добыть три золотых волоса с головы черта, — ответил он, — а не то придется мне со своей женой разлучиться.

— Однако ж ты многого требуешь, — сказала она, — когда черт вернется домой и увидит тебя здесь, то придется тебе с жизнью своей расстаться. Но мне жалко тебя, я посмотрю — может, чем и смогу тебе помочь. — И она обратила его в муравья и сказала: — Заберись в складки моей юбки, там будет тебе безопасно.

— Да это-то хорошо, — ответил юноша, — но я хотел бы еще получить ответ на три вопроса: почему фонтан, из которого прежде било вино, нынче иссяк, даже вода из него не течет; почему на дереве, на котором прежде росли золотые яблоки, теперь даже листьев нету; почему должен перевозчик все время перевозить с берега на берег и никто его никогда не сменит.

— Это вопросы трудные, — ответила бабка, — но ты сиди смирно и слушай внимательно, что скажет черт, когда я стану вырывать у него три золотых волоса.

Вот наступил вечер, и воротился черт домой. Только вошел

он и, видно, сразу ж заметил, что воздух что-то нечистый.

— Чую, чую мясо человечесь! — сказал он. — Тут что-то неладно. — Он заглянул во все углы, стал искать и обшаривать, но найти ничего не мог.

Тут стала бабушка его бранить:

— Да ведь здесь только что подметено, — говорит, — и все в должный порядок приведено, а ты все снова раскидываешь, — вечно ты чуешь носом человечесь мясо. Садись-ка ты лучше да поужинай.

Поел он и попил, — видно, сильно устал, — и склонил голову на колени бабушке и попросил вшей в голове у него поискать. Тут вскоре он задремал, засопел и захрапел. Схватила тогда старуха один золотой волос, вырвала его и положила около себя.

— Ой! — вскрикнул черт. — Ты что делаешь?

— Да это мне дурной сон приснился, — ответила чертова бабушка, — вот я и схватила тебя за волосы.

— Что ж тебе такое приснилось? — спрашивает черт.

— Приснился мне фонтан на рыночной площади, било из него прежде вино, а теперь он иссяк, и даже вода из него не течет. Скажи, что причиной тому?

— Эх, если б знали они! — ответил черт. — Там сидит жаба под камнем, — если ее убить, то вино потечет снова.

Стала чертова бабушка опять в голове у черта вшей искать, тут он снова заснул и так захрапел, что даже стекла в окнах задрожали. И вырвала она у него второй волос.

— Ух! Да что это ты делаешь? — вскрикнул разгневанный черт.

— Ты не сердись, — ответила она, — это я спросонок.

— А что ж тебе опять приснилось? — спрашивает он.

— Да приснилось мне, будто растет в одном королевстве яблоня, прежде приносила она золотые яблоки, а теперь даже листьев на ней нету. Что причиной тому?

— Эх, если б они знали! — ответил черт. — Ее корни мышь подтачивает; если ее убить, будет она снова родить золотые яблоки, а будет мышь и дальше грызть корни, то и вовсе она засохнет. Но оставь ты меня в покое со своими снами! Если ты еще раз помешаешь мне спать, получишь пощечину.

Тут стала бабушка ласково его успокаивать и принялась опять искать у него в голове, пока он не заснул и не захрапел. Тогда она схватила третий золотой волос и вырвала у него из головы. Тут черт как подскочит, как закричит, хотел было уже с

нею расправиться, но она снова его успокоила и сказала:

— Что с дурными снами поделаешь!

— Да что же тебе приснилось? — спросил он с любопытством.

— Снился мне перевозчик; жаловался он, что должен все перевозить с берега на берег и никто его никогда не сменит. Что причиной тому?

— Эх, дурак же он! — ответил черт. — Если кто подойдет, чтоб через реку переправиться, пускай даст он ему в руки шест, — вот и должен будет другой стать перевозчиком, а он освободится.

Чертова бабушка, вырвав три золотых волоса и получив ответ на все три вопроса, оставила старого черта в покое, и он проспал до самого утра.

Вот черт снова ушел, достала тогда старуха из складок своей юбки муравья и вернула счастливцу опять его человеческий образ.

— Вот тебе три золотых волоса, — сказала она, — а что ответил черт на твои три вопроса, ты, пожалуй, и сам уже слышал.

— Да, — ответил счастливец, — я все слышал и хорошо запомнил.

— Ну, вот я тебе и помогла, — сказала она, — а теперь ступай своей дорогой.

Поблагодарил он старуху за помощь в беде, вышел из ада и был доволен, что во всем ему так посчастливилось. Пришел он к перевозчику и должен был дать ему обещанный ответ.

— Сперва перевези меня на тот берег, — сказал счастливец, — тогда я тебе скажу, как освободиться. — И когда они переправились на другой берег, он дал ему чертов совет: — Когда кто подойдет опять к берегу и попросит его перевезти, ты сунь ему шест в руки.

Пошел он дальше и пришел в город, где росло бесплодное дерево и где городской привратник тоже ждал ответа. И сказал он ему то, что слышал от черта: «Убейте мышь, грызущую корни дерева, и оно опять будет родить золотые яблоки». Поблагодарил его привратник и дал ему в награду за это двух навьюченных золотом ослов, которые должны были следовать за ним.

Наконец пришел он в город, где перестал бить фонтан. И он передал привратнику то, что посоветовал черт: «Надо найти жабу, — а сидит она под камнем в фонтане, — и ее убить, и опять забьет из фонтана вино». Поблагодарил его привратник и дал ему тоже двух навьюченных золотом ослов.

Наконец счастливец воротился домой к своей жене, и она обрадовалась от всего сердца, что снова его увидела и узнала о том, что все хорошо ему удалось. И он принес королю то, что тот от него требовал, — три золотых волоса с головы черта; и когда увидел король четырех ослов, нагруженных золотом, то был и совсем доволен и сказал:

— Теперь все условия выполнены, — пускай моя дочь остается твоею женой. Но скажи мне, любезный зятек, откуда у тебя столько золота? Ведь это ж богатства немалые!

— Да переправлялся я через реку, — ответил он, — и лежало оно, словно песок на берегу, я и забрал его с собой.

— А нельзя ли и мне его добыть? — спросил король, и одолела его великая жадность.

— Да сколько вам будет угодно! — ответил счастливец. — Есть на той реке перевозчик, вы попросите его перевезти вас на другой берег, а там уж и набьете себе мешки золотом.

И отправился жадный король второпях в путь-дорогу, прибыл к реке и дал знак перевозчику, чтобы тот перевез его. Подъехал перевозчик и предложил ему сесть в лодку, и когда подъехали они к другому берегу, сунул тот ему в руки свой шест, а сам выскочил из лодки.

И с той поры должен был король в наказание за свои грехи сделаться перевозчиком.

— Что ж, перевозит он еще и поныне?

— А то как же! Ведь никто шеста из рук у него не возьмет.

Якоб и Вильгельм ГРИММ

ЧЕРТ И ЕГО БАБУШКА

Была некогда большая война, и было у короля много солдат, но жалованья он платил им мало, и на жалованье это существовать они никак не могли. Вот и сговорились трое из них бежать. И говорит один другому:

— Если нас поймают, то вздернут на виселицу; как же нам быть? А другой говорит:

— Видите, вон большие хлебные поля; если мы там спрячемся, то ни один человек нас не отыщет, — войско туда не пойдет, ведь завтра ему в поход выступать.

Залезли они в густые хлеба, а войско все не уходит и не

уходит и стоит около поля. Просидели они в хлебах целых два дня и две ночи подряд и так проголодались, что чуть было с голоду не померли; а выбраться — значит, на верную смерть идти. Вот они и говорят:

— Да что толку в нашем побеге? Видно, придется нам здесь голодной смертью погибать.

Вдруг прилетел огненный дракон, спустился к ним и спрашивает их, чего это они тут спрятались? А они отвечают:

— Мы — трое солдат — с войны убежали оттого, что жалование было нам малое, и придется нам с голоду помирать, ежели останемся мы тут лежать; а ежели выйдем отсюда, то придется нам на виселице качаться.

— Если хотите послужить мне семь лет, — сказал дракон, — то проведу я вас через войско, и никто вас не поймает.

— Что ж, выбора у нас другого нету, приходится соглашаться, — ответили солдаты.

И схватил их дракон в свои когти и переправил их по воздуху над войском, и снова спустил их на землю, далеко-далеко от тех мест; а был дракон не кто иной, как сам черт. Дал он им маленькую плеточку и говорит:

— Коль ударите вы да щелкнете ею, то посыплется золота столько, сколько вам будет угодно; и жить вы сможете, как большие господа, держать лошадей да разъезжать в каретах; но пройдет семь лет, и будете вы принадлежать мне. — И подал он им книгу, в которой они все трое должны были в том расписаться.

— Но задам я вам сначала загадку, — говорит черт, — если вы ее разгадаете, будете свободны и от власти моей избавлены.

Улетел от них дракон, и отправились они в путь-дорогу со своей плеточкой; денег теперь была у них целая уйма, заказали они себе барское платье и стали странствовать по свету. И всюду, где они бывали, жили они в радости и в довольстве, ездили на лошадях и в каретах, ели и пили в свое удовольствие, но зла никому не делали. Время пролетело у них быстро, и когда семь лет подходили уже к концу, стало двум из них очень страшно, но третий смотрел на все легко и просто и говорит:

— Не бойтесь, братцы, ничего; неужто я такой дурак, что загадки той не разгадаю?

Вот вышли они в открытое поле, сели там, а двое из них и пригорюнились. Подходит к ним вдруг старуха и спрашивает, отчего это они такие грустные.

— Ах, да что тебе до того? Помочь ты нам все равно не можешь.

— А почему знать, — ответила она, — вы поведайте мне о своем горе.

И рассказали они ей о том, что были они в услужении у черта целых семь лет и давал он им золота сколько угодно, но расписались они в том, что будут ему подвластны, если спустя семь лет не смогут разгадать его загадки. И сказала старуха:

— Если вы хотите, чтобы я вам помогла, то пускай один из вас пойдет в лес; и придет он к рухнувшей скале, а скала та похожа на избушку, и надо в нее войти, — вот там и найдешь ты помощь.

А те двое грустных и подумали: «Это нас все-таки никак не спасет», и остались они сидеть, а веселый солдат поднялся и пошел прямо в самый лес, пока не нашел в скале избушку. И сидела в той избушке древняя старуха, а приходилась она черту бабушкой; и вот спросила она его, откуда он и зачем сюда пожаловал. Он рассказал ей все, что случилось; солдат понравился ей, она его пожалела и обещала помочь. Подняла она большой камень, что лежал над погребом, и сказала:

— Ты спрячься сюда и все услышишь, что будет здесь говорить, — только сиди смирно и не шевелись. Когда явится дракон, я спрошу его насчет той загадки; мне он скажет все, а ты, смотри, примечай, что он ответит.

Ровно в двенадцать часов ночи прилетел дракон и потребовал еды. Бабушка накрыла для него стол и принесла напитки и еду; он остался этим доволен, и они ели и пили вместе. И стала она его расспрашивать, как прошел у него день и сколько он душ успел нынче заполучить.

— Да мне что-то сегодня не очень посчастливилось, — ответил он, — но вот поймал я трех солдат, — эти уж в моих руках.

— Э, три солдата, — сказала она, — те за себя постоят, они еще могут от тебя и удрать.

И сказал насмешливо черт:

— Нет, они уж мои; я задам им такую загадку, какую они никогда не разгадают.

— А что это за загадка? — спросила она.

— Сейчас я тебе скажу: лежит в великом Немецком море мертвая мартышка — это и будет им вместо жаркого, а китовое ребро — вместо серебряной ложки, а старое пустое конское копыто будет им вместо рюмки.

Вот черт лег спать, и отвалила тогда старая бабушка с погребка камень и выпустила оттуда солдата.

— Все ли ты хорошо запомнил?

— Да, — ответил солдат, — теперь я знаю достаточно и справиться сумею.

И пришлось ему бежать тайком другою дорогой, через окошко, чтобы поскорей вернуться к своим товарищам. Рассказал он им о том, как старая бабушка перехитрила самого черта и как узнал он от него решение загадки. Тогда все повеселели, взяли свою плеточку и набили себе денег столько, что золотые так прямо по земле и катились.

Вот пришло наконец полностью семь лет, и явился черт с книгою; показал он им, что они подписали, и говорит:

— А теперь я хочу забрать вас с собой в ад, там будет вам и обед. Если разгадаете, что на жаркое будет, — отпущу вас, и сможете вы уйти и взять с собой плеточку.

И начал отгадывать первый солдат:

— Лежит в великом Немецком море мертвая мартышка, — вот она и будет нам вместо жаркого.

Рассердился черт, пробурчал: «гм, гм, гм» — и спросил у второго:

— А что же будет вам вместо ложки?

— А китовое ребро, — оно и будет нам вместо серебряной ложки.

Скорчил черт гримасу, трижды хмыкнул и обратился к третьему:

— А знаешь ли ты, что будет вместо рюмки?

— Старое конское копыто, — оно и будет нам вместо рюмки.

И улетел от них черт со страшным криком и потерял над ними всякую силу. И осталась у трех солдат плеточка, выбивали они денег столько, сколько хотели, и прожили они припеваючи до самой смерти.

ЧЕРТ И КАЧА

Чешская сказка

В одной деревне жила-была Кача. Была у нее избенка, садик да к тому еще немножко золотых грошей. Но даже будь она с ног до головы осыпана золотом, самый бедный парень на деревне ее бы в жены не взял, до того она была бранчлива. Так она и сидела в девках. И очень ей было обидно, что парни ее избегают, а в воскресенье на вечеринке никто в круг танцевать не зовет.

Раз в воскресенье, когда в трактире наигрывали музыканты, сидела Кача возле печи и глядела, кто кого танцевать приглашает. Ее так никто и не выбрал, и она со злости подумала:

«Нынче, право слово, танцевала бы и с чертом».

Только подумала — открылись двери и вошел какой-то господин в охотничьем костюме. Сел он возле Качи и заказал пиво. Служанка ему принесла, а он взял кружку и поставил перед Качей. Та удивилась, что за честь такая, немножко поцеремонилась, но потом с удовольствием выпила. Господин поставил кружку на стол, вынул из кармана золотой, бросил музыкантам и крикнул:

— А ну, ребята, сыграйте-ка для нас!

Парни расступились, а господин пригласил Качу.

— Вот те на, откуда он взялся? — спрашивали старики, наклоняясь друг к другу. Парни ухмылялись, а девки прятались одна за другую и прикрывали рот фартуком, чтобы Кача не заметила, как они смеются. Но Кача никого не замечала, только радовалась, что танцует, пусть хоть целый свет над ней насмехается.

Господин танцевал с Качей и после полудня и вечером, покупал ей сладости из марципана и сладкие ликеры, а когда пришло время идти домой — проводил ее через всю деревню.

— Хотела бы я до самой смерти танцевать с вами, как сегодня, — сказала Кача, когда пришла пора расходиться.

— Почему бы и нет, стоит только пойти со мной.

— А где же вы проживаете?

— Обхвати-ка меня за шею, я тебе и скажу.

Кача обхватила охотника за шею, а он немедля превратился в черта и прилетел с ней прямо в ад.

Вот прилетели они в ад, черт принялся колотить в ворота и сейчас же его приятели пришли им отворить двери. Увидели они, что их приятель притомился, хотели ему подсобить и Качу с него снять. Но она вцепилась в черта, как клещ, и никакими силами ее нельзя было оторвать от него. Волей-неволей пришлось черту с Качей на шее предстать перед самим Люцифером.

— Кого это ты несешь? — нахмурился Люцифер.

Черт рассказал ему, как ходил по земле, как услышал тайное желание Качи и унес ее в ад.

— Только она меня теперь отпустить не хочет, и что мне с ней делать, я не знаю.

— Сколько можно учить тебя, глупец, — набросился на

черта Люцифер. — Говорил я тебе, не заигрывай ни с кем, пока не узнаешь, кто таков. Кача хоть и бранчливая, но честная девушка. Ей в аду не место. Убирайся с глаз долой и смотри, постарайся от нее избавиться!

Черт весь в расстроенных чувствах потащился с Качей опять на землю. Наобещал он ей с три короба, если только его пустит. Проклинал ее последними словами. Все напрасно. Измученный и несчастный пришел он со своей ношей на зеленый луг, где молодой пастух в ободранном тулупе пас овец. Черт принял человеческий облик, и пастух его не узнал.

— Кого несешь, приятель? — спросил он дружелюбно у черта.

— Ах, милый человек, едва дышу. Шел я своей дорогой, никто не трогал, вдруг вот эта Кача как вскочит мне на шею, и никакими силами ее оттуда не стащить.

— Погоди немного, — сказал пастух. — Я тебя освобожу от этой прилипалы. Только придется тебе за моими овцами присмотреть.

— Это я с удовольствием.

— А ну, ухватись-ка за меня! — крикнул пастух Каче.

Как только Кача услышала, бросила черта и ухватила за пастушеский тулуп. Пастух только крикнул и понес Качу к ближайшему пруду. Остановился он над водой, вынул одну руку из тулупа — Кача молчит. Вынул другую, расстегнул пуговицу, потом еще одну, потом третью и бултых Качу в воду вместе с тулупом.

Черт и оглянуться не успел, а пастух уже вернулся с мокрым тулупом через плечо.

— Спасибо тебе, пастух, — обрадовался черт. — Сослужил ты мне большую службу. А не то пришлось бы мне таскать на себе Качу до самого судного дня. За это я тебя богато вознагражу. Только знай: тот, кому ты в беде помог — черт, — сказал он это и исчез.

Пастух покачал головой и говорит:

— Коли все они такие же глупые, как этот, — все в порядке.

В той земле, где жил пастух, правил молодой князь. Богатства у него было предостаточно, и жил он на широкую ногу. Каждую ночь из княжеских покоев слышалось пенье загулявших кутил. А землей управляли два управляющих, которые были еще похуже молодого князя. Что не промотал он, прикарманили они, так что бедный люд в той земле уж и не ведал, откуда денег взять на гулянки своих господ.

Однажды, когда князь и не знал, какую еще придумать

забаву, призвал он к себе прославленного звездочета и повелел ему прочесть по звездам свою судьбу и судьбу двух своих управляющих. Звездочет послушался и принялся высчитывать, каким будет у них конец жизни. А когда высчитал, отправился к князю.

— Милостивый князь, не изволь гневаться, — сказал он. — Но жизни твоей и твоих управляющих грозит такая опасность, что я и вымолвить боюсь.

— Что бы там ни было — говори. Помни только одно: коли предсказание твое не исполнится — мой меч — твою голову с плеч.

— Я готов подчиниться справедливому приказу. Так слушай же: как будет на небе четверть месяца, придет за твоими управляющими черт. А как наступит полнолуние, придет черт и за тобой и всех троих живьем унесет в ад.

Князя такое предсказание разгневало, и приказал он посадить звездочета в тюрьму. Только ни ему, ни управляющим от этого легче не стало. Впервые в них проснулась совесть. Полумертвые от страха отбыли управляющие в свои замки, а князь принялся жить по всей правде, тихо и спокойно и постепенно стал входить во все дела в надежде, что жестокая судьба его минует.

Вот тогда-то и появился снова перед пастухом черт и говорит ему:

— Я пришел отблагодарить тебя за службу. Как будет на небе четверть месяца потащу я в ад управляющих этой земли, потому что они бедный люд обкрадывали и князю были плохими советчиками. Только я вижу, что они хотят исправиться. Вот я и решил оставить их на земле и при этом тебя отблагодарить. Как наступит тот день, иди в первый замок, там будет полно народу. А как потащу я управляющего, ты ко мне подойди и скажи: убирайся прочь, а то худо будет. Я послушаюсь тебя и уйду, а управляющего оставлю. А ты попроси у него два мешка золотых в награду. То же сделай и в замке второго управляющего. А в день полнолуния я приду за самим князем. Только там уж ты не вмешивайся, а то тебе самому несдобровать, — сказал так и исчез.

Пастух хорошо запомнил каждое слово: как появилась на небе четвертушка месяца, он отказался от службы и пошел к замку первого управляющего. Пришел как раз вовремя. Было там уже полно народу и все ждали, когда черт потащит их хозяина в ад. Тут раздался страшный крик, ворота распахнулись и черт вытащил на двор смертельно бледного управляю-

щего. Но дорогу им бесстрашно преградил пастух и крикнул черту:

— Убирайся прочь, а не то худо будет!

Черт исчез. Управляющий был вне себя от радости и, ни слова не сказав, дал пастуху два мешка золотых. Довольный пастух перебрался во второй замок — там тоже все прошло как по маслу.

Само собой разумеется, до князя вскоре донеслось, что пастух спас его двух управляющих. Послал он за ним карету, запряженную четверкой лошадей, а когда пастух приехал, стал упрашивать его, чтобы он над ним смилостивился и освободил из чертовых когтей.

— Господин мой, — сказал пастух. — Спасти тебя я никак не могу, уж очень ты большой грешник. Но ежели ты хочешь исправиться и управлять своим народом справедливо, со всей добротой и мудростью, как и подобает князю, попробую я за тебя вступиться, даже если потом мне самому вместо тебя придется идти в ад.

Князь дал ему слово, а пастух стал думать, как черта обмануть.

Вот наступило полнолуние и к замку князя повалил народ. Все гадали, унесет черт князя, или же пастух его спасет. Тут распахнулись ворота и все увидели, как черт ведет бледного князя в ад. В этот момент сквозь толпу пробрался запыхавшийся пастух и подошел прямо к черту.

— Ты что же забыл, каков уговор был? — прошептал со злостью черт пастуху.

— Ах, ты глупый, мне не князя жалко, мне тебя жалко. Кача в здешних местах объявилась и тебя ищет.

Как услышал черт, сразу же испарился и оставил князя в покое.

Князь был счастлив, что все так хорошо кончилось. Назначил он пастуха своим первым советником и хорошо сделал. Пастух был умный и справедливый, и вся земля при его правлении расцвела так, что смотреть было приятно.

КАК ЧЕРТ СЛУЖИЛ У БЕДНЯКА

Словацкая сказка

Пошел бедняк в лес по дрова. В кармане у него был кусок хлеба, ничего больше в избе не нашлось. Работа у него была тяжелая, вот он и не заметил, что по лесу шатается черт из пекла. А черт не придумал ничего лучше, чем украсть у

бедняка кусок хлеба. Вот украл он и помчался что было сил в пекло, чтобы похвастаться, какую штуку отколол. Только король всех чертей Люцифер вместо похвалы принял его чes-тить:

— И не стыдно тебе у бедняка последний кусок красть? В наказание за это будешь ему служить!

Черт плюнул со злости, но что ему оставалось делать? Оборотился он в деревенского парня и пошел наниматься к бедняку в батраки.

— Этого еще не хватало, — удивился бедняк. — Я и сам себя не могу прокормить, зачем мне батрак? Иди, ищи другого хозяина!

Но черт все не отставал, говорил, что за свою работу ничего не требует, что если бедняк возьмет его в батраки, то потом не пожалеет.

— Ладно, — сказал бедняк. — Собирайся в лес по дрова, чтобы нам зимой было чем топить.

— Ну, хозяин, это работа не по мне. Если я начну дрова рубить, скоро весь лес поляжет. А куда нам столько дров?

— Тогда иди поле пахать, — сказал бедняк.

— Это тоже, хозяин, работа не по мне. Как начну я пахать, все кругом перепашу, куда не кинешь взгляд. Куда нам такое большое поле?

— Так что мне с тобой делать?

Черт и говорит:

— Знаешь, хозяин, найду-ка я себе работу сам.

— Как хочешь, — пожал плечами бедняк.

Черт отправился в замок к самому графу и спрашивает:

— Не надобно ли вам, граф, ловкого работника?

— Как не надо, работы хватает. Вон три стога пшеницы стоят. Надо бы их обмолотить, — сказал граф.

— Я вам их до утра обмолочу, — говорит черт. — А дадите мне за это столько, сколько я на спине унесу.

— Дам, — засмеялся граф. — Только коли не смолотишь, ничего не получишь.

Что потом делалось в риге, никто и не знает. Только к утру вся пшеница была обмолочена, зерно в мешки собрано, солома в стог сметана. Граф очень удивился, а потом и говорит:

— Ну а теперь бери столько, сколько на спине унесешь. — Думал он, что черт унесет на спине два-три мешка от силы.

А черт поплевал на ладони и забросил на спину все мешки с

пшеницей, всю скотину, хлев, конюшни — словом, все графское хозяйство. И побежал со всем этим к бедняку.

Бедняк своим глазам не поверил, когда черт поставил перед ним все графское хозяйство. Только графа там нехватало. Стал тогда бедняк графом.

А потом и говорит черт новоявленному графу:

— Не изволите ли вспомнить, господин граф, как однажды в лесу, когда еще вы бедняком были, пропал у вас из кармана кусок хлеба?

— Как не помнить.

— Так вот за этот кусок хлеба и получили вы от меня графское хозяйство. А теперь мы квиты, — сказал черт.

Бедняк почесал в затылке:

— Так значит ты черт из пекла! Что же ты мне сразу не сказал, ох и задал бы я тебе работу!

— Ни один человек еще не придумал такую работу, с которой бы мне не справиться, — засмеялся черт. — Выдумывайте сколько хотите, я все равно в два счета все сделаю.

— Ладно, дам я тебе две задачи. Слушай внимательно! Принеси мне вот на этот луг всю самогонку, которую по всему свету гонят. Вот тебе и первая задача.

Черт и глазом не моргнул, исчез и через секунду уже складывал на лугу полно бочек, бочонков, бутылей, и всюду в них был самогон со всего света.

— Правда ли, что ты принес мне весь самогон, который был? — спросил граф черта.

— Ясное дело, — ответил черт.

— Ну, ладно. А теперь принеси мне еще одну бутылку самогона!

Черт озадачился, поскреб в затылке. Откуда же теперь взять бутылку самогона, раз весь он вот здесь на лугу лежит? Плюнул он со злости, исчез и никогда больше не появлялся.

ИВАН КУРЬЯ НОГА

Белорусская сказка

Жил-был крестьянин, и не было у него детей. Что он только не делал: и Богу молился, и черту свечку ставил — все напрасно. Только на старости лет родился у него сын. Красивый был, сильный был, но вместо ног у него курьи ножки были. Вот и прозвали его Иван Курья Нога. Рос Иван не по дням, а по часам, за

день вырос в здорового мужика. А вечером и говорит:

— Завтра пойдем, отец, к царю свататься.

Отец испугался.

— Чего это тебе, сынок, вздумалось? Разве можем мы идти к царю свататься?

— Да ты не бойся, — засмеялся Иван. А на другой день и вправду пошли они к царю свататься.

— Зачем ко мне пожаловали, люди добрые, — встретил их царь, — с жалобой или с просьбой?

— И ни с жалобой, и ни с просьбой, — говорит отец, — а пришли мы к тебе свататься.

— Свататься? — удивился царь. — А какого же вы роду, царского или боярского?

— Ни царского, ни боярского. Мы роду простого, крестьянского, — заявил Иван.

— Ладно, — ему на это царь отвечает. — Хочешь быть моим зятем, выполни мне три задачи.

— Отчего же не выполнить, — согласился Иван.

— Вот тебе первая задача: перескочи на своих курьих ножках самую высокую башню моего замка!

Иван на это только усмехнулся, подпрыгнул и перепрыгнул самую высокую башню, точно это табуретка была. Царь нахмурился и снова приказал:

— А теперь перепрыгни на своих курьих ножках весь двор моего замка!

Иван опять только усмехнулся, подпрыгнул и полетел все дальше и дальше, пока не перелетел весь двор, точно узкую канавку. Царь еще больше нахмурился и приказал в третий раз:

— А теперь наподдай своими курьими ножками мой семипудовый жезл, да так, чтобы он через самую высокую башню и весь двор моего замка перелетел!

Иван опять только усмехнулся, подпрыгнул и наподдал своими курьими ножками семипудовый жезл, да с такой силой, что жезл этот перелетел самую высокую башню, весь двор царского замка и летел все дальше и дальше, пока не исчез, где-то за горами.

— Ноги у тебя курьи, а сила богатырская, — признал царь и отдал ему в жены вою дочь. Свадьба была славная, точно женился не крестьянский сын Иван Курья Нога, а какой-нибудь царь или султан.

Только царевне не понравилось, что у ее мужа курьи ноги, а

как Иван Курья Нога уснул, взяла она нож и отрезала ему эти курьи ноги. Утром проснулся Иван и видит, что обезножел. Тут он очень на свою жену разгневался:

— Коли был я тебе нехорош с курьими ногами, не буду тебе хорош и без ног, — сказал и пошел искать по свету семипудовый жезл, что своими курьими ножками наподдал.

Долго ли, коротко ли шел Иван Курья Нога, близко ли, далеко ли, повстречал он безрукого человека.

— Куда путь держишь и как тебя величают? — спросил он его.

— Величают меня Кузьма Безручка, и иду я бродить по свету. Еще вчера были у меня обе руки да оторвал их семипудовый царский жезл, что летел по воздуху и упал вон там в кусты.

— Жезл этот я бросил, — сказал ему Иван Курья Нога. — Только ты на меня зла не имей, я тебе руки не нарочно оторвал. Лучше пойдем вместе.

Кузьма согласился, посадил Ивана на плечи. Иван вытащил из кустов семипудовый царский жезл, и пошли они дальше бродить по свету. Шли они шли, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли и встретили вдруг черта. Черт и принялся над ними смеяться:

— Безрукий безногого несет, головой трясет!

— Больно-то не смейся, — рассердился Иван Курья Нога, — а то как бы плакать вскорости не пришлось.

Только черт смеялся над ними чем дальше, тем больше.

Иван Курья Нога рассердился, замахнулся семипудовым царским жезлом, да как хвать черта промеж рогов, так что искры посыпались. А потом еще раз, да еще, так наверное и забил бы черта досмерти, если бы тот не попросил:

— Ах, Иванушка, Иванушка, отпусти ты меня! Расскажу я тебе о роднике с живой водой. Как окунешься в той воде, ноги сразу и вырастут.

— Ладно, — сказал Иван Курья Нога, перестал черта бить, тот и привел его к роднику. Иван сломал ветку, намочил ее в роднике, ветка и высохла, точно трут.

— Ах вот ты как! — разгневался Иван Курья Нога на черта, замахнулся жезлом, а тот принялся его упрасивать:

— Ах, Иванушка, Иванушка, не гневайся. Все-то я перепутал, но теперь я тебе покажу настоящий родник!

Завел черт Ивана еще глубже в лес, показал другой родник. Иван сломал ветку, намочил ее в роднике, ветка и сгнила.

— Опять ты меня обманул! — закричал Иван и погнался с жезлом за чертом. А тот опять принялся его упрашивать.

— Ах, Иванушка, Иванушка, не гневайся. Перепутал я все родники. Но теперь-то уж я приведу тебя к настоящему роднику с живой водой.

Завел черт Ивана в самую лесную глушь, показал третий родник. Иван сломал ветку, намочил ее в роднике, ветка почками покрылась.

— Повезло тебе, что ты меня не обманул. Не то на этот раз я бы голову твою в кашу превратил, — сказал Иван Курья Нога, бросил черта и окунулся в роднике с живой водой. И сейчас же у него ноги выросли. После него окунулся в роднике Кузьма Безручка. И у того сразу же руки выросли. Тут они распрощались и каждый пошел своей дорогой.

Шел Иван Курья Нога долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли и пришел назад в царский дворец. А во дворце пир идет, музыка играет, все веселятся.

— Что у вас тут происходит? — спросил Иван первого встречного.

— Да наш царь дочку замуж выдает.

— Это еще что такое, — разгневался Иван Курья Нога, замахнулся семипудовым царским жезлом и побежал во дворец. Царевна как его узнала, бросилась ему на шею — рада была, что своего Ивана опять увидела. Иван тоже рад был, что свою царевну опять заполучил, царь тоже рад был, что его царский жезл нашелся, а новый жених дал стрекача и тоже рад был, что легко отделался. А Иван Курья нога со своей царевной до сих пор счастливо живут, хлеб жуют, вином запивают.

МУЗЫКА-ЧАРОДЕЙНИК

Белорусская сказка

Жил на свете парень. Поглядеть на него, так ничем не приметный — и умом не быстрый, и в работе не ловкий, а вот на дудочке или на другом чем сыграть — великий был мастер. За то и прозвали его люди — Музыка, а про настоящее его имя, отцом-матерью данное, совсем позабыли.

Еще когда малым хлопчиком он был, пошлют его волов пасти, а он смастерит себе из лозы дудочку да так заиграет, что волы и те заслушаются, развешат уши и стоят, точно их кто околдовал.

А то пойдет Музыка в ночное. На дворе лето, ночи теплые,

аж парит. Приведут хлопцы и девки коней на луг, пляшут, смеются, песни поют. Ведомо, молодость! Ей всегда весело!

А Музыка как заиграет на своей дудочке, все разом и притихнут. И сдается, словно какая сладость в сердце входит, словно какая сила подхватывает и несет, и несет, все выше и выше, к ясным зорькам, в чистое небо, в чистое синее широкое небо.

Сидят парни и девки тихо-претихо. Сидят и слушают. И ведь всю бы жизнь так сидели, все бы слушали, как Музыка играет!

Вот замолчит он. Никто ворохнуться не смеет, как бы только голос тот не спугнуть, что поет-рассыпается по лугам и дубравам, по земле стелется, в небе звенит. Все птицы лесные примолкнут. Уж на что лягушки болтливы, так даже они замолчат, вылезут из своего болота и сидят на кочках, словно неживые.

А то вдруг заиграет Музыка протяжно, жалостливо. Заплачут тогда и лес, и дубрава, откуда ни возьмись, хмурки набегут, с неба слезы польются.

Идут мужики и бабы домой — после целго-то дня работы, — слышат ту музыку и остановятся. И уж такая разберет их жалость, что даже мужики — старые, бородатые — и те в голос заплачут.

А Музыка тем часом возьми да и сверни от жалостливого на веселое. Что тут делается! Побросают все свои косы и вилы, грабли и баклаги, возьмутся за бока и давай плясать. Пляшут старики, пляшут малые дети, пляшут кони, пляшут дубравы, пляшут зорьки, пляшут хмурки — все пляшет, все смеется!

Вот какой был Музыка-чародейник! Что захочет, то с сердцем и делает.

А когда подрос Музыка, смастерил он себе скрипку и пошел по белу свету тешить людей. Ходит он по деревням и селам, играет на своей скрипочке, и кто его ни услышит, всякий в дом к себе позовет, напоит, накормит да еще на дорогу чего-нибудь даст.

Так и жил бы себе Музыка, да на беду в тех местах чертей было видимо-невидимо. В каждом болоте водились, в каждом овражке. И никому от этой нечисти проходу не было.

Видят черти, что куда Музыка ни придет, где на своей скрипочке ни сыграет, там люди в мире живут, — и невзлюбили они его. На то ведь и черти! Им жизнь не в жизнь, если людей не перессорят. Раз как-то шел Музыка лесом, а черти его и выследили.

— Уж теперь-то, — говорят, — мы его изведем.

И наслали они на него двенадцать волков.

Вышли волки на дорогу, стоят, зубами лязкают, во все глаза на

Музыку смотрят. А глаза-то у них круглые, что твои лукошки, и точно горячие уголья горят.

Остановился Музыка. Нет у него в руках ничего, чем бы от волков защититься, только скрипка в мешочке. Что тут делать? Что придумать? Видит Музыка — пришел ему конец.

Достал он тут из мешочка свою скрипочку, чтобы напоследок еще хоть разок поиграть, прислонился к дереву и начал водить смычком по струнам. Что живая заговорила скрипка!

Притаился лес, листком не шелохнет. А волки как разинули пасти, так словно и окаменели. Стоят, слушают Музыку, а слезы из вольчих глаз сами собой текут.

Вот перестал Музыка играть, опустил свою скрипочку, к смерти приготовился. Вдруг видит: повернули волки в темный лес. Головы повесили, хвосты поджали, кто куда разбредаются.

Обрадовался Музыка. Дальше своей дорогой пошел.

Шел, шел и дошел до реки. Солнышко уже за лес закатилось, только самые верхушки своими лучамй трогает, будто золотом их вызолачивает. Больно хороший вечер! Сел Музыка на пригорке, достал свою скрипку и заиграл, да так ладно, так весело, что и небо, и вода, и земля — все в пляс пустилось.

Сам водяной не утерпел. Как начал он по дну реки скакать да разные коленца выкидывать!.. Забурлили, закипели ключом волны, выплеснулась река из берегов и пошла все кругом заливать...

Уже к самому лесу подступает, всю опушку затопила... А на опушке как раз черти собрались — поминки по Музыке справлять. Ну и натерпелись же они страху! Едва живые из воды повыскакивали. «Это что же за напасть такая?» — думают.

Поглядели туда-сюда, что за диво! Сидит на пригорке Музыка — целый, невредимый — и на своей скрипочке наигрывает.

— Да что же это такое, — плачут черти. — И волков он заворожил! Как же его сгубить? Житья от него нет!

А Музыка увидел, что водяной на радостях уже деревню топить хочет, и не стал больше играть. Спрятал свою скрипочку в мешочек и пошел дальше. Да не успел десяти шагов отойти, встречаются ему на дороге два паныча.

— Послушай, Музыка, — говорят ему те панычи, — сделай милость, поиграй нам на вечеринке. Уж мы тебе всего дадим, чего ни захочешь, и напоим, и накормим, и спать уложим.

Подумал, подумал Музыка: ночевать ему негде, грошей нету, и пошел с ними. Привели панычи Музыку в богатый дом. Смотрит он, а там народу видимо-невидимо.

Вот вытащил он свою скрипочку, приготовился играть.

А гостей все больше и больше набивается. И кто ни придет — сперва к столу подбежит, обмакнет палец в миску и потрет себе глаза. Чудно это Музыке. «Дай, — думает, — и я попробую».

Сунул он палец в миску и чуть только тронул глаза — такое увидел, что дух у него захватило! Панов и панночек словно и не бывало, а вокруг него снуют самые настоящие черти и ведьмы. И дом-то — вовсе не дом, а само чертово пекло! «Ну, — думает Музыка, — поиграю же я, на славу поиграю, чтобы им, чертям, жарко стало!» Начал он наигрывать на своей скрипочке. Минуты не прошло — все вихрем закружилось. Столы-стулья вприсядку пошли, за ними окна с места сорвались, двери с петель снялись, а стены так ходуном и заходили. Да и где же устоять под такую музыку! Ни один гвоздик на месте не удержался, все пекло в щепки разлетелось.

А черти кувыркком да колесом, вприпрыжку да вприскочку разбежались кто куда.

С той поры боятся черти Музыку, больше не цепляются к нему. А он ходит себе по свету, добрых людей веселит да тешит, лихих — без ножа по сердцу режет.

ПРО ЧЕРТЕЙ

Из украинских преданий

Поначалу черт был у Бога первым апостолом и все ходил за ним да поглядывал: а как стал Бог мир строить — черту тоже захотелось. Прогнал его Бог, а тот все ходит за ним и ходит.

— Ну, что ты за мной увязался?

— Сделай мне, Господи, товарища.

— Пойди к морю и плесни от себя воды, вот и будет тебе товарищ.

Пришел черт к морю, плеснул и видит: стоит точь-в-точь, как он; давай он тогда плескать, до черта наплескал. Посмотрел Бог, а их целая орава.

— Хватит с тебя, — говорит.

Черт взял и перестал.

Черта можно убить, если он тебя не видит. Когда гром гремит, это святой Петр чертей бьет. Как-то, говорят, шел

охотник, а тут задождило, вот он и спрятался под скалой над речкой, и видит: как нету грома, черт и вынырнет, а как грянет гром — тут же под воду. Погоди же, говорит охотник, и только тот вынырнул, он прицелился да как шарахнет.

— Бей еще!

— Хватит с тебя и одного раза!

(Как убьешь черта, он просит: «Бей еще!» Так смотри, не бей, а то оживет.)

Бог и спрашивает того охотника:

— Что ты за это хочешь?

— А дай мне, Господи, такую стрелу, чтоб убивала все, что на глаза попадет.

Дал ему Бог такую стрелу. Он как выстрелил, так сам себя и убил, отдал, значит, Богу душу.

Если хочешь продать душу, кликни его в полночь, он и явится, только примет не всякого, а поглядит сперва в своих книгах. Если кто из твоего рода бывал у них, примет, если нет, — не примет. Стали черти сильно опасаться — очень уж часто их надували. Один мужик намудрил: вот тогда меня возьмешь, как свиньи домой пойдут шагом, а когда это свинья шагом с поля идет? Все бежит и бежит.

КАК ЛЮДИ НАУЧИЛИСЬ КУРИТЬ

Украинская сказка

Говорят, вот с чего началось. Умерла у черта бабушка. И захотел он так схоронить ее, чтобы все честь по чести было — и колесница нарядная, и кони в три пары, и гроб с шелковыми кистями, и чтобы за гробом люди шли и в голос плакали.

И как задумал, так все и сделал.

Только вот беда — не плачут люди по чертовой бабушке. Да и чего им плакать? Ну, умерла у черта бабушка и умерла. Людям-то что?

А черту это обидно.

Вот и надумал он, как провести людей. Ему долго ли? На то ведь и черт!

Собрал он листки тютюну, стер в порошок и давай всех потчевать.

— Нюхайте, почтенные. Это доброе зелье! Нюхайте, одолжайтесь! Да мою бабушку поминайте!

И кто ни понюхает — у того слезы из очей так и текут.

А черт радуется. Все-таки по его вышло!

Увидел с неба ангел, что люди на земле горько плачут, и спустился вниз.

— Что это вы слезы льете? — спрашивает.

— Да вот, померла у черта бабушка, — говорят ему люди и слезы с глаз отирают.

Удивляется ангел.

— А вам-то что за горе? Плюньте-ка вы на нее! Что вам в ней!

Смастерил он наскоро трубки, набил табаком и дает плакальщикам.

— Курите, — говорит, — утешайтесь!

И кто только ни закурит, тот и плюнет. Тьфу! Это что же за чертовщина!

— Так-то оно будет лучше, — сказал ангел и улетел к себе на небо.

Вот встречает ангел черта и спрашивает его:

— Ты что ж это чудишь, людей с толку сбиваешь?

Смеется черт:

— А пусть они, дураки, поплачут о моей бабушке!..

— Да разве они плачут? — ангел говорит. — Ты посмотри-ка получше.

Глянул черт на землю — что за напасть такая! Плюются все да еще его поминают.

Вот с тех самых пор и научились люди нюхать да курить табак.

Только никакой радости от этого зелья.

Кто понюхает, у того слезы так и выступят:

— Фу-ты, черт, до чего крепок!

Кто затынется из трубки, тот и плюнет:

— Фу-ты, черт, до чего же горек!

КРЕПОСТНОЙ И ЧЕРТ

Украинская сказка

Давным-давно, когда люди были еще крепостными, служил у одного пана мужик, и пан любил этого мужика, потому что был он исправный. Вот раз пан ему и говорит:

— Дай мне две горсти серебра либо из болота чертей прогони, и я отпущу тебя на волю.

Думает про себя мужик: «Серебро достать трудно, а чертей-то выжить можно».

И пошел к кузнецу, чтобы тот сделал ему из проволоки нагайку. Кузнец ему и сделал. Пошел он с той нагайкой к озеру. Пришел туда и начал лепить из грязи столбики. Вдруг выходит из озера черт, спрашивает его:

— Что это ты здесь, человеке, делаешь?

— Да вот, — отвечает мужик, — думаю на этом озере монастырь строить, вишь, уже и столбы заложил, — и показывает на столбики, что из грязи слепил.

А черт ему говорит:

— Не построишь ты здесь святыни, мы тебя задушим!

И только он это сказал, вмиг бросился в озеро и доложил самому главному черту, а этот старшой посылает высокого черта и говорит ему:

— Объяви мужику, который думает на этом месте святыню строить: ежели он тебя одолеет, то мы уйдем из озера, а ежели ты его одолеешь, он должен уйти.

Выходит черт из озера и говорит ему:

— Сказал наш старшой так: кто кого одолеет, тому и озеро достанется.

А мужик говорит:

— Я знаю, ты меня не одолеешь, а вот лучше поборись ты с моим дедом, он такой старый, что весь мохом оброс, он тут в лесу и лежит.

А был поблизости от озера лес. Вот черт и послушал. Приходят в лес, глядь — лежит под кустом медведь. Говорит мужик черту:

— Вот это тот самый дед и лежит, — ступай с ним поборись, коль поборешь его, то и со мной поборешься.

Черт подходит к нему, толкает его лапой.

— Эй, вставай, будем бороться!

А медведь как вскочит, как ухватит его лапами и давай его мять да кусать, еле черт вырвался. Прибегает в озеро и говорит главному черту:

— Беда! Никак его не одолеешь, — когда я боролся с его дедом, и то не поборо, а он такой старый, весь мохом оброс, — а если б я с ним самим поборо, не отпустил бы он меня живым!

Посылает тогда главный другого черта, уже горбатого, к тому самому мужику. Выходит этот горбатый и говорит ему:

— А ну, кто сильнее свистнет, того и озеро будет.

— Ладно! — говорит мужик. — Да только ты свистни сначала, а потом я уже свистну.

И как свистнул черт, так листья с дерева все и пооблетели.

Тогда мужик говорит:

— А ну-ка, я свистну, только ты завяжи глаза платком, а то я как свистну, они чего доброго выскочат.

Черт и завязал глаза платком. А мужик как свистнул его нагайкой по шее, так тот в озеро и покатился; говорит тогда главному черту:

— Ничего с ним не поделаешь: как свистнул я, ему ничего не было, а как свистнул он, чуть было у меня глаза не повылезли.

Вот посылает он третьего черта, жирного, как откормленный кабан, дает ему свою булаву, такую, что весом пудов, может, в пятнадцать, и говорит ему:

— Пускай кто выше подбросит.

Подносит черт булаву к мужику и говорит ему:

— Велел наш начальник: кто выше подбросит эту булаву на воздух, того озеро и будет.

А тот главный черт как давал ему свою булаву, то сказал:

— Смотри, не потеряй ее; ежели где погубишь, тогда мы все пропали.

Вот черт как подкинул ее вверх еще утром, а на землю она упала только вечером; мужику поднять ее не под силу, только с одного конца, а всю никак не может. Взял он ее за один конец и смотрит в небо, а черт его спрашивает:

— Ты чего вверх смотришь?

— Да вот жду, — говорит, — пока набежит облачко, хочу на него забросить булаву, чтоб тебе ее больше никогда не видеть.

Тогда черт хватъ поскорей булаву, да и нырнул в озеро, а потом говорит черту самому главному:

— Он хотел было ее на небо закинуть, а я не дал!

Посылает начальник к мужику другого черта спросить у него — не хочет ли, мол, отступного деньгами, чтобы только их не выгонял. Приходит черт к мужику и говорит ему:

— Что ж тебе дать, чтобы ты нас из этого озера не выгонял? Озеро ведь это еще от наших дедов-прадедов.

Говорит ему мужик:

— Я много с тебя не спрошу, дай мне всего лишь полный брыль серебра. — И показывает на свой войлочный брыль.

А черт ему говорит:

— Тебе сейчас деньги давать?

— Нет, принесешь мне ночью в овин.

Вот черт и говорит:

— Ну-ну, ладно, принесу, только нас не беспокой!

Пришел мужик домой, выкопал в овине большую яму, сверху ее заложил, так что только брыль над ней поместился, а потом вырезал в брыле дно, положил его на дырку. И вдруг ночью несет ему черт мешок серебра. Принес, высыпал в брыль, смотрит, а он порожний; принес потом еще три мешка серебра, а брыль все никак не наполнится. А черт-то и не приметил, что была под брылем яма, и все носит деньги, пока не наносил полный брыль. Забрал тогда мужик деньги, дал две горсти серебра пану и выкупился от панщины.

КУЗНЕЦ И ЧЕРТ

Украинская сказка

Жил себе кузнец, очень большой пьяница, и все, что у него было, пропилил уже. Видит, что не на что уже и пить, вот и пошел он к нечистому свою душу отписывать. А нечистый и говорит:

— Хорошо! А что же ты за свою душу хочешь?

— Хочу, — говорит, — чтоб была у меня полная кубышка денег и чтоб целый год, сколько бы я их не брал, они не убывали бы.

Лукавый и говорит:

— Ладно, будут у тебя деньги, а спустя год я приду по твою душу.

Принес кузнец полную кубышку денег, спрятал их в свою кадку, немного в карман положил, а там и в корчму. Пьет день и ночь, уже и про кузницу забыл, а тут глядь — вскоре и год проходит.

Вот идет раз кузнец в корчму, а лукавый прыг ему на плечи, да и говорит:

— А! Теперь ты мой!

А кузнец отвечает:

— Твой-то я твой, да погоди-ка, пока я до дому дойду, мне кое-что жинке сказать надо.

— Ладно, — говорит черт.

Вошел кузнец в хату, да и усадил лукавого на лавку, а никто его не видит, и сам-то кузнец не видит; потом вышел он из хаты в сенцы, а там и в корчму, да и пьет своим порядком.

Вот лукавый ждал-ждал, и захотелось ему с лавки подняться и идти за ним. Рванулся черт, а встать никак не может. Вот и давай он с лавки рваться, тормошиться, дергает, так глина и летит, вот-вот хата развалится. Испугалась кузнецова жена, бежит за мужем в корчму и говорит:

— Что же это ты такое посадил на лавку, что хату чуть не развалит? Ступай да убери его оттуда!

Пришел кузнец и говорит черту:

— Ну, коли будут опять деньги в кубышке, то отпущу!

Говорит лукавый:

— Будут!

Взял кузнец его и отпустил. И снова денег у него вдосталь. Опять пьет он, гуляет, а тут и год скоро выходит.

Идет кузнец по дороге, а лукавый прыг ему на плечи и говорит:

— Теперь ты мой!

— Посиди здесь на моем огороде на груше, а я домой схожу и возьму нож.

— Ну, ступай, да не мешкай.

Посадил его кузнец на грушу, а сам пошел в корчму — пьянствовать.

Вдруг бежит опять жена и говорит:

— Что это ты посадил в огороде на груше? Была у нас всего одна только грушка хорошая, да и то теперь совсем пропадает, так всю ее и трясет: уже и груши осыпались, и листья облетели, и ветки поломались, вот уже и корни выворачивает!

Пришел кузнец, да и говорит черту:

— Ну, коли будут опять у меня целый год деньги, то пущу.

Отвечает ему лукавый:

— Будут, будут, только пусти!

Вот он и отпустил. Опять завелись деньги, опять кузнец пьет-гуляет. А тут и год выходит.

Явился лукавый снова и говорит:

— Ну, теперь ты мой!

— Ладно, твой, — говорит кузнец. — Что ж, двинемся в путь-дорогу.

— Пойдем, — говорит.

Подходят они к запруде, а был вечер, на небе светил месяц — вот и видна от кузнеца тень на земле, а бес и спрашивает:

— Кто это с тобой идет?

— Да это мой брат, — отвечает кузнец.

— А он не схватит меня?

— Схватит, пожалуй, — отвечает тот.

— Ну, смилуйся, спрячь меня!

— Да куда ж я тебя спрячу?

— Да хотя бы в кошелек.

— Ну, что ж, полезай в кошелек, — и развязывает его.

Вот бес там и спрятался. А кузнец его завязал потуже, да и бросил в воду. И сидит там черт и теперь, а кузнец домой воротился и живет себе до сих пор.

СОЛДАТ И ЧЕРТИ

Русская сказка

Служил солдат на царской службе. Прослужил верой-правдой положенный срок, получил чистую отставку и пошел себе домой. Шагает с полной солдатской выкладкой — на плечах шинелька, за плечами ранец, в ранце медный пятак, черствый сухарь да щепотка табаку.

Шел он, шел и притомился. Сел на пенек.

А тут, случись, идет по дороге нищий старичок. Увидел солдата и говорит:

— Не найдется ли у тебя, служивый человек, табачку на понюшку?

Солдат думает: «Дать половину — так мало, обидится еще», — и весь табак старичку отдал.

Пошел дальше. Погодя немного опять встречается ему тот же старичок и опять просит:

— Не угостишь ли, служивый, голодного человека кусочком хлеба?

Солдат думает: «Разделить — так ничего не останется», — и отдал старичку весь сухарь.

Идет дальше. И опять встречается ему тот же старичок.

— Не подашь ли, — говорит, — служивый человек, на бедность копеечку?

Солдат думает: «Эх, пятак-то у меня один — и захочешь, так не поделишь», — и отдал старичку свой пятак.

Тут вынимает старичок из кармана колоду карт, подает солдату и говорит:

— Возьми, служивый, может, пригодятся они тебе. Эти карты такие, что никогда в проигрыше не останешься.

Ну, солдат и тем доволен. Поблагодарил он старичка и дальше своей дорогой пошел.

Шел, шел, приходит в царскую столицу.

Ходит он по улицам и диву дается: тихо всюду, никто громкого слова не скажет, никто не засмеется. Из трактира и то шуму не слышать.

Вот остановил он на улице одну старушку и спрашивает:

— Что это, бабушка, все словно в воду опущенные ходят? Уж не случилось ли чего в нашем царстве-государстве? Все ли здорово?

— И-и, служивый, — отвечает старушка. — Какое там здорово! Видно, давно ты не был в наших краях! Большая беда у нас приключилась. Прикачнулся к царской дочери, к Марфе-царевне, нечистый дух. Каждую ночь мучает, покою не дает. Уж чего только царь-батюшка не делал — и колдунов, и знахарей призывал. Да никто не избавил сердечную от налетного дьявола.

Выслушал это солдат и думает: «А что, не пойти ли мне счастья попытать? Может, избавлю царевну от напасти».

Почистил он шинель, пуговицы мелом натер, ранец за спину — и марш во дворец.

Как услышали царевы слуги, зачем он идет, подхватили его под руки и привели к самому царю.

А царь сидит на троне в превеликой печали, шелковым платочком слезы с глаз отирает — то с правого глаза, то с левого.

Отдал солдат честь — стоит, словно аршин проглотил.

— Здравствуй, служба! — говорит ему царь. — Что хорошего скажешь? Зачем пожаловал?

— Здравия желаю, ваше царское величество! Слышал я, что у вас Марфа-царевна хворает. Так вот, могу ее вылечить.

Обрадовался царь:

— Ах, братец, сделай милость, послужи. Коли избавишь мою дочь от нечистого, получишь ее в жены, да еще полгосударства в приданое.

— Рад стараться, — говорит солдат. — Прикажите только, ваше величество, чтобы выдали мне все, что потребуется.

— Говори, что надобно, — все будет.

— А вот что мне надобно, — говорит солдат, — меру чугуновых пуль, меру грецких орехов, да еще железный налобник и железное подобие человека, чтобы руки-ноги у него на пружинках ходили.

— Хорошо, к вечеру получишь, — говорит царь.

Изготовили солдату к сроку все, что требовалось.

Обошел он дворец, запер накрепко все двери и окна, а сам поместился в покоях перед самой царевниной спальней и дверь в те покои незатворенной оставил.

Потом зажег свечи, выложил на стол свои карты, в один

карман насыпал чугунных пуль, в другой — грецких орехов, надел налобник, а железного человека в темном углу поставил.

Управился со всем и стал у двери на часах.

Стоит, ждет, когда сын сатаны явится.

В самую полночь прилетел нечистый дух.

Толкнулся в одну дверь, в другую, туда, сюда — всюду закрыто, нигде ни входа ни выхода. Летал, летал, наконец видит открытую дверь.

Скинулся нечистый человеком, хочет войти.

А солдат — шашку наголо.

— Кто идет?

— Свои, — отвечает черт.

— Свои ли, чужие, а назовись-ка сперва!

— Да ты-то сам откуда взялся? — спрашивает черт.

— Я солдат, слуга царский. А ты кто такой?

— А я придворный государский.

— Где же ты, нечистая сила, до сих пор таскался?

— А где был, там теперь меня нет. Пропусти-ка, служивый.

— Нет, брат, где тебя нет, там тебе и не бывать.

А сам орешки из кармана достал и пощелкивает.

— Послушай, — говорит черт, — дай-ка мне орешков погрызть.

— Много вас, бродяг, тут ходит, — говорит солдат. — Ежели всех орехами оделять, так самому ничего не останется.

А черт знай твердит:

— Дай, служивый! Ну хоть один орешек!

— Ну, ладно, отстань только, — говорит солдат. И дает ему чугунную пулю.

Черт взял пулю в рот, грыз-грыз, никак не разгрыз, только в лепешку смял да три зуба себе поломал.

А пока он с чугунной пулей маялся, солдат орехов двадцать разгрыз.

— Эх, служивый, — говорит черт, — и крепки же у тебя зубы!

— Да это что! — говорит солдат. — Это я еще над сухарями зубы попригнул, а ты посмотрел бы, каков я был с молодых годов! Не тебе чета!

Обидно черту слушать такие слова. Да ответить нечего.

Думает черт: «Как бы этого солдата перехитрить, верх над ним взять?»

Вдруг видит: карты лежат на столе.

Вот и говорит он солдату:

— Слушай, служивый, давай в карты играть.

— Давай. А на что играть-то будем?

— Как на что? Известно — на деньги.

— Ах, ты, нечистая сила! Да посуди сам, какие же у солдата могут быть деньги. Он всего жалованья три медных денежки получает. А надо ему и мыла, и ваксы, и мелу, и табаку, и в баню сходить, и бороду побрить. Нет, на деньги не пойдет. Хочешь на щелчки играть?

— Что ж, пожалуй! Да чтобы не пятиться.

— Ладно, смотри, как бы сам не попятился!

Сели они играть.

Нечистый и играет нечисто.

А солдат хоть и видит его проделки, а виду не показывает. Да еще и поддается.

Наиграл черт на солдата десять щелчков.

— Давай, — говорит, — бить стану.

— Бей! — говорит солдат и сам ему лоб подставляет.

Черт давай щелкать его по налобнику.

Налобник гудит, а солдату хоть бы что!

Отсчитал черт десять щелчков.

— Что ж, теперь мне отыгрываться надо, — говорит солдат. — Это разве игра была, так, шуточки.

Сели снова играть.

Тут уж дело по-иному пошло. Не везет черту — ну прямо чертовски.

Наиграл солдат на нечистого десять щелчков.

— Ну, — говорит, — подставляй теперь ты свой лоб. Покажу тебе, каково с нашим братом на щелчки играть. По-солдатски врежу. И другу и недругу закажешь.

Струсил черт.

— Да ты, служивый, не очень-то бей! Ты не во всю силу!

— А что, испугался? — говорит солдат. — Как дело к расчету, так сейчас и отлыниваешь? Нет уж, мне никаким способом нельзя тебя пощадить. Я — солдат и в том присягу давал: завсегда поступать верой и правдой!

Черт молит, черт просит:

— Возьми, служивый, деньгами!

— А на что мне твои деньги? Я играл на щелчки — щелчками и плати. Разве вот что: есть у меня меньшой брат Оксен, он пробьет тебе щелчки потише моего. А не хочешь, давай сам буду бить.

— Нет, служивый, веди лучше к меньшому брату.

Потянул солдат черта к железному человеку и тронул пружинку. Тут как щелкнуло черта по лбу! Кубарем к другой стенке отлетел.

— Э, нет, — говорит солдат, — уговор был не пятиться.

Схватил черта за руку и опять к железному человеку тянет.

Вот в другой раз тронул солдат пружинку да так черта угостил, что тот без оглядки бежать бросился.

А солдат кричит ему вслед:

— Помни же, нечистая сила, за мной еще восемь щелчков осталось!

Утром спрашивает царь Марфу-царевну:

— Что, дочь моя любезная, какво почивала?

— Хорошо, государь-батюшка, давно я так сладко не спала, как нынче.

На следующую ночь отрядил сатана во дворец другого черта. Приходит тот. Ну, словно за слово, сели играть в карты. Досталось и этому на орехи! Едва живой ноги из дворца унес.

В тринадцать ночей перебивало у солдата тринадцать чертей, — вся, как есть, чертова дюжина.

Призадумался тут сатана.

«Дай, — думает, — я сам пойду, на этого солдата погляжу, — что за черт такой?»

И пошел.

А солдат хитер! Приказал изготовить себе рукавицы железные десятифунтовые, царапку железную о пяти зубьях да содрать дудкой три воловьих шкуры.

В полночь является во дворец сатана.

— Здорово, служивый! — говорит.

А солдат ему:

— Шел бы ты отсюда подобру-поздорову! А то и тебе от моего меньшого брата достанется.

Ну, солдат хитер, да и сатана не прост.

— Что мне твой меньшой брат, — говорит. — С сатаной разговариваешь, не с кем-нибудь! Давай-ка мы с тобой силой померимся. Да уговор такой: кто верх возьмет, тому и оставаться здесь.

— Что ж, — говорит солдат, — я не прочь. А как мериться будем?

— А на кулачках.

— Ладно. Ну-ка, поконимся — чей первый удар.

Стали они кониться. Достался сатане первый удар.

Сатана развернулся да как стукнет! Раз, другой, третий. И все в одно место метит — в лоб да по лбу.

Ну, сатана хоть и не прост, да и не мудрен: невдомек ему, что у солдата налобник железный.

Бьет сатана солдата, а тому хоть бы что, только посмеивается.

— Ну, ну, бей посильнее!

— погоди, служивый, — говорит сатана, — дай передохнуть, руку себе зашиб. Твердолобый вы народ, солдаты!

— Ну, отдыхай себе, — говорит солдат, — а пока что я свою силу покажу.

И как стукнет сатану железным кулаком — сатана так на месте и завертелся.

А солдат его еще раз, да еще, да еще! И сам посмеивается:

— Слабосильный вы народ, черти! И уж больно на голову не крепки. Что, еще, что ли, мериться хочешь? Или расхотелось? Небось испугался насмерть!

— Уж ты сам не испугался ли? — говорит сатана. — Я тебе для смеху поддаюсь, а ты и рад. Нет, меня не перехитришь, Давай-ка теперь в чехарду-езду с тобой сыграем.

— Что ж, давай, — говорит солдат. — Только играть — так уж всерьез, без поддавок.

Стали они опять кониться. Опять черту досталось первому на солдате ездить.

Вот сатана прыгнул на него, да когтями всю шкуру с солдата и снял. Сатана-то хоть не прост, да глуп: он-то думал, что это солдатская шкура, а она — воловья!

Три раза сатана на солдата махал, все три воловьи шкуры с него спустил.

А солдату хоть бы что!

— Ну и толстокожий вы народ, солдаты! — говорит сатана.

Смеется солдат:

— А нам иначе никак нельзя. Солдат и в огне не горит, и в воде не тонет. Такая уж наша служба! Верно, брат Оксен?

Оглянулся сатана. Смотрит: в углу человек стоит.

— Это, что ли, твой младший брат?

— Он самый, — говорит солдат.

— А чего это он рот разинул? — спрашивает сатана.

— Да над тобой смеется.

Обиделся сатана:

— Молод еще надо мной смеяться. Проучить бы его хорошенько!

— А ты проучи! — говорит солдат.

Подошел сатана к железному человеку, да только тронул —

соскочила пружинка и зажало сатану, как клещами.

А солдат взял царапку и давай его по спине поглаживать.

Орет сатана во весь голос, а солдат только смеется да приговаривает:

— Щуплый вы народ, черти! Вас только тронь — вся шкура с вас долой.

— Ой, пусти, служивый! — кричит сатана.

— Да я тебя разве держу? — говорит солдат. — Ты же сам поддаешься. Сказано было всерьез играть, а ты поддаешься.

Насилу вырвался сатана. И уж так побежал, что не помнил, как дорогу в свое болото нашел. Отдышался он немного и собрал всех чертей на совет: как бы выжить им этого солдата из дворца. Думали они, думали и решили золотом откупиться. Не откладывая дела, побежали к солдату.

А солдат увидел их из окошка и кричит громким голосом:

— Эй, брат Оксен, ступай скорее сюда! Должники пришли, надо щелчки отдавать.

— Полно, полно, служивый, — говорят черти. — Мы пришли к тебе с мировой. Сколько хочешь возьми с нас золота, только уйди ты, пожалуйста, из дворца.

— Нет, — говорит солдат, — что мне золото! Уж коли хотите уважить меня, вот что сделайте. Слыхивал я, что нечистая сила больно хитра, хоть где поместится. Вот коли правда это, залезьте-ка все в мой ранец. Залезете — так я от вас навсегда отступлюсь и уж, право слово, уйду из дворца!

Обрадовались черти.

— Это для нас самое простое дело, — говорят. — Открывай свой ранец.

Солдат открыл ранец, черти полезли туда — все до единого, а сатана сверху лег.

— Вы поплотнее укладывайтесь, — командует солдат, — чтобы на все пряжки ранец застегнулся. А не застегнется, так уговор не в счет.

— Ты застегивай, застегивай, — говорят черти. — Не твоя печаль, как мы тут лежим.

— Ну, счастье ваше, коли застегну. А не то, не прогневайтесь, ни за что не уйду из дворца.

Стал солдат затягивать ремни — и верно, все пряжки застегнулись.

Вскинул солдат ранец за спину и пошел прямо к царю.

— Получай, царь-батюшка, — говорит. — Всю нечистую

силу подобрал, все тут! — и по ранцу постукивает, словно барабанную дробь выбивает.

— Да верно ли, что все? — говорит царь.

— Все! Все! — кричат черти из ранца. — И сатана с нами!

— Ну, коли все, — говорит царь, — так всех их сжечь в этом самом ранце.

— Ранца жаль, батюшка-царь, — говорит солдат. — Сколько он мне служил!

— Пойдешь в поход, я тебе новый дам! — отвечает царь.

На том и порешили.

Натаסקали царевы слуги из лесу преогромную гору дров, распалили костер и сожгли всех чертей.

Тут говорит царь солдату:

— Вот что, служивый, мое царское слово верное — возьми за себя дочь мою, Марфу-царевну, и полгосударства в придачу. А как я помру — то и всем царством-государством управляй.

Назавтра же приказал царь — веселым пирком да за свадебку.

Полилось вино из бочек, полетели пироги из печек.

Веселый был пир — на весь мир!

БЕГЛЫЙ СОЛДАТ И ЧЕРТ

Русская сказка

Отпросился солдат в отпуск, собрался и пошел в поход. Шел-шел, не видать нигде воды, чем бы ему сухарики помочить да на пути на дороге закусить, а в брюхе давно пусто. Нечего делать — потащился дальше; глядь — бежит ручеек, подошел к этому ручейку, достал из ранца три сухаря и положил в воду. Да была еще у солдата скрипка: в досужее время он на ней разные песни играл, скуку разгонял. Вот сел солдат у ручья, взял скрипку и давай наигрывать. Вдруг откуда ни возьмись — приходит к нему нечистый в виде старца с книгою в руках.

— Здравствуй, господин служба!

— Здорово, добрый человек!

Черт аж поморщился, как солдат обозвал его добрым человеком.

— Послушай, дружище, поменяемся: я отдам тебе свою книгу, а ты мне скрипку.

— Эх, старый, на что мне твоя книжка? Я хоть десять лет прослужил государю, а грамотным никогда не бывал; прежде не знал, а теперь и учиться поздно!

— Ничего, служивый! У меня такая книга — кто ни посмотрит, всякий прочитать сумеет!

— А ну, дай — попробую!

Развернул солдат книжку и начал читать, словно с малых лет навык грамоте, обрадовался и тотчас же променял свою скрипку. Нечистый взял скрипку, начал смычком водить, а дело не клеится — нет в его игре никакого ладу.

— Слушай, брат, — говорит он солдату, — оставайся-ка у меня в гостях дня на три да поучи на скрипке играть: спасибо тебе скажу!

— Нет, старик, — отвечает солдат, — мне надо на родину, а за три дня я далеко уйду.

— Пожалуйста, служивый, коли останешься да научишь на скрипке играть, я тебя в один день домой доставлю — на почтовой тройке доведу.

Солдат сидит в раздумье: оставаться или нет? И вынимает он сухари из ручья — хочет закусывать.

— Эх, брат служивый, — говорит нечистый, — плохая твоя еда; покушай-ка моей!

Развязал мешок и достал белого хлеба, жареной говядины, водки и всяких заедков: ешь — не хочу!

Солдат наелся-напился и согласился остаться у того незнакомого старика и поучить его на скрипке играть. Прогостил у него три дня и просится домой; черт выводит его из своих хором — перед крыльцом стоит тройка добрых коней.

— Садись, служивый! Мигом доведу.

Солдат сел с чертом в повозку; как подхватили их лошади, как понесли — только версты в глазах мелькают! Духом довели.

— А что, узнаешь эту деревню? — спрашивает нечистый.

— Как же не узнать! — отвечает солдат. — Ведь в этой деревне я родился и вырос.

— Ну, прощай!

Солдат слез с повозки, пришел к родственникам, стал с ними здороваться да про себя рассказывать, когда его и на сколько из полку отпустили. Показалось ему, что пробыл он у нечистого в гостях всего-навсего три дня, а на самом деле пробыл у него три года; срок отпуска давным-давно кончился, а в полку, чай, в бегах его считают.

Оробел солдат, не знает, что и делать ему! И гульба на ум нейдет! Вышел за околицу и думает: «Куда теперь деваться? Коли в полк идти — так там сквозь строй загоняют. Эх, нечистый, словно ты подшутил надо мною».

Только вымолвил это слово, а нечистый тут как тут.

— Не кручинься, служивый! Оставайся со мной — ведь у вас в полку житье незавидное, сухарями кормят да палками бьют, а я тебя счастливым сделаю... Хочешь, купцом сделаю?

— Вот это ладно; купцы хорошо живут, дай и я попробую счастья!

Нечистый сделал его купцом, дал ему в столичном городе большую лавку с разными дорогими товарами и говорит:

— Теперь, брат, прощай! Я уйду от тебя за тридевять земель, в тридесятое государство; у тамошнего короля есть прекрасная дочь Марья-королевна; стану ее всячески мучить!

Живет наш купец, ни о чем не тужит; счастье само так и валит на двор; в торговле такая ему задача, что лучше требовать нельзя! Стали ему другие купцы завидовать.

— Давайте-ка, — говорят, — его спросим: что он за человек, и откуда приехал, и может ли торг вести? Ведь он у нас всю торговлю отбил — чтоб ему пусто было!

Пришли к нему, стали допрашивать, а он отвечает им:

— Братцы вы мои! Теперь у меня дел подошло много, некогда с вами потолковать; приходите завтра — все узнаете.

Купцы разошлись по домам; а солдат думает, что ему делать? Как ответ давать? Думал-думал и решился бросить свою лавку и уйти ночью из города. Вот забрал он все деньги, какие налицо были, и пошел в тридесятое государство.

Шел-шел и приходит на заставу.

— Что за человек? — спрашивает его часовой. Он отвечает:

— Я — лекарь; иду в ваше царство, потому что у вашего короля дочь больна; хочу ее вылечить.

Часовой доложил про то придворным, придворные довели до самого короля. Король призвал солдата:

— Коли ты вылечишь мою дочь, отдам ее за тебя замуж.

— Ваше величество, прикажите мне дать три колоды карт, три бутылки вина сладкого да три бутылки спирту горячего, три фунта орехов, три фунта свинцовых пуль за три пучка свеч воску ярого.

— Хорошо, все будет готово!

Солдат дождался вечера, купил себе скрипку и пошел к королевне; зажег в ее горницах свечи, начал пить-гулять, на скрипочке играть.

В полночь приходит нечистый, услышал музыку и бросился к солдату:

— Здравствуй, брат!

— Здорово!

— Что ты пьешь?

— Квасок потягиваю.

— Дай-ка мне!

— Изволь! — и поднес ему полный стакан горячего спирту; черт выпил — и глаза под лоб закатил.

— Эх, крепко забирает! Дай-ка закусить чем-нибудь.

— Вот орехи, бери да закусывай! — говорит солдат, а сам свинцовые пули подсовывает. Черт грыз-грыз, только зубы поломал. Стали они в карты играть; пока то да се — время ушло, петухи закричали, и нечистый пропал. Спрашивает король королевну:

— Каково ночь спала?

— Слава Богу, спокойно!

И другая ночь так же прошла; а в третьей ночи просит солдат короля.

— Ваше величество! Прикажите в пятьдесят пуд клещи сковать да сделать три прута медных, три прута железных и три оловянных.

— Хорошо, все будет сделано!

В глухую полночь является нечистый.

— Здравствуй, служивый! Я опять к тебе погулять пришел. — Здравствуй! Кто не рад веселому товарищу!

Начали пить-гулять. Нечистый увидал клещи и спрашивает:

— А это что такое?

— Да, вишь, король взял меня в свою службу да заставил музыкантов на скрипке учить; а у них у всех пальцы-то кривые — не лучше твоих, надо в клещах выправлять.

— Ах, братец, — стал просить нечистый, — нельзя ли и мне выправить пальцы? А то до сей поры не умею на скрипке играть.

— Отчего нельзя? Клади сюда пальцы. Черт вложил обе руки в клещи; солдат прижал их, стиснул, потом схватил прутья и давай его потчевать; бьет да приговаривает:

— Вот тебе купечество!

Черт молит, черт просит:

— Отпусти, пожалуй! За тридцать верст не подойду к дворцу! А он знай бичует. Прыгал-прыгал черт, вертелся-вертелся, насилиу вырвался и говорит солдату:

— Хоть ты и женишься на королевне, а из моих рук не уйдешь! Только отъедешь за тридцать верст от города — сейчас захвачу тебя!

Сказал и исчез.

Вот женился солдат на королевне и жил с нею в любви и согласии, а спустя несколько лет помер король, и он стал управлять всем царством. В одно время вышел новый король со своею женою в сад погулять.

— Ах, какой славный сад! — говорит он.

— Это что за сад! — отвечает королева. — Есть у нас за городом другой сад, верст тридцать отсюда, вот там есть на что полюбоваться!

Король собрался и поехал туда с королевою; только вылез он из коляски, а нечистый навстречу:

— Ты зачем? Разве забыл, что тебе сказано! Ну, брат, сам виноват; теперь из моих лап не вырвешься.

— Что делать! Видно, такова судьба моя! Позволь хоть с молодой женой проститься.

— Прощайся, да поскорей!..

Тайна принцессы Тройоль

ДЖИП И ВЕДЬМА ИЗ УОЛГРЕЙВА

Английская сказка

авным-давно в веселом, светлом лесу, который начинался сразу за деревней Уолгрейв, что в Нортгемпшире, жили-были эльф и ведьма.

Ведьму звали Хаулит; жила она в покосившемся домике под соломенной крышей на северной опушке леса, и был у нее кот по имени Чернулин. Кот мыл, подметал, убирал и стряпал, а в награду получал одни пинки и тычки, потому что ведьма Хаулит была жестокая, жадная и сварливая. Все в Уолгрейве боялись ее и старались держаться от нее подальше.

Эльфа звали Джип; жил он один на южной опушке леса в дупле старого дуба, которому было лет двести, если не больше. Это был бойкий маленький человечек с веселым лицом, зелеными лучистыми глазками и соломенными волосами. Носил он ярко-зеленый камзолчик под цвет глаз и красный колпачок, который шел ему.

Ты спрашиваешь, хороший он был или плохой? На этот вопрос нелегко ответить. Встанет он с той ноги — и весь день добр и услужлив. Заколдует, например, топор Виля-дровосека — и наколет Виль дров вдвое больше обычного, а устанет вдвое меньше. Или научит старика Роба волшебному слову: коснется тот киркой огромного камня — камень и рассыплется в щебенку; бери и мости дорогу.

Ну, а если Джип встанет не с той ноги, тогда от его проказ спасу нет. Пошепчет над сливками — и бедная служанка за весь день комка масла не собьет. Или обернется треногой табурет-

кой, сядет на нее крестьянин, а табуретки как не было — растаяла в воздухе. Словом, хоть и был Джип эльфом, походил он как две капли воды на любого ребенка, может, на того мальчишку, что читает сейчас эти строки, или на девочку из детской песенки: когда он был хороший, он был очень, очень хороший, а когда плохой, то был просто ужасный.

Понятное дело, никому не нравились проказы Джипа. Но долго на него никто не сердился. И все жители Уолгрейва — хозяева, работники, Виль-дровосек, Роберт — дорожный мастер и сам Джип — жили дружно и весело до того злосчастливого дня, когда старой ведьме Хаулит надоели вдруг кролики, ягоды и орехи, а пуще того — молоко, которое она воровала у крестьян: доила украдкой коров на пастбище.

— Давненько я не ела жареных эльфов. Ах, как они вкусны с куском свежего ячменного хлеба, — сказала ведьма Хаулит и пнула кота Чернулина.

Три, мети, скреби и мой

И лови мышей!

А не то, ленивый кот,

Прогоню взашей!—

сказала она коту, еще раз пнула его, взяла старый мешок, в который собирала желуди, каштаны и лесные орехи, и пошла к старому вековому дубу, в дупле которого жил Джип.

Подошла, постучала палкой по могучему стволу, изрезанному глубокими морщинами.

— Миленький, хорошенький Джип, — прохрипела она приговорно ласково, — вылезай скорее из дупла. Смотри, я принесла тебе полный мешок вишни, такой сладкой, такой спелой!

— Сладкая, спелая вишня! — воскликнул Джип, распахнул дверцу и радостно выскочил наружу. — Вот так удача! А я сижу у себя в гостиной и думаю: хорошо бы сейчас полакомиться сладкой, спелой вишней. Где она у тебя, добрая Хаулит?

— Да вот она, в мешке, — ответила ведьма и, развязав мешок, сделала в нем совсем маленькую дырочку.

— Не вижу, — заглянул Джип в черное брюхо мешка.

— А ты нагнись и увидишь, — сказала ведьма и пихнула его костлявой рукой в мешок. — Ага! — воскликнула она довольно и завязала потуже мешок, чтобы Джип не выскочил. — Смотри вишневой косточкой не подавись, мой птенчик!

Взвалила мешок с Джипом на плечи и отправилась к себе в покосившийся домик под соломенной крышей на другой конец леса.

Ковыляет ведьма по лесу и вдруг вспомнила, что на пастбище возле мельницы видела она вчера много грибов. «Ах, как вкусно — жареный эльф с грибами», — подумала старуха, бросила мешок с Джипом под большим вязом, а сама пошла на пастбище собирать грибы. Только ведьма ушла, Джип давай кричать, руками-ногами брыкаться. Хочет из мешка выскочить, да ничего не получается: очень крепко мешок завязан. «Хоть бы кто рядом был, выручил бы меня», — подумал бедняжка Джип: он-то сколько раз помогал людям! Вдруг слышит, совсем рядом дерево рубят — да ведь это Виль-дровосек!

— На помощь! — закричал Джип. — На помощь!

Но лесные голуби на вершине вяза гулили так сильно, что не услышал Виль-дровосек криков о помощи. Тук-тук-тук — продолжал он мерно рубить топором.

— На помощь, Виль! — изо всей мочи завопил Джип. — Скорей сюда!

Но пробежал ясноглазый горноста́й, зашуршали сухие листья, и Виль-дровосек опять ничего не услышал. Тук-тук-тук — продолжал совсем рядом стучать топор.

— На помощь! — в третий раз закричал Джип. — Ох, Виль, помоги!

Услыхал наконец дровосек чей-то тоненький голос. Опустил топор, огляделся.

— Никак, это Джип, — сказал он, почесав в затылке. — Да где же это он? Опять, видно, какую-нибудь проказу затеял.

Взялся было за топор, а Джип опять кричит:

— Какие там проказы, Виль! Заманила меня ведьма Хаулит в мешок. Боюсь, зажарит меня сегодня на ужин.

— С нее станется!

Подошел дровосек к мешку, развязал веревку, выскочил на волю Джип, все еще от страха зуб на зуб не попадает. Но увидел могучего дровосека, глотнул свежих лесных запахов и сразу повеселел.

— Спасибо тебе, Виль, что спас меня. Давай теперь набьем мешок ветками и сучками. Пусть ведьма думает, что это я в мешке.

Нарубил Виль шиповника и куманики, набили они полный мешок колючими сучками и крепко-накрепко завязали. Побежал Джип к себе домой, в дупло векового дуба, а Виль опять взялся дрова рубить.

Вернулась ведьма Хаулит с грибами, перекинула мешок через плечо и поежилась: что-то мешок больно колючий.

— Кто бы подумал, что эльфы носят в карманах иголки и булавки, — пробурчала ведьма. — Коли, коли, мой милый! Придем домой, я уж тебе задам!

Пришла старая ведьма домой, пнула кота, а он, бедняга, только-только у огня прикорнул: весь день мыл, чистил, стряпал и убирал. Взяла ведьма метлу и давай колотить мешок. Била, била, пока не уморилась. Развязала мешок, а там колючие сучки. Разозлилась ведьма, что зря старалась; не знает, куда деться с досады; кота хотела вздуть, да тот юркнул в дверь, убежал в лес и спрятался в чаще.

— Джип думает, что перехитрил меня, — пробормотала ведьма. — Ну, это мы еще посмотрим!

Наутро встала пораньше, пнула Чернулина, крикнула ему:

*Три, мети, скреби и мой
И лови мышей!
А не то, ленивый кот,
Прогоню взашей!*

Пнула еще раз, взяла мешок, в который буковые орешки, каштаны и желуди собирала, и отправилась на южную опушку, где жил в вековом дубе Джип. Постучала три раза по морщинистой коре могучего дуба и говорит ласковым голосом:

— Миленький, славненький Джип! Пойди сюда, погляди: я тебе клубники принесла, такой сладкой, такой сочной!

— Сочная, сладкая клубника! — воскликнул Джип, отворил дверцу и выскочил наружу. — Какая удача! А я сижу и думаю, хорошо бы сейчас полакомиться сочной, сладкой клубникой. Где она у тебя, добрая Хаулит?

— Вот она, в мешке, — ответила старуха и приоткрыла мешок.

— Не вижу, — говорит Джип, заглядывая в черное брюхо мешка.

— А ты нагнись и увидишь, — сказала ведьма, толкнула Джипа костлявой рукой, он и полетел прямо в мешок.

— Попался! — обрадовалась ведьма и завязала мешок потуже, чтобы Джип не выскочил. — Смотри, мой птенчик, не поперхнись сладкой, сочной клубникой.

Перекинула через плечо мешок с бедным Джипом и отправилась к себе в покосившийся домик на северной опушке леса.

Ковыляет ведьма по лесу и вдруг вспомнила, что возле

изгороди у мельницы растет майоран — отличная приправа для жареного эльфа. Бросила мешок под березу и пошла нарвать душистой травки.

Только ведьма ушла, давай Джип в мешке прыгать, брыкаться, хочет на волю выбраться — ничего не выходит: очень крепко завязала ведьма веревку. «Был бы кто рядом, помог бы», — думает бедняга Джип, вспомнив, сколько раз помогал он людям. Вдруг слышит, бьет кто-то киркой камни. Да ведь это Роб — дорожный мастер щебенку колет.

— На помощь! — закричал Джип. — Эй, старина Роб, на помощь!

Но в кроне тонкой березы над головой громко застучал зеленый дятел, и Роб — дорожный мастер ничего не услышал, знай колет камни.

— На помощь! — опять закричал Джип. — Ох, Роб, выручай!

А тут рыжая белка увидела, как мешок по земле прыгает, и недовольно застрекотала. Роб опять не услышал беднягу Джипа.

— На помощь! — в третий раз крикнул Джип. — Роб, пожалуйста, помоги!

Услыхал старина Роб тоненький голосок, бросил кирку на землю и не спеша огляделся кругом.

— Никак, это Джип, — сказал он, почесывая в затылке. — Где же это он? Опять какую-нибудь проказу затеял?

Хотел было взяться за свою кирку, а Джип опять кричит:

— Да, да, это я, Джип! Какую проказу! Заманила меня ведьма Хаулит в мешок. Сдается мне, поужинает она сегодня жареным эльфом.

— С нее станется! — сказал Роб, зашагал к мешку и развязал его.

Выскочил оттуда дрожащий Джип, но увидел доброго старого Роба, глотнул свежих лесных запахов и сразу повеселел.

— Спасибо тебе, Роб, что ты меня спас! — воскликнул он. — Давай насыпем полный мешок щебенки. Пусть ведьма Хаулит думает, что это я в мешке.

Роб охотно принес щебенку, насыпали они полный мешок, завязали потуже веревку, и побежал Джип к себе в дупло векового дуба, а старый Роб опять пошел камни крушить.

Вернулась ведьма, подняла мешок, перекинула через плечо и закричала: щебенка тяжелая, острые края в спину врезались.

— Кто бы подумал, что у эльфов такие костлявые бока, — пробурчала она. — Ну, погоди, мой милый, вернемся домой, я тебе косточки-то пересчитаю!

Пришла ведьма Хаулит домой, пнула кота, а он, бедняга,

только-только к огню прилег: весь день чистил и мыл, пыль вытирал и пол подметал. Взяла ведьма метлу и давай дубасить мешок с камнями. Била, била, даже пот прошиб. Развязала мешок, а там щебенка. Обозлилась ведьма пуще прежнего, не знает, куда деться с досады. Досталось бы Чернулину на орехи, да юркнул он в дверь, убежал в лес и спрятался в чаще.

— Второй раз плутишка Джип перехитрил меня! — воскликнула ведьма. — Ну уж в третий раз ему это не удастся!

Наутро встала ведьма пораньше, пнула Чернулина и говорит:

*Штопай, латки ставь, чини,
Гладь, стирай и шей!
А не то, ленивый кот,
Прогоню взашей!*

Пнула кота еще раз, поднялась к себе в спальню и нарядилась бродячей торговкой. Надела длинную черную юбку, серую кофту, надвинула на глаза соломенную шляпу, а на плечи шаль накинула. Потом взяла большой короб со всякой всячиной и повесила себе на грудь. Чего-чего только в этом коробе не было: нитки с иголками, пуговицы, булавки и ленты, брошки, чулки и фартуки, но самым заманчивым были красные сафьяновые сапожки.

В этот раз ведьма Хаулит не пошла к вековому дубу, где жил Джип, а долго блуждала по лесу, пока не услышала звонкую песенку, которую распевал весельчак Джип. Поковыляла ведьма на голос, видит, Джип идет по тропинке, поет и приплясывает. Как всегда, в зеленом кафтанчике под цвет глаз, в красном колпачке на желтых косицах.

— Добрый день, мистер Джип! — воскликнула переодетая ведьма. — Как вы славно поете! Как идет вам зеленый камзолчик, как ладно сидит красный колпачок! А у меня тут есть кое-что интересное для такого франта, как вы. Что вы скажете, мистер Джип, о красных сафьяновых сапожках?

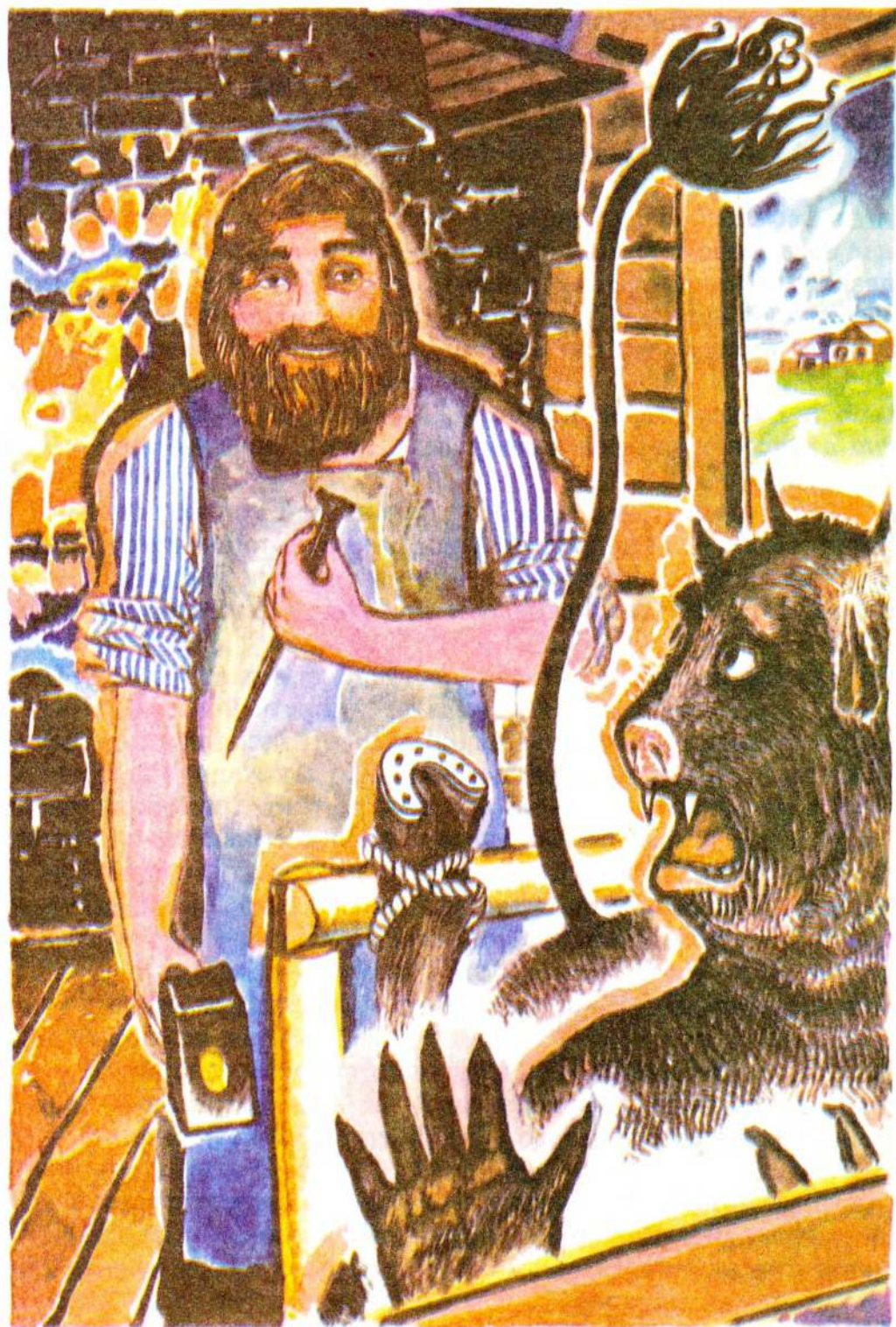
Поднялся на цыпочки Джип, ухватился ручками за край короба и заглянул в него.

— Что-то не могу рассмотреть, — сказал он.

— А вы прыгните в короб, мистер Джип, и рассматривайте сколько душе угодно, — предложила хитрая ведьма.

Прыгнул Джип в короб, уселся поудобнее и стал вертеть красные сапожки.

— Ага, попался! — торжествующе воскликнула ведьма, захлопнула короб и заперла покрепче, чтобы Джип не выскочил. — Вот теперь меряй! Да смотри чтоб не жали, мой птенчик!

И поковыляла к себе домой на северную опушку леса. Идет, не останавливается, коробка из рук не выпускает. Так и пришла домой с коробом, в котором томился бедняга Джип.

— Жареный эльф на ужин! — облизнулась ведьма, пнула мимоходом кота — а он только-только прилег у огня: весь день шил, чинил, штопал и латал, гладил и стирал, — и приказала ему: — Ступай принеси дров, лежебока! Буду печь топить.

Поплелся кот за дровами, принес охапку, бросил у очага, свернулся калачиком и опять задремал.

— Жареный эльф на ужин, — промурлыкала ведьма и опять пнула кота: — Ступай, лежебока, принеси воды из колодца, я пить хочу!

Потащился кот на колодец, набрал воды, налил в кувшин, поставил его на стол, а сам опять свернулся калачиком и спит.

— Жареный эльф на ужин, — прокудахтала старая ведьма и опять пнула кота: — Ступай, нерадивая скотина, испеки мне ячменный хлеб!

Пошел кот на кухню, стал тесто месить. Открыла старуха короб:

— Ну-ка, мой птенчик, пойди сюда!

Вылез маленький Джип из короба, дрожит от страха.

— Все говорят, ты больно умен. Открой дверку, загляни в печку, хороший ли там жар, чтобы тебя испечь. — А сама потирает костлявые руки, хихикает, облизывается.

— Попроси, пусть сама откроет, — шепнул Чернулин Джипу.

— Ты сначала сама покажи, как дверка открывается. Я не умею.

— Кто тебя умником назвал, тот сильно ошибся, — проворчала злая ведьма. — Смотри, это очень просто. — Протянула руку и открыла тяжелую чугунную дверку. — Ну, теперь попробуй, хорош ли жар?

— Пусть сначала сама попробует, — шепнул Чернулин.

— А как попробовать-то? Я не умею, — говорит Джип.

— Вот уж дурень так дурень! — рассердилась ведьма. — Да проще простого. Смотри!

Сложились старуха вдвое, сунула в печь руку, а потом и голову.

— Скорее! — крикнул Чернулин. — Толкай ее, что есть силы!

Прыгнул кот со стола, где тесто месил, толкнули они ведьму в огонь, захлопнули поскорей дверцу и заперли на замок.

— От худого мусора хороший жар, — сказал довольный кот и

подбросил еще поленьев.

Разгорелся огонь, загудело пламя в трубе и лизнуло солому на крыше. Занялась крыша, а за ней и весь дом.

— Бежим! — закричал кот.

Схватились они за руки и побежали из горящего дома. Скоро от него одни головешки остались.

Пошли Джип с котом через лес на южную опушку, где стоял вековой дуб, и стали там вместе жить. И вся деревня Уолгрейв, Виль-дровосек, Роб — дорожный мастер и, конечно, маленький Джип с котом Чернулином — все-все очень радовались, что нет больше злой ведьмы. И с тех пор все они жили весело и счастливо.

ВЕДЬМА И СОЛНЦЕВА СЕСТРА

Русская сказка

В некотором царстве, далеком государстве, жил-был царь с царицей, у них был сын Иван-царевич, с роду немой. Было ему лет двенадцать, и пошел он раз в конюшню к любимому своему конюху. Конюх этот сказывал ему завсегда сказки, и теперь Иван-царевич пришел послушать от него сказочки, да не то услышал.

— Иван-царевич! — сказал конюх. — У твоей матери скоро родится дочь, а тебе сестра; будет она страшная ведьма, съест и отца, и мать, и всех подначальных людей; так ступай, попроси у отца что ни есть наилучшего коня — будто покататься, и поезжай отсюда куда глаза глядят, коли хочешь от беды избавиться.

Иван-царевич прибежал к отцу и с роду впервой заговорил с ним; царь так этому возрадовался, что не стал и спрашивать, зачем ему добрый конь надобен? Тотчас приказал что ни есть наилучшего коня из своих табунов оседлать для царевича. Иван-царевич сел и поехал куда глаза глядят.

Долго-долго он ехал; наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой жить. Старухи сказали:

— Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уж немного жить. Вот доломаем сундук иголок да изошьем сундук ниток — тотчас и смерть придет!

Иван-царевич заплакал и поехал дальше. Долго-долго ехал, подъезжает к Вертодубу и просит:

— Прими меня к себе!

— Рад бы тебя принять, Иван-царевич, да мне жить остается немного. Вот как повыдерну все эти дубы с корнями — тотчас и смерть моя!

Пуще прежнего заплакал царевич и поехал все дальше да дальше. Подъезжает к Вертогору; стал его просить, а он в ответ:

— Рад бы принять тебя, Иван-царевич, да мне самому жить немного. Видишь, поставлен я горы ворочать; как справлюсь с этими последними — тут и смерть моя!

Залился Иван-царевич горькими слезами и поехал еще дальше.

Долго-долго ехал; приезжает наконец к Солнцевой сестрице. Она его приняла к себе, кормила-поила, как за родным сыном ходила. Хорошо было жить царевичу, а все нет-нет, да и сгрустнется: захочется узнать, что в родном доме дееся? Взойдет, бывало, на высокую гору, посмотрит на свой дворец и видит, что все съедено, только стены остались! Вздохнет и заплачет. Раз этак посмотрел да поплакал — воротился, а Солнцева сестра спрашивает:

— Отчего ты, Иван-царевич, нонче заплаканный?

Он говорит:

— Ветром в глаза надуло.

В другой раз опять то же; Солнцева сестра взяла да и запретила ветру дуть. И в третий раз воротился Иван-царевич заплаканный; да уж делать нечего — пришлось во всем признаться, и стал он просить Солнцеву сестрицу, чтоб отпустила его, добра молодца, на родину понаведаться. Она его не пускает, а он ее упрашивает; наконец упросил-таки, отпустила его на родину понаведаться и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два моложавых яблочка; какой бы ни был стар человек, а съест яблочко — вмиг помолодеет!

Приехал Иван-царевич к Вертогору, всего одна гора осталась; он взял свою щетку и бросил во чисто поле: откуда ни взялись — вдруг выросли из земли высокие-высокие горы, верхушками в небо упираются; и сколько тут их — видимо-невидимо! Вертогор обрадовался и весело принялся за работу. Долго ли, коротко ли — приехал Иван-царевич к Вертодубу, всего три дуба осталось; он взял гребенку и кинул во чисто поле: откуда что — вдруг зашумели, поднялись из земли густые дубовые леса, дерево дерева толще! Вертодуб обрадовался, благодарствовал царевичу и пошел столетние дубы выворачивать. Долго ли,

коротко ли — приехал Иван-царевич к старухам, дал им по яблочку; они съели, вмиг помолодели и подарили ему хусточку: как махнешь хусточкой — станет позади целое озеро!

Приезжает Иван-царевич домой. Сестра выбежала, встретила его, приголубила.

— Сядь, — говорит, — братец, поиграй на гусях, а я пойду — обед приготовлю.

Царевич сел и бренчит на гусях: выполз из норы мышонок и говорит ему человеческим голосом:

— Спасайся, царевич, беги скорее! Твоя сестра ушла зубы точить.

Иван-царевич вышел из горницы, сел на коня и поскакал назад: а мышонок по струнам бегает: гусли бренчат, а сестра и не ведает, что братец ушел. Наточила зубы, бросилась в горницу, глядь — нет ни души, только мышонок в нору скользнул. Разозлилась ведьма, так и скрипит зубами, и пустилась в погоню.

Иван-царевич услышал шум, оглянулся — вот-вот нагонит сестра; махнул хусточкой — и стало глубокое озеро. Пока ведьма переплыла озеро, Иван-царевич далеко уехал. Понеслась она еще быстрее... вот уж близко! Вертодуб угадал, что царевич от сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу; целую гору накидал! Нет ведьме проходу! Стала она путь прочищать, грызла-грызла, насилиу продралась, а Иван-царевич уж далеко. Бросилась догонять, гнала-гнала, еще немножко... и уйти нельзя! Вертогор увидал ведьму, ухватился за самую высокую гору и повернул ее как раз на дорогу, а на ту гору поставил другую. Пока ведьма карабкалась да лезла, Иван-царевич ехал да ехал и далеко очутился.

Перебралась ведьма через горы и опять погнала за братом... Завидела его и говорит:

— Теперь не уйдешь от меня!

Вот близко, вот нагонит! В то самое время подскакал Иван-царевич к теремам Солнцевой сестрицы и закричал:

— Солнце, Солнце! Отвори оконце.

Солнцева сестрица отворила окно, и царевич вскочил в него вместе с конем.

Ведьма стала просить, чтоб ей выдали брата головою; Солнцева сестра ее не послушала и не выдала. Тогда говорит ведьма:

— Пусть Иван-царевич идет со мной на весы, кто кого

перевесит! Если я перевешу — так я его съем, а если он перевесит — пусть меня убьет!

Пошли; сперва сел на весы Иван-царевич, а потом и ведьма полезла; только ступила ногой, как Ивана-царевича вверх и подбросило, да с такою силою, что он прямо попал на небо, к Солнцевой сестре в терема; а ведьма-змея осталась на земле.

О ВЕДЬМАХ

Русские сказки

СКАЗКА ПЕРВАЯ

Поздним вечером приехал один казак в село, остановился у крайней избы и стал проситься:

— Эй, хозяин, пусти переночевать!

— Ступай, коли смерти не боишься.

«Что за речь такая!» — думает казак, поставил коня в сарай, дал ему корму и идет в избу. Смотрит — и мужики, и бабы, и малые ребятишки — все навзрыд плачут да Богу молятся; помолились и стали надевать чистые рубашки.

— Чего вы плачете? — спрашивает казак.

— Да вишь, — отвечает хозяин, — в нашем селе по ночам смерть ходит, в какую избу ни заглянет — так наутро клади всех жильцов в гроба да вези на погост. Нынешнюю ночь за нами очередь.

— Э, хозяин, не бойся; Бог не выдаст, свинья не съест.

Хозяева полегли спать; а казак себе на уме — и глаз не смыкает.

В самую полночь отворилось окно; у окна показалась ведьма — вся в белом, взяла кропило, просунула руку в избу и только хотела кропить — как вдруг казак размахнул своей саблею и отсек ей руку по самое плечо. Ведьма заохала, завизжала, по-собачьи забрехала и убежала прочь. А казак поднял отрубленную руку, спрятал в свою шинель, кровь замыл и лег спать. Поутру проснулись хозяева, смотрят — все до единого живы-здоровы, и несказанно обрадовались.

— Хотите, — говорит казак, — я вам смерть покажу? Соберите

скорей всех сотников и десятников да пойдете ее по селу искать.

Тотчас собрались все сотники и десятники и пошли по домам; там нету, здесь нету, наконец добрались до пономарской избы.

— Вся, ли семья твоя здесь налицо? — спрашивает казак.

— Нет, родимый! Одна дочка больна, на печи лежит. Казак глянул на печь, а у девки рука отсечена; тут он объявил все, как было, вынул и показал отрубленную руку. Мир наградил казака деньгами, а эту ведьму присудил утопить.

СКАЗКА ВТОРАЯ

В некотором королевстве жил-был король; у этого короля была дочь волшебница. При королевском дворе проживал поп, а у попа был сынок десяти лет и каждый день ходил к одной старушке — грамоте учиться. Раз случилось ему поздно вечером идти с ученья; проходя мимо дворца, глянул он на одно окошечко. У того окошечка сидит королевна, убирается: сняла с себя голову, мылом намылила, чистой водой вымыла, волосы гребнем расчесала, заплела косу и надела потом голову на старое место. Мальчик диву дался: «Вишь какая хитрая! Прямая колдунья!» Воротился домой и стал всем рассказывать, как он королевну без головы видел. Вдруг расхворалась-разболелась королевская дочь, призвала отца и стала ему наказывать:

— Если я помру, то заставьте поповского сына три ночи сряду надо мною псалтырь читать.

Померла королевна, положили ее в гроб и вынесли в церковь. Король призывает попа:

— Есть у тебя сын?

— Есть, ваше величество.

— Пусть, — говорит, — читает над моей дочерью псалтырь три ночи сряду.

Поп воротился домой и велел сыну изготавиться.

Утром пошел попович учиться и сидит над книгою такой скучный.

— О чем запечалился? — спрашивает его старушка.

— Как мне не печалиться, коли я совсем пропал?

— Да что с тобой? Говори толком.

— Так и так, бабушка! Надо читать над королевною, а она ведь колдунья!

— Я прежде тебя это ведала! Только не бойся, вот тебе

ножик; когда придешь в церковь, очерти около себя круг, читай псалтырь да назад не оглядывайся. Что бы там ни было, какие бы страсти ни представлялись — знай свое, читай да читай! А если назад оглянешься — совсем пропадешь!

Вечером пришел мальчик в церковь, очертил ножом около себя круг и принялся за псалтырь. Пробило двенадцать часов, с гроба поднялась крышка, королевна встала, выбежала и закричала:

— А, теперь ты узнаешь, как под моими окнами подсматривать да людям рассказывать!

Стала на поповича бросаться, да никак через круг перейти не может; тут начала она напускать разные страсти; только что ни делала — он все читает да читает, никуда не оглядывается. А как стало светать, бросилась королевна в гроб и со всего размаху повалилась в него — как попало!

На другую ночь то же приключилось; попович ничего не убоился, до самого света безостановочно читал, а поутру пошел к старухе. Она спрашивает:

— Ну что, видел страсть?

— Видел, бабушка!

— Нынче еще страшнее будет! Вот тебе молоток и четыре гвоздя — забей их по четырем углам гроба, а как станешь псалтырь читать — молоток против себя поставь.

Вечером пришел попович в церковь и сделал все так, как научила старушка. Пробило двенадцать часов, гробовая крышка на пол упала, королевна встала и начала летать по всем сторонам да грозить поповичу; то напускала большие страсти, а теперь еще больше: чудится поповскому сыну, что в церкви пожар сделался, пламя так все стены и охватило; а он стоит себе да читает, назад не оглядывается. Перед рассветом королевна в гроб бросилась, и тотчас пожара как не бывало — все наважденье сгнуло! Поутру приходит в церковь король, смотрит — гроб открыт, в гробу королевна кверху спиной лежит.

— Что такое? — спрашивает мальчика; тот ему рассказал, как и что было.

Король приказал забить своей дочери осиновый кол в грудь и зарыть ее в землю, а поповича наградил казною и разными угодами.

СКАЗКА ТРЕТЬЯ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у этого царя был сын. Когда царевич стал на возрасте, отец его женил; но жена его не любила: начинал ли он к своей жене ласкаться, она сейчас его отталкивала. Царевич часто жаловался на нее своему отцу и, наконец, стал с горя проситься по чужим землям странствовать. Отец позволил. Вот он оседлал своего доброго коня и отправился в путь-дорогу; долго ли, коротко ли — приезжает в одно отдаленное государство. Тамошний царь увидал Ивана-царевича, обласкал его и стал говорить:

— Послушай, Иван-царевич, будь мне брат, сослужи мне службу: вызывает меня соседний король на войну, так помоги своей силою!

Иван-царевич не отказался, и, как утро настало, оба они отправились на войну. Иван-царевич побил все неприятельское войско и самого короля в плен взял. После бою, воротившись домой, царь его угостил-употчевал и положил спать на свою постель.

Только царевич улегся и стал засыпать, вдруг прилетела колпица, сняла перья — сделалась девица; будит его, сама приговаривает:

— Возлюбленный мой царь! Аль не хочешь для меня проснуться да поговорить со мной? Мой муж Ванька в чистое поле уехал, уж его давно собаки разорвали!

Не успела она речь скончать, как Иван-царевич узнал в ней свою жену, вскочил с постели, махнул мечом и отрубил ей правую руку. Вскрикнула она, обратилась колпицею и улетела домой.

Долго ли, коротко ли — воротился Иван-царевич в свое государство и спрашивает:

— Где моя жена? Отец говорит:

— Дома.

— А коли дома, пусть ко мне выйдет.

Вышла она об одной руке. Иван-царевич рассказал отцу, отчего у ней рука отрублена; тотчас же велел ее на воротах расстрелять, а сам после на другой женился.

СКАЗКА ЧЕТВЕРТАЯ

Жила-была старуха — страшная колдунья; у нее были дочь да внучка. Пришло время помирать старухе; призывает к себе свою дочь и так наказывает:

— Смотри, дочка, как я помру — ты не обмывай мое тело теплою водицею, а возьми котел, вскипяти самого крутого кипятку да тем кипятком и ошпарь всю меня.

После этого полежала колдунья хворою дня два-три и померла. Дочь побежала по соседям с просьбою, чтобы пришли пособить ей обмыть старуху; а в избе осталась одна малая внучка; и видится ей: вылезли вдруг из-под печки два черта — большой да крохотный, подбежали к мертвой колдунье: старый черт схватил ее за ноги, как дернул — сразу всю шкуру сорвал, и говорит чертенку:

— Возьми себе мясо, тащи под печку!

Чертенок подхватил мясо в охапку и унес под печь. Оставалась одна старухина шкура; старый черт залез в эту шкуру и лег на том самом месте, где лежала колдунья.

Вот воротилась дочь, привела с собой с десяток баб, и принялись они убирать покойницу.

— Мама, — говорит девочка, — а без тебя с бабушки шкуру стащили.

— Что ты врешь?

— Право, мама! Вылез из-под печки такой черный-черный, содрал шкуру, да сам в нее и залез.

— Молчи, негодная! Ишь что выдумала! — закричала старухина дочь, принесла большой котел, налила холодной воды, поставила в печь и нагрела крутого кипятку; потом подняли бабы старуху, положили в корыто, взялись за котел и разом весь кипяток на нее вылили.

Черт не вытерпел, выскочил из корыта, бросился в дверь — и пропал совсем со шкурою. Бабы смотрят: что за чудо? Была покойница, да и нет ее! Ни убирать, ни хоронить некого; в глазах черти унесли!

ВЕДЬМА НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

Украинская сказка

Была у мужика жена-ведьма. Только наступит глухая полночь, проснется он, а жены возле него нету, оглядится он кругом, хата на крючок заперта, сенцы на задвижке, а ее нету. Он и думает себе: «Давай-ка выслежу».

Прикинулся раз спящим и дождался полночи. Жена встала, засветила каганец, достала с полки пузыречек с каким-то снадобьем, взяла черепочек, влила туда из пузырька того снадобья, насыпала сажи, размешала, положила серы и купоросу, сбросила с себя сорочку, положила на постель, накрыла ее рядом, а сама помазала себе мочалкой с черепочка под мышками, да и вылетела через устье печи в трубу.

Поднялся мужик, намазал и себе под мышками, сам тоже вылетел вслед за ней. Летит она, а он за ней. Пролетели они уже все села и города, стали к Киеву подлетать, как раз к Лысой горе. Смотрит мужик — а там церковь, возле церкви кладбище, а на кладбище ведм с ведьмаками и не счесть, и каждая со свечкой, а свечки так и пылают.

Оглянулась ведьма, видит — за ней муж летит, она к нему и говорит:

— Чего ты летишь? Видишь, сколько тут ведм, как увидят тебя и дохнуть тебе не дадут, так и разорвут тебя в клочья.

Потом дала она ему белого коня и говорит:

— На тебе этого коня, да скачи поскорее до́мой!

Сел он на коня и вмиг дома очутился. Поставил его у яслей, а сам вошел в хату и лег спать. Утром просыпается, глядь — и жена возле него лежит. Пошел он тогда к коню наведаться. Пришел, а на том месте, где коня привязывал, воткнута возле сена большая верба с ободранной корой. Вошел в хату и рассказывает жене, что вместо коня стоит один лишь дрючок.

— Возьми, — говорит жена, — этот дрючок и спрячь его в сарай под навес, а то как увидят ведьмы, будет тебе горе, а ночью встань да выбрось его через порог, тогда ничего не будет.

Лег он на следующую ночь спать, а в полночь проснулся и пошел в сарай. И только выкинул вербу за порог, а из нее враз конь сделался и как загремит копытами, как загремит по улице, и кто его знает, куда он и скрылся.

ЛЕГЕНДА О ВЕДЬМЕ-ПРОЖОРЕ СЕЙУСИ

Бразильская легенда

Сейуси — так индейцы племен тупи называют семь звезд, и этим же именем зовут они страшную ведьму, которую вечно терзает голод. Старая Сейуси всегда за кем-нибудь гонится, чтоб его съесть. Она может преследовать человека всю жизнь. Вот послушайте, как преследовала она одного юношу.

Рассказывают, что как-то раз один юноша удил рыбу, сидя на настиле из жердей. Он и не заметил, как Сейуси-прожора подплыла по рукаву реки, таща за собою рыболовную сеть. Она еще издали заметила на воде тень юноши и набросила сеть прямо на нее. Рванула сеть, думая, что юноша уже там, но юноша только засмеялся, глядя на старуху со своего высокого настила, скрытого зеленью.

Сейуси-прожора услышала этот смех и подняла голову.

— Ах, вот ты где! Слезай на землю, внучек.

Юноша отвечал:

— Я-то? Нет, не слезу.

Старуха сказала:

— Смотри, нашлю ос!

И наслала — самых свирепых. Но юноша отломил ветку от дерева и перебил всех ос.

Старуха сказала:

— Слезай, внучек, а не то нашлю муравьев токандира.

Это очень страшные муравьи — большие, черные, вооруженные жалом, как осы; кусают нестерпимо больно, и от их укуса бывает сильная лихорадка.

Но юноша не испугался и не слез со своего настила. Тогда старуха наслала на него муравьев токандира, как и обещала. Муравьи набросились на юношу такой лавиной, что ему ничего другого не оставалось, как прыгнуть в воду, чтоб спастись от них. Ведьме-прожоре только этого и было надо: она ловко набросила сеть на юношу, запутала его так, что он не мог даже пошевелинуться, и утащила в свое жилище. Придя домой, она оставила сеть с добычей у порога и пошла в лес собирать хворост, чтоб разжечь костер.

Когда старая ведьма отошла, из дома вышла ее дочка и сказала:

— Как странно: мать, когда возвращается с охоты, всегда мне рассказывает, какую дичь принесла. Сегодня она не сказала ни слова. Погляжу-ка, что у нее в сети.

С этими словами ведьмина дочка распутала сеть и увидела юношу. Юноша сказал ей:

— Спрячь меня.

Девушка спрятала его, а потом взяла большой деревянный пест, которым старуха толкла зерно, обмазала его воском и, плотно обернув сетью, положила на то место, где только что лежал пойманный юноша.

Тем временем старуха вернулась из лесу и разожгла огонь под решеткой для жаренья мяса, установленной на четырех палках с развилкой на конце. Потом подняла сеть с добычей и положила на решетку жариться. Когда пест начал нагреваться, воск растопился и стал стекать вниз, а сгоревшая сеть лопнула. Тут ведьма увидела, что вместо юноши поджаривает пест.

Прожора пришла в ярость и закричала на дочь:

— Если не отдашь мою добычу, я убью тебя!

Девушка испугалась. Она побежала в заросли, где прятался пленник, и велела ему нарезать листья пальм и сплести из них корзины, чтобы затем превратить их в разных животных.

Юноша послушался совета ведьминой дочки и сплел корзины из пальмовых листьев. Не успел он закончить свою работу, как появилась прожора Сейуси и хотела уже наброситься на него, но в это мгновение она крикнула корзинам:

— Оборотитесь тапирами, оленями, дикими кабанами!

И корзины оборотились тапирами, оленями и дикими кабанами. И ведьма всех их сожрала.

Когда юноша увидел, что у старухи осталось уже мало пищи, он убежал к реке и смастерил ловушку, в которую поймалось много рыбы.

Когда старуха пришла к реке, то сразу же увидела ловушку и, войдя в нее, принялась есть рыбу.

Пока она ела, юноша поспешил уйти оттуда. Ведьмина дочка нагнала его на тропинке и сказала на прощание:

— Как услышишь, что птица поет: «Кинн-кинн, кинн-кинн», — так знай, что моя мать близко и может схватить тебя.

Юноша запомнил эти слова и пошел дальше. Долго брел он наугад, как вдруг услышал, что в ветвях словно запела птица: «Кинн-кинн, кинн-кинн». Тут он вспомнил, что сказала ему ведьмина дочь, и побежал без оглядки.

Бежал, бежал, пока не увидел на дереве целую толпу обезьян, которые ели мед. Он подбежал к ним и крикнул:

— Обезьяны, спрячьте меня!

Обезьяны посадили его в пустой горшок. Старуха Сейуси пришла, не нашла юношу и двинулась дальше. Тогда обезьяны вытащили юношу и отпустили с миром.

И побрел он дальше и долго брел наугад, как вдруг услышал в ветвях: «Кинн-кинн-кинн...» Тогда он пошел к норе змеи сурукуку и попросил ее, чтобы она его спрятала. Сурукуку пустила его в свою нору, и когда ведьма приблизилась, то не нашла его и ушла ни с чем.

Вечером юноша услышал, как сурукуку советовалась со своим мужем, как им разжечь костер и съесть гостя.

Когда они уже приготовили решетку для жаренья мяса, где-то на ветке закричал сокол маканан, известный охотник за змеями.

Юноша сказал:

— Дедушка маканан, позволь мне поговорить с тобою.

Маканан услышал эти слова, подлетел поближе и спросил:

— Что случилось, внучек?

Юноша отвечал:

— Две змеи сурукуку хотят меня съесть.

Маканан спросил:

— А сколько у них нор?

Юноша отвечал:

— Одна всего.

— Подожди, — сказал маканан, влез в нору и съел обоих сурукуку.

Тогда юноша пошел дальше и вышел из лесу на поляну к озеру. Там он увидел гигантского аиста-жабуру, который с серьезным и мрачным видом ловил рыбу и складывал в большую камышовую корзину. Юноша подошел к птице и попросил:

— Переправь меня через реку, жабуру.

— Хорошо, — согласился жабуру, — только когда кончу лов.

Когда жабуру наловил достаточно рыбы, он велел юноше влезть в камышовую корзинку и поднялся вместе с ним в воздух, раскинув огромные белые крылья. Так летели они долго, а потом жабуру посадил юношу на дерево, сказавши, что устал и уж дальше взять его не может.

Оглядевшись, юноша увидел неподалеку какой-то дом. Он

слез с дерева и направился туда. Подойдя к небольшому мани-оковому полю возле дома, он увидел старую женщину с добрым лицом и рядом с нею — маленького лесного грызуна агути. Они ссорились: женщина бранила агути за то, что зверек поедает ее маниоку.

Когда юноша подошел и попросился отдохнуть, женщина повела его в дом. Там она стала расспрашивать его, откуда он пришел и зачем. Юноша рассказал этой женщине все: как он пошел на реку ловить рыбу, как пришла ведьма Сейуси, как она его утащила в свое жилище. Он тогда был почти еще мальчик.

Женщина взглянула на него: теперь он был почти старик, и вся голова была у него седая.

Женщина узнала его: это был ее сын. Так он вернулся в родной дом.

ДЬЯВОЛ И ПОРТНЯЖКА

Английская сказка

Жил когда-то в деревне Клитероу, что в графстве Ланкашир, один портняжка, маленький, тощий, как прутик, и, хотя работал усердно с утра до ночи, едва сводил концы с концами.

Наконец дела пошли так плохо, что решил он продать душу дьяволу: хоть немножко пожить на этом свете в достатке и радости, а уж на том свете будь что будет.

Сказано — сделано. Написал он нечистому письмо, что согласен продать душу, пусть приходит за ней ровно через пятнадцать лет. Положил письмо под подушку, лег спать и преспокойно заснул. Наутро сунул под подушку руку, письма нет, вместо него — полкроны, знак того, что письмо попало по адресу и сделка состоялась.

Портняжка очень и очень обрадовался.

Кончатся скоро для него тяжелые времена, не будет он больше дрожать от холода и ложиться спать на пустой желудок. Заживет богато, станет гулять и веселиться, есть и пить, что душа пожелает.

Но напрасно он радовался. Шли месяцы, годы, а ничего не менялось, несмотря на сделку. Все шло у портняжки вкривь и вкось, как и раньше: то ножницы затупятся, то иголку посеет, а то и брючины обкорнает. Но хуже всего заказчики — иной даже

и заплатить забывал. Словом, никакого проблеска.

«Зря только связался с дьяволом», — не раз сокрушался портняжка.

Мало-помалу запомнил он и сделку с дьяволом, и свое письмо — жил, как жилось, ни на что больше не уповая.

Вот раз сидит он на лавке, поджав под себя ноги, вдруг слышит, стучатся в дверь.

Вошел незнакомец — высокий такой, черный. Вскочил портняжка, потирает руки, думает — новый заказчик.

— Хотите сшить пару брюк, сэр? — спрашивает.

— Нет, брюки мне не нужны, — отвечает незнакомец густым басом.

— У меня есть очень красивый шелк в мелкий цветочек. Не хочет ли господин сшить из него жилетку?

— Нет, жилетка мне не нужна, — отвечает незнакомец.

Тут портной начал что-то смекать и немножко испугался.

— У м-меня есть кр-красивое сукно б-бутылочного цвета, Ваше Сиятельство. Не хотите ли сшить из него сюртук?

Тут уж незнакомец потерял терпение, подступил к портняжке, схватил его за шейный платок и говорит:

— Ты что, не узнаешь меня? Исполнился срок. Мне нужен ты.

И с этими словами дьявол — потому что, конечно, это был он — поволок портняжку из дому.

Тащит он беднягу, а тот ему пеняет — ни разу, ни на один миг за все пятнадцать лет не было ему от сделки никакой пользы.

— Не можете ли, Ваше Величество, выполнить напоследок одну мою просьбу, — взмолился под конец портняжка, пересчитав ступеньки крыльца. — Одну-единственную!

И вот ведь какая штука — заговорила у дьявола совесть: он и впрямь не очень-то честно обошелся с этим бедняком.

— Ладно, так уж и быть, — пробасил он. — Выкладывай свою последнюю просьбу, да побыстрее.

Завертел портняжка головой налево, направо.

Что бы такое придумать? Пробил его последний час, а на ум, как назло, ничего нейдет.

Вдруг видит, пасется на лугу древняя савраска. Поднял он глаза на страшного посетителя, и тут его осенило:

— Садись вон на ту савраску и мчись туда, откуда пришел.

Не успел он это вымолвить, взвыл дьявол нечеловеческим голосом, выпустил портняжку, вскочил в один миг на саврасую кобылу да и умчался вместе с ней — как сквозь землю провалился.

И что самое главное, никто никогда больше не видел его в Клитероу.

Но это еще не конец этой истории.

Очень скоро вся округа знала, как портняжка дьявола перехитрил. Люди приходили из близка и далека на умника поглазеть, послушать из его собственных уст, как он умудрился самого дьявола объегорить. Скоро у портняжки от заказчиков отбоя не было.

Пришлось построить гостиницу для приезжих. Над входом водрузили вывеску: дьявол скачет в ад на савраске, а неподалеку портняжка пляшет с ножницами в руках.

В гостиницу стекалось столько приезжих, что пришлось даже нанять прислугу. Стал портняжка толстый, веселый, ни в чем не нуждался и жил всю жизнь припеваючи.

КРЕСТЬЯНИН ТОЛОМЕ И ДЬЯВОЛ

Французская сказка

Между Варлуа и Конте, возле Мон-Файи, жил некогда со своей семьей крестьянин по имени ТолOME. Вначале дела на его ферме шли хорошо, но потом у ТолOME умер отец, и с этого дня на беднягу так и посыпались несчастья. Неурожаи сменялись неурожаями, скот одолевала болезнь одна другой хуже, сеньор становился все жадней, жена и дети не переставали болеть, и под конец ТолOME совсем обнищал. Что тут было делать? Как он ни старался, как ни ломал себе голову с утра до вечера, жить становилось все тяжелее.

А тут еще в тот самый вечер, когда пала его последняя лошадь, на ферме случился пожар, и сгорели все хлева и амбары; уцелели только курятники, собачья конура и часть дома. Хуже этого ничего не могло быть. ТолOME был разорен, разорен вконец.

На другое утро бродил он по опушке горелого леса. У него было так тяжело на душе, что он невольно воскликнул:

— Хоть бы дьявол выручил меня!

Не успел он произнести эти слова, как откуда ни возьмись к нему на плечо вскочил маленький человечек, ростом всего в несколько дюймов, и запрыгал взад и вперед по остолбеневшему от удивления ТолOME.

ТолOME с удовольствием отметил про себя, что это был

хорошенький маленький дьявол, веселый, живой, резвый и к тому же одетый в красивый зеленый камзол с бахромой из чистого золота. Шляпа, на которой торчало длинное павлинье перо, была лихо надвинута на его маленькое личико.

— Толоме, Толоме, плохи твои дела, как я погляжу! На полях твоих растут одни сорные травы, скот погиб, жена больна, почти вся ферма сгорела! Ты уже не знаешь, какому святому молиться, вот и позвал меня. Что ж, я пришел. Давай поговорим начистоту. Чем я могу тебе служить?

Толеме объяснил дьяволу, что ему нужно.

— Отлично, дядюшка Толеме. У тебя будет прекрасная ферма, большие амбары и сарай, полные зерна и сена, много лошадей и коров, жена и дети выздоровеют, — если только ты хочешь этого...

— Хочу ли я? Еще бы!

— Все это ты получишь сегодня ночью, в ту самую минуту, когда на твоём дворе пропоет петух; зато, если я честно выполню свое обещание...

— Что тогда?

— Тогда ты отдашь мне душу твоего старшего сына.

— Душу моего старшего сына?

— Да.

— Вы, верно, шутите?

— Ничуть. Хочешь — соглашайся, хочешь — нет. Ничего за ничего — вот мое правило. Даешь — берешь!

Толеме призадумался. Он понимал, что отдать душу сына злему духу — страшное дело; но, с другой стороны, он представил себе, как будет хорошо на новой ферме, и согласился.

— Идет, — сказал он зеленому человечку. — Я согласен, но с условием, что ты все приготовишь к той самой минуте, когда пропоет петух. Если же ты не успеешь, ферма останется за мной, а ты ничего не получишь.

— Ладно, по рукам. Теперь подпиши.

Злой дух вынул из кармана огромный свиток пергамента, в который можно было бы спрятать десяток таких дьяволов. Он развернул его, затем вытащил из кармана сперва очиненное гусиное перо, потом стол и наконец нож, которым он надрезал крестьянину руку. Показалась алая капелька, злой дух смочил перо кровью и передал Толеме, чтобы тот подписал страшный договор. Толеме поставил свое имя рядом со множеством других имен.

Потом человечек перекувырнулся, спрятал в карман пергамент,

нож, перо и стол и исчез в кустарнике с радостными возгласами:

— Ха-ха-ха! У Дик-и-Дона снова выдался удачный денек!

Толоме бродил по лесу до самого вечера.

Вернувшись домой, он увидел, что тысячи маленьких дьяволов таскают камни, известь, песок, сносят старые стены, роют землю, куют, обтесывают, — все это с невообразимой быстротой и адским шумом, в то время как другие дьяволята светят им факелами.

Жена и дети Толоме сразу выздоровели, но их очень удивляла эта суматоха, и они никак не могли понять, откуда Толоме раздобыл всех этих работников, отстраивавших их ферму.

Крестьянин рассказал жене о том, что произошло между ним и дьяволом возле горелого леса, и попросил у нее совета.

— Что ты наделал, несчастный! Отдать своего сына дьяволу! Да ты сам не лучше дьявола!

— А я рассчитывал, что ты поможешь мне обмануть его и с честью выбраться из этого дела.

Жена Толоме призадумалась.

— Ты говоришь, что дьявол должен кончить всю работу к той минуте, когда пропоет петух? Хорошо. Недаром Господь Бог издавна решил, что женщины должны дружить со змием. Я сумею сохранить и новую ферму и душу сына.

Дьяволы получили приказ кончить работу раньше, чем забрезжит день, к пяти часам утра, когда обычно просыпаются петухи. Вот тут-то и решила провести их жена Толоме.

Около четырех часов утра она потихоньку встала и пошла в курятник. Работа была почти закончена. Крестьянка отперла курятник и разбудила петуха, который во всю глотку заорал: «Кукареку, кукареку!»

Так перехитрили дьявола Дик-и-Дона. Он удрал вместе со всеми своими помощниками, оставив незаконченной ограду, в которой не хватало нескольких камней. На месте старой выросла новая прекрасная ферма. Амбары и сараи ломились от зерна и сена, в конюшне и хлевах стояли сильные лошади и откормленные коровы, а в шкафу лежал большой мешок с золотом.

С этого дня крестьянин Толоме зажил богато и счастливо и никогда больше не видел обманутого им Дик-и-Дона, который решил больше не возобновлять знакомства с тем, кто однажды его надул.

ЗАМОК ДЬЯВОЛА

Французская сказка

В давние времена жил один бедный крестьянин, который худо ли, хорошо ли, но вырастил троих детей, трех мальчиков.

Старшего звали Ришар, среднего — Пьер. А имя младшего сына было Жан. Все трое были храбрыми юношами и до смерти скучали в своей деревне. И вот однажды Ришар пришел к отцу и сказал ему:

— Отец мой, пора мне выбирать ремесло. Я все обдумал и решил, что лучше всего для меня будет стать воином. Позвольте мне покинуть вас и наняться в солдаты.

— Ришар, я всегда надеялся, что тебе будет по душе крестьянская жизнь. Но раз ты хочешь сделаться солдатом — что ж, я тебя не удерживаю. К тому же твои братья останутся здесь и будут помогать мне. Возьми десять экю, они пригодятся тебе в пути. Прощай, и да благословит тебя бог! Помни мой завет — всегда будь честным человеком.

Ришар бережно спрятал в карман десять экю, обнял отца и братьев и отправился наниматься в солдаты.

Через три месяца Пьер, который очень тревожился, не получая вестей от брата, решил отыскать его и тоже наняться в солдаты.

Он стал просить отца, чтобы тот отпустил его.

— Боже мой, — сказал крестьянин, — ты тоже хочешь уехать! А я-то думал, что ты заменишь меня в хозяйстве! Значит, ты покинешь нас с Жаном? Подумай хорошенько, а потом решай.

— Отец мой, все и так решено. Я уже думал об этом, но мне слишком хочется испробовать солдатское ремесло.

— Что же, не стану тебе перечить. Иди, и да хранит тебя Бог! Отец вложил десять новеньких су в руку Пьеру, и тот ушел.

Через три года Жан, единственный сын, который остался жить с отцом, пришел к нему и тоже попросил отпустить его в армию.

— Ну, это уж чересчур! Ты, значит, тоже потерял голову, как твои братья? Ты ведь знаешь, как давно они ушли из деревни, и с тех пор о них ни слуху ни духу. Оставайся дома и паши землю.

— Отец мой, я немало думал об этом, но искушение слишком уж сильно. Мне хочется испытать солдатское житье и поскорее отыскать Ришара и Пьера.

— Не стану огорчать тебя. У меня еще осталось десять лиаров¹, возьми их и отправляйся.

Жан обнял отца и ушел.

Он шел все прямо и прямо, пока не пришел в город, а оттуда в полк. Можете себе представить удивление и радость Ришара и Пьера, когда они увидели своего брата Жана!

Через полгода случилось так, что Ришар выпил лишнее и оскорбил своего командира. Военный суд приговорил его к смертной казни.

Ришар пришел к братьям и сказал им:

— Меня только что приговорили к смертной казни и через два часа повесят. Мне позволили прийти к вам проститься, а так как я знаю способ незаметно улизнуть из города, то следуйте за мной, — у нас хватит времени, чтобы скрыться.

— Хорошо, бежим, — решили братья.

Они взяли сабли, выбрались из города и зашагали куда глаза глядят. Два дня шли они без отдыха, пока не пришли к какому-то перекрестку. Перед ними лежали три дороги. Братья не знали, по какой пойти, и тогда Ришар, как самый старший, сказал:

— Пойдемте в разные стороны. Кто первый найдет жилье, где можно будет остановиться, созовет остальных свистом. Ну, а теперь — в путь, каждый по своей дороге.

И они разошлись по трем дорогам. Жан первый заметил на равнине одинокую мельницу. Он сразу же громко свистнул, как было условлено, и, когда братья подошли, постучался в дом к мельнику.

— Кто там? — спросил чей-то голос изнутри.

— Мы трое бедных, сбившихся с пути странников и хотим чего-нибудь поесть и получить кров на ночь.

— Поесть? Еще чего захотели! Ступайте-ка своей дорогой!

— Но мы не знаем здешних мест, мы чужеземцы.

— А мне какое дело! Идите мимо замка дьявола и придете в город. Но Боже вас упаси заходить в замок. Дьявол убивает всех путников, которые осмеливаются войти к нему.

— Что ж, будь здоров, мельник!

Трое братьев направились к замку дьявола и скоро дошли до него. Двери сами собой раскрылись перед ними. В одной из комнат, богато убранной, был словно нарочно накрыт стол на три прибора.

¹ Л и а р — старинная французская медная монета.

«Лучшего и желать нечего», — подумали братья и уселись за стол, уставленный вкусной едой. Сами понимаете, что они поели с большим аппетитом, после чего решили лечь спать.

Они вошли в спальню, где было всего две кровати: на них легли Ришар и Пьер, а Жан закрыл дверь на засов и стал на страже, охраняя братьев.

Около полуночи раздался такой грохот, что, казалось, задрожал весь замок, — Это пришел дьявол. Он попытался открыть дверь, надеясь застать спящих братьев врасплох.

— Эй, — крикнул ему часовой, — сюда нельзя входить без моего позволения!

— Говорят тебе, пусти меня.

— Нет, не пущу.

— Если ты откроешь дверь, я подарю тебе скатерть-самобранку, у которой ты в любое время сможешь требовать столько еды, сколько тебе захочется.

— Согласен, но поклянись, что ты не тронешь ни меня, ни моих братьев.

— Клянусь! — прорычал дьявол.

Солдат открыл дверь, и злой дух вошел в комнату, где спали Ришар и Пьер. Он несколько раз перекувырнулся в воздухе и улетел через трубу.

Следующей ночью, пока братья спали, на часах стоял Пьер.

Настала полночь. Дьявол снова пришел и увидел, что дверь заперта.

— Открой мне! — крикнул он.

— А что ты мне дашь, если я открою?

— Подарю тебе палку.

— На что мне палка?

— Она даст тебе столько золота, сколько ты пожелаешь.

— Согласен, но поклянись, что ты не тронешь ни меня, ни братьев.

— Клянусь!

Пьер открыл дверь. Дьявол снова попрыгал по комнате, как накануне, и скрылся.

На следующую ночь стоять на страже должен был Ришар.

Около полуночи пришел дьявол, постучал в дверь и попросил, чтобы его пустили в комнату. Ришар отказал дьяволу.

Но дьяволу очень хотелось войти, и он сказал:

— Открой мне дверь в последний раз, и я дам тебе плащ, который сделает тебя невидимкой и в одной мгновение перенесет туда, куда

ты пожелаешь.

— Поклянись, что ты не причинишь вреда ни мне, ни моим братьям.

— Клянусь!

После этого дьявол вошел в комнату, отдал скатерть, палку и плащ-невидимку, вволю напрыгался и снова улетел через трубу.

На следующий день Ришар, Пьер и Жан ушли из замка, унося с собою подарки дьявола.

Не успели они дойти до леса, как раздался страшный треск, земля задрожала, и на их глазах замок дьявола рухнул.

Спустя некоторое время Ришар предложил братьям испытать палку, плащ и скатерть, чтобы проверить, не обманул ли их дьявол.

Он взял скатерть, разостлал ее на траве и сказал:

— Скатерть-самобранка, подай нам поскорее вкусный завтрак.

И тотчас на скатерти появилась вкусная еда. Когда братья сытно поели и попили, Жан взял палочку и сказал:

— Палка-выручалка, наполни наши карманы золотом.

Монет оказалось так много, что пришлось высыпать часть на землю, иначе братья не могли сдвинуться с места.

Потом все трое завернулись в плащ и сказали:

— Плащ-невидимка, перенеси нас во Францию, в город Париж.

И сразу же они очутились в Париже. Братья зашли в гостиницу, выпили, а затем отправились в город.

На всех улицах слышались звуки труб и барабанов: то офицеры французского короля объявляли, что король отдаст руку своей дочери и в придачу половину королевства тому, кто сумеет за один час приготовить роскошный пир для пятисот чужеземных послов, только что прибывших во дворец.

— Вот это нам и нужно, — сказал Ришар. — Я захвачу с собой скатерть-самобранку и пойду к королю.

Он вернулся в гостиницу, взял скатерть дьявола и побежал в королевский дворец. Стража не хотела его пропускать, но когда он сказал, что ему нужно поговорить с королем, его провели к нему.

— Чего ты хочешь? — спросил у него король.

— Я случайно слышал, что объявляли на улицах ваши офицеры, и я приготовлю вам этот обед; только сперва еще раз обещайте отдать мне руку вашей дочери и половину королевства.

— Обещаю, но как ты это сделаешь?

— Это уж мое дело. Покажите мне, где будет пир.

Король привел его в пиршественный зал, и Ришар там заперся.

Он взял скатерть, разостлал ее на полу и сказал:

— Скатерть-самобранка, подай мне сейчас же самый лучший обед на пятьсот человек.

Не успел он сказать это, как все было готово к приему послов. Король очень удивился и сказал солдату:

— Свои обещания ты исполнил, теперь я должен исполнить свои. Сейчас я позову мою дочь. Свадьбу устроим завтра, когда уедут послы английского короля.

Пришла принцесса и увела Ришара к себе. Когда они поднимались по лестнице, королевская дочь стала выпрашивать, как это Ришару удалось так быстро все устроить.

— Мне это было нетрудно. У меня есть скатерть, которая, как только я пожелаю, подает мне и еду и питье.

И Ришар показал скатерть принцессе, которая тотчас схватила ее. Он хотел отнять скатерть, но королевская дочь закричала:

— Помогите! Помогите! Убивают!

Прибежала стража. Ришара увели в темницу и заперли его там.

Братья, видя, что Ришар не возвращается, решили, что он умер.

Спустя немного времени офицеры короля снова объявили городу Парижу, что их повелитель отдаст свою дочь и половину королевства тому, кто добудет золото для уплаты выкупа за королевского сына, попавшего в плен к прусскому королю.

Жан взял волшебную палочку и пошел в королевский дворец. Его привели в огромный зал, где лежало множество мешков, которые нужно было наполнить золотом, чтобы собрать выкуп.

Жан взял свою палку и сказал:

— Палка-выручалка, наполни все мешки луидорами и пистолями¹.

Палочка, как всегда, исполнила его приказание.

Король повел Жана к своей дочери и тут же объявил ему, что завтра он может на ней жениться.

Принцесса сказала жениху, как раньше говорила Ришару:

— Пойдемте со мной, я покажу вам мои покои. Вот увидите, вы будете довольны.

— Хорошо, — ответил ничего не подозревавший Жан.

Потом королевской дочери захотелось увидеть волшебную палочку. Не успел Жан показать палку, как принцесса выхватила ее у него из рук.

— Отдайте мне палочку, не то я выброшу вас в окно! — закричал Жан.

— На помощь! На помощь! Стража! — позвала принцесса.

Прежде чем солдат успел опомниться, его схватили, связали по рукам и ногам и бросили в башню, где уже томился Ришар.

Пьер остался один. В третий раз по городу объявили, что король отдаст свою дочь и половину королевства тому, кто в короткий срок перенесет его к одному королю, жившему далеко-далеко от Франции.

Пьер, видя, что братья не возвращаются, отправился во дворец, но решил быть все время на чеку.

Он сперва внимательно осмотрел все вокруг дворца, потом подошел к дверям. Его провели к королю.

Пьер накинул на себя и на него плащ, который когда-то получил в замке дьявола, и сказал:

— Плащ-невидимка, перенеси нас во дворец короля, владеющего двенадцатью огненными конями.

И сразу же они очутились в этом дворце.

Побывав в гостях у хозяина и поговорив с ним немного, король захотел вернуться домой. Пьер взял короля под руку, накинул плащ, и в тот же вечер они вернулись во Францию, в город Париж.

Теперь Пьеру оставалось только сказать королю:

— Что ж, отдадите вы мне в жены вашу дочь?

Король ответил ему:

— Она сейчас придет к тебе. Через час можешь на ней жениться. Я распоряжусь насчет свадьбы, а ты пока осмотри вместе с моей дочерью дворец.

Пришла принцесса и увела Пьера к себе. И сразу же она схватила плащ-невидимку.

Когда Пьер попробовал его отнять, она позвала стражу. Но Пьер проворно выпрыгнул через окно во двор и спрятался в сарае.

Его проищкали целый день, но так и не нашли.

Когда настал вечер, Пьер вышел из своего убежища и пробрался в королевский сад. Увидев на одном дереве прекрасные груши, он влез на него и стал рвать плоды. При этом он

заметил, что на дереве росли груши двух сортов — большие и маленькие. Он набрал и тех и других, набил ими карманы и спустился на землю.

Но каково было его удивление, когда, съев большую грушу, он заметил, что нос его внезапно удлинился на шесть футов! Однако он продолжал свой ужин и съел несколько маленьких груш. Тогда его нос снова укоротился. Сообразив, что эти груши могут ему пригодиться, он не стал их больше есть и пошел из сада. Какие-то каменщики возводили стену; они спросили Пьера, почему он выходит из дворца в такой поздний час, но он ответил, что был у короля, и они его пропустили.

На следующий день во дворце был большой праздник: справляли свадьбу одной придворной дамы. Услышав об этом, Пьер переоделся так, что его нельзя было узнать, и отправился во дворец, прихватив с собою большие груши. Их подали к столу на сладкое. Гостям очень понравились прекрасные плоды, и вскоре все груши были съедены. Сразу же носы гостей удлинились на шесть футов.

А так как королевская дочь съела две груши, то ее нос удлинился на целых два туаза¹.

Позвали врача. Он сказал, что эти наросты надо срезать. Но одна старуха умерла, когда ей резали нос, и потом уже никто не решался на это дело.

Тогда явился Пьер и предложил вылечить принцессу, если только король согласится вернуть ему обоих братьев, скатерть-самобранку, волшебную палочку и плащ-невидимку.

Кроме того, он потребовал себе в жены королевскую дочь и половину Франции. Король с радостью на все согласился.

Пьер вылечил принцессу и всех гостей: он тут же накормил их маленькими грушами. В тот же день он женился на принцессе и с тех пор счастливо жил вместе со своим отцом, братьями и многочисленными детьми, которые потом у него родились.

А что стало с палкой, плащом и скатертью из замка дьявола, мне неизвестно. Если когда-нибудь я узнаю об этом, то я вам расскажу.

ПРИНЦЕССА ТРОЙОЛЬ

Французская сказка

Это было в те года,
Когда у кур росли рога.

Жил-был некогда благородный юноша; родители его умерли, и он остался на попечении мачехи. Как это обычно бывает, она не любила пасынка, и мальчику приходилось трудно. Когда ему минуло пятнадцать лет, он ушел от нее и отправился искать счастья. Звали его Франш. «Будь что будет, — думал он, — хуже, чем у мачехи, нигде не может быть».

И пошел он, как говорится, куда глаза глядят.

Он шел все прямо и прямо, останавливался у крестьян, когда его застигала ночь, иногда даже спал под открытым небом. Но о доме своей мачехи он совсем не жалел.

Однажды на закате солнца он увидел перед собой прекрасный замок. Ворота во двор были открыты, и он вошел. Там не было ни души. Он увидел еще одну открытую дверь, вошел и очутился в кухне. Опять ни души. Но спустя минуту в кухню заглянула коза. Она сделала Фаншу знак следовать за нею. Он послушался, и она привела его в прекрасный сад. Там коза сказала Фаншу:

— Если хотите остаться здесь, у вас будет все, чего вы пожелаете, но вам придется провести три ночи в комнате, которую я вам укажу.

— Что за странный замок, где козы разговаривают как люди!
— удивился юноша.

— Я не всегда была такой, какой вы меня сейчас видите, — ответила коза. — Меня держат здесь злые чары. Все мои родные тоже околдованы, но иначе, чем я. Если вы будете точно исполнять все, что я вам скажу, вы нас всех освободите и не раскаетесь в этом.

— Скажите, что нужно сделать, чтобы освободить вас, и, если смогу, я это сделаю.

— Вам придется провести в одной из комнат три ночи подряд и при этом не промолвить ни единого слова, не проронить ни единой жалобы, что бы вам ни пришлось увидеть или услышать и что бы с вами ни делали.

— Хорошо, попытаюсь.

Когда настал вечер, Фаншу подали ужин в богато убранной комнате. Но, к великому своему удивлению, он видел

только две руки, которые ставили блюда, а самого человека не было видно. Когда Фанш вволю поел и попил, одна из рук взяла подсвечник с зажженной свечой и поманила его за собой. Он пошел за рукой, а она светила ему и привела в комнату, где стояла кровать. Рука поставила свечу на стол и тут же исчезла.

Фанш был не из трусливых, но все это показалось ему очень странным.

Он лег и сразу уснул. Около полуночи его разбудил сильный шум в комнате.

— Давайте играть в шары, — говорили чьи-то голоса.

— Нет, лучше придумаем новую игру, — отвечали им другие.

Франш смотрел во все глаза, но никого не видел.

— Знаете что, — сказал один голос, — займемся сперва тем, кто лежит в постели.

— А разве там кто-нибудь есть?

— Ну да, смотрите.

Они вытащили бедного Фанша из постели и стали перебрасываться им, точно мячом. Но как они ни старались, Фанш не произносил ни слова и все время притворялся спящим.

— Что ж, он так и не проснется? — спросил кто-то.

— Погоди немного, — ответил другой, — уж я его разбужу.

И он с такой силой швырнул Фанша об стену, что тот расплющился, как печеное яблоко. Потом невидимки громко засмеялись и ушли.

Сейчас же в комнату вошла коза, которую Фанш уже видел в замке. Но на этот раз у нее была голова прекрасной девушки.

— Бедняжка, — сказала она, — как они тебя мучили!

Она стала натирать Фанша какой-то мазью, и жизнь постепенно возвратилась в его тело, пока он не ожил совсем и не почувствовал себя таким здоровым, как никогда.

— На этот раз все обошлось хорошо, — сказала девушка-коза, — но следующей ночью испытание будет еще более тяжким. Что бы с вами ни случилось, по-прежнему храните полное молчание, и вы будете вознаграждены.

— Я сделаю все, что смогу, — ответил Фанш.

Коза ушла.

Фанш хорошо позавтракал и пообедал, и по-прежнему ему прислуживали одни руки без тела. Целый день он гулял по замку и саду, никого не встречая, а после ужина та же рука взяла подсвечник и привела его в ту же комнату. На этот раз

Фанш спрятался под матрац.

«Может быть, они не найдут меня здесь», — думал он.

Около полуночи раздался такой же оглушительный шум, как и накануне.

— Здесь пахнет человеком, — сказал чей-то голос.

— Но откуда же? — ответил другой. — Ты сам видишь, что на кровати никого нет. Играй и перестань болтать о человеке!

И они начали играть в карты. Внезапно первый голос опять закричал:

— Говорю вам, братцы, здесь пахнет человеком!

Он поднял матрац и нашел Фанша.

— Что я вам говорил? Ты, значит, еще жив, червяк! погоди, мы с тобой разделаемся.

И они разорвали его на куски; потом с громким смехом ушли.

Сейчас же в комнату снова вошла коза, но на этот раз она была девушкой по пояс.

— Бедняжка, — сказала она, — в каком виде я нахожу тебя!

Она приложила куски один к другому и стала натирать их мазью.

Понемногу куски срослись, тело приняло прежний вид, и скоро Фанш снова стал живым и здоровым.

— Третья ночь будет самой ужасной, — сказала тогда девушка-коза. — Но вооружитесь терпением и, если вы проведете ее так же мужественно, как первые две, ваши мучения окончатся, а с ними окончатся и мучения всех, кто еще томится здесь.

— Не думаю, чтобы со мной могло случиться что-нибудь хуже смерти, а я уже два раза умирал, — ответил Фанш.

И вот на третью ночь он после ужина снова пошел в ту же комнату, но на этот раз спрятался под кровать.

Около полуночи пришли невидимки и начали играть в карты.

— Здесь опять пахнет человеком! — вдруг сказал чей-то голос. — Неужели этот червяк все еще жив?

Они разрыли постель, но никого не нашли; тогда они заглянули под кровать.

— Вот он, вот он!

И они за ноги вытащили его из-под кровати. Потом стали совещаться.

— На этот раз с ним нужно покончить. Что нам с ним сделать?

— Давайте изжарим его и съедем.

— Давайте, давайте! — закричали все разом.

Они развели большой огонь в камине, догола раздели бедного Фанша, подвесили его над огнем, а когда он хорошенько поджарился, сели и съели его.

Окончив пир, они ушли, и тотчас же в комнату вошла красавица принцесса в богатом наряде. Козы на этот раз уже и в помине не было.

— Увы, — сказала она, — боюсь, что они не оставили от него ни кусочка.

И она стала искать повсюду, и на столе, и на полу. Наконец, после долгих поисков, ей удалось найти кусочек черепа.

— Слава Богу, — воскликнула она, — не все еще потеряно!

Она принялась натирать кусочек черепа своей мазью. Она терла и терла, и кусочек становился все больше и больше, покрывался мясом, потом на своих местах выросли руки и ноги, и наконец появилось все тело, такое живое и здоровое, как никогда.

— Как я рада! — воскликнула принцесса. — Теперь у великанов-невидимок больше нет власти ни надо мной, ни над моими родными, и все, что здесь есть, принадлежит вам, Фанш, даже я сама.

Сразу же отовсюду стали собираться люди всех званий и отличий — принцы, принцессы, герцоги, бароны, простолюдины, все, кого злые чары держали в этом замке. Они выходили из всех углов и благодарили своего освободителя, а потом разъезжались кто куда, каждый к себе на родину.

— Теперь пора и нам, — сказал Фанш принцессе, — поедem к вашему отцу.

— Нет, — ответила она, — нам еще нужно прожить здесь три дня; каждое утро вам придется голодать: есть и пить вам можно будет только после полудня. Если до этого часа вы что-нибудь съедите или выпьете, вы тотчас же уснете и больше не увидите меня. Каждый полдень я буду приходить к вам, и тогда вы сможете поесть и попить. Ждите меня в лесу, на камне у источника, и как только пробьет полдень, я буду тут как тут. Но помните, что до этого часа вам нельзя ни есть, ни пить.

Сказав это, она исчезла.

На следующий день, задолго до полудня, Фанш со своим слугой уже ждали принцессу на камне у источника. Фанш еще ничего не ел и не пил и страшно проголодался. Пока он сидел и ждал, к нему подошла маленькая старушонка с корзинкой слив в руках.

— Добрый день, юный рыцарь, — сказала она Фаншу.

— Добрый день и вам, бабушка.

— Возьмите у меня слив.

— Спасибо, я не люблю их.

— Отведайте хотя бы одну, она вам ничего не будет стоить; посмотрите, какая она хорошая.

Фанш взял сливу. Но едва он надкусил ее, как сразу же уснул. В эту минуту пробило полдень, и появилась принцесса.

— Увы, он спит, — сказала она, увидев Фанша.

— Да, — ответил слуга. — Какая-то старушка дала моему господину сливу, и не успел он поднести ее ко рту, как уснул.

— Что ж... отдайте ему этот платок, когда он проснется, чтобы он не забывал меня.

Она отдала слуге белый платок и улетела. В тот же миг проснулся Фанш и мельком успел увидеть ее. Она была вся белая, словно ангел.

«Я уснул, — подумал он. — Завтра буду осмотрительней».

На следующий день, когда он снова сидел со своим слугой на камне у источника, к нему подошла та же старушонка с корзиной винных ягод в руках.

— Возьмите у меня винную ягоду, прекрасный рыцарь: смотрите, какие они хорошие.

Фанш и на этот раз взял у старухи винную ягоду. Он съел ее и сразу же уснул.

Как только пробило полдень, у источника появилась принцесса.

— Увы, он опять спит, — печально сказала она.

— Да, ответил слуга, — снова пришла старушка, дала моему господину винную ягоду, и только он съел ее, как сразу же уснул.

— Отдайте ему этот серый платок, когда он проснется, чтобы он не забывал меня.

И, застонав, принцесса улетела.

В тот же миг проснулся Фанш и успел увидеть летящую к небу принцессу. На этот раз она была уже в сером платье.

— Боже мой, — сказал он, — я опять уснул. Что это меня так клонит в сон?

— Я думаю, господин, — ответил слуга, — что это от плодов, которые дает вам старуха.

— Ну, этого не может быть. Буду завтра осмотрительней и ни за что не усну.

Слуга отдал Фаншу второй, серый, платок, как раньше отдал

белый.

На следующее утро, когда они снова ждали у источника, к ним подошла старушонка, у которой на этот раз в руках была корзина с прекрасными апельсинами.

— Возьмите у меня апельсин, прекрасный рыцарь, — сказала она Фаншу. — Смотрите, какие они хорошие.

Слуге очень хотелось посоветовать Фаншу отказаться, но он не посмел. Фанш взял апельсин, съел его и вновь уснул.

Когда пробило полдень, появилась принцесса. Увидев, что Фанш спит, она горестно воскликнула:

— Несчастный, он снова уснул!

— Во всем виновата старушка, — ответил ей слуга. — Она опять пришла и дала моему господину апельсин, он взял апельсин да съел и сразу же после этого уснул.

— Отдайте ему третий платок, когда он проснется, и скажите, что я простилась с ним навсегда, потому что, увы, больше я его не увижу.

И с жалобным стоном принцесса улетела.

В тот же миг проснулся Фанш и успел заметить подол ее платья и кончик ноги. Но, к его ужасу, на этот раз принцесса была вся в черном. Черным был и третий платок, который она дала слуге для Фанша.

— Увы, я опять уснул! — воскликнул Фанш в отчаянии.

— На ваше несчастье, мой бедный господин. Перед тем, как улететь, принцесса дала мне для вас третий платок и велела передать, что она простилась с вами навеки и что больше вы ее не увидите.

Велико было горе Фанша, когда он услышал это. Он рвал на себе волосы и, рыдая, кричал:

— Нет, я увижу ее снова, я день и ночь буду ходить и искать ее, пока не разыщу!

И он тут же пустился в дорогу, взяв с собою из еды только один белый хлебец.

Когда настал вечер, он сел на траву у края дороги немного отдохнуть и поесть. Как раз в эту минуту мимо проходила какая-то старушка:

— Приятного аппетита, сынок, — сказала она Фаншу.

— Спасибо, бабушка. Не хотите ли и вы закусить? Я охотно поделюсь с вами.

— Благослови тебя Господь, сынок. Я живу в этих краях уже много сотен лет, и никогда еще никто не предлагал мне хлеба.

Старушка охотно поделила с ним его скромный ужин, потом сказала Фаншу:

— Чтобы отблагодарить тебя, сынок, я дам тебе скатерть, которая сослужит тебе хорошую службу. Когда захочешь есть или пить, расстели ее на земле или на столе, смотря по тому, где ты в это время будешь, и на ней сразу появится столько еды, сколько ты пожелаешь. Вот тебе еще белая палочка в подарок: стоит ударить ею об землю — и она перенесет тебя за сто лье от места, где ты находишься.

— Да благословит вас Господь, бабушка, — ответил ей Фанш, принимая из рук старушки скатерть-самобранку и волшебную палочку.

После этого старушка исчезла.

«А правду ли она мне сказала?» — подумал Фанш.

Он ударил палочкой об землю и сразу же очутился за сто лье от места, где находился. Перед ним была маленькая лачужка, крытая тростником и папоротником. Невдалеке крестьянин пахал землю, и Фанш предложил ему обменяться с ним одеждой. Крестьянин с радостью согласился, потому что на нем были какие-то лохмотья, а Фанш был одет как принц. Переодевшись, Фанш постучался в дверь лачуги. Ему открыла старуха, у которой изо рта торчали зубы в локоть длиной.

— Что тебе нужно, сынок? — спросила она.

— Пустите меня на ночлег, бабушка.

— Плохое ты место выбрал себе. У меня три сына, которые терпеть не могут людей, — как только они вернутся, они обязательно съедят тебя.

— Спрячьте меня куда-нибудь, бабушка. Я помогу вам по хозяйству и постараюсь сговориться с вашими сыновьями.

Она спрятала его в старый сундук, который стоял у нее в подвале. Потом старуха начала стряпать обед для своих сыновей. В трех дырявых бочках вместо кастрюль она сварила суп.

— Не знаю, что им дать на второе, — сказала она. — У меня есть только три барашка, а этого мало.

— Ну, бабушка, об этом не беспокойтесь, — ответил ей Фанш, вылезая из сундука.

Он расстелил на столе свою скатерть и сказал:

— Скатерть-самобранка, добрая служанка, подай мне трех жареных быков и три бочонка вина.

И сейчас же на скатерти появились жареные быки и бочонки с вином.

Спустя минуту в трубе что-то загудело, словно ухала сова, которой холодно: у-у-у-у!

— Вот идет мой младший сын, — сказала старуха. — Скорее прячься в сундук.

И сразу же по трубе спустился младший сын старухи и закричал:

— Я очень голоден, мать, я очень голоден!

— Хорошо, садись поближе к очагу, дожидайся братьев и не шуми так.

Он уселся на табуретке возле очага, но тотчас же закричал:

— Здесь пахнет человеком, мать, я хочу его съесть!

— Что ж, ты, может, съешь своего двоюродного брата, который пришел навестить меня и принес каждому из вас по жареному быку? Не видишь ты жаркого, что ли?

Затем старуха велела Фаншу вылезть из сундука, и он очень скоро подружился со своим двоюродным братом.

Спустя немного времени в трубе опять что-то загудело и завывло. Второй сын старухи, второй ветер, спустился по трубе и, увидя Фанша, закричал:

— Человек! Я его сейчас съем!

— Хотела бы я посмотреть, как ты его съешь! — сказала старуха. — Он твой двоюродный брат, пришел навестить меня и принес каждому из вас по жареному быку. Садись к очагу да веди себя хорошо, не то берегись моей палки.

Ветер сел на табуретку у очага, напротив брата, и больше не сказал ни слова.

Через минуту снова послышался оглушительный шум. Вокруг лачуги трещали и разлетались в щепки деревья. Фаншу стало страшно.

— Вот и мой старший сын идет, — сказала старуха.

Третий ветер спустился по трубе и разметал весь огонь в очаге. Он кричал:

— Я голоден, мать, я очень голоден!

— Успокойся, замолчи — ужин готов.

Тут он заметил Фанша, крикнул: «Человек!» — и хотел было уже броситься на него и проглотить, но старуха схватила молоденький ствол вяза, который она заранее принесла из сада, и начала изо всех сил колотить сына.

— Ты что же, хочешь съесть своего двоюродного брата, сына моей сестры, милого мальчика, который пришел навестить меня и принес каждому из вас по быку и по бочонку вина? И ты думаешь, что я тебе это позволю?

Она, не жалея, лупила его, а ветер кричал:

— Потихше, потихше, мать, не бейте так сильно, я не трону нашего двоюродного брата, раз он принес каждому из нас по быку и бочонку вина.

Тогда старуха перестала его колотить, и все сели за стол. Но они были так прожорливы, особенно старший ветер, что Фаншу пришлось три раза звать на помощь свою скатерть. Наконец, когда ветры насытились, — а случилось это не скоро, — они все сели возле очага и повели разговор как старые друзья.

— Куда ты направляешься, братец? — спросил у Фанша младший ветер.

— Я ищу принцессу Тройоль. Не знаешь ли ты, где она живет?

— Нет, не знаю, я даже никогда не слышал о ней.

— А ты, братец? — спросил Фанш у среднего ветра.

— Я о ней слышал, но не знаю, где она живет.

— А ты, старший братец? — спросил Фанш у старшего ветра.

— Я знаю, потому что я только сейчас оттуда вернулся и завтра полечу туда снова.

— Возьми меня с собою.

— Возьму, если только ты сможешь угнаться за мной. Ну, а теперь пора спать, завтра нам предстоит долгий путь.

На следующее утро ветры умчались кто куда.

— Следуй за мной, если можешь, — сказал старший ветер Фаншу.

И он полетел. У-у-у-у! Фью-фьють! А Фанш за ним вдогонку. И ну ударять об землю белой палочкой, которая при каждом ударе переносила его на сто лье. Когда старший ветер оглянулся, чтобы посмотреть, где остался Фанш, он, к своему великому удивлению, увидел, что тот следует за ним по пятам. Они долетели до берега моря.

— Я не смогу лететь дальше, если ты не посадишь меня к себе на спину, — сказал тогда Фанш старшему ветру.

— Я охотно возьму тебя на спину, если ты станешь кормить меня всякий раз, как я проголодаюсь.

— Ладно, будешь есть до отвала.

Фанш сел на спину старшему ветру, и они полетели. Каждую минуту ветер просил есть. Но у Фанша была скатерть-самобранка, и он не скупился на угощение. Они летели, летели, у-у-у-у, фью-фьють! Наконец показался замок принцессы Тройоль. Ветер опустил Фанша во дворе. Фанш достал три платка при-

нцессы, белый, серый и черный, привязал их к своей палке, а потом вбил ее на самой середине двора. Вскоре мимо Фанша прошла принцесса под руку с владельцем замка. Они шли в церковь венчаться. Принцесса увидела Фанша, узнала платки и сказала своей служанке:

— Пойдите и спросите того человека, сколько он хочет за один платок.

Служанка тут же подошла к Фаншу.

— Моя госпожа спрашивает, сколько вы хотите за один платок.

— Скажите вашей госпоже, что у нее не хватит денег, чтобы купить этот платок.

Служанка вернулась к своей госпоже.

— Что он вам сказал?

— Он сказал мне, что у вас не хватит денег, чтобы купить этот платок.

Услышав такой ответ, принцесса притворилась, будто у нее болит голова, и свадьбу отложили до следующего дня.

Наутро она отправила служанку к Фаншу узнать, сколько он хочет за два платка.

— Скажите вашей госпоже, — снова ответил Фанш, — что у нее не хватит денег даже на один платок.

Служанка вернулась с этим ответом к своей госпоже.

— Тогда пойдите к нему и скажите, чтобы он пришел поговорить со мной.

Служанка пошла к Фаншу и сказала ему:

— Моя госпожа просит вас зайти к ней, ей нужно поговорить с вами.

— Скажите вашей госпоже, что если ей нужно поговорить со мной, пусть она сама ко мне и приходит.

Тогда принцесса пошла к Фаншу сама.

— Пойдемте со мной на минутку в мою комнату, — сказала она ему.

Фанш пошел за ней в ее комнату, и там они бросились друг другу в объятия, плача от радости.

Затем принцесса велела служанке пойти к владельцу замка и сказать ему, что она все еще нездорова и просит его отложить свадьбу до следующего дня.

Однако она добавила при этом, что раз уж все гости съехались, свадебный пир можно устроить тотчас же.

Так и было сделано. Пир вышел на славу. Под конец все до

того развеселились, что начали рассказывать забавные истории. Стали просить и принцессу рассказать что-нибудь. Тогда она поднялась с места и сказала:

— У меня была маленькая шкатулка с красивым золотым ключиком. Я потеряла его и велела сделать новый. Но потом я нашла старый ключ. И вот теперь я не знаю, что делать, и спрашиваю вас, какой ключ предпочесть — старый или новый?

— Я бы предпочел старый, — ответил владелец замка.

— Вот и я так думаю, — сказала принцесса. — Сейчас покажу вам мой старый ключ.

Она встала из-за стола, вышла в соседнюю комнату и сейчас же вернулась об руку с Фаншем, который был одет как принц. Потом она обратилась к хозяину и ко всем гостям:

— Вот он, я выбрала его с самого начала, и супругом моим будет он и никто другой.

На следующий день они отпраздновали свадьбу, и в их честь был устроен такой пир, какого я и во сне не видывал, и они остались жить в этом прекрасном замке, потому что владелец его сразу же как сквозь землю провалился, и никто никогда не узнал, что с ним случилось.

СЫН ДЬЯВОЛА

Французская сказка

Когда-то один богач отправился на ярмарку. Дорогой ему повстречался красиво одетый господин. Это был сам дьявол.

— Что-то вы печальны, — сказал дьявол богачу.

— О чем мне печалиться? — ответил богач. — Ведь у меня есть все, что мне нужно.

— Это верно, но если бы у вас были дети, вы были бы во много раз счастливее.

— И это правда, — сказал богач.

— Так вот, — продолжал дьявол, — ровно через девять месяцев, день в день, у вас родится двое детей, если только вы обещаете одного из них отдать мне.

— Обещаю, — сказал богач.

Спустя девять месяцев, день в день, жена богача родила двух мальчиков, Жана и Жака. В скором времени дьявол пришел и забрал одного из них — Жака. Он увел его к себе и вырастил

словно собственного сына. Мальчик стал большим и сильным, в тринадцать лет у него была борода как у сапера.

Дьявол держал прядильню. Как-то раз он сказал Жаку:

— Мне нужно уйти, в мое отсутствие ты присмотришь за пряжами. Гляди хорошенько, чтобы они исправно работали.

— Хорошо, отец.

Присматривая за пряжами, Жак решил заодно побриться. Занимаясь этим делом, он увидел в зеркальце, что одна из прях за его спиной строит ему рожи. Он дал ей подзатыльник, и тотчас все пряхи, —а было их двадцать пять, —разом испустили дух.

Вскоре дьявол вернулся домой.

— Где пряхи? — спросил он. — Исправно ли работали?

— Они все улеглись — подите поглядите.

Дьявол попробовал было их растолкать; убедившись, что они мертвы, он стал корить сына.

— Не вздумай учинить это в другой раз, —сказал он ему.

— Хорошо, отец, больше не буду.

Дьявол привел двадцать пять женщин взамен тех, которые умерли, и потом сказал сыну:

— Мне надо отлучиться; смотри, чтобы пряхи не теряли времени даром.

— Хорошо, отец.

Пока дьявола не было дома, одна из прях снова чем-то досадила парню. Он отпустил ей затрещину, и все двадцать пять женщин разом упали мертвыми.

Когда после этого Жак вышел погулять в сад, он увидел красивую даму в белом. Она подозвала его и сказала:

— Дружок, ты в недобром доме.

— Как, —воскликнул парень, —неужели дом моего отца недобрый?

— Ты не у отца живешь, —продолжала дама, —а у дьявола. Настоящий твой отец — один богач, он живет далеко отсюда. Однажды, когда он шел на ярмарку, навстречу ему попался дьявол, который сказал ему, что он о чем-то печалится. Твой отец ответил, что ему не о чем печалиться, но дьявол все не унимался и сказал: «Если бы у вас были дети, вы были бы во много раз счастливее. Так вот, через девять месяцев, день в день, у вас родятся двое детей, если только вы обещаете одного из них отдать мне». Твой отец согласился, и дьявол забрал тебя к себе. А теперь, дружок, постарайся уйти отсюда как можно скорее. Но прежде поищи у дьявола под подушкой. Там ты

найдешь старые черные штаны, захвати их с собой. Чем больше денег ты вынешь из кармана этих штанов, тем больше денег там останется.

Жак сказал даме, что последует ее совету, и вернулся в дом.

А дьявол по возвращении увидел, что все женщины опять мертвы. Он сильно разгневался.

— Если ты еще раз проделаешь это, — сказал он, — я тебя выгоню из дому.

А Жаку только того и нужно было. Поэтому, как только дьявол снова поручил ему присмотреть за пряжами, он одним махом умертвил их всех. На этот раз дьявол его прогнал.

Жак забрал черные штаны и напрямик пошел к своим родителям. Сначала его там не узнали, но он все-таки походил на своего брата, и с ним вскоре стали обращаться как с родным сыном. Однако отцу не пришлось долго радоваться, что у него в доме объявился такой силач.

Родители Жака, хотя и были богаты, все же сами ходили за плугом; поэтому брат однажды взял его с собой в поле. Пока они пахали, одна из лошадей заупрямилась.

— Хлестни-ка ее кнутом, — крикнул Жан.

Жак так хватил лошадь кнутом, что раскроил ее надвое. Жан побежал домой рассказать отцу, что случилось.

— Ничего не поделаешь! — сказал отец. — Оставь его в покое, не то он всех нас убьет.

Скоро силач вернулся домой. Плуг он нес на плечах, а в каждом кармане у него было по пол-лошади: он кнутовищем вспахал все поле.

— Отец, — сказал он, — я хлестнул лошадь кнутом, а она развалилась пополам.

— Ничего, сынок, купим другую.

Немного времени спустя в соседней деревне справляли праздник. Брат предложил пойти туда. Жак согласился. Жан шел впереди со своей невестой, а Жак позади. Они дошли до площади, где крестьяне танцевали. Жак, ни слова не говоря, смотрел на танцующих, пока кому-то из них не вздумалось потехи ради подставить ему ножку.

— Берегись, — сказал шутнику Жан, — он одним щелчком может тебя уложить на месте.

— Не боюсь я ни тебя, ни твоего брата, — ответил тот и повторил свою шутку.

Тогда силач велел брату и его невесте отойти в сторону,

поближе к музыкантам, а сам так ударил озорника, что все танцующие разом упали мертвыми. Жан опрометью убежал, позабыв о невесте, а Жак отвел девушку к ее родителям. Дойдя до их дома, он спросил ее:

— Вы здесь живете?

— Да, — ответила девушка.

— Вот и хорошо! Ступайте домой.

Он ее оставил и пошел восвояси.

Дома Жан уже рассказал все, что произошло.

— Придут жандармы, — говорил он, — нашу семью ославят по всей округе.

А силач, придя домой, запер все двери на крюки и засовы и сказал родителям:

— Если жандармы придут за мной, скажите, что меня нет дома.

И в самом деле, около часу ночи пришли двадцать пять жандармов; им открыли гумно и всех их впустили туда. Как только силач их увидел, он взял вилы и хватил ими того, кто шел впереди всех, — двадцать четыре жандарма тотчас упали мертвыми, а двадцать пятый убежал со всех ног, чтобы известить начальство. Однако дело на том и остановилось.

На другой день вербовщики с барабанным боем прошли по деревне: они объявили, что все записавшиеся в солдаты будут получать щедрую плату. Жак сказал родителям:

— Мне охота пойти служить.

— Сынок, — молвил отец, — мы достаточно богаты, чтобы тебя прокормить, не нужно тебе это.

— Отец, — сказал сын, — я сам вижу, что и впредь буду вам причинять одни только неприятности: уж лучше я уйду из дому. — И вот он ушел и поступил на военную службу.

Как-то раз полковник дал Жаку и еще двум солдатам записку, по которой нужно было получить говядину, — они должны были принести по пятнадцать фунтов каждый. Все трое пошли к мяснику, и тот отпустил им говядину.

— Как, — сказал Жак, — это все? Да я один съел бы эту порцию. Живо зарежьте нам трех быков!

— На это, дружище, нужны деньги.

Тогда Жак сунул руку в карман черных штанов, а так как считать он не умел, то стал полными пригорошнями кидать деньги на прилавок. Мясник собрал деньги и зарезал трех быков.

— Теперь, — сказал силач товарищам, — мы понесем каждый по быку.

При этих словах солдаты переглянулись.

— Если вам это трудно, — сказал силач, — я и без вас обойдусь. — Он попросил у мясника веревку, обвязал ею всех трех быков и взвалил их себе на плечи. На улице все прохожие останавливались и смотрели на него с изумлением. Полковник тоже не верил своим глазам. На другой день Жака послали за вином, он принес три бочонка сразу: обвязал их веревкой и взвалил себе на спину.

Все это пришлось не по вкусу полковнику, — он рад был бы избавиться от такого силача солдата. Чтобы отбить у него охоту к военной службе, он послал его в чистое поле караулить пушку, такую тяжелую, что тридцать лошадей не в силах были сдвинуть ее с места, и велел ему всю ночь напролет стоять на часах. Парню это занятие скоро прискучило, он лег на землю и заснул. Через час он проснулся, взвалил пушку себе на спину и отнес ее во двор дома, где жил полковник. Двор был мощеный. Когда он поставил пушку наземь, она пробила мостовую. Юноша закричал:

— Полковник, вот ваша пушка! Теперь вам уж нечего бояться, что ее украдут.

Жака записали в солдаты на восемь лет; но он был простака и думал, что ему нужно прослужить только восемь дней. Когда восемь дней миновали, он пошел к полковнику и спросил, не кончился ли уже срок его службы.

— Да, почтенный, — сказал полковник, — ты уже отслужил свой срок.

Получив такой ответ, Жак распрощался с полком и пошел наниматься к одному крестьянину. Дома была только хозяйка; юноша спросил ее, не нужен ли им работник. Она ответила:

— Муж как раз ушел искать работника, подожди, пока он придет.

Немного погодя крестьянин вернулся; ему никого не удалось найти, и парень сказал, что готов остаться у них в услужении: жалованья ему, мол, не нужно, а пусть, когда он отслужит год, хозяева дадут ему столько зерна, сколько он в силах будет взвалить себе на спину. Крестьянин посоветовался с женой.

— Спору нет, — говорили они между собой, — парень сильный, дюжий, но больше пятнадцати буассо ему ведь никак не унести.

Ударили по рукам. Крестьянин показал ему свои поля и велел их вспахать. В плуг были заряжены две тощие лошаденки. Боясь, как бы даже легкий удар кнута не рассек их пополам,

силач расстелил на землю свою куртку, положил на нее обеих лошадей, а сам впрягся в плуг. Жена крестьянина выглянула в окно и сказала мужу:

— Погляди-ка, новый работник сам на себе пашет. Нам не под силу будет его оплатить: все наше зерно уйдет на то, чтобы с ним рассчитаться. Как бы только от него отделаться!

Жак кончил пахать, сунул в каждый карман по лошади и вернулся домой. Хозяин и хозяйка притворились, будто очень ему рады.

— Почему ты не пришел обедать? — спросили они его.

— Я хотел сначала кончить работу, — отвечал парень. — Все ваши поля распаханы.

— Ладно, — сказал крестьянин, — остаток дня можешь отдыхать.

Силач сел ужинать; он охотно съел бы один все, что подали на стол, но ему пришлось довольствоваться своей долей.

На другой день хозяин, решив его погубить, велел ему свезти зерно на одну мельницу, откуда никогда еще никто не возвращался. Жак отправился в путь, весело посвистывая. Придя на мельницу, он увидел двенадцать дьяволов, которые пустились наутек, как только он приблизился.

— Ладно, — сказал он, — придется, видно, мне самому молотить зерно.

Он стал звать дьяволов, но чем громче он их звал, тем быстрее они бежали. Он принялся сам молотить зерно, а когда справился, с этим делом, велел хозяйской лошади, которую привел с собой, воротиться восвояси. Увидя лошадь одну, без работника, хозяйка обрадовалась было: она подумала, что парень уже не появится больше. Но он вскоре вернулся, волоча за собой мельницу и мельничный ручей. Притащив их к хозяйскому дому, он сказал:

— Теперь мне будет удобнее, не придется так далеко ходить на помол.

— Господи Боже, — сказали хозяин и хозяйка, — какой ты силач!

Они делали вид, что очень довольны, а на самом деле очень досадовали.

Как-то раз хозяин сказал Жаку:

— Мне нужны камни — сходи за ними вон туда, в каменоломню.

Силач взял кирку и все нужное для обтески камня и спустился в каменоломню, а была она глубиной в добрых сто футов; никто не отваживался туда спускаться, потому что со стен все

время обваливались увесистые камни. Он принялся откалывать огромные глыбы и со всего размаху кидал из через плечо, да так далеко, что они падали на дома и пробивали крыши. Вскоре прибежал хозяин и стал кричать:

— Довольно! Довольно! Поостерегись! Ведь глыбы, которые ты кидаешь, разрушают дома.

— Ну, вот еще, — сказал простак, — эти-то камешки!

Не зная, что ему делать, крестьянин послал Жака с письмом к своему брату, служившему тюремщиком, и велел ему дожждаться ответа. Прочтя письмо, тюремщик заковал Жака в цепи и запер его в тюрьму, а тот не сопротивлялся, думая, что таков в этом краю обычай и что здесь-то люди и ждут ответа.

Но наконец ему прискучило ждать: он разорвал цепи, потянулся хорошенько и так ударил в дверь ногой, что дверь взлетела на крышу. После этого он пошел к тюремщику и спросил:

— Ну как? Где же ответ?

— Верно, — сказал тюремщик, — я было совсем запомнил. Подожди минутку.

Тюремщик написал брату, чтобы тот отделался от силача как сумеет, а сам он за это не берется. Жак положил письмо в карман и отправился в путь, но, спохватившись, забрал с собой тюрьму с тюремщиком вместе и поставил ее возле хозяйского дома.

— Теперь, — сказал хозяину парень, — вы сможете часто видеться с братом. — И прибавил: — А не отслужил ли я уже год?

— Так оно и есть, — ответил хозяин, — год как раз кончился.

— Тогда дайте мне зерна, сколько я себе выговорил.

При этих словах муж и жена начали плакать и причитать.

— Вовек, — говорили они, — нам не раздобыть столько зерна, сколько тебе нужно, собери мы все запасы, какие есть в деревне.

Силач сначала прикинулся, что требует уплаты, но наконец сказал, что не хочет их обидеть, и, пошарив в кармане черных штанов, даже дал им денег.

Уйдя от крестьянина, он пошел куда глаза глядят и дошел до берега моря; там он сел на первый попавшийся корабль. Но один из матросов, узнав, что у него есть штаны, в карманах которых не переводятся деньги, зарезал его, когда он спал, и похитил штаны. Матроса я нынче видал, он в этих штанах гулял.

БРАЗИЛЬСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О КИБУНГО

КИБУНГО И ЧЕЛОВЕК

Жил когда-то человек, и было у него трое сыновей. Пошел он как-то раз на работу, а детей и жену оставил дома. Откуда ни возьмись, появился кибунго и заревел:

— *Чей это дом?
Кто живет в нем?*

Женщина ему и отвечает:

— *Живем тут внятером:
Дети, муж и я.
Одна семья -
Вот чей это дом.*

Кибунго обрадовался:

— *Какой хороший дом.
Всех сейчас сожрем.
Я давно не ел.
Даже похудел.*

Заплакала женщина:

— *Ах, не ешь ты нас, пощади!
Смилуйся над нами, погоди!*

Но кибунго проглотил троих детей и хотел уже было приняться за женщину, как вошел ее муж с ружьем. Кибунго очень испугался ружья, кинулся искать заднюю дверь и не нашел: ведь в домах у негров не бывает второй двери. Тут кибунго завыл:

— *Проклятый дом,
Одна дверь в нем.
Куда податься?
Как спастись?*

Муж бросился на кибунго и убил его, а потом вытащил у него из брюха своих детей, целых и невредимых, и стали муж с женой жить-поживать, детей растить и миловать.

Вот и сказка улетела, да нам что за дело: птичка нам еще десяток спела.

КИБУНГО И СЫНОК ЖАНЖАН

Когда-то давным-давно у кибунго была жена, и было у них много детей, но кибунго их всех съел. Но самого маленького, младшего сынка жена кибунго спрятала, чтобы отец его не съел. Звали его Жанжан. И велела мать Жанжану не выходить ни в коем случае, если из лесу придет отец и будет звать его грубым голосом, а откликаться только на ее тонкий голосок. Однажды кибунго вернулся домой очень голодный: и в лесу не поймал ни одного зверя, и в городе не схватил ни одного ребенка, а дома не было никакой еды, кроме его маленького сынка. И вот слабым от голода голосом кибунго позвал:

— *Выходи, сынок, сюда,
Для тебя тут есть еда!*

Жанжан подумал, что это мать пришла из города и принесла ему сластей, и вышел. Кибунго схватил его, и бедняжка Жанжан заплакал:

— *Так и мама говорила:
Тебя кибунго съест постылый...
Так и мама говорила:
Тебя кибунго съест постылый...*

Съел кибунго и последнего сына, а жена его умерла с горя. Вот потому и нет у кибунго ни жены, ни детей.

КИБУНГО И МАЛЬЧИК С МЕШКОМ ПЕРЬЕВ

Жил-был мальчик, который ставил в лесу силки на птиц с той поры, как стал входить в разум. У каждой пойманной птички он вырывал по два пера — одно из крыла, другое из хвоста —

и складывал их в мешок. Долго ли, коротко ли, но набрался у него целый мешок перьев. Отец и мать спрашивали его:

— Сынок, на что тебе столько перьев?

— Пусть себе лежат, они мне пригодятся, — отвечал мальчик.

Однажды семья мальчика собралась ловить рыбу на дальнюю реку. Все в доме еще накануне начали готовиться в дорогу: кто стряпал, кто проверял крючки и верши, кто чинил сети. Один мальчик ничего не делал. Когда пришло время отправляться в путь, он взял свой мешок с перьями и закинул его за спину. Отец спросил его:

— Сынок, зачем тебе этот мешок?

— Он мне пригодится, отец.

Когда они добрались до места, все опустили свою ношу на землю, только мальчик не выпускал своего мешка из рук. Наконец все было готово, и началась рыбная ловля. Кто-то сказал:

— Знаете, а здесь водится кибунго...

— Вот еще! Ничего подобного... — отвечали ему.

Так они препирались, водится там кибунго или нет, — как вдруг издалека, из лесу, донесся ужасный рев. Все страшно перепугались.

— Ой, да это же кибунго!

— Я ведь вам говорил!

— Что с нами будет?

— Все пропа́ло, не видать нам родного дома, съест нас кибунго!

Когда все кинулись бежать, мальчик сказал:

— Послушайте меня. Никуда бежать не надо, спокойно стойте на месте и держите крепче улов.

Потом он выстроил всех в ряд, и каждому дал по два птичьих пера — одно из крыла, другое из хвоста, и велел:

— Перо из крыла возьмите в зубы, а перо из хвоста суньте под мышку.

Раздав всем перья, он встряхнул мешок, оставшиеся два пера взял себе и встал в ряд последним. И тут появился злобно ревущий огромный кибунго. Он уже протянул свои страшные лапы к отцу мальчика, который стоял первым в ряду, но мальчик вдруг запел:

— *Не смей отца моего хватать,
Не то тебе несдобровать.*

Кибунго зарычал и протянул лапу к матери мальчика, но мальчик запел:

— Не смей мать мою хватать,
Не то тебе несдобровать.

Так кибунго прошел вдоль всего ряда, но никого из родных мальчика не тронул, потому что стоило ему изготавиться, как мальчик запевал свою песню. А как только кибунго проходил мимо, у каждого вырастали крылья. Когда кибунго дошел до мальчика, тот тоже одно перо взял в зубы, а другое сунул под мышку, и у него выросли крылья. И тогда все они взмахнули своими крыльями: фр-р-р-р! — и полетели домой. А как только прилетели и сели во дворе перевести дух, то заговорили:

— Ну все, теперь кибунго уж не явится! Пора заняться уловом.

Мальчик тут говорит:

— Придет кибунго, придет.

Призадумались тут все, как бы им покончить с проклятым кибунго. Мальчик и говорит:

— Давайте выроем глубокую-глубокую яму перед дверью и воткнем в нее колья. Потом сделаем пугало и посадим возле ямы. Кибунго кинется на него и свалится в яму на колья. Тут-то мы его и прикончим.

Сказано — сделано. Выкопали яму, воткнули туда колья, прикрыли ее ветками и банановыми листьями, а сверху землей присыпали. Потом соединили накрест две палки, обрядили их в штаны и рубаху, а затем и шляпу приспособили. Когда все было готово, они спрятались.

Скоро послышался рев кибунго, потом он и сам появился, увидел человека у порога, кинулся на него и свалился на колья. Тут все: мужчины, женщины, дети — бросились на него, кто с дубьем, кто с ножом, кто с серпом, и в мгновение ока прикончили кибунго. Ну и ликование же было потом: не страшен больше им был кибунго, лови себе рыбу, где хочешь! А уж как мальчика хвалили! Ведь он не только спас их из лап кибунго, но и подсказал, как с ним покончить.

ДЕВОЧКА И КИБУНГО

В далекие времена, когда кибунго на всех страх наводил, дети по вечерам не смели выходить из дому. Кибунго рыскал возле деревни и страшно завывал: у-у-у, а когда видел

ребенка, то хватал его и съедал.

Жила-была одна женщина, и была у нее дочка. Не сиделось девочке дома по вечерам — то к соседям забежит, то родных навестит. Мать ей говорила:

— Не ходи из дому, дочка, поймают тебя кибунго и съест!

Но упрямая, непослушная девчонка пропускала ее слова мимо ушей. И вот однажды ночью кибунго схватил ее, посадил в мешок и понес в лес. Девочка запела:

— *Схватил меня кибунго,
Тащит меня в лес,
Помоги мне, мама,
Кибунго меня съест.*

А мать ей отвечает:

— *Говорила тебе мать,
По ночам не смей гулять!*

Услышала это девочка, и давай других родных на помощь звать, но никто не вышел, все отвечали ей то же самое. Плачет девочка, а кибунго ее все дальше тащит. Пронесил он ее мимо домов, где другие ее родственники жили, но никто не стал ей помогать. Тут ее бабушка услышала, как люди кричат:

— Кибунго схватил девочку!.. Тащит ее в лес!..

Старушка кинулась со всех ног к очагу, поставила на огонь горшок и раскалила вертел в углях. Когда кибунго проходил мимо ее дома, девочка запела:

— *Схватил меня кибунго,
Тащит меня в лес,
Помоги, бабуля,
Кибунго меня съест.*

Но и бабушка ответила ей, как все остальные. Кибунго обрадовался и пошел дальше своей дорогой. А бабушка тем временем схватила горшок с кипятком, бросилась на улицу и плеснула кипятку кибунго на пятки. Кибунго так и подскочил, и мешок с девочкой выронил. Тогда бабушка выхватила из огня раскаленный докрасна вертел и воткнула его кибунго в загривок. Он и сдох. Бабушка взяла внучку к себе и никогда больше

не пускала ее к родителям. А у девочки пропала охота бегать по соседям, когда стемнеет.

СЕМЬ ИСПЫТАНИЙ В ЖАРАУ

Бразильская легенда

Уже двести лет я пребываю здесь; я познал учение арабских мудрецов и сделал счастливыми тех немногих людей, которым хорошо известно, что человек является одновременно и властелином, и рабом...

Все эти годы я не спал, я не испытывал ни голода, ни жажды, ни скорби, ни радости...

Не останавливаясь, но и не чувствуя усталости, я хожу по чудесному дворцу, скрытому в горе Жарау, и втаптываю в пыль слитки золота, а они рассыпаются под ногами, как рыхлая земля; дорожки в саду, которые я топчу с отвращением, выложены зелеными, желтыми, ярко-красными, голубыми, розовыми, фиолетовыми камнями... Когда же проходит волшебница, они превращаются в разноцветную радугу, каждый камень — в живой не оставляющий пепла огонек. Колодцы полны дублонов и унций, драгоценностей и доспехов. И все это золото Перу, Мексики и Минас Жераис¹, все сокровища, которые завоеваны королями Португалии, Кастилии и Арагона...

Но я гляжу на все эти богатства с отвращением, оттого, что у меня их так много, и оттого, что я не могу радоваться им как в те времена, когда я был таким же, как все люди, и так же, как все люди, нуждался и умирал от зависти; терпеливо переносил несчастья и не ценил того, что имел, стремясь получить то, что принадлежало другим...

Чары, держащие меня в заточении, дозволили мне сопровождать людей, сильных духом и чистых сердцем, решившихся попытать счастья в этой пещере Жарау, которая стала известна благодаря мне...

Многие, побывав в ней, уходили с изуродованной душой: одни умирали от обуявшего их страха, другие, обезумев, бродили по деревням, наводя на людей ужас, третьи уходили на равнины и жили там бок о бок с дикими животными...

Немногие выдержали выпавшие на их долю испытания. Но

---

¹ Минас Жераис — современный штат в Бразилии.

те, которые их выдержали, обретали все, о чем просили, а ведь величайшее из всех сокровищ — зачарованная мавританка — выполняет все свои обещания и не берет назад того, что дает...

И каждый, кто приходит сюда, оставляет выкуп за себя самого, чтобы все мы когда-нибудь обрели свободу...

Однако все, кто приходил, были надменны душою; все приходили сюда, влекомые алчностью, или ненавистью, или каким-либо иным пороком; ты был единственным, кто пришел сюда без дурных умыслов, и единственным, кто заговорил со мной, как сын Божий...

Доселе ты был первым: когда же эти места в третий раз услышат приветствие христианина, колдовские чары разрушатся, потому что я раскаиваюсь... и подобно апостолу Петру, который трижды отрекся от Христа, но был прощен, я раскаиваюсь, и я получу прощение.

На роду написано, что мое спасение придет таким образом; и, когда я буду расколдован, благодаря мне разрушатся и колдовские чары волшебной ящерицы; когда же это случится, пещера исчезнет вместе со всеми сокровищами, всеми драгоценными камнями, всеми монетами, всеми колдовскими тайнами, всеми приворотными зельями, всеми ядовитыми зельями и заколдованным, непобедимым оружием... все, все, все это дымом унесется сквозь отверстие в вершине горы и рассеется в розе ветров...

Ты, ты первый обратился ко мне как христианин.

Хорошо, когда человек силен духом и чист сердцем!.. Такой человек войдет в пещеру, прикоснется к волшебной палочке и выберет, что пожелает...

Человек, сильный духом и чистый сердцем! Перед тобой темное подземелье: входи! Входи! Там дует теплый ветер, который задувает огонь свечи... и налетает холодный, холодный ветер... он леденит, как иней.

Там нет никого... Но если ты хорошенько прислушаешься, ты услышишь человеческие голоса, они переговариваются между собой... но ты не поймешь, о чем они говорят, ибо говорят они на неведомых тебе языках; это рабы смуглой принцессы, это духи волшебной ящерицы... Там нет никого... там никого не видно, но, как бы приглашая тебя, чья-то рука похлопает по плечу того, кто войдет сюда смело, и, как бы угрожая, толкнет того, кто в страхе попятится...

Человек, сильный духом и чистый сердцем! Если ты таким войдешь туда и таким пребудешь, ты получишь право желать и

ты получишь желаемое!

Но управляй своей мыслью и удержи свой язык, ибо мысль человека возводит его на вершину мироздания, а язык человека принижает его...

Так входи же, человек, сильный духом и чистый сердцем!..

И гаушо спешился; он стреножил своего доброго коня и для вящей предосторожности привязал его к дереву камбуй, которое гнется, но не ломается; он отвязал шпоры, наточил длинный нож, перекрестился и подошел к пещере...

Он был молчалив и молча вошел в пещеру... Зачарованный ризничий встал и тенью растворился в тени деревьев.

Тишина застыла, как парящая в воздухе сова; тишина эта внушала страх...

А гаушо пошел вперед.

Он вошел в подземелье, которое едва виднелось за густым сплетением ветвей; в глубине его было совсем темно...

Он прошел по просторному коридору, который в конце разветвлялся на семь коридоров.

И все шел вперед.

Он пошел по одному из этих коридоров, поворачивая то налево, то направо, поднимался и спускался. И все время было темно. И все время было тихо.

Чья-то незримая рука похлопала его по плечу.

На каком-то перекрестке он услышал стук скрестившихся сабель, знакомый ему звон мечей.

Тут во тьме забрезжил свет, слабый, как огонек светлячка.

Тени людей сражались не на жизнь, а на смерть; ни угроз, ни проклятий не было в их глазах, но яростными были удары, которые они молча наносили друг другу...

Гаушо содрогнулся от ужаса, но тотчас услышал голос существа с бледными и грустным лицом.

— Сильный духом и чистый сердцем...

Гаушо ринулся в самую гущу мечей, он чувствовал их лезвия, их острия, прикосновение тел дерущихся... И все же он гордо прошел среди них, не глядя по сторонам, но слыша вздохи и стоны сражающихся.

Чья-то рука легонько, как бы ласково и дружески, похлопала его по плечу.

В тишине подземелья гаушо слышал только звон своих шпор.

И он все шел вперед.

Он очутился в залитом мягком светом гроте, где совсем не

было тени. Здесь, как в гнезде термитов, переплеталось бесчисленное множество дорог, шедших по всем направлениям; когда он пошел по одной из этих дорог, на первом же повороте его окружили ягуары и пумы, жаркое дыхание вырывалось из их открытых пастей, звери выпускали когти и яростно били хвостами...

Но он смело прошел среди них, чувствуя, что их жесткая шерсть касается его; прошел не спеша, но и не медля, и слышал позади рычание, замиравшее и не повторяемое эхом...

Незримая рука того, кого он не видел, но кто, несомненно, шел с ним рядом, все время ласково похлопывала его по плечу, не подталкивая, но направляя его вперед, и только вперед...

Опять показался свет, зеленовато-желтый огонек светлячка...
А гаушо все шел вперед.

Перед ним был спуск; внизу была круглая площадка, вся усыпанная костями. Здесь было множество скелетов, они стояли стоймя, прислонившись друг к другу и согнувшись словно от усталости; на земле валялись оторванные части скелетов: отвалившиеся черепа с белевшими зубами, с пустыми глазницами; как бы танцующие ноги; позвоночники и ребра двигались — одни ритмично, другие беспорядочно...

Правая рука гаушо поднялась было, чтобы сотворить крестное знамение... но — сильный духом и чистый сердцем, он решительно прошел между скелетами, чувствуя запах тления, который издавали гниющие кости.

И снова ласковая рука похлопала гаушо по плечу...
А он все шел вперед.

Дорога стала круто подниматься вверх, но он преодолел подъем не учащая дыхания; чуть в стороне было некое подобие печи; он должен был пройти сквозь нее, а внутри нее играли буйные, красные языки пламени, словно в печь подбрасывали ветки дерева ньяндувай; струи воды, бьющие из стен, били в пламя, и шипя, и вскипая, испарялись; дул сильный ветер, вздувавший огонь и воду, и было бы величайшей дерзостью ворваться в этот вихрь...

Но гаушо прошел сквозь него, ощущая жар пламени...

И снова незримая рука похлопала его по плечу, как бы желая сказать: «Молодец!»

А он все шел вперед.

Он потерял счет времени и шел куда глаза глядят; тишина угнетала его; вдруг забрезжил тусклый свет, и в этом свете он

разглядел на дороге свернувшееся клубком пятнистое, толстое тело; по земле бил хвост с гремушкой на конце, огромной, как яйцо птицы теу-теу.

Это была гремучая змея, страж той дороги; она поднимала узкую головку и высовывала черный язык, устремив на человека взгляд своих немигающих горящих глаз, черных, как бархатные пуговицы...

С ее двух кривых зубов, длинных, как рога годовалого бычка, капала черная жидкость: то был яд, накопившийся от длительного поста...

Змея — проклятая гремучая змея — извивалась, трещала гремушкой, словно предупреждая об опасности, и высовывала язык, словно дразня.

Обильный пот выступил на лбу у нашего друга... но он пошел вперед, не глядя на змею, но видя, как она поднялась на хвосте и упала на землю, плоская и дрожащая... пошел вперед, слыша треск гремушки, который долго стоит в ушах, и свист, который невозможно забыть...

Это было пятое испытание храбрости, из которого он, сильный духом и чистый сердцем, вышел победителем; и тогда летающая рука погладила его по голове и уже совсем дружески похлопала по плечу.

И гаушо все шел и шел вперед.

Он вышел на луг, поросший пышной травой, от которой веяло сладким, доселе неведомым ему ароматом; всюду росли пышно цветущие, изобилующие плодами деревья, на их ветвях весело щебетали птички с ярким оперением, тут же резвились ручные олениа, распевали птицы капоророки, было здесь множество и других птиц и зверей, радующих глаз, а в центре луга по травянистому склону холма протекал ручеек, сначала тонкий, как ниточка, набиравший силу и затем превращавшийся в речушку и бурливший у широкого песчаного берега, разбрасывая брызги, белые, как серебряная пыль...

Тут он увидел хоровод девушек — одна другой краше! — веселый хоровод, который вышел из рощи, окружил гаушо и стал оболащивать его, беднягу, который только и видел, что жен пастухов.

Одни были одеты в сплетенные из цветов гирлянды, другие — в одежды, сплетенные из нитей бисера, третьи прикрывались своими распущенными волосами; одни подносили ему наполненные благоухающим напитком причудливой формы стеклянные сосуды, запотевшие от холода, другие танцевали, покачивая бед-

рами в такт, словно под музыку, третьи прельщали его красотой своего тела и расстилали на земле мягкие циновки, откровенно и лукаво приглашая его возлечь...

Однако гаушо прошел мимо них, хотя у него стучало в висках: ведь он дышал воздухом, который был пропитан злом...

Гаушо шел все дальше и дальше.

А как только он вошел в рощу, его тут же окружила толпа головастых и кривоногих карликов, из которых один был потешнее другого; все они кланялись, делали пируэты, танцевали фанданго, плясали на канатах, прыгали, как кузнечики, затевали драки и делали такие гримасы, какие могли делать только они одни...

Но гаушо прошел мимо них, даже не улыбнувшись...

Это седьмое испытание было последним.

И тогда перед ним возникло печальное, бледное лицо того, кто, несомненно, следовал за ним всюду, хоть и не помогал ему на этом трудном пути, и взял его за руку.

И гаушо пошел за ним.

ДОГОВОР С ЯЩЕРИЦЕЙ

Бразильская легенда

За неким подобием занавеса, словно сотканного из чешуек золотой макрели, находилось большое, залитое светом подземелье. На прозрачной скамеечке, меча разноцветные молнии, сидела древняя старуха, морщинистая и сгорбленная.

В руках ее была белая палочка, которую она то так, то сяк поворачивала, словно играя ею: связывала то, что развязалось, скручивала то, что раскрутилось, словом пряла свою пряжу.

— Хозяйка, — сказала сопровождавшая гаушо тень, — вот кто к вам пожаловал!

— Ну раз ты пожаловал, ты явился, так проси чего хочешь, — отвечала она.

Иссохшая старуха встала, выпрямилась, и суставы ее захрустели; она подняла свою палочку, и тотчас же волшебная палочка излила на нее целый дождь лучей, так в бурю из тяжелых туч льет дождь.

— Ты прошел все семь испытаний в пещере Жарау, а потому я разрешаю тебе из семи радостей выбрать одну, — сказала старуха. — Выбирай! Хочешь быть счастливым в игре, например, в карты, которые тасуют руками, в кости, которыми

правит судьба, на скачках, в лотерее... хочешь?

— Нет, — отвечал гаушо, мгновенно изменившись в лице — его взгляд стал походить на взгляд лунатика, который видит то, чего не видят другие... или на взгляд кошки, которая провожает глазами что-то, незримо проносящееся в воздухе...

— Может, ты хочешь играть на гитаре и петь, очаровывая женщин, которые будут тебя слушать... и мечтать о тебе, и идти на твой зов так же покорно, как птицы, зачарованные взглядом змеи, и отдаваться твоим поцелуям, твоим желаниям, млея в твоих объятиях?

— Нет, — произнесли губы в ответ на это.

— Может, ты хочешь узнать тайну трав, корней, соков растений? Узнав эту тайну, сможешь врачевать недуги тех, кого любишь, или насылать болезни на тех, кого ненавидишь... сможешь одаривать людей сновидениями, сводить с ума, утолять голод, унимать кровь, покрывать трещинами кожу, разрушать кости... соединять разлученных, находить пропажи, обнаруживать зависть... хочешь?

— Нет!

— А может, ты хочешь, чтобы твой враг не избежал твоего ружья, копья или ножа, не избежал даже в темноте или на далеком расстоянии, даже если он очень проворен или если он предупрежден, даже если он сильнее или хитрее тебя?

— Нет!

— Хочешь повелевать в своем краю, чтобы все безропотно тебе повиновались?.. Или ты хочешь узнать чужие языки, чтобы тебя понимали все чужестранцы?

— Нет!

— А может, ты хочешь стать богачом, получить земли и скот, табуны лошадей и стада коров?

— Нет!

— А может, займешься живописью, будешь писать звучные стихи, повести о страданиях, смешные пьесы или улаждающую слух музыку, чеканить изделия из золота, высекать статуи из мрамора?

— Нет!

— Ну, раз ты ничего не хочешь, раз ты ничего не выбрал из того, что я тебе предложила, разговор окончен, ты свободен. Ступай!

Сетуя в глубине души на себя, гаушо не двинулся с места; он думал о том, чего хотел просить, но не мог.

— Я хочу получить тебя, волшебная ящерица, ибо ты — это все!.. Ты — все то, чего я не знаю, хотя я и догадываюсь, что оно существует вне меня, вокруг меня и надо мной... Я хочу

получить тебя, волшебная ящерица!

Тут крошечная тьма, не сравнимая даже с самой темной ночью, опустилась на все вокруг, на воцарившуюся тишину, и какая-то сила толкнула пришельца в стену.

Гаушо сделал шаг, другой, третий и вдруг пошел назад; он поворачивал то направо, то налево, поднимался и спускался и наконец вышел ко входу в пещеру, через который вошел.

Он увидел, что конь его спокойно стоит, привязанный к дереву; вокруг те же заросли, вдали — те же открытые пространства, на которых с одной стороны пасся скот: быки, коровы; с другой — меж кустарников текли серебристо-белые воды ручья.

Он вспомнил, что только что не видел, не слышал, не говорил: он спал, но страх не лишил его сознания.

Вспомнил то, что ему предлагали, но он не выбрал ничего, потому что хотел получить все... и в порыве слепой ярости решился снова попытать счастья...

Он вернулся к тому месту, где был вход в пещеру... но наткнулся на стену, а вернее, гору. Твердая земля, непроходимый лес, высокая трава... и ни щели, ни трещины, ни дыры, ни пещеры, ни подземелья, ни грота — здесь не мог бы спрятаться и ребенок — где уж было пройти взрослому мужчине!

Опечаленный и удрученный, гаушо отвязал лошадь, вскочил в седло, но, когда он тронул поводья, ему показалось, что там, где была привязана лошадь, он видит ризничего, видит его грустное бледное лицо, протянутую руку и слышит его слова:

— Ты не пожелал ничего, ты силен духом и чист сердцем, это правда; но ты не умеешь управлять мыслью и удерживать язык!.. Не скажу тебе, хорошо ты поступил или плохо. Но так как ты беден, а бедность это бремя, прими от меня подарок. Этой золотой монеты коснулась волшебная палочка, теперь она даст тебе столько монет, сколько ты пожелаешь, но проси только по одной, никак не больше, и храни ее на память обо мне!

И зачарованный ризничий растворился в тени деревьев.

Гаушо опустил монету в карман своего пояса гуайаки¹ и тронул поводья.

Солнце уже клонилось к закату, и гора Жарау отбрасывала длинную тень, ложившуюся на болотистый луг и заросли у ее подножия.

По дороге домой гаушо проехал мимо небольшого ранчо, стоявшего на пологом берегу; дверь дома заменяла шкура; гаушо спешил и вошел в лавку, в которой окрестные жители

в обмен на одежду, шкуру или домашний скот покупали крепкие напитки, а так как глотка у гаушо пересохла, а в голове шумело, он приказал подать ему вина.

Он напился, вытащил из гуайаки монету и расплатился; расход был столь невелик, а сдачи так много, что он удивился: он не привык видеть столько денег, да еще своих... Он высыпал деньги в гуайаку, почувствовал их тяжесть и услышав их глухое звяканье, молча вскочил на коня и поехал дальше.

По дороге он думал о том, что ему нужно купить. Думал о сбруе, оружии, одежде, платках, сапогах, о новой лошади, о шпорах и о разных украшениях, он думал, как он будет объезжать окрестности, раздавать щедрой рукой золотые крузато, и спрашивал себя, может ли волшебная монета одарить его кучей денег, на которые он сможет купить все, что пожелает...

Он приехал в свое селение и, как человек осторожный, никому не сказал ни где был, ни что сегодня делал, сказал только, что потерял бурого быка, которого пас; а на следующий день, ни свет ни заря, выехал, желая проверить, исполнится ли обещание.

Он купил у торговца щегольской костюм, да еще кинжал, да еще подшивку для брюк с серебряными кольцами, да еще плетъ на большом кольце.

И все покупки обошлись ему в три монеты.

Кровь застучала у него в висках; он до боли стиснул зубы, заморгал глазами, у него даже дыхание перехватило: все еще не веря самому себе, он сунул руку в свою гуайаку под заплатанным пончо... в нее упала монета, потом другая, потом третья, потом четвертая... Ровно четыре монеты!

Но падали они не по две, не по три и не по четыре, а одна за другой, и всякий раз по одной...

На ранчо гаушо вернулся с битком набитым чемоданом, но, как человек благоразумный, никому не рассказал о случившемся.

На следующий день гаушо поехал по другой дороге к другому, более крупному торговцу, у которого было больше разных товаров. На сей раз он сделал список всего, что нужно было купить, и требовал нужные ему вещи по порядку, следя за тем, чтобы надо было платить по одной монете и чтобы успеть вернуть покупку, если вещь будет стоить дороже одной монеты. Это, конечно, неловко, что правда, то правда, но зато не придется платить лишнее. Всего он заплатил пятнадцать монет.

И опять он сунул руку в гуайаку под своим заплатанным

пончо, и тотчас в нее упала монета... другая... третья... четвертая... пятая и шестая... и так, по одной, все пятнадцать монет!

Торговец брал монеты и клал их на прилавок по мере того, как получал их из рук покупателя; когда же тот расплатился, он сказал, насмешливо и подозрительно:

— Ну и ну! Каждая ваша монета — что твой кедровый орешек: с нее надо ногтями скорлупки очищать!

На третий день по дороге гнали табун лошадей; гаушо оставил его, облюбовал партию, договорился с табунщиком о продаже коней, и, так как не торговался, сделка состоялась.

Вдвоем с погонщиком они вошли в середину табуна — только так они смогли отобрать лошадей; гаушо выбирал то одну, у которой ему нравилась голова, то другую, у которой ему нравились глаза или уши; он вращал тонкое лассо с небольшой скользящей петлей на конце и набрасывал ее на приглянувшегося ему жеребца; если у какой-нибудь лошади ему нравились копыта и она была без изъянов, он отводил в свой загон для скота и ее.

Наметанный глаз пастуха ни разу не ошибся, и тридцать великолепных лошадей были выведены из табуна, за них следовало заплатить сорок пять монет.

И вот пока лошади пили и щипали зеленую траву, гаушо и табунщик отошли в тень фиговой пальмы, что росла на краю дороги.

Не до конца уверовав в чудо, гаушо сунул руку в гуайаку под своим заплатанным пончо... и тотчас в нее посыпались одна монета за другой: одна, три, шесть, десять, восемнадцать, двадцать пять, сорок, сорок пять!..

Удивленный столь необычно медленным способом расплаты, торговец лошадьми не удержался и заметил:

— Друг, твои монеты что орехи жерива: падают по одному!..

Подвергнув таким образом волшебную монету испытаниям, гаушо наконец в нее поверил.

Тогда он арендовал поле и купил десять тысяч голов скота.

Эта покупка стоила ему больше трех тысяч монет наличными.

Целый день потратил бедняга, доставая их одну за другой из гуайаки.

У него болела рука, ныло тело; никто его и пальцем не тронул, а он чувствовал себя так, словно его избили; ни разу в его гуайаку не упало две монеты одновременно.

В ожидании, пока гаушо соберет требуемую сумму, торговец вышел, выпил мате и перекусил; когда же, поздно вечером, он

вернулся под навес, гаушо все еще выкладывал монету за монетой!..

Деньги были уплачены, когда уже стемнело.

* * *

Заговорили о богатстве гаушо в народе. Всех поражало, что еще вчера он был чуть ли не нищим, ходил в жалких лохмотьях, которые заставляли богатых людей отворачиваться, а сегодня... Заговорили и о его странной манере расплачиваться: ведь он всегда вытаскивал из кармана одну монету, и никогда, никогда не платил даже двух монет сразу.

Случалось, что ему предлагали купить что-либо и по недорогой цене, однако всякий раз повторялось то же самое. Чудеса, да и только!

Чудом это было и для него самого... он был богат... очень богат... но получал только по одной монете: они сыпались, как орехи с дерева жерива — по одному... Так по одному вылушивают и кедровые орехи...

Чудо, настоящее чудо и для него... он... богат... очень богат... Но все деньги, которые он получал, выручая их при сделках или от продажи чего-либо, исчезали из железного сундука, где он их хранил, исчезали, словно растворяясь в воздухе...

Он был богат... очень богат, и у него всегда хватало денег, чтобы купить то, что ему нравилось: достаточно было сунуть руку в гуайяку, и монеты начинали сыпаться... но никогда ни одна монета не оставалась в его кармане или в сундуке, они испарялись, словно вода на раскаленном кирпиче...

И вот поползли слухи... люди стали говорить, что гаушо заключил договор с дьяволом, что его деньги прокляты, потому что те, кто с ним имел дело, и тот, кто получал от него деньги, впоследствии заключали невыгодные сделки и теряли ровно столько, сколько получили из его рук.

Он покупал и расплачивался у всех на виду, что верно, то верно, торговец предъявлял ему счет и получал деньги, это так, но предпринимаемая сделка заведомо была убыточной.

Сам он тоже продавал и получал деньги, и это верно; но деньги, которые он складывал и хранил, словно уносил ветер, нет, их никто не крал и гаушо не терял их, но они исчезали, словно унесенные ветром.

А слухи все ползли и ползли; теперь уже говорили о том, что тут, конечно, не обошлось без колдовства в пещере Жарау, куда гаушо

частенько навевался, и что там-то, видно, он и продал душу за эти деньги...

И вот заспешили к пещере Жарау: горячие головы на рассвете, кто похитрее — с наступлением темноты, ну а смельчаки — либо в полночь, либо с первыми петухами.

А так как в этот путь люди пускались тайком, они, как тени, рыскали в тени деревьев, но так и не находили ни входа в пещеру, ни преграждающей путь стены, и громко зывали к святым...

Гаушо, однако, все стали сторониться, как бешеного быка.

Ему даже не с кем было поговорить: в одиночестве он ел жареное мясо, в одиночестве пил мате, и компанию ему составляли разве что собаки, которые были то поодиночке, то все вместе.

Поденщики уходили от него и нанимались на работу к другим; торговцы отказывались как покупать у него, так и продавать ему, прохожие обходили стороной, только чтобы миновать его навес.

Приздумался тут гаушо, и крепко, о причине своего одиночества, которое его стало терзать и повергать в уныние.

Сел он на лошадь и поехал в горы. А подъехав к горе Жарау, услышал шум и с болотистого луга, и из зарослей на берегу реки, но, подумав, что это, должно быть, дикие лошади, начал подниматься на гору. Но то не были ни потревоженные дикие лошади, ни убегающий волк, ни рыскающий в горах броненосец; то были люди, люди, прятавшиеся друг от друга и от него.

Подъехал он к так хорошо ему знакомым и памятным деревьям, а подъехав, увидел бледное грустное лицо зачарованного ризничего. И первым, как и надлежало, заговорил, а сказал то же, что и в прошлый раз:

— Благословен Господь Бог наш!

— И ныне, и присно, и во веки веков, аминь! — ответил печальный ризничий.

Тут гаушо, не сходя с лошади, бросил к его ногам золотую монету и сказал:

— Возьми ее! Я предпочитаю бедность тому богатству, что принесла мне эта монета: она неразменна, это правда, но сдается мне, что на ней лежит проклятье, ибо она всегда одна, и тот, кому она достается, обречен на одиночество!.. Прощай! Храни тебя Бог, ризничий!

— Слава Богу! — сказал ризничий и, упав на колени, сложил руки, как на молитве. — В третий раз ты призвал имя Господне, друг

мой! Оно разрушило чары!.. Спасибо тебе! Спасибо! Спасибо!

* * *

И в тот же миг, когда в третий раз прозвучало имя Господне, гаушо услышал грохот, страшный грохот, огласивший всю округу: гора Жарау содрогнулась, содрогнулась сверху донизу. И тотчас в вышине, на вершине горы вспыхнул, взвился, засверкал и погас высокий, как сосна, язык пламени, а когда он погас, из горы повалил черный дым, который ветер уносил вдаль, уносил во все стороны широкой равнины; дым клубился, клубы его носились в воздухе, словно одичалое стадо животных, которые не разбирают дороги, потом расслаивался, расплзался, рассеивался.

Ризничий сказал, что это горят скрытые в пещере сокровища.

Шум и грохот стоял над рухнувшей горой: то шумели гнездившиеся в подземелье злые силы, шумели и разбегались, как перепуганные птенцы куropатки.

* * *

Теперь гаушо видел гору насквозь, точно она была прозрачной. Он видел все, что происходило в ее недрах; ее обитатели: борцы, ягуары, скелеты, карлики, прекрасные девушки, гремущая змея — все сплелись в один клубок, все кружились, все извивались в красном пламени, которое вспыхивало и гасло во всех подземных коридорах, из которых шел дым, шел все гуще и гуще; рев, крики, визг, вой, стоны сливались в гул, который стоял над гребнем горы.

Морщинистая старуха превратилась в ящерицу, ящерица — в мавританскую принцессу, мавританская принцесса — в прекрасную индианку из племени тапуйяс. И тотчас бледное и грустное лицо стало лицом ризничего из церкви святого Фомы, а ризничий, в свою очередь, превратился в бесстрашного жителя Рио-Гранде...

И вот, когда были разрушены чары, которые висели над людьми былых времен, из дальних краев, эта пара, соединенная самой Судьбой и ставшая ее игральным, — Судьбой, которая распоряжается всеми нами, эта пара, взявшись за руки, подобно влюбленным, отвернулась от места своего заточения и спустилась на равнину, на чистый, ровный, согретый ясным солнцем зеленый луг, весь усыпанный желтыми маргаритками, фиолетовыми ирисами, белыми ногот-

ками, приглашающий ступить на путь счастья, удачи, покоя...

Гаушо тоже не захотел видеть, что будет дальше; он осенил широким крестом сперва себя, потом лошадь, затем тронул поводья и потихоньку с легким сердцем и поющей душой спустился по склону горы.

И хотя он снова стал бедняком, теперь он со спокойной совестью ел мясо, пил мате, отдыхал после обеда, — словом, со спокойной совестью жил!

* * *

Таков был конец пещеры в горе Жарау, которая просуществовала двести лет, — она возникла в одно время с Семью селениями; тогда-то и началась вся эта история.

* * *

Злого духа Аньянга-питана с тех пор тоже больше никто не видел. Говорят, что он скрывается от злости, ведь к нему не перешла сила ящерицы, которая оказалась женщиной.

КОРОЛЕВНА-УПЫРЬ

Польская сказка

Один король никак не мог дожидаться потомства: видно, был он обделен и Божьей и людской милостью. Подданные его начали роптать, недовольные тем, что после смерти короля некому будет править государством. Даже подозревали королеву в супружеской неверности: как говорится, только на вытоптанной стежке трава не растет.

Наконец, много лет спустя, королева затяжелела. Но она так долго не могла родить ребенка, что отчаявшийся король воскликнул (что никак нельзя было делать):

— Пусть родится что угодно, лишь бы родилось!

И вот появилась на свет королевская дочь. Но она была проклята уже в утробе матери и родилась черной как уголь. Король был очень этим опечален и, глядя на необычного ребенка, сказал жене:

— Что ж поделаешь! Дар Божий, надо растить...

Он приказал запереть дочь в башню, чтобы никто не мог увидеть лицо королевны. Созвал только отовсюду докторов, мудрецов и философов. Но они лишь без конца рассуждали, будто мать загляделась на звезды или какую-нибудь нечисть, но ничего путного посоветовать не могли. Только одна старая простая женщина предсказала королю, что дочь умрет восемнадцати лет, но, возможно, судьба над ней смиростивится, королевна восстанет из гроба и будет самой красивой девушкой в мире.

Как бабка предсказала, так оно и случилось.

Восемнадцать лет королевская дочь умерла, а перед смертью попросила отца, чтобы тот похоронил ее в костельной усыпальнице и каждую ночь ставил у гроба на часах солдата.

Король устроил дочери пышные похороны. В роскошном гробу, под звон колоколов, шелест траурных хоругвей и молебны многочисленного духовенства, ее похоронили в королевской часовне при костеле.

В первую же ночь к гробу поставили не солдатскую, а офицерскую стражу: король сделал даже больше, чем просила перед смертью дочь. А когда пробило двенадцать часов, гроб открылся и из него выскочила чернолицая королевна. Она сразу же задушила молодого офицера, жадно выпила его кровь и начала бесчинствовать в костеле. Ломала свечи в алтаре, переворачивала кресты и скамейки, вдребезги разбивала статуи святых, в клочья рвала хоругви. Она прыгала и танцевала в костеле, словно страшный упырь, и только когда пропел петух, улеглась обратно в гроб.

Когда на другой день ранним утром король и его придворные узнали, что произошло в костеле, они сильно перепугались. Все же еще раз поставили офицерскую стражу, и еще один юноша погиб ужасной смертью.

Тут уж перетрусили все. Никто из офицеров и солдат не соглашался идти на верную гибель. Некоторые говорили, что королевская дочь — упырь или ночной дух и лучше всего отсечь у нее голову, положить ей за пазуху, тело перевернуть и похоронить на кладбище. Тогда уж она наверняка перестанет всех пугать. Но король хотел сдержать клятву, данную дочери перед смертью. Он велел собрать все свое войско и торжественно объявил: кто спасет черную королевну, тому он ни в чем не откажет, какая бы просьба ни была.

Но смельчака, который бы захотел распрощаться с жизнью и

пойти на пост в костел, не находилось.

Наконец все же объявился один старый солдат. Он прослужил королю семь лет, и все его ни в грош не ставили. Солдат никогда не был на исповеди, не верил ни в Бога, ни в черта, больше всего на свете любил водку, а все, что имел, пропивал. Он знал, что по окончании службы ждать ему хорошего нечего. Дадут несколько грошей, латаный мундир да костыль на дорогу. Придется мотаться по белу свету да медленно подыхать с голоду. Солдату терять было нечего, он вышел из строя и заявил, что пойдет на Богом проклятый пост при условии, если ему дадут на эту страшную ночь побольше водки и доброй закуски. Солдату поставили целую квартиру, но он сказал, что для его луженой глотки и три квартиры не будут лишними.

Получив все сполна, солдат смело отправился на пост. Начальство проводило его с почестями — все считали служивого обреченным. Как только он открыл дверь притвора и вошел в часовню, то первым делом приложился к фляжке. Потянул раз, другой, но храбрости не прибавилось. В часовне было темно и страшно. Только в одно окно пробивался лунный свет, и на стенах дрожали беспокойные блики. Было тихо до звона в ушах, но казалось, что вот-вот начнется дьявольское наваждение и упырь с шумом откинет крышку гроба.

Старый солдат присел на лавку и задумался над своей несчастной долей. Убеги он из костела — не миновать пули. Останься — загубит не только тело, но и, самое главное, душу. Он рад был бы исповедаться, но не было ксендза, а если бы стал его искать, — назвали бы трусом. Не знал он, что и делать! То вспоминал свои самые лихие приключения военных лет, и тогда в нем просыпался драчун и рубака, то снова страшно ему становилось за свою грешную душу.

Вдруг часы медленно и торжественно пробили десять. Бой их в тишине прозвучал так жутко, что служивый не выдержал и убежал из часовни.

Теперь ему было все равно. Он мчался напрямик, лишь бы подальше от того проклятого места, где упырь две ночи подряд упивался человеческой кровью.

Он бежал сломя голову, бежал, пока наконец не очутился на кладбище среди могил, и тут совершенно неожиданно услышал чей-то голос:

— Куда бежишь, чего так испугался?

Присмотревшись, служивый увидел перед собой седенького старичка с длинной бородой. Лицо у него было приветливое, доброе. Старый солдат сразу успокоился и рассказал ему все, как на исповеди.

— Не беги, служивый, — повелел старичок, — вернись в часовню, ничего плохого там с тобой не случится. Только разденься, насади на винтовку штык и воткни ее в скамью. Набрось на нее кивер и плащ, а сам спрячься за большим алтарем и сиди там спокойно, что бы ни случилось.

Солдат осмелел, вернулся в часовню и сделал все, как советовал старичок.

Когда наступила полночь, гроб со страшным грохотом раскрылся. Черная королева выскочила на середину часовни и, увидев укутанную плащом винтовку, закричала:

— А-а-а-а! На сегодня опять молоденький солдатик!

Она схватила винтовку, впилась в нее зубами и сразу перекусила сталь. А когда поняла, что это не человек, завопила страшным голосом:

— Отец похоронил меня живьем и не дал с собой ничего съестного. А этот солдат спрятался где-то здесь!

Она начала метаться по костелу, но никого не находила.

— А, знаю, где ты! — кричала королева.

Но солдат, как и велел старичок, не отзывался и не показывался. А она столько времени потратила на поиски, что уже некогда было носиться по костелу, свечи в алтаре ломать, фигуры разбивать да хоругви рвать.

Солдат наблюдал за ней со смертельным ужасом и видел горящие, похожие на блуждающие огоньки, глаза королевы.

Наконец пришло ее время, пробило два часа, и заколдованная дочь короля должна была лечь обратно в гроб. И снова со страшным грохотом захлопнулась за ней смертная крышка.

Тут только солдат вышел из-за большого алтаря, оделся и страшно измученный присел на лавку.

Утром явились его товарищи с покойничьими носилками, они были уверены: такой забулдыга не справится с тем, что оказалось не по силам brave офицером.

Но войдя в часовню, они крайне удивились, что старый солдат жив. Немедленно обо всем доложили королю, который все допытывался, как это служивый избежал смерти. Но солдат ничего не рассказывал: ему запретил старичок.

Тогда король приказал, чтобы и на вторую ночь снарядили

того же солдата. Служивый загрустил: за одну ночь набрался такого страха, а тут еще раз заставляют счастье пытаться.

Снова поздним вечером свели его в часовню, снова испугался он, что загубит свою грешную душу, и снова убежал на кладбище, надеясь опять на добрый совет старичка.

— Возвращайся и на эту ночь в часовню! — сказал старичок. — Останешься цел. Спрячься на этот раз на хоры, а на каждую ступеньку лестницы положи ладанку, или четки, или молитвенник. Если же королева попытается проникнуть к тебе другим путем, то запой: «Кто под защиту Бога своего отдаст себя...»

И снова старый солдат послушался совета старичка. Когда в двенадцать часов королева выскочила на середину костела, сразу было видно, что она страшно голодна. Королева носилась всюду так быстро, что у служивого от страха потемнело в глазах. Потом побежала за главный алтарь, забралась на амвон и только тогда увидела его на хорах.

— Ах, ты здесь! — закричала она страшным голосом и бросилась к лестнице.

Но только ступит на ступеньку, сразу же падает: ее не пускали ладанки, четки и молитвенники.

Тогда, чтобы все же попасть на хоры, она побежала к могилам, принялась их раскапывать, таскать оттуда гробы в костел и ставить друг на друга. Образовалась огромная страшная поленница, высотой чуть ли не до самых хоров. Тут-то солдат и запел дрожащим голосом: «Кто под защиту...»

От страха у него волосы стали дыбом, но бедняга продолжал тянуть еле слышным голосом: ведь королева уже карабкалась по гробам к нему.

И только, когда он запел: «На драконах будешь летать...», — гробы опрокинулись, и на душе у него стало легче.

Так солдат пел, а она трижды строила поленницу из гробов, откуда выглядывали черепа и кости покойников. Наконец начало светать. Королева, будто заботясь о порядке в костеле, перетаскала все гробы обратно, а сама улеглась на свое смертное ложе.

Утром солдата выпустили и опять известили короля, что служивый цел. Солдат не рассказал о том, что творилось в костеле, и согласился простоять на часах еще одну, третью ночь.

— Не бойся ничего, — опять советовал старичок. — Это уже последнее испытание. На этот раз ты должен будешь раздеться

догола и спрятаться за дверью склепа так, чтобы дверь тебя прикрыла, когда королевна вылетит в костел. Потом заберешься в ее гроб и, как бы королевна тебя ни пугала, ни кричала, ни тормозила, лежи тихо. Не бойся, ничего плохого с тобою не случится.

Солдат опять послушался доброго совета и выполнил все, что велел старичок.

Когда королевна влетела в костел, она искала его всюду — и за алтарем, и на амвоне, и на хорах. Искала долго и наконец нашла на собственном ложе.

— А-а-а-а! Ты здесь, соколик! — закричала она диким голосом. — Вылезай из моей постели сейчас же!

Но он даже не дрогнул, только мельком взглянул исподлобья на нее и, к своему удовлетворению, заметил, что лицо королевны стало уже белым. Солдат продолжал лежать, а она над ним все бесновалась и кричала:

— Выходи, а то сейчас разорву!

Солдат только слегка повернулся на бок и взглянул одним глазком, — королевна была уже белой по пояс. Он устроился поудобнее и лежал терпеливо, а она не переставала его терзать, дергать, чтобы он скорее убирался с ее места. Но солдат не собирался никуда уходить, лишь поднял голову и вперил глаза в королевну, которая еще больше побелела. Она как-то начала слабеть, голос утратил былую резкость, в нем появились нежные нотки. Солдат совсем повернулся к ней, широко открыл глаза и увидел: королевна стала совершенно белой.

Она обняла его своими нежными ручками и вместе с гробом подняла вверх. Она уже не кричала, а лишь ласково просила:

— Мой сладенький солдатик, теперь встань. Знай, ты избавил меня от моих мук.

Потом сама помогла ему выйти из гроба и отвела в костел. Солдат быстро оделся. На дворе уже светало.

Старый служака, ощутив холод в костях и сухость в горле, встряхнулся. Он взглянул на прекрасную панну и смело спросил:

— Выпьешь со мной водки?

— Дорогой мой, — ответила она покорно, — раз ты хочешь, то я и выпью с тобой...

Выпили один раз, другой, закусили, потом обнялись, да так и сидели. Когда пришли солдаты и увидели их, они решили, что королевна-упырь задушила служивого. Тут подоспели на выручку остальные, им тоже казалось, что вояка, выстояв бла-

гополучно в часовне две ночи, на третью бесславно погиб.

Но когда подошли поближе, старый солдат улыбался, весела была и спасенная королева.

Тогда побежали к королю и доложили: дочь жива и солдат жив.

Король распорядился тут же впрячь в золотую карету из своей конюшни шесть самых красивых жеребцов. Затем велел захватить для дочери свадебный наряд, и все поехали к молодым. Король пригласил самых знатных гостей, а старого солдата и дочку посадил за стол, в самую середину.

— Что заслужил человек, — спросил он гостей, — который мою уже умершую дочь от смерти спас?

Одни считали, что он достоин взять ее в жены, другие, завистники, нашептывали, что негоже королевской дочери выходить замуж за пьяницу и забулдыгу.

Но лучше всех этот вопрос разрешила сама королева. Она обняла вояку за шею и объявила:

— Буду женою того, кто меня спас!

И не мудрено: живой, хотя и простой солдат был ей куда милее холодной королевской усыпальницы.

Кристиан ПИНО

ПРИЗРАК ПОВЕШЕННОГО РЫЦАРЯ

Легенда

Влюбленные не ходили гулять в «лес повешенного», дети никогда не играли там в прятки, старые люди, приближаясь к лесу, осеняли себя крестным знаменем.

В те времена, к которым относится это повествование, только суеверие удерживало людей от прогулок среди вековых деревьев, в чащах, где земля густо покрыта нежным мхом, земляникой и черникой, а кусты усыпаны малиной.

Много лет тому назад, рассказывали славные жители ближайшей деревни, властитель края с помощью своих оруженосцев схватил и повесил на суку большого дуба рыцаря Ксавье де Мильмора, дворянина, искателя приключений, который грабил на большой дороге одиноких путников. Это была достопамятная казнь. В то время как тело рыцаря сводила предсмертная судорога, в четырех концах леса трубили в охотничий рог, а на поляне, как бы выражая всеобщее ликование, пылал стог сена.

С тех пор край был избавлен от грабителя, но появился призрак — мертвый рыцарь де Мильмор совершал прогулки при лунном свете. Никому из местных жителей не довелось с ним встретиться, однако крестьяне утверждали, что он бряцает оружием и громко бранится. Этого было достаточно, чтобы обречь лес на полное запустение.

ПРИЗРАК, КОТОРОГО ВИДЕЛ МАТЬЕ

Когда случилась эта история, властелином края был старый граф Поликарп де ля Мотт-Берри, королевский офицер в отставке, достопочтенный человек и любитель крепких напитков. Последний отпрыск могущественного рода, который столетия правил в этом крае и защищал его, граф, опечаленный тем, что у него нет сына, пожелал, пока он еще жив, выдать замуж за какого-нибудь доблестного рыцаря дочь Беатрису. В женихах не было недостатка, ибо притягательная сила таилась не только в Беатрисе, но и в ее приданом, однако девушка с холодной учтивостью неизменно всех отвергала. Один казался ей слишком полным, другой — близоруким, а от третьего дурно пахло. Было ясно — она просто не хочет выходить замуж. Старый Поликарп огорчился и, несмотря на доброту, стал подумывать, не выдать ли дочь вопреки ее капризам.

Однажды, когда граф, размышляя, услаждал себя старой виноградной водкой — коронным изделием края, какой-то крестьянин попросил разрешения повидать его. Не в обычаях старого графа было спроваживать посетителя, но он действовал так не по доброте сердечной, а единственно лишь из любви к сплетням, и ничто не привлекало его так, как тайны подданных. Граф велел впустить крестьянина и сразу же увидел, что тот необычайно встревожен чем-то.

— Ваша светлость, — сказал крестьянин, — я только что видел повешенного рыцаря!

— Ах, — воскликнул Поликарп, — бедный мой Матье! Выпей стаканчик виноградной водки и расскажи, что там с тобой случилось.

— Да как вам сказать, ваша светлость. Вам известно, что мое поле граничит с лесом повешенного; мне не по душе это соседство, но когда человек небогат и у него крепкие руки, он не может оставить невозделанным лучший кусок своей земли.

Отменная водка, ваша светлость.

— Налей себе еще стаканчик и рассказывай поскорее; видишь, как меня разбирает любопытство!

— Этим утром я собирался выйти в поле боронить, как вдруг услышал треск сучьев в лесу. Я не из пугливых, ваша светлость, но не скрою, сердце у меня так и заколотилось. Я обернулся и увидел... нет, не хочу вас волновать...

— А двадцать палочных ударов под коленки хочешь?

— Как верно то, что мой стакан пуст, так правдивы мои слова! Я видел повешенного рыцаря!

— А как ты узнал, что это повешенный рыцарь?

— Вы, ваша светлость, как и все мы, знаете, что у рыцаря де Мильмора на доспехах была черная звезда. Сегодня утром призрак имел на груди такую же звезду.

— И что же ты сделал? Убежал, конечно?

— У меня не был сил бежать! Рыцарь помахал мне рукой и скрылся в лесу, а я поспешил предупредить вас!

— И правильно сделал! Налей себе третий стаканчик.

— Спасибо, ваша светлость, я позволю себе выпить за ваше здоровье и за здоровье мадемуазель Беатрисы.

— А я, Матье, пью за повешенного рыцаря!

ХРАБРЫЙ МИРАМЕР

В тот же вечер в кабачке «Дырявый грош» Матье в сотый раз пересказывал свое приключение; он столько говорил и столько пил, чтобы прочистить горло, что у него стала кружиться голова; но история эта отныне не нуждалась в рассказчике, она теперь жила своей жизнью, переходя из уст в уста.

— Ручаюсь, что это был призрак, — прохрипел кабатчик Ионас. — Будь то рыцарь во плоти и крови, он вышел бы из лесу, заговорил, попросил бы стаканчик вина.

— Скверная шутка! — гаркнул Мирамер, начальник замковой стражи. — Окажись я на месте этого труса Матье, я показал бы всем, как отношусь к подобным вещам.

— Он уволок бы тебя в преисподнюю вместе с твоим клинком и кольчугой; ты даже не успел бы выказать свою храбрость перед этим чертом.

— Я знаю силу своего кулака, а черта сроду не видывал.

— Матье вовсе не трус, — вставил слово кабатчик. — Он и впрямь видел повешенного рыцаря; впрочем, сколько людей слышали, как рыцарь бранится. Это тянется уже сто лет.

— Больше, по крайней мере двести, — заметил какой-то крестьянин.

— Еще и шестидесяти лет не прошло, — ухмыльнулся Мирамер. — Мой дед рассказывал мне, что, когда повесили рыцаря, он сам зажигал костер радости!

— Шестьдесят или двести лет минуло — призрак всегда опасен. С такими вещами не шутят.

— В тот день, когда мы избавимся от призрака, я собственноручно подожгу стог сена.

В эту минуту дверь в кабачок открылась. Все оглянулись и замерли в молчании — на пороге стоял повешенный рыцарь. Он был страшен в своих сверкающих доспехах, а его черная звезда блестела свежей краской. Лицо рыцаря было скрыто под опущенным забралом, а на руки были надеты железные перчатки. Никто не решился бы утверждать, что в этом движущемся железном футляре заключен человек.

Призрак пересек комнату и, подойдя к стойке, облокотился на нее.

— Водки! — отрывисто бросил он.

Кабатчик так дрожал, что, наливая водку, расплескал половину бутылки, пока наполнил небольшой стакан. Рыцарь поднял забрало, залпом опорожнил стакан и снова опустил забрало, прежде чем кто-либо успел разглядеть его лицо.

— Господин призрак, — гаркнул Мирамер, — вы неучтивы; когда воспитанный человек впервые входит в кабачок, он пьет за здоровье присутствующих!

Рыцарь не ответил. Он снял с руки железную перчатку и положил ее на стойку. По комнате пронесся вздох облегчения; живая человеческая рука, гибкая и мускулистая, открылась взорам всех, кто находился в зале. Мирамер осмелел:

— Я утверждаю, сударь, что вы невежа, грубиян и...

Начальник замковой стражи Мирамер не присутствовал в этот вечер при уходе повешенного рыцаря из кабачка. Понадобилось полчаса, чтобы привести этого храбреца в чувство, очнулся он уже у себя дома, челюсти у него сводило от боли, и слезы градом катились по его грубому солдатскому лицу.

БЕАТРИСА

Батриса де ля Мотт-Берри была удивлена, увидев на следующее утро, что у ее служанки Аглаи бледное лицо и покрасневшие глаза.

— Ты, я вижу, расстроена, — сказала Беатриса, — уж не случилось ли чего с тобой сегодня ночью?

— Да, мадемуазель, но не со мной, а с моим женихом. Его вчера чуть не убил призрак.

— Доблестный Мирамер чуть не был убит?

— Да, призраком. Это простительно.

Беатриса, с трудом скрывая любопытство, принялась полировать ногти, но тут же прервала свое занятие.

— А что стало с призраком?

— Он исчез, мадемуазель. Мирамер рассказал мне, что видел руку, занесенную над своей головой, звездный дождь — и ничего больше. Но люди в деревне уверяют, что его сразил повешенный рыцарь.

— О, это так интересно, Аглая! Как бы увидеть повешенного рыцаря?

— Матье встретил его в первый раз вчера утром на опушке леса повешенного; может быть, и вы смогли бы там увидеть его, но, я думаю, было бы благоразумнее, мадемуазель, не выходить сейчас из замка. Вы ведь знаете, что к нам сегодня утром приедут три жениха: вашему батюшке угодно, чтобы вы приветствовали их.

— Три жениха сразу! Ах, Аглая, значит, завтрак будет очень скучный. Мне придется выдержать атаку комплиментов, штурм каламбуров и натиск прочего вздора. Зачем принуждать к замужеству счастливую и всем довольную девушку?

— Говорят, мадемуазель, что эти женихи очень милые.

— Ты знаешь, как их зовут?

— О них шушукались на кухнях. Первый — граф Отто де Баконессен — изящный, всегда надушенный блондин и, кажется, прекрасный флейтист.

— Ты хорошо осведомлена.

— Второй, мадемуазель, — рыцарь Бруно де Маляпарт, поэт и искусный фехтовальщик. У него черные выющиеся и блестящие волосы, и его бровей следует за ним повсюду.

— Если мне понравится этот бровей, я выйду за него замуж!

— И третий — гордый барон Шарль де Малябри, пэр королевства. Он несметно богат и великодушен. Если мадемуазель выйдет за него замуж, это будет благодатью для нашего края.

— Мои крестьяне, Аглая, достаточно богаты, чтобы не продавать меня. Не говори мне больше об этом Малябри; несмотря на приезд женихов, я сейчас отправлюсь гулять. Скажи моему отцу, что он может рассчитывать на мое присутствие за завтраком.

И Беатриса, надев одно из самых красивых своих утренних платьев, вышла из замка. Она сделала крюк, чтобы отнести Мирамеру немного фруктов и сказать ему несколько благосклонных слов, а затем направилась к полю Матье. Дорогу ей перебежал заяц и два фазана. «Охотники, должно быть, обходят этот лес», — подумала Беатриса.

Опушка леса была прелестным местечком, и Беатриса пожалела, что никогда не заглядывала сюда раньше. Она не боялась призраков и обожала землянику и уединение. Однако, когда Беатриса услышала потрескивание сучьев и ей почудилось, будто за деревом скользнула какая-то тень, она бросилась бежать через поле к деревне.

На краю леса стоял рыцарь черной звезды и смотрел вслед убегающей девушке.

ЖЕНИХИ

Первым начал наступление барон де Малябри.

— Мадемуазель, — воскликнул он, завидев Беатрису, — я проскакал сегодня десять лье верхом, и мой конь изнемог. Но я заставил бы его пробежать еще десять лье после полудня, если бы мне пришлось догонять вас!

— Ваш конь пал бы, барон, — любезно ответила Беатриса. — Но, слава Богу, вы благополучно прибыли к нам!

— Да, мы прибыли, — подтвердил Бруно де Маляпарт. — В этом турнире, приз которого — красота, оставьте соперникам равное оружие, справедливо разделите между ними ваши улыбки и добрые пожелания.

— Подумайте о том, — сказал Отто де Баконессен, — что одним вашим словом вы можете разбить сердце, как я одним пальцем мог бы сбросить на землю этот хрустальный бокал.

— Прошу вас, не делайте этого, сударь. Я постараюсь не

разбивать ваших сердец. Угодно ли вам помыть руки перед завтраком?

Трапеза проходила именно так, как предвидела Беатриса. Женихи не успевали есть, каждый боялся упустить время и дать возможность сопернику вставить меткое слово, улыбнуться, бросить коварный намек. Старый Поликарп был в восторге — он любил торжественные завтраки и словесные турниры, а сегодня и повар и женихи превзошли самих себя! После полудня он велел позвать Беатрису и встретил ее с необычайной торжественностью.

— Дочь моя, — начал он, — эти молодые люди очаровательны.

— Да, отец.

— Я счастлив, что и ты такого же мнения; это облегчает задачу, дочь моя...

— Я знаю, отец, сейчас вы скажете, что вам необходим зять, что вы скоро умрете, хотя пока чувствуете себя хорошо, что...

— Замолчите, Беатриса! Даю вам четыре дня, чтобы выбрать себе в мужья одного из этих молодых людей. К концу четвертого дня я сделаю выбор сам и не скрою от вас, что склонен отдать предпочтение барону де Малябри.

— А я ни одному из них не отдаю предпочтения, ваши женихи глупы, и замуж я не пойду.

— Тогда я заставлю вас это сделать! — закричал Поликарп.

Граф взял с письменного стола трубку, оправленную в золото — подарок Баконессена, достал из мягкого кожаного кисета, который преподнес ему Малябри, золотистый табак, привезенный Маляпартom, и не спеша набил ее.

— Можете идти, Беатриса, — произнес он как можно более сухим тоном.

Впервые после смерти матери девушка заплакала. Растроганная Аглая, стараясь ее утешить, рассказывала ей о Мирамере, Матье и призраке.

«Призрак, — подумала Беатриса, — уж не он ли все разрешит?» Девушка осушила слезы и стала размышлять. Стараясь не задеть самолюбия Аглаи, она заставила ее несколько раз повторить историю, которая произошла в кабачке.

Когда Беатриса вечером вышла к обеду, на ее лице не было и следа слез и она была так хороша в своем голубом платье, что женихи не могли сдержать громких возгласов восхищения.

— Господа, — сказала под конец трапезы Беатриса, — вы все трое так изящны, так изысканны, так остроумны, что я не в

состоянии ни одному из вас отдать предпочтение. Не согласитесь ли вы подвергнуться испытанию? Наградой тому, кто выдержит его, будет моя рука.

Женихи тотчас же изъявили согласие подвергнуться любой опасности.

— В таком случае, господа, я выйду замуж за того, кто избавит наш край от призрака.

И девушка рассказала им историю повешенного рыцаря.

— Мадемуазель, — возразил Малябри, — эта задача едва ли под стать нашей отваге. Мы притащим вам этот призрак на веревке.

— Я желаю, господа, — продолжала Беатриса, — чтобы каждый из вас в одиночку отважился на такой шаг. Мне будет неприятно знать, что три рыцаря сражаются против одного привидения. Соболаговолите бросить жребий, кто из вас отправится завтра утром. Мой отец снабдит вас охотничьим рогом.

Поликарп потирал руки от удовольствия.

«Моя дочь скоро будет замужем», — подумал он и угостил женихов крепкой водкой.

ДЕНЬ БАКОНЕССЕНА

Отто, баловень судьбы, ушел на заре, вооруженный шпагой и флейтой. Он нес в мешке жареного цыпленка, сыр и черный хлеб и предполагал приятно провести день в лесу. Призрака он сразит утром; после полудня будет искать грабы; вечером отпразднует победу. Воздух был теплым и благоуханным, и рыцарь пожалел, что по утрам чересчур долго нежился в мягкой постели и тратил столько времени на слишком утонченный туалет. Он почувствовал прилив сил и желание быть решительным.

Рыцарь подошел к маленькой ферме и собирался уже войти в дом, чтобы попросить стакан молока, как вдруг увидел выходящего оттуда рослого молодого человека, который вежливо поздоровался с ним.

— Здравствуйте, сударь, мне не часто доводилось встречать на заре молодых рыцарей.

— Я хочу, — смеясь, ответил Отто, — настигнуть призрака в час его пробуждения.

— Призрака? — удивился молодой человек, но, когда Отто

рассказал ему о своих намерениях, шумно выразил свой восторг: — О, обожаю охотиться за призраками и мечтами; вы, пожалуй, не найдете здесь ни скелета, ни привидения, но сегодня вечером ваше лукошко будет полно свежих грибов, а сердце — поэзии. Не позволите ли вы мне, сударь, сопровождать вас? Я хорошо знаю лес повешенного рыцаря, и с моей помощью вы не оставите в нем неразведанным ни одного уголка.

— Извольте, сударь, вы, пожалуй, окажете мне этим большую услугу. Могу ли я узнать ваше имя?

— Меня зовут Ксавье.

Молодые люди быстро дошли до леса и принялись за дело, обследуя каждый кустик.

— Восхитительная земляника, — сказал Отто.

— Лучшей не найти, — отозвался Ксавье. — Этот лес — благословенное место. Горожане не ходят сюда по воскресеньям, не бросают здесь промасленной бумаги и не вытаптывают земляники. Вот в чем преимущество всех проклятых мест!

— А вы не боитесь, что с вами здесь что-нибудь приключится?

— Я не боюсь призраков.

Проведя утро в поисках, молодые люди сделали привал на опушке леса, чтобы позавтракать. Они очень проголодались. Цыпленок был разодран на части, от сыра не осталось и следа, и ни одна крошка хлеба не упала на мшистую землю.

— Могу ли я угостить вас кисленькой карамелькой? — предложил Ксавье.

— Это очень кстати; я как раз забыл прихватить свою коробочку с леденцами.

И Отто де Баконессен взял конфетку.

Очевидно, усталость внезапно одолела нашего рыцаря, так как вскоре он задремал, прислонив голову к дереву.

Он проснулся, когда день был уже на исходе, искал глазами своего спутника и очень обрадовался, увидев его рядом.

— Вам следовало, Ксавье, ущипнуть меня за ногу или пощекотать мне ноздри; день почти кончается, а я еще не нашел призрака.

— Будьте покойны, сударь, и ваши соперники не найдут его. У местных жителей богатое воображение и длинные языки. Рассказы дядюшки Матье — просто выдумка старого пьянчужки.

— Все-таки давайте поищем, — настаивал Отто. — Там, где дело касается моей совести, я не могу не довести его до конца.

Отто де Баконессен поднялся и, сопровождаемый Ксавье,

обшарил вдоль и поперек весь лес. Но наступившая ночь заставила молодых людей отказаться от поисков, и они расстались, обменявшись сердечным рукопожатием.

Отто вернулся в замок, сменил слегка испачканную травой одежду, отполировал ногти, пригладил волосы и ленивым шагом вошел в большую столовую, где его уже ждали Беатриса, Поликарп и оба соперника.

— Итак, — ехидно усмехнулся Малябри, — нам натянули нос?

— Это только означает, — отпарировал удар Отто, — что никакого привидения не существует; кроме нескольких пьяниц, его никто никогда не видел; этот призрак — порождение винных паров.

— Однако порождение устойчивое, — заметила Беатриса, — потому что рыцарь черной звезды сегодня после полудня появился в деревне; его видела добрая половина жителей. Он погладил по щеке маленькую девочку — конечно, из добрых побуждений, — но у девочки теперь желтуха.

Отто промолчал, а Поликарп взглянул на него весьма неодобрительно. «Маляпарту — тому больше повезет», — подумал граф.

ДЕНЬ МАЛЯПАРТА

Бруно де Маляпарт встал поздно; он хотел заставить врага ждать, ибо ожидание раздражает нервы, а отдых их успокаивает. «Раз уж повешенный рыцарь шатается по деревне, — подумал Бруно, — ни к чему пачкать сапоги в лесу. Мне следует обосноваться в кабачке «Дырявый грош».

И Бруно отправился в деревню; все местные девушки смотрели ему вслед, так гордо он выступал в своем небесно-голубом камзоле, расшитом светлой кожей. Его холеные напояженные усы были закручены, как в самые торжественные дни; его шпага, самая славная в королевстве шпага, билась о лакированные сапоги, а в мозгу его одна за другой рождались рифмы в честь Беатрисы:

*О Беатриса, бархат ваших глаз
Меня приводит в восхищенье.
Я повторю сто тысяч раз,
Что вы вселенной воплощенье.*

Потом он мысленно обратился к призраку:

*Повешен рыцарь и пронзен,
Вонзилась шпага в сердце прямо.
«Все потерял я, — шепчет он, —
Во имя благородной дамы»¹*

«Получилось не Бог весть что, — подумал Бруно, — но поэзия требует этакой легкой недоговоренности». И он вошел в кабачок.

Ионас рассыпался в поклонах:

— Чем могу попотчевать благородного рыцаря?

— Дай мне, — сказал Бруно, — какого-нибудь испанского вина для аппетита, приготовь легкий завтрак — паштет, птицу или дичь, несколько котлет и блюдо макарон.

— У меня нет ничего, кроме яиц и зеленых бобов, ваша светлость, но я могу нарезать цыпленка.

— Режь, бей, но поторапливайся!

Бруно сел, положил рядом с собой шпагу и вынул колоду карт для пасьянса.

Утро прошло быстро. Завтрак был приятный; рыцарь опорожнил два кувшинчика игристого розового вина и велел принести бутылку старой виноградной водки: «Эта водка лучше, чем у Поликарпа, — заключил он. — Видно, старого пьяницу обворовывают его поставщики».

Бруно допивал свой кофе, когда дверь распахнулась и вошел рослый молодой человек; он пересек комнату и, подойдя к стойке, облокотился на нее.

— Эй, сударь, — крикнул Бруно, довольный, что наконец есть с кем поговорить.

— Чем могу служить?

— Разрешите предложить вам рюмочку и попросить вас сыграть со мной в карты?

— Охотно, сударь, но будьте снисходительны — я слабый игрок и пью без удовольствия.

— Что ж, будем иметь это в виду. Позвольте узнать ваше имя?

— Меня зовут Ксавье.

Партия началась. Ионас тоже заинтересовался игрой и со стаканчиком в руке уселся за спиной рыцаря. Сначала повезло Бруно, но потом счастье изменило ему, и вскоре перед Ксавье уже высилась горка золотых.

¹ Стихи даны в переводе М. Соболя.

— Выпейте пивца, ваша светлость, — посоветовал Ионас, — от водки у вас отяжелела голова, вам надо сейчас хлебнуть чего-нибудь полегче.

— В таком случае подай нам пива! Да не бойся поставить кружки побольше. У Маляпартов широкая глотка и бездонный желудок. Вы согласны пить пиво, молодой человек?

— Я пью все, сударь.

Когда кружки были опустошены, Ксавье посоветовал смешать спирт с содой, как это делают в некоторых странах. Бруно попробовал напиток, но он ему не понравился. В карты Бруно продолжал проигрывать. «Я играю, как новичок, потому что голова моя занята очень серьезными мыслями», — оправдывался он.

И, еле ворочая языком, он заявил кабатчику и Ксавье, что Беатриса — красивая девчонка, что призраку грош цена, а Поликарп — старый дурак.

— Сударь, — смеясь, сказал Ксавье, — поставим на карту Беатрису.

— Поставить на карту свою любимую? Молодой человек, вы оскорбляете меня!

— Поглядите на эту кучу золота, что лежит передо мной. Вряд ли у вас хватит денег вернуться в свои владения. А я чувствую, что счастье покинуло меня. Испытайте вы свое!

— Маляпарт всегда готов принять вызов! Вам сдавать!

Ксавье открыл короля.

— Это только одно очко, господин рыцарь!

Это составило три очка, так как у Бруно не было козырей.

— Вы выиграли Беатрису, молодой человек, — сказал Бруно и прибавил с оглушительным смехом: — Но вам придется пойти за ней, и у вас будут грозные соперники!

— Выпьем за их здоровье, сударь. Дай нам пенистого вина, Ионас!

Опорожнив еще графин, Маляпарт весьма грациозно свалился под стол. Ксавье поднял рыцаря, тщетно попытался разбудить его и, взвалив себе на спину, с помощью Ионаса отнес в замок.

Беатриса в этот вечер не увидела за обедом своего второго жениха, но, войдя к себе в комнату, нашла на туалетном столике записку следующего содержания: «Не придет ли прекрасная Беатриса сразиться с призраком? Он будет ждать ее завтра после полудня в лесу повешенного рыцаря».

ДЕНЬ ДЕ МАЛЯБРИ

На следующее утро Беатриса не без тревоги смотрела, как барон Шарль де Малябри, вооруженный до зубов, вышел из замка. Победа этого воинственного жениха могла привести к трагической развязке. Хотя Беатриса видела только тень призрака, быстро исчезнувшую за деревом, она спрятала записку на груди и решила надеть самое красивое послеобеденное платье.

Тем временем Шарль де Малябри подходил к деревне; он ничем не напоминал тридцатилетнего человека, шагающего по дороге среди цветущих изгородей, но скорее был похож на хорошо оснащенную военную машину, которая рвется вперед, к победе. Он ничего не видел, ничего не слышал: он думал только о битве, о борьбе! Рыцарь вошел в лес; его тяжелые башмаки давили на траве маленькие красные землянички, он рубил шпагой воздух и время от времени сносил верхушку какого-нибудь молодого деревца. Малябри тренировался!

Целых два часа он шагал, не находя и следа человека или призрака, как вдруг на маленькой полянке очутился лицом к лицу с рыцарем черной звезды. Рыцари приветствовали друг друга шпагой, а затем, не проронив ни звука, словно они всю жизнь только и ждали этой минуты, вступили в бой.

На обоих были военные доспехи, но и у того, и у другого голову прикрывала только отороченная кожей шапочка; поэтому оба действовали шпагой осторожно.

Шарль де Малябри был одним из первых фехтовальщиков в королевстве, но он вынужден был признать, что у него достойный противник. Самые стремительные удары, самые неожиданные выпады, даже его знаменитый неотразимый прием парировались быстро, уверенно и точно.

Поединок длился уже полчаса, как вдруг Малябри завопил от боли — рыцарь черной звезды отсек ему ухо! Несчастный барон, обливаясь кровью, выронил из рук шпагу и рухнул наземь.

— Извините меня, сударь, — вежливо сказал рыцарь черной звезды, — позвольте оказать вам помощь.

Сняв доспехи, рыцарь вытащил из камзола кусок холста и заботливо обернул им голову Малябри. Закончив перевязку, он влил в рот раненому несколько капель водки и, довольный тем, что его противник пришел в себя, любезно попрощался с ним.

— Надеюсь, сударь, вы без труда доберетесь до замка; не гневайтесь, что я оставляю вас одного, но у меня еще есть дела.

И пока рыцарь черной звезды спокойно удалялся, Малябри силился восстановить в памяти ловкий удар, который лишил его уха.

ПОСЛЕОБЕДЕННЫЕ ЧАСЫ БЕАТРИСЫ

Завтрак в замке прошел приятно. Отто был весел, Бруно первый смеялся над постигшей его накануне неудачей, Поликарп смаковал ни с чем не сравнимый паштет из зайца а ля Мотт-Берри. Беатриса волновалась, думая о предстоящей встрече с рыцарем черной звезды, и в то же время беспокоилась, зная, что Малябри еще в лесу.

Когда подали кофе, она извинилась перед гостями и поднялась в свою комнату; там Беатриса слегка подрумянилась, побрызгала себя жасминовой эссенцией и поспешила на свидание.

Через несколько минут, перейдя поле дядюшки Матье, Беатриса подошла к лесу: дальше идти она не решилась и предпочла подождать рыцаря на краю поля. Отсюда ей были видны одновременно и опушка леса и проселочная дорога.

Проходили минуты; Беатриса начинала терять терпение. Хорошо воспитанный призрак не заставит красивую женщину ждать себя. Теперь она не сомневалась, что над ней просто зло подшутили. Беатриса была готова уйти, как вдруг увидела, что из лесу вышел, улыбаясь, рослый молодой человек.

— Здравствуйте, мадемуазель, — сказал молодой человек. — У вас такой сердитый вид, и он совсем не подходит к вашему прелестному личику и всему вашему очаровательному существу. Какая неприятность могла приключиться с такой молоденькой девушкой в этом лесу?

— Никакой неприятности, сударь, — ответила Беатриса, которая вдруг перестала сожалеть о своей неудаче, — если не считать необходимости поскорее вернуться домой.

— Вернуться домой, мадемуазель? Я уверен, что вы ни разу не были в этом лесу, что вам не знаком ни один кустик, что вы не попробовали ни одной ягодки.

— У этого леса дурная слава.

— Вы имеете в виду привидение? Не бойтесь этого благо-

нравного призрака, он сейчас отдыхает после обеда.

Беатриса почувствовала себя оскорбленной. Итак, рыцарь черной звезды предастся отдыху, а она имела глупость ждать его!

— Мадемуазель, не откажите мне в удовольствии, — продолжал молодой человек, — быть вашим проводником. Небольшая прогулка по лесу вас не задержит.

Беатриса согласилась, испытывая удовольствие при мысли, что рыцарь черной звезды не найдет ее в назначенном месте.

Молодые люди вошли в чащу.

— Позвольте узнать ваше имя, — вдруг спросила Беатриса.

— Меня зовут Ксавье.

— Вы носите то же имя, что и рыцарь де Мильмор, который был повешен в этом лесу.

— Да, то же. Хотите земляники?

Беатриса была счастлива, ее ноги утопали в мягком ковре мхов, ее руки ласкали на ходу шершавые стволы деревьев, сердце ее трепетно билось.

— Какие красивые цветы! — внезапно воскликнула она.

Они вышли на поляну, усеянную розовыми и сиреневыми колокольчиками. Девушка опустилась на колени:

— Помогите мне собрать букет, Ксавье, я хочу принести отцу цветов.

И они принялись вдвоем срывать сотни тонких стебельков. Чем кончилось собирание цветов? Молодые люди все ближе подходили друг к другу, а когда они очутились совсем рядом, Ксавье так нежно коснулся губами виска Беатрисы, что девушка даже и не подумала отодвинуться.

РЫЦАРЬ ЧЕРНОЙ ЗВЕЗДЫ

Когда спустя два часа Беатриса вернулась в замок, она нашла Аглаю очень взволнованной.

— Мадемуазель, ваш отец уже несколько раз справлялся о вас. Произошло необычайное событие: барон де Малябри победил призрака и даже потерял в бою ухо.

Сердце Беатрисы сжалось. Раз Малябри вернулся победителем, она должна выйти за него замуж. Еще никогда мысль о замужестве не была ей столь отвратительна! Она подумала о Ксавье. Бедный мальчик! Он, несомненно, слишком бе-

ден, чтобы просить ее руки. Может ли он соперничать с могущественным бароном Шарлем де Малябри, другом самого короля?

Беатриса сдержала наворачнувшиеся слезы и спустилась в парадный зал. Там она нашла сиявшего радостью Поликарпа.

— Дочь моя, наконец-то нашелся достойный вас супруг; барон сразил рыцаря черной звезды, жалкого авантюриста без рода и племени, и готов сложить его доспехи к вашим ногам.

Беатриса обернулась и увидела де Малябри с повязкой на голове и тяжелым панцирем в руках.

— Это был самый жестокий бой в моей жизни, мадемуазель, — сказал барон, — и только надежда завоевать вас помогла мне выйти победителем. Вы не откажете мне в своей руке?

— Я дала слово, — ответила Беатриса и обратилась к Отто и Бруно, которые грустно смотрели на нее. — Благодарю вас за ваши усилия, и не огорчайтесь, что они не увенчались успехом. Провидение и отвага моего жениха решили мою судьбу.

Потом она сказала Поликарпу.

— Радуйтесь, отец, у вас будет зять, который сумеет защитить ваши интересы; благоволите отпраздновать обручение.

Малябри вытащил из своего камзола футляр, в котором сверкало золотое кольцо с великолепным бриллиантом, и уже собрался надеть его на палец Беатрисы, как вдруг у входа в зал произошло какое-то столкновение.

Рослый молодой человек, вооруженный шпагой, растолкал стражу, преграждавшую ему дорогу, и подошел к Малябри.

— Ксавье! — воскликнули одновременно Беатриса, Отто и Бруно, но в этих возгласах были разные оттенки.

— Да, господа, Ксавье де Мильмор, правнук повешенного рыцаря и бывший призрак.

— Вы призрак? Но ведь я собственными руками убил его сегодня утром в лесу, — заявил Малябри. — Вы обманщик, милый мой, и вас придется наказать.

— Значит, призрак убит вами? — с издевкой спросил Ксавье. — Позвольте мне в таком случае передать вам его последний подарок.

И он швырнул что-то к ногам Малябри; это было ухо. Барон лишился дара речи.

— Я приехал в этот край, —спокойно продолжал Ксавье, —чтобы отомстить за своего прадеда, которого повесили здесь, хотя он не заслужил этого.

— Он это заслужил, сударь, —возразил Поликарп.

— Я отрежу ухо каждому, кто почтет справедливой смерть моего прадеда. Неужели кто-нибудь еще продолжает думать, что мой предок был вором?

— Это заблуждение, —сказал Поликарп.

— Итак, между нами нет разногласий! Будь у вас сын, я, пожалуй, проучил бы его, но у вас дочь, самая очаровательная из всех девушек; я прошу у вас ее руки. Да заглохнет вражда между родом Мильморов и ля Мотт-Берри.

— Беатриса — моя невеста, сударь, —возразил Малябри.

— Простите, —вмешался Отто, —но вы не убили призрака, и Беатриса может взять свое слово назад.

— Как честный игрок, —сказал Бруно, —я поддерживаю Ксавье.

Малябри обратился к Поликарпу.

— Сударь, имею честь просить у вас руки вашей дочери; должен вас предупредить, что король будет огорчен, когда узнает, какое оскорбление нанесли его верному слуге. Ваши владения обширны, и король, который охотно награждает своих баронов, найдет здесь все необходимое для хорошего подарка. Прибавлю также, что в королевстве имеются темницы для врагов короля и монастыри для непокорных девушек.

Одним прыжком Ксавье подскочил к Малябри.

— Сударь, извольте дать слово дворянина, что ни звука об этой истории не дойдет до ушей короля. Не то...

— Не то? — заносчиво переспросил барон.

— Я отрежу вам второе ухо.

Ксавье едва успел отпрыгнуть, —разъяренный Малябри выхватил шпагу. Бледный от бешенства, видя, что внезапное нападение не удалось и шпага его скрестилась со шпагой противника, он яростно нападал, но, как и утром, противник его был неуязвим. Ловким ударом Ксавье рассек на голове барона повязку, она упала на пол, и соблазнительная цель — второе ухо — обнажилась.

Вот тогда-то вмешался Бруно.

— Господа, мне жаль второго уха барона, я полагаю, что он может, не роняя своей чести, дать слово дворянина. А что касается Ксавье де Мильмора, он заслужил руку Беатрисы. Я

буду счастлив, если она разрешит мне быть ее шафером.

— И я, — сказал Отто. — Я сыграю на флейте свадебный марш.

Малябри понял, что ему надо смириться.

— Даю слово, господа, — глухо произнес он, — что все останется между нами.

Он поднял с пола свое ухо, положил его в карман и, поклонившись, оставил зал.

Тогда Ксавье упал на колени перед Беатрисой, а Поликарп приказал подать виноградную водку, чтобы помянуть призрака.

— Дайте и мне немножко водки, — сказал Мăляпарт.

Золотая головня

Якоб и Вильгельм ГРИММ

ПОДЗЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

ил-был некогда богатый король, и было у него три дочери; они каждый день гуляли по замковому саду, а король был такой большой любитель всяких плодовых деревьев, что объявил, что всякого, кто сорвет хоть одно яблоко с дерева, он силой заклятья упрячет на сто сажен под землю. Вот наступила осень, и стали яблоки на одном из деревьев красные, точно кровь. А три королевские дочери гуляли каждый день под деревом и сморели, не стряхнет ли ветром хоть одно яблоко, — ведь за всю свою жизнь они не нашли ни одного, которое бы упало, — а дерево чуть не ломилось от яблок, и ветки его прогнулись до самой земли. И вот очень уж захотелось младшей королевне съесть яблочко, и сказала она своим сестрам:

— Наш отец нас очень любит, и вряд ли он выполнит свое заклятье; я думаю, что это относится только к чужим людям. — И она сорвала самое крупное яблоко и, подбежав к своим сестрам, сказала:

— Вот, отведайте, милые сестрицы, хотя бы кусочек! Я за всю свою жизнь не ела никогда такого вкусного яблока.

И откусили обе старшие королевны по куску яблока, и все трое тотчас опустились под землю, да так глубоко, что не слышать было и петушиного крика.

Вот наступил полдень, и король собрался уже идти к

столу, но дочерей нигде найти не мог; он долго искал их и в замке и в саду, но все понапрасну. Он был так опечален, что приказал объявить по всей стране, что тот, кто найдет его дочерей, возьмет любую из них себе в жены. И много тогда молодых людей пустилось на поиски, так как трех королевских дочерей все очень любили, — были они ко всем ласковы, да лицом к тому же очень красивы. Среди прочих были три молодых охотника, и, проездив целую неделю, прибыли они к большому замку, а в замке том были красивые комнаты, и в одной из них был накрыт стол; стояли на нем разные вкусные яства, и все они были горячие, и шел от них еще пар, хотя во всем замке не было не слышно и не видно ни одной человеческой души. Просидели они там, дожидаясь, целых полдня, а кушанья все оставались горячими, и от них шел пар; они так проголодались, что сели и начали есть, да порешили между собой остаться жить в этом замке и кинуть жребий, кому в доме остаться, а кому ехать вдвоем на поиски королевских дочерей; так они и сделали; и выпал жребий остаться в замке старшему. На другой день двое младших отправились на поиски, а старший остался дома. Вдруг является в полдень маленький человечек и начинает его просить дать ему кусочек хлеба; взял тогда старший охотник хлеб, отрезал целый ломоть и подал ему, но маленький человечек его уронил и попросил, чтобы тот был так добр и подал ему этот кусок хлеба. Он согласился, и вот когда он нагнулся за хлебом, маленький человечек взял палку, схватил его за волосы и стал бить.

На другой день дома пришлось оставаться среднему — и с тем случилось то же самое. Вернулись охотники вечером домой, а старший и спрашивает среднего:

— Ну, как поживаешь?

— Ох, очень плохо! — стали они тогда рассказывать один другому про свою беду, но младшему ничего о том не сказали, — они его не любили и всегда называли глупым Гансом, потому что он был не такой, как они.

На третий день дома оставаться пришлось младшему, и снова явился маленький человечек и стал просить дать ему кусочек хлеба; дал Ганс ему хлеба, а тот его снова уронил и стал просить, чтобы был он так добр и поднял бы кусок хлеба. Но младший сказал маленькому человечку:

— Что? Разве ты сам не можешь его поднять? Если ты не хочешь

позаботиться о своем хлебе насущном, то ты недостоин его и есть.

Разозлился тогда человек и сказал, что он должен ему поднять хлеб, но Ганс, не будь ленив, схватил человечка того за шиворот и здорово его отколотил. Стал тогда человек кричать изо всех сил:

— Не бей меня, отпусти ты меня, — скажу я тебе тогда, где находятся королевны!

Услыхал это Ганс и перестал его бить. И рассказал ему тот человек, что живет он, мол, под землей и что там их больше тысячи, и предложил ему идти вместе с ним, обещая ему указать, где находятся королевны. Привел он его к глубокому колодцу, но воды в нем не было. Рассказал ему человек, что он доподлинно знает о том, что его приятели злое против него замышляют и что если он хочет освободить королевен, то должен сделать это один; что и его спутники тоже хотят отыскать королевен, но хотят они это сделать, не прилагая усилий и избегая опасностей; что должен он взять большую корзину, сесть в нее, взять с собой колокольчик и большой охотничий нож и спуститься вниз; а внизу находятся три комнаты, и в каждой из них сидит по королевне, а возле каждой из них лежит многоголовый дракон, и должен он тем драконам все головы отрубить.

Рассказал все это подземный человек и исчез.

Наступил вечер, и вернулись два охотника и стали у него спрашивать, как ему дома пришлось, и он ответил, что было очень хорошо, — никаких людишек он не видел, а вот в полдень приходил-де маленький человек, кусочек хлеба просил; и хлеба он ему дал, но тот человек его уронил и стал просить, чтоб он его поднял и подал ему; но он сделать этого не захотел, и стал тогда человек его бранить, а он его хорошенько отколотил, и человек тогда ему рассказал, где находятся королевны. Услыхав о том, оба охотника так разозлились, что от злости прямо пожелтели да позеленели. На другое утро пошли они все к колодцу и бросили жребий, кто первый должен спуститься туда в корзине; и выпал жребий опять старшему. Сел он в корзину, взял с собой колокольчик и говорит:

— Когда я позвоню, тащите меня быстро наверх.

Только он начал спускаться, как зазвонил колокольчик, чтоб тащили его наверх. Тогда сел в корзину средний, но и с ним было то же. Вот наступил черед младшему, и спустили его на самый низ. Вышел он из корзины, взял свой большой охотничий нож, подошел к первой двери, остановился и стал прислу-

шиваться; и услышал он, что дракон громко храпит. Тогда он медленно приоткрыл дверь, видит — сидит в комнате одна из королевен, а девятиглавый дракон положил головы ей на колени и стережет ее. Взял он тогда свой большой охотничий нож и отрубил с маху все девять голов. Тут королева вскочила и бросилась ему на шею, стала его обнимать и целовать; и сняла она с груди свое ожерелье — а было оно из червонного золота — и надела ему на шею. И отправился он затем за второй королевной. Ее тоже стерег дракон с семью головами, и освободил он ее так же, как и младшую, которую сторожил дракон с четырьмя головами, и отрубил ему головы тоже. И стали они все его расспрашивать, обнимать и целовать без конца. Затем он стал звонить в колокольчик, пока его не услышали. И посадил он трех королевен одну за другой в корзину и велел всех их тащить вверх. Но пришел черед и ему вверх подниматься; тут он вспомнил слова подземного человечка, что приятели его замышляют против него недоброе. Взял он тогда большой камень, что лежал на дне колодца и положил его в корзину; но когда корзина поднялась до середины, обрезали коварные охотники веревку, и упала корзина с камнем на дно колодца, и подумали они, что он разбился, и убежали с тремя королевнами, взяв с них обещание, что они скажут своему отцу, что освободили их, дескать, они. Вот пошли они к королю и стали его просить отдать им дочерей в жены.

А тем временем молодой охотник бродил, грустный и печальный, по трем комнатам, думая, что придется ему тут помирать. Вдруг видит он — висит на стене флейта, и сказал он: «Зачем ты висишь здесь на стене, кому тут может быть весело?» Поглядел он на головы драконов и промолвил: «И вы тоже помочь мне ничем не можете». Расхаживал он по комнатам так долго, что весь земляной пол утоптал. Наконец пришли ему в голову другие мысли, и он снял со стены флейту и начал на ней играть; вдруг явилось множество подземных человечков, и с каждым звуком флейты их являлось все больше и больше; тогда он стал продолжать игру, пока вся комната не наполнилась человечками. Стали все они расспрашивать, чего он хочет, и он им ответил, что хотелось бы ему снова вернуться на землю, на белый свет поглядеть. Вот подхватили тогда они его, и каждый схватил его за один волос на голове, и так они его за волосы вверх из колодца и вытянули.

Когда он очутился на земле, то счастливо добрался к королевскому замку, где как раз в это время должна была состоять-

ся свадьба одной из королевен, и он направился прямо в комнату, где находился король со своими тремя дочерьми. Увидев его, они упали на пол без чувств. Разгневался король и велел посадить его тотчас в темницу, думая, что он причинил зло его дочерям. Но когда королевны снова очнулись, они стали просить своего отца, чтобы он освободил его из темницы. Король их спросил, почему они просят его об этом. Но они ответили, что не смеют ничего о том ему рассказать. Тогда он велел, чтобы они рассказали о том печке. Вышел он из комнаты и стал у дверей подслушивать, и так узнал он обо всем. Велел он тогда тех двух охотников повесить, а третьему отдал свою младшую дочь в жены.

И надел я на свадьбу стеклянные башмаки, да споткнулся о камень, и — дзынь! — пришел им капут.

БАРБАИК ЛОХО И ДОМОВОЙ

Французская сказка

Барбаик Лохо была служанкой в Керарборне, в окрестностях Плуара. В ту пору она еще была молода и слыла проказницей и хохотушкой. В Керарборне, как и везде, был свой добрый домовой, который взял на себя заботу о коровах фермы — потому-то они и давали так много самого лучшего молока, жирного и с густыми сливками. О лошадях домовой Керарборна совершенно не заботился, — он угождал только женскому полу. Ночью он подметал кухню, мыл посуду, чистил кастрюли и медные тазы и наводил на них блеск, он натирал мебель, шкафы, буфеты и старинные поставцы из резного дуба и делал это так, что на кухню старой Маркхарит, предшественницы Барбаик, любо было смотреть. Всюду царила удивительная чистота, все так сияло и блестело, что можно было глядеться в каждую вещь, как в зеркало. Что и говорить, хорошо жилось стряпухе в Керарборне! Но уж зато каждый день, когда Маркхарит ложилась спать, она всегда, бывало, позаботится, чтобы зимою в печи было достаточно жара; в углу, у самого очага, она клала круглый камень-голыш отполированный морскими волнами и имевший форму тыквы, и, лежа в постели, смотрела, как ее милый домовой, окончивши все свои работы, пробирался к этому камню, устраивал-

ся на нем и грелся, слушая песни своего приятеля сверчка, покуда не пропоют петухи. Ростом он был меньше фута, но Маркхарит ни разу не удалось увидеть его лицо, так как оно всегда было скрыто широкополой шляпой, вроде тех, какие носят в Корнваллисе. К доброму домовому все привыкли и его не боялись, потому что он никому не делал зла.

Но вот старая Маркхарит умерла, и место стряпухи, которого все так добивались, досталось молодой Барбаик. Она была счастлива и гордилась этим. Сначала все шло как нельзя лучше. Домовой охотно помогал красивой и веселой Барбаик и избавлял ее от самой грубой работы: ему нравились ее песни и ее смех, которые целый день разносились по всему дому вместо воркотни и брюзжания старой Маркхарит. Но у Барбаик всегда была какая-нибудь шалость или проказа на уме, и вот однажды ей вздумалось подшутить над своим другом домовым. Увы, это было началом всех ее несчастий!

Однажды вечером, перед тем как лечь спать, она нагрела погорячей на огне камень-голыш и затем положила его на обычное место. Она лежала в постели и с нетерпением ждала появления домового. Он пришел, как всегда, и, ничего не подозревая, направился на свое всегдашнее место, но сейчас же вскочил и со страшным криком, от которого содрогнулся весь дом, бросился бежать, почесывая зад и опрокидывая все на своем пути. Барбаик испугалась: она поняла свою оплошность и теперь горько раскаивалась в ней! Но увы! Уже было поздно! Начиная с этого дня, все пошло кувырком. Коровы исхудали, стали совсем тощие и почти не давали молока, а то немногое, что они давали, сейчас же скисало. В кухне был беспорядок и невообразимая грязь. Бедная девушка разучилась смеяться, и у нее сделалась такая несчастливая рука, что стоило ей прикоснуться к тарелке или к горшку, как эта вещь падала на каменные плиты пола и разбивалась вдребезги, и тогда ей слышался страшный, злорадный смех. Стряпня ее также стала отвратительна: и суп и каша всегда были либо недосолены, либо пересолены, блины подгорали, мясо недожаривалось; слуги беспрестанно жаловались на еду, и кончилось тем, что Барбаик рассчитали. Она вскоре нашла другое место, но несчастья следовали за ней по пятам, и наконец никто уже не хотел ее держать. Бедная девушка совсем отчаялась, пала духом, и немного времени спустя ей пришлось стучаться во все двери и просить подаяния. Так из-за проклятия домового, которого

она обидела, она в тридцать лет превратилась в сгорбленную старуху.

ДОМОВЫЕ

Французская сказка

В давние времена в Монтье был домовый, который повадился ходить каждую ночь в конюшню дядюшки Шалуана; он чистил лошадей скребницей, расчесывал хвосты и гривы, засыпал им корм и поил их. Лошади раздобрили, залоснились, но овес в закромах убывал очень уж быстро, и невозможно было дознаться, кто его крадет. Однажды дядюшка Шалуан сказал себе: «Должен же я наконец дознаться, кто чистит моих лошадей и крадет мой овес!»

Как только стемнело, он притаился в конюшне. Вскоре он увидел, как туда вошел домовый в красном колпачке. Дядюшка Шалуан тотчас схватил вилы и закричал:

— Вон отсюда, негодник, не то я убью тебя! — и сорвал с домового колпачок.

— Отдай мой колпачишко, — вскричал домовый, — не то я превращу тебя в осла!

Но хозяин не выпускал колпачка из рук и продолжал вопить:

— Вот отсюда, негодник, я тебя убью!

Домовой наконец ушел, а дядюшка Шалуан рассказал своим домашним о том, что произошло, и как домовый грозил превратить его в осла за то, что он отнял у него красный колпачок.

На другое утро работники, обеспокоенные тем, что дядюшка Шалуан долго не показывается, пошли в конюшню и очень изумились, увидев, что подле лошадей стоит какой-то осел. Они тотчас вспомнили угрозу домового. Ему вернули красный колпачок, и осел снова стал дядюшкой Шалуаном.

Тому назад три тысячи, а то и больше, лет у нашего соседа на гумне было много хлеба. И вот, каждое утро, когда он приходил на гумно, оказывалось, что часть зерна уже обмолочена, а на току приготовлены снопы для обмолота к следующему дню. Он никак не мог понять, в чем тут дело.

Однажды вечером, спрятавшись в уголке, он увидел, как на гумно вошел крохотный человечек и давай молотить!

Сосед сказал себе: «Я должен подарить этому малышу нарядный кафтанчик за его труды». А человек-то был совершенно гол. Вот сосед и сказал жене:

— Наш хлеб молотит какой-то человек, надо ему сшить нарядный кафтан.

Наутро жена соседа собрала разные лоскуты и сшила из них кафтанчик, который ее муж затем положил на кучу зерна.

На следующую ночь домовый опять пришел; взявшись за молотьбу, он нашел кафтанчик. От радости он начал скакать по гумну, приговаривая:

— За хорошим хозяином служба не пропадает!

Он немедленно надел кафтанчик и нашел, что он чудо как хорош!

— Раз я получил за свой труд — пусть теперь молотит кто хочет!

Сказано — сделано. С этими словами человек ушел и больше уж не возвращался.

ФЭРН-ДЭНСКИЙ БРАУНИ

Шотландская сказка

Некогда в Шотландии водилось много брауни. Брауни — они вроде домовых, но живут не в домах и не во дворах людей, а сами по себе, где-нибудь поблизости от людского жилья. Много рассказывают сказок про брауни из Бодсбека и брауни из Бледнока, но самая лучшая — это сказка про брауни из Фэрн-Дэна.

«Фэрн-Дэн» значит «Папоротниковый лог». Так называлась одна ферма, потому что стояла она в конце лога, где буйно росли папоротники. По этому логу надо было пройти, чтобы попасть на ферму.

Ходили слухи, будто в логу живет брауни. Днем он не появлялся, а по ночам люди иногда видели, как он бесшумно, словно безобразная тень, крадется от дерева к дереву, стараясь, чтобы его не заметили. Но он никогда никому не вредил.

Ведь все брауни, если их не обижают, не только не вредят людям, но даже всячески стараются помочь тем, кто нуждается в помощи. Фермер, хозяин Фэрн-Дэна, частенько говаривал, что прямо не знает, как он обошелся бы без своего брауни. Ведь если на ферме была спешная работа, скажем, если надо было

обмолотить и провеять рожь, или ссыпать зерно в мешки, или собрать репу, или выстирать белье, сбить масло, выполоть огород — на помощь приходил брауни. Хозяевам фермы стоило только, отходя ко сну, распахнуть дверь в амбар, или в молочную, или в сарайчик, куда складывали репку, да поставить на порог чашку с парным молоком — брауни на ужин, и когда они наутро просыпались, чашка оказывалась пустой, а все работы на ферме законченными. И все было сделано даже лучше, чем сделали бы люди.

Все знали, какой этот брауни кроткий и незлобивый, но все почему-то боялись его. Когда люди возвращались домой из церкви или с базара, они даже ночью делали крюк мили в две, только бы не проходить по логу — так им было страшно увидеть брауни даже издали.

Впрочем, страшились его не все. Жена фермера сама была такая добрая и приветливая, что не боялась ничего на свете. Когда ей надо было поставить за порог чашку молока, брауни на ужин, она наливала в нее самое густое, жирное молоко да еще подбавляла к нему полную ложку сливок.

— Брауни на нас усердно работает, — говаривала она, — а жалованья не просит. Значит, мы должны угощать его как можно лучше.

И вот однажды вечером фермерша внезапно захворала, да так тяжело, что все боялись, как бы она не умерла. Муж ее очень встревожился; да и слуги тоже, — ведь она была добрая хозяйка, и они любили ее, как мать родную. Но все они были люди молодые, в болезнях ничего не понимали и потому говорили, что надо бы вызвать опытную старуху лекарку, что жила в семи милях от фермы на другом берегу реки.

Но кому за ней съездить? Вот вопрос! Близилась полночь, тьма была крошечная, путь к дому лекарки пролегал через лог, а там, чего доброго, можно было встретить брауни, которого все боялись.

И никто на ферме не знал, что тот, кого все они так опасаются, стоит сейчас за кухонной дверью.

Это был крошечный волосатый уродец с длинной бородой, красными веками, широкими плоскими ступнями — точь-в-точь жабы лапы — и длинными-предлинными руками, доходившими до земли, даже если он стоял прямо.

Брауни в трёвоге прислушивался к разговору на кухне. В тот вечер он, как всегда, вышел из потаенной норы в логу, чтобы узнать, нет ли работы на ферме, и выпить свою чашку молока.

И тут он увидел, что входная дверь дома не заперта, а в окнах горит свет, и догадался, что на ферме что-то неладно. Ведь в этот поздний час там всегда было темно и тихо. Ну, он и прокрался на крыльцо разузнать, что случилось. И вот он узнал из разговора слуг, что фермерша занемогла. Тут сердце у него упало — ведь фермершу он крепко любил, потому что она всегда была добра к нему. И он очень рассердился, когда понял, что эти трусы не смеют съездить за лекаркой, потому что боятся его, брауни.

— Дураки, олухи, болваны! — забормотал он и топнул широкой безобразной ногой. — Словно я брошусь их кусать, как только встречу! Эх, если б они только знали, как я стараюсь не попадаться им на глаза, они бы не мололи такого вздора. Но мешкать нельзя. Эдак хозяйшка и помереть может. Придется, видно, мне самому за лекаркой ехать.

Тут брауни поднял руку, снял с гвоздя темный плащ фермера и накинул его себе на голову. Он хорошенько закутал в плащ свое нескладное тело, потом побежал на конюшню, а там оседлал и взнуздal самую резвую из лошадей. Потом повел лошадь к двери и вскарабкался к ней на спину.

— Ну, коли ты всегда бегаешь быстро, так сейчас беги еще быстрее! — сказал он.

И лошадь словно поняла его. Она тихонько заржала, запрядала ушами, потом ринулась во тьму, как стрела, пущенная из лука. Никогда еще она не бежала так быстро, и вскоре брауни остановил ее у домика старухи лекарки.

Она крепко спала. Но брауни забарабанил в окно, и тут же в окне показался белый ночной чепец. Старуха прижалась лицом к стеклу.

— Кто там? — спросила она.

Брауни наклонился и проговорил своим глухим басом:

— Скорей собирайся, тетушка! Надо спасти жизнь хозяйке Фэрн-Дэна. На ферме ее некому лечить, там одни только дуры-служанки.

— Но как же я туда попаду? — с беспокойством спросила старуха. — За мной прислали повозку?

— Нет, повозки не прислали, — ответил брауни. — Садись ко мне за спину и крепко держись за меня. Я тебя довезу до Фэрн-Дэна целой и невредимой.

Он не просто говорил, а приказывал, и старуха не посмела послушаться. К тому же в молодости она не раз так ездила верхом, за спиной у какого-нибудь всадника. Она оделась и

вышла из дому. Потом стала на камень, что лежал у порога, влезла на лошадь и села, крепко обхватив незнакомца в темном плаще.

Они ни словом не перемолвились, пока не подъехали к логу. Тут старухе стало жутко.

— Как думаете, нам здесь не встретится брауни? — робко спросила она. — Не хочется мне его видеть! Люди говорят, что встреча с ним — не к добру.

Спутник ее рассмеялся каким-то странным смехом.

— Не беспокойся и не болтай вздора, — сказал он. — Ты боишься встретить уродца. Но ничего безобразней того, кто сейчас сидит с тобой на лошади, ты не увидишь. За это я ручаюсь!

— Ну тогда все хорошо и ладно! — отозвалась старуха со вздохом облегчения. — Хотя я и не видела вашего лица, но знаю, что вы человек добрый, раз вы так успокаиваете бедную старушку.

Больше она ни слова не вымолвила, пока они не проехали по всему логу и лошадь не вбежала во двор фермы. Тут всадник спешился, протянул свои сильные длинные руки и осторожно ссадил старуху. И вдруг с него соскользнул плащ, и старуха увидела, что спутник ее — уродец с коротким широким туловищем и безобразными руками и ногами.

— Да кто же вы такой? — спросила она, вглядываясь ему в лицо при свете занявшейся зари. — Почему у вас глаза как плошки? И что у вас за ступни? Больно уж они велики! Да и на жабы лапы смахивают.

Маленький уродец рассмеялся.

— Я много миль прошагал пешком в молодые годы. А говорят, кто много ходит, у того ступни расшлепаны, — ответил он. — Но ты, тетушка, не трать времени на болтовню. Ступай в дом. А если кто тебя спросит, как ты добралась сюда так быстро, скажи, что люди, мол, за мной не приехали, ну и пришлось мне сидеть за спиной у брауни из Фэрн-Дэна!

«Я САМ»

Шотландская сказка

Жил-был мальчик, и звали его Парси. Как и многие мальчики и девочки, он вечером ни за что не хотел ложиться спать.

Парси и его мама жили в маленьком каменном домике на

самой границе между Шотландией и Англией. Жили они бедно, но по вечерам, когда ласково теплилась свечка, а в камине ярко горел огонь, в домике у них было очень уютно.

Тогда Парси садился у огонька, а мама рассказывала ему старые сказки. А если не рассказывала, он сидел просто так и сонно смотрел на пламя, — ведь оно то и дело менялось, вспыхивало, опадало... Наконец (Парси всегда считал, что — слишком рано) мать говорила сынишке:

— Пора тебе спать, Парси!

Мальчик упирался, говорил: «Еще рано!» Но все-таки приходилось ему ложиться в постель. А ляжет, так, бывало, не успеет положить голову на подушку, как заснет.

И вот однажды он никак не хотел ложиться, а матери надоело его уговаривать. Она взяла свечу и сказала:

— Ну что ж, оставайся тут, раз уж тебе так хочется. Но если явится старуха фея и тебя с собой заберет, сам будешь виноват. Пеняй на себя, что меня не слушался.

И она ушла в спальню.

«Вот еще! Так я и побоялся старухи феи!» — сердито подумал Парси и остался сидеть у огня.

Надо сказать, что в домике матери Парси, как и во многих других фермерских домах, каждую ночь появлялся маленький брауни. Бесенок спускался в камин по дымовой трубе, подметал комнату и наводил в ней полный порядок. В награду за эти услуги мать Парси никогда не забывала ставить за порогом чашку сливок, снятых с козьего молока. И наутро чашка всегда оказывалась пустой. Ведь в те времена все домовые-брауни дружили с людьми. Но они были вспыльчивы и сердились, если им казалось, что люди их обидели. Горе было хозяйке, когда она забывала поставить для брауни чашку сливок! Наутро все у нее в доме было перевернуто вверх дном, и брауни больше уже никогда не приходил ей помогать.

Но тот брауни, что помогал матери Парси, каждый вечер находил за порогом чашку сливок. Поэтому он являлся ночь за ночью и работал бесшумно и ловко, пока Парси и его мать крепко спали.

Надо сказать, что у этого брауни тоже была мать — старая фея, очень сердитая; людей она недолюбливала. Про нее-то и говорила мать Парси, когда уходила спать.

И вот Парси все сидел да сидел у огня, очень довольный, что настоял на своем. Но когда огонь стал угасать, мальчик озяб и стал подумывать о своей теплой постельке. Он уже собирался отправить-

ся спать, как вдруг что-то зашуршало и зацарапалось в дымовой трубе, и вот из камина в комнату выпрыгнул брауни — бесенок с тонкими кривыми ножками и острыми ушками. Парси очень удивился — он никак не ожидал увидеть брауни. А тот удивился тоже, почему Парси все еще не спит. Мальчик поглядел, поглядел на брауни и наконец спросил:

— Как тебя звать?

— «Сам», — ответил брауни с лукавой усмешкой. — А тебя как?

Парси догадался, что брауни пошутил, и решил тоже ответить шуткой:

— Меня зовут «Я сам».

Затем Парси принялся играть с брауни у огня. «Сам» был прыткий бесенок, и Парси только глазами хлопал, когда тот ловко, словно кошка, спрыгивал с высокого шкафа на стол или разбрасывал корзинки по всему полу.

Немного погодя Парси помешал угли в камине, и тут, к его ужасу, горячий уголек отскочил в сторону и упал прямо на ножку брауни. «Сам» взвизгнул, да так пронзительно, что старуха фея, его мать, услышала и свирепо крикнула в дымовую трубу:

— Кто тебе сделал больно? Отвечай! Вот я сейчас спущусь и задам ему!

Тут Парси бросился в спальню, забрался в свою кроватку и с головой завернулся в одеяло. Он дрожал всем телом — так ему было страшно.

— Ну, говори же, кто тебе сделал больно! — кричала старуха фея сыну.

— Это «Я сам»! — взвизгнул в ответ брауни.

— Так чего ж ты расшумелся? — отозвалась его мамаша. — И как ты смеешь беспокоить меня своим визгом по пустякам? Сам себе сделал больно, значит, сам и виноват!

Тут из дымовой трубы высунулась длинная костлявая рука со скрюченными пальцами, схватила брауни и утащила его.

Наутро мать Парси увидела, что чашка со сливками стоит за порогом нетронутая. И брауни уже больше ни разу не пришел в ее домик. Жалко было матери Парси потерять такого хорошего помощника, но зато сынишку ее уже не приходилось уговаривать ложиться спать. Парси побаивался — а вдруг длинная костлявая рука со скрюченными пальцами опять высунется из камина, да и утащит его, Парси, в дымовую трубу.

ДОМОВЫЕ

СКАЗКА ПЕРВАЯ

Жил-был сапожник, да не по своей вине так обеднел, что остался у него напоследок всего только кожи кусок на пару башмаков. Вот выкроил он вечером башмаки, собираясь на другое утро их шить. Совесть у него была чиста, он лег спокойно в постель и, полагаясь на волю Господню, уснул.

Утром, встав и помолившись, хотел он было за работу приняться, глядь — стоят у него на столе башмаки, совсем готовые. Удивился он и не знал, что ему и сказать на это. Взял он башмаки в руки, чтоб получше их разглядеть. Видит — сработаны они чисто, нет нигде ни единого шва неправильного, словно вышли они из-под руки мастера. А тут вскоре и покупатель явился. Башмаки ему очень понравились, и он заплатил за них больше, чем обычно, и сапожник мог на эти деньги купить кожи на целых две пары башмаков.

Вечером скроил он их, собираясь на другое утро со свежими силами приняться за работу, но делать ему этого не пришлось: встал он утром, а они стояли уже сшитые; и покупателей нашлось достаточно, и заплатили они ему так много денег, что он смог купить теперь кожи на целых четыре пары башмаков. А ранним утром нашел он все четыре пары уже сшитыми.

Так продолжалось все дальше — что ни выкроит он вечером, а к утру оно уж и готово, — так что в скором времени имел он свой честный заработок и наконец стал человеком зажиточным.

И вот как-то вечером, незадолго до Рождества, выкроил он опять башмаки и, прежде чем ложиться спать, говорит жене:

— А что, если нам эту ночь остаться здесь да посмотреть, кто это нам такую помощь оказывает?

Жена с ним согласилась, и они зажгли свечку, а сами спрятались в углу — там, где висели платья, — и стали присматриваться.

Вот наступила полночь, и явились два маленьких красивых голых человечка. Сели они за сапожный столик, взяли заготовки и начали своими пальчиками так ловко да быстро работать

шилом, шить да постукивать, что сапожник и глаз не мог отвести от удивленья.

И не бросили человечки своей работы до тех пор, пока все не было закончено и башмаки стояли готовые на столе; затем они спрыгнули и быстро исчезли.

Вот и говорит жена на другое утро:

— Эти маленькие человечки принесли нам богатство; надо будет отблагодарить их за это. Они все суетятся и бегают, а сами-то раздетые, разутые, пожалуй, им холодно. Знаешь что? Сошью-ка я им рубашечки, кафтаны, жилеты и штанишки да свяжу им по паре чулочек.

А муж ей и говорит:

— Что ж, я с тобой вполне согласен.

Когда все было сшито и приготовлено, разложили они на столе вместо заготовок подарки и спрятались снова, чтоб поглядеть, что станут делать человечки с теми подарками. Ровно в полночь прискакали они и хотели было приняться тотчас за работу, но, увидев, что заготовок нету, а лежат вместо них красивые платья, они сначала удивились, а потом очень обрадовались. Ловко и быстро оделись, справили на себе красивые одежды и запели:

*Теперь нам, красавчикам мальчикам, можно
И не возиться с дратвой сапожной!*

И начали прыгать, плясать и скакать через стулья и скамьи. Наконец, танцуя, подошли они к двери и исчезли.

С той поры они больше уже не являлись, но дела сапожника пошли хорошо; и что бы он ни начинал делать, была ему во всем целую жизнь удача.

СКАЗКА ВТОРАЯ

Жила-была на свете бедная девушка-работница. Была она к работе усердная, прилежная да внимательная: каждый день комнату в доме убирала и сор у дверей в большую кучу складывала.

Однажды утром, только собралась она опять за работу приняться, видит — лежит у двери письмо, но прочесть она его никак не могла; поставила она метлу в угол, а письмо отнесла своим хозяевам, и

было в том письме приглашение от домовых: они просили девушку крестить у них ребенка. Девушка не знала, как ей поступить; наконец после долгих уговоров и после того, как хозяева ей сказали, что от подобного приглашения отказываться ей не следует, она согласилась.

И вот явились трое домовых и повели ее внутрь горы, где жили эти человечки. Все было там маленьким, но таким красивым, таким великолепным, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Роженица лежала в кровати, сделанной из черного дерева и украшенной резьбой и жемчугами; одеяло было золотом вышито, колыбель из слоновой кости, а купель вся из чистого золота.

Стала девушка у них кумой, ну, а затем и домой идти собралась, а маленькие домовые стали настойчиво ее просить еще дня на три у них остаться. Она осталась и прожила это время в радости и довольстве, и старались маленькие человечки сделать ей все приятное. Наконец собралась она домой, но перед тем как ей уйти, насыпали они ей золота полные карманы и вывели ее опять на гору.

Пришла она домой, хотела за работу приняться, взяла в руки метлу, что так и стояла с той поры в углу, и начала было подметать комнату. И вдруг явились чужие люди — жили они в этом доме — и стали ее спрашивать, кто она такая и что она тут делает. И оказалось, что пробыла она у маленьких человечков в горе вовсе не три дня, а целых семь лет, а за это время прежние ее хозяева умерли.

СКАЗКА ТРЕТЬЯ

Выкрали раз у одной матери домовые из колыбели ребенка, а вместо него подложили оборотня с большой головой да пучеглазого, и знал он только одно — есть да пить.

И пошла она по случаю такой беды за советом к соседке. А соседка говорит, что оборотня следует отнести на кухню, посадить на печь, развести огонь и вскипятить воду в двух яичных скорлупах; вот оборотень и засмеется, а как засмеется, то тут ему и конец придет. Женщина сделала все так, как сказала ей соседка. Поставила она на огонь яичные скорлупки с водой; ну, тут-то головастый уродец и заговорил:

*Стал я старый такой,
Как гора Вестервальд, и седой,
Но не видел я никогда,
В скорлупе чтоб кипела вода.*

И начал тут хохотать. И явилось тогда множество маленьких домовых, принесли они опять настоящего ребенка, усадили его на печь, а оборотня с собой взяли.

Якоб и Вильгельм ГРИММ

ДУХ В БУТЫЛКЕ

Жил однажды на свете бедный дровосек и работал он с утра до самой поздней ночи. Вот собрал он наконец немного денег и говорит своему сыну:

— Ты у меня одно-единственное дитя, и хочу я те деньги, что заработал кровавым потом, отдать на твое ученье; научишься ты чему-нибудь путному и будешь меня кормить на старости лет, когда стану я слаб и должен буду сидеть дома.

И поступил юноша в высшую школу, учился он в ней прилежно, и учителя его хвалили; и так пробыл он там некоторое время. Проучился он в двух школах, но всего, однако ж, чему там обучали, пройти он еще не успел, а тут и бедность настала, заработков отца не хватало, и пришлось ему снова домой воротиться.

— Эх, — молвил отец в огорчении, — дать я тебе больше ничего не могу, и при нынешней дороговизне и гроша-то ведь лишнего не заработаешь, разве что хватит только на хлеб насущный.

— Милый батюшка, — ответил сын, — вы о том не беспокойтесь; если на то воля Господня, то все выйдет к лучшему; я уж что-нибудь да придумаю.

Вот собрался отец идти в лес, чтоб заработать немного на лесных работах, а сын ему и говорит:

— Пойду я с вами да вам помогу.

— Ладно, — сказал отец, — но тебе там трудненько придется: ты ведь к тяжелой работе непривычен, пожалуй, не выдержишь; да у меня и топор-то всего один, а лишних денег, чтоб купить другой, нету.

— А вы попросите у соседа, — ответил сын, — он одолжит

вам топор, а там я себе и новый заработаю.

Занял отец топор у соседа, и на другое утро, только стало светать, отправились они вместе в лес. Сын помогал отцу и при этом не уставал, и работа шла как следует. Когда солнце стояло как раз над головою, отец и говорит:

— Давай отдохнем да пополдничаем, оно и работа пойдет потом лучше.

Взял сын кусок хлеба и говорит:

— Вы, батюшка, отдохните, а я не устал, я по лесу похожу да птичьих гнезд поищу.

— Э, да какой ты, однако, шустрый, — молвил отец, — чего тебе там шататься? Устанешь, а потом и руки не подымешь; оставайся-ка ты лучше здесь да посиди вместе со мной.

Но сын не послушался и ушел в лес, поел хлеба, повеселел и стал на зеленые ветки заглядываться, не отыщется ли где какое гнездо. Так бродил он по лесу, пока, наконец, не подошел к большому старому дубу — должно быть, было ему уж несколько сот лет, и был он такой толстый, что куда побольше, чем в четыре обхвата. Он остановился, поглядел на него и подумал: «А на нем, пожалуй, не одна птица гнездо себе свила». И вдруг ему показалось, будто он слышит какой-то голос. Он насторожился и услышал чей-то крик: «Выпусти меня, выпусти!» Осмотрелся он — никого не видать, но ему показалось, будто доносится из-под земли голос. Тогда он крикнул:

— Эй, где ты?

И голос ответил:

— Я здесь, у самых корней дуба. Выпусти меня, выпусти!

Начал студент раскапывать землю под деревом и искать около корней, и вот наконец наткнулся он в маленькой ямке на стеклянную бутылку. Он поднял ее, посмотрел на свет и увидел, что в ней что-то прыгает, похожее на лягушку.

— Выпусти меня, выпусти! — послышался голос снова, и студент, не предполагая ничего плохого, вынул пробку.

И вышел тотчас отуда дух и стал расти, и рос он так быстро, что в несколько мгновений уже стояло перед студентом отвратительное чудовище вышиной с полдерева.

— Знаешь ли ты, — закричал он страшным голосом, — какая награда тебе будет за то, что ты меня выпустил?

— Нет, — ответил студент, — откуда ж мне знать об этом?

— Так вот я тебе скажу, — крикнул дух, — я тебе за это шею сломаю!

— Чего же ты мне раньше-то об этом не сказал? — ответил студент. — Уж я бы тогда там тебя и оставил; а голова-то моя перед тобой устоит, вот хоть людей об этом спроси.

— Да что все у людей да у людей спрашивать, — закричал дух, — заслуженную тобой награду ты должен получить. Ты думаешь, что это я из милости был заперт так долго в бутылке? Нет, это было в наказание; я — могущественный Меркурий, и кто меня освободит, тому я должен сломать шею.

— Эй ты, потише, — ответил студент, — так быстро дело не пойдет; сначала мне надо узнать, и вправду ли ты сидел в бутылке, и действительно ли ты настоящий дух. Если ты сможешь снова залезть в бутылку, тогда я тебе поверю, а потом уже можешь делать со мной что хочешь.

Дух высокомерно ответил:

— Да что тут уметь! Дело это простое, — и он свернулся, сделался таким тонким и маленьким, каким был раньше, и пролез снова в горлышко бутылки. Только он туда забрался, а студент взял и тотчас заткнул бутылку пробкой и бросил ее под корни дуба на прежнее место. Так и обманул он духа. И собрался идти студент назад к своему отцу, а дух как завопит, да так жалобно-прежалобно:

— Ах, выпусти ты меня, выпусти!

— Нет, — ответил ему студент, — во второй раз я тебя уже не выпущу; кто хотел меня жизни лишиться, того уж если я поймал, то не выпущу.

— Если ты меня отпустишь, — закричал дух, — то дам я тебе столько, что на всю жизнь хватит.

— Нет, — ответил студент, — ты меня опять, как первый раз, обманешь.

— Упустишь ты свое счастье, — сказал дух, — я ничего дурного тебе не сделаю, а награжу тебя щедро.

Студент подумал: «Пожалуй, попробую, может, и вправду сдержит он слово, придирайтесь ко мне, пожалуй, ему не за что». И вот он вынул пробку, — и поднялся дух из бутылки, как в прошлый раз, вытянулся и стал ростом с великана.

— Ну, теперь получай свою награду, — сказал он и подал студенту небольшой лоскут вроде пластыря и говорит:

— Если потрешь ты одним концом рану, то она заживет, а потрешь ты другим концом сталь или железо, обратится оно в серебро.

— Надо будет сначала проверить, — ответил студент, подошел к дереву, разрубил топором кору и потер ее одним концом лоскута — и

тотчас кора затянулась и срослась. — Ну, вижу, что все это правильно, — сказал он духу, — а теперь мы можем с тобой и расстаться.

Дух поблагодарил его за освобождение, а студент поблагодарил духа за его подарок и отправился к своему отцу.

— Где это ты шатался? — спросил его отец. — А о работе и забыл. Ну, не говорил ли я, что она будет тебе не под силу.

— Да вы, батюшка, будьте спокойны, я уж навестаю.

— Да что уж навестывать, — молвил сердито отец, — дело это для тебя неподходящее.

— А вот, батюшка, посмотрите, — как ударю я это дерево, так оно и затрещит.

Взял он свой лоскут, натер им топор и ударил со всего маху; но железо превратилось в серебро, а лезвие все погнулось.

— Эй, батюшка, посмотрите, какой вы мне плохой топор дали, он весь погнулся.

Испугался отец и говорит:

— Ах, что же ты наделал! Придется теперь мне за него платить, а чем же платить-то? Вот она, польза от твоей работы!

— Не сердись, — ответил сын, — за топор уж я сам заплачу.

— Ах, дурень ты, чем же ты будешь платить-то? У тебя ведь только и есть, что я тебе даю; вот она, студенческая твоя премудрость, которой ты себе голову набил, а что до того, чтобы дерево срубить, в этом ты ничего не смыслишь.

Ну, тут студент и говорит отцу:

— Работать я больше не в силах, давайте лучше вечером пирушку устроим.

— Да что ты в самом деле! — говорит отец. — Думаешь, мне одно только и останется, что засунуть руки в карманы, как делаешь это ты? Нет, мне надо еще поработать, а ты можешь домой убираться.

— Отец, да я ведь в первый раз здесь в лесу, дороги мне одному не найти, пойдемте вместе со мной.

Ну, гнев у отца поутих, уговорил сын отца, и пошли они вместе домой. Вот и говорит отец сыну:

— Ступай продай сломанный топор, увидишь, что тебе за него дадут; а остальные деньги придется мне заработать, чтобы уплатить соседу за топор.

Взял сын топор и отнес его в город к золотых дел мастеру. Тот взял его, сделал пробу, положил на весы и говорит:

— Цена ему будет четыреста талеров, но денег у меня таких сейчас при себе нету.

А студент говорит:

— Уплатите мне то, что у вас есть, а остальное останетесь должны. — И дал ему золотых дел мастер триста талеров, а сто остался должен. Воротился студент домой и говорит:

— Ну, отец, деньги теперь у меня завелись; пойдите спросите, сколько сосед за топор хочет.

— Да я и без того знаю, — ответил старик, — один талер и шесть грошей.

— Так вот, дайте ему два талера и двенадцать грошей, будет этого как раз вдвое, и с него хватит; глядите — денег у меня достаточно.

Он дал отцу сто талеров и говорит:

— Недостатка в них теперь у вас никогда не будет, живите себе в свое удовольствие.

— Боже ты мой, — сказал старик, — как же это ты так вдруг разбогател?

И рассказал сын ему все, что случилось, и как, понадеявшись на свое счастье, получил он такую богатую добычу. Взяв остальные деньги, отправился он снова в высшую школу и продолжал учиться дальше, а так как умел он лечить своим пластырем всякие раны, то и стал самым знаменитым доктором в мире.

Эдуард ЛАБУЛЕ

ФРАГОЛЕТТА

Волшебная сказка

I

В окрестностях Мантуи жила сиротка, уже большая девочка, ходившая каждое утро с книжками и корзинкой в школу. Школа находилась недалеко, но дойти до нее нельзя было скоро, так как дорога, по которой приходилось идти, была обсажена кустарником и деревьями, покрытыми, смотря по времени года, цветами и плодами, бабочками и птицами. Как не остановиться перед такими диковинками!

Однажды наша школьница увидела в чашечке шиповика такую красивую голубую бабочку, какой никогда еще не видала. Затаив

дыхание, она встала на цыпочки, тихонько подняла руку и... бабочка проскользнула у нее между пальцев. Беззаботно порхая направо и налево, она села немного выше, на откосе дороги. Девочка побежала за ней, бабочка улетела, присела на цветок и снова полетела, чтобы сесть на другой цветок и опять улететь. Таким образом, она завела охотницу на самую верхушку откоса, к большому огороженному месту, пользовавшемуся дурной славой. Ходили слухи, что здесь в прекрасные всесенние вечера волшебницы водят хороводы, а в темные зимние ночи колдуньи устраивают свои бесовские сборища. Хотя стены во многих местах разрушились и засыпали своими обломками ров, ни одна христианская душа не решалась зайти в это проклятое место. Но бабочки не имеют предрассудков, а дети похожи на бабочек.

Наша путешественница с голубыми крыльями полетела без церемонии в этот сад, походивший на первобытный лес, а за ней последовала и девочка. Но едва только она миновала кустарник, как остановилась и вскрикнула от удивления. Перед ней был луг, окаймленный высокими деревьями и усеянный красными и белыми точками, которые пестрели на зелени. Это была земляника, покрытая цветами и ягодами, земляника без хозяина, просившаяся в руки каждому, кто захотел бы воспользоваться заброшенным богатством. Прощайте, бабочки! Наша школьница встала на колени и менее чем в четверть часа набрала целую корзинку ягод. Потом она бросилась бежать и явилась в школу, запыхавшаяся, краснее набранной земляники. Ее побранили за то, что она опоздала, но она была так счастлива и горда, что ничего не слышала.

Когда настало время завтрака, девочка поделилась своим сокровищем с подругами, которые наперебой удивлялись ее храбрости и счастью. Она была похожа на королеву среди толпы придворных. К довершению торжества, ее называли Фраголеттой, что значит по-французски «земляничка». Это прозвище осталось за ней на всю жизнь, по крайней мере под этим именем она известна в истории.

Сказать по правде, некоторые робкие девочки не могли противостоять влиянию предрассудков. Лакомясь земляникой, они спрашивали: «Не значит ли это — искушать дьявола таким вторжением к нему и обворовыванием?» Но этот бесполезный ропот терялся в шуме победы, их никто не слушал.

Дальнейший рассказ покажет, что их напрасно не слушали. Фраголетта, опьяненная своим счастьем и славой, снова отпра-

вилась в проклятое место и кончила тем, что стала считать себя его хозяйкой. Она говорила, что это место заброшено, все плоды предоставлены на съедение дроздам и синицам, и христианка имеет на них никак не меньшее право, чем птицы.

Но однажды, собирая по обыкновению ягоды, Фраголетта получила такой сильный удар по голове, что упала на траву.

— А! я поймала тебя, воровка! — раздался чей-то страшный голос. — Ты за это заплатишься.

Ошеломленная Фраголетта попыталась встать и увидела перед собой такое лицо, один вид которого заставил ее похолодеть от ужаса. Это была высокая, худая, желтая, морщинистая старуха с красными глазами и носом наподобие клюва коршуна; из ее кроважидного рта торчали два зуба, длиннее и острее, чем клыки у кабана. Фраголетта попробовала пробормотать извинение; но старуха (она была колдунья и вдобавок людоедка), не удостоила даже выслушать ее.

Она связала ей назад руки, обмотала семь раз вокруг пояса веревку, сделала петлю и продела в нее палку от громадной метлы, которой только что ударила ребенка. Потом колдунья произнесла на своем бесовском языке несколько тех ужасных слов, от которых содрогается небо и трепещет земля, села верхом на метлу и взвилась стрелой на воздух, увлекая за собой несчастную Фраголетту, висевшую в пространстве, как паук на паутине.

Если бы ее учили географии, она могла бы полюбоваться на развернувшуюся перед ее глазами чудную картину: перед ней была Италия, окаймленная снежными Альпами и голубым морем и прорезанная зеленеющим хребтом Апеннинских гор. Но в то время женщины занимались дома пряжей и не интересовались тем, что делается в Китае и Перу. География была им не нужна. Кроме того, бедная девочка слишком боялась, чтобы решиться открыть глаза. Она пролетела над Везувием и Этной, не выдав ничего, и когда волшебная метла принесла ее на землю, в чашу леса на острове Сицилии, она была полумертва от страха.

— Вставай, маленькая разбойница, — сказала колдунья, хватая ее за волосы. — Ты моя теперь. Принимайся за работу. Ступай, накрой на стол в столовой. С каким удовольствием я бы тебя съела, если бы ты не была так худа, — прибавила она, ощупывая ей руки. — Но у меня живо толстеют, и ты ничего не потеряешь, если подождешь своей очереди.

Сказав эту зловещую шутку, она открыла громадный рот и

облизала губы с такой улыбкой, от которой у бедной Фраголетты пробежал мороз по коже. Легко себе представить, что за обедом было не очень весело. Старуха ела с большим аппетитом жаркое из кошки, студень из мышей и компот из репы; Фраголетта погрызла корку хлеба и вся в слезах легла на жесткий соломенный тюфяк, брошенный для нее в углу. К счастью, она была в таком возрасте, когда сон сильнее горя, и тотчас же заснула.

II

На другой же день после этого печального происшествия началась неволя Фраголетты. Каждое утро она должна была мести и натирать полы во всем доме, готовить обед, прислуживать за столом, мыть посуду и, что было хуже всего, помогать во время туалета своей ужасной госпоже. Фраголетта мучилась по целым часам, завивая три волоса, оставшиеся на голове колдуньи. После этого нужно было чистить ее два больших зуба, пудрить и румянить ее и налеплять мушки. Бедняжка считала себя счастливой, если в течение всей этой процедуры отделывалась тремя или четырьмя пощечинами.

Но, несмотря на такую суровую жизнь, Фраголетта с каждым днем росла и хорошела, хотя и не делалась лучше; она не принадлежала к числу тех добрых существ, которые принимают удары, целуя руку, наносящую их. Нет, кровь ее кипела, она мечтала только о мести. Старуха это замечала, люди всегда боятся тех, кому причиняют страдания. Часто в то время, когда Фраголетта причесывала ее, колдунья подумывала, не воспользуется ли ее служанка первым удобным случаем, чтобы задушить ее, и не благоразумнее ли предупредить опасность.

Однажды Фраголетта показалась колдунье еще красивее, чем обыкновенно, и сердце ее переполнилось завистью и злобой.

— Возьми эту корзинку, — сказала она девочке, — ступай к фонтану, наполни ее водой и принеси мне. Если ты этого не исполнишь, я тебя съем.

Бедняжка побежала стремглав, она воображала, что корзина волшебная и колдунья по своему обыкновению забавляется, пугая ее. Она погрузила корзину в воду, но как только вынула ее, вода потекла, как из лейки. Три раза пыталась Фраголетта достать воды,

но труд ее был напрасен. Она поняла наконец, что людоедка хочет ее съесть.

От злости и отчаяния Фраголетта принялась плакать. Вдруг она слышит, что кто-то ласково говорит ей:

— Фраголетта, Фраголетта, о чем вы плачете? — она подняла голову и увидела красивого юношу, который нежно смотрел на нее.

— Кто ты, — спросила Фраголетта, — и как ты знаешь мое имя?

— Я сын колдуньи, меня зовут Белебон. Я знаю, что вас хотят во что бы то ни стало погубить, но это не удастся, я обещаю вам. Поцелуйте меня, и я наполню корзину водой.

— Поцеловать сына колдуна? Никогда! — сказала гордо Фраголетта.

— Хорошо, я не буду так жесток, как вы, — отвечал молодой человек.

Он дунул три раза на корзину, опустил ее в воду и вынул совершенно полную, ни одна капля не вытекла.

Фраголетта возвратилась домой и, не говоря ни слова, поставила корзину с водой на стол. Колдунья побледнела как смерть и, пристально посмотрев на молодую девушку, сказала:

— Разве ты умеешь колдовать? — потом, стукнув себя по лбу, она прибавила: — Ты видела Белебона, он помог тебе, признайся.

— Вы должны сами знать, потому что вы колдунья.

Вместо ответа мегера дала ей такую пощечину, что Фраголетта должна была схватиться за стол, чтоб не упасть.

— Ладно, ладно, — закричала колдунья. — Мы увидим, чья возьмет. Лучше смеяться последним, чем первым.

На другой день людоедка сказала Фраголетте:

— Я полечу в Африку и возвращусь к вечеру. Видишь этот мешок с зерном? Изволь сделать так, чтобы, вернувшись, я нашла вместо него готовый хлеб. Это не труднее, чем наполнить водой корзину. Если не исполнишь этого — берегись.

С этими словами она вышла, злорадно посмеиваясь, и заперла дверь на ключ.

— Теперь я погибла, — воскликнула молодая девушка. — Могу ли я смолоть зерно, замесить хлеб и испечь его? У меня нет ни мельницы, ни печи, да и времени мало.

Она начала изо всех сил колотить в дверь, чтоб выломать ее и убежать.

Ей отворил Белебон.

— Фраголетта, Фраголетта! — сказал он. — Ведь я желаю вам только добра. Поцелуйте меня, я испеку хлеб и спасу вас.

— Поцеловать сына колдуньи, — сказала Фраголетта, — никогда!

— Вы безжалостны, Фраголетта, но я не могу все-таки допустить, чтобы вы погибли.

Он свистнул, и тотчас же из всех щелей стали вылезать крысы и мыши. Крысы отнесли зерно на мельницу и прибежали назад с мешком муки; мыши принялись месить тесто; крысы растапливали печь. Когда колдунья возвратилась, все было готово; румяные хлебы лежали грудой до самого потолка.

— Негодная, — сказала старуха, — ты виделась с Белебоном; он помог тебе, признайся.

— Вы должны сами знать, потому что вы колдунья.

Людоедка размахнулась было, чтобы влечь пощечину, но Фраголетта наклонилась, старуха стукнулась носом о стол.

— Ладно, ладно, — закричала она, посинев от бешенства и боли, — мы увидим, чья возьмет. Лучше смеяться последним, чем первым.

III

Через два дня старуха, приняв самый веселый вид, позвала Фраголетту:

— Дитя мое, пойди к моей сестре, попроси у нее шкатулку и принеси мне.

— Разве я знаю, где живет ваша сестра и как ее зовут?

— Нет ничего легче, — отвечала колдунья. — Иди все прямо, пока не дойдешь до потока, перерезывающего путь. Ты перейдешь его вброд и немного дальше увидишь старый замок с железной решеткой. Там живет моя сестра Виперина. Ступай и торопись, дитя мое.

«Что за чудо, старуха в хорошем настроении!» — подумала Фраголетта и беззаботно отправилась в путь. Дорогой она встретила Белебона, который поджидал ее.

— Куда вы идете? — спросил он.

— Я иду к сестре хозяйки попросить шкатулку.

— Несчастная! — воскликнул Белебон. — Вас послали на погибель. Ни одно живое создание не выходило еще живым из замка Виперины. Но я могу спасти вас. Поцелуйте меня.

— Нет, я никогда не поцелую сына колдуньи.

— Фраголетта, Фраголетта, какая вы неблагодарная! Но я

люблю вас больше себя и, несмотря на все, спасу вас. Слушайте хорошенько. Когда вы будете на берегу потока, скажите: «Прекрасная речка, позволь мне перейти через твои серебристые струи». Потом возьмите эту бутылку с маслом, этот хлеб, веревку и метелку. Когда вы подойдете к решетке замка, намажьте маслом петли у двери; она откроется сама собой. Большая собака с лаем бросится на вас, киньте ей хлеб, она остановится. На дворе вы увидите бедную женщину, которая должна доставать воду из колодца, привязывая ведро к своим волосам. Предложите ей веревку. Поднимитесь тогда по лестнице. В кухне вы встретите другую женщину, которая должна чистить печь языком. Дайте ей метелку и войдите в комнату, где спит Виперина. Шкатулка стоит на шкафу, возьмите ее и бегите, как можно скорей. Если вы меня послушаетесь, то не погибнете.

Фраголетта запомнила все, что сказал ей Белебон. На берегу потока она сказала: «Прекрасная речка, позволь мне перейти через твои серебристые струи». И нимфа потока ответила ей самым ласковым голосом: «Переходи, милая девушка!» Воды расступились, и Фраголетта могла пройти, не замочив ног. Решетка, намазанная маслом, растворилась сама собой. Собака бросилась на хлеб, повертелась на месте и улеглась, положив морду на лапы и ласково поглядывая на Фраголетту. Обе женщины с радостью приняли принесенные ею подарки, и наша героиня тихонько вошла в комнату, где храпела Виперина. Фраголетта подбежала к шкафу и взяла шкатулку, сердце ее страшно билось. Она уже считала себя спасенной, как вдруг колдунья проснулась. Фраголетта была уже на лестнице.

— Эй, кухарка, — закричала Виперина, — убей эту воровку!

— Как бы не так! — отвечала несчастная жертва. — Она дала мне метелку, а вы заставляете чистить печь языком.

— Работница, схвати эту воровку и утопи!

— Как бы не так! — отвечала несчастная жертва. — Она дала мне веревку, а вы заставляете вытаскивать ведра волосами.

— Собака, съешь ее!

— Как бы не так! — сказала дворняжка, не поднимая головы. — Она дала мне хлеба, а вы морите меня голодом.

— Дверь, затворись!

— Как бы не так! — сказала решетка. — Она намазала маслом мои петли, а вы оставляете меня на съедение ржавчине.

Колдунья одним прыжком слетела с лестницы, но решетка,

радуясь, что может свободно двигаться, поминутно отворялась и затворялась и в ту минуту, когда Виперина хотела выйти, захлопнулась с такой силой, что чуть-чуть ее не раздавила.

Фраголетта бежала, не оглядываясь; но, несмотря на свой страх, она не забыла, однако, сказать приветствие речке и перешла ее, как и в первый раз. Виперина прибежала к берегу вслед за ней.

— Ну, грязный ручей, расступись, — закричала она, — или я тебя высушу.

Поток расступился, но когда Виперина дошла до середины, вода вдруг поднялась, хлынула на колдунью и потопила ее в одну минуту. Нимфа отомстила.

Возвратясь домой, Фраголетта отдала шкатулку своей свирепой госпоже. Можно себе представить, какую мину сделала людоедка! «Это опять штуки Белебона! — подумала она, — но я сумею отомстить. Лучше смеяться последним, чем первым!»

IV

В тот же вечер она велела Фраголетте лечь спать в своей комнате.

— Запомни хорошенько, — сказала она ей, — в курятнике три петуха: красный, черный и белый. Сегодня ночью, когда они запоют, ты мне скажешь который из них пропел. Берегись, если ошибешься, я разом проглочу тебя.

«Белебона не будет здесь, я погибла!» — подумала Фраголетта.

В полночь пропел петух.

— Какой петух пропел? — спросила колдунья.

— Белебон, — прошептала Фраголетта, — скажи мне, какой петух пропел.

— Если вы поцелуете меня, я скажу, — отвечал ей чей-то шепот.

— Нет.

— Жестокая, я не хочу, чтоб вы погибли. Это пропел красный петух.

Колдунья соскочила уже с постели и подошла к Фраголетте.

— Отвечай или я тебя съем.

— Это пропел красный петух, — сказала, вся дрожа, Фраголетта.

Колдунья, ворча, снова легла на кровать.

В ту же минуту запел другой петух.

— Какой петух пропел? — спросила старуха.

Белебон опять подсказал Фраголетте ответ.

— Черный петух.

Колдунья снова легла, ворча, на кровать.

На рассвете раздалось еще раз пение петуха.

— Белебон, помоги мне! — прошептала Фраголетта.

— Поцелуйте меня, — отвечал он. — Мне наскучила ваша жестокость.

Колдунья между тем, раскрыв свою кровожадную пасть, подходила к Фраголетте.

— Белебон, Белебон! — закричало бедное дитя, — если ты меня покинешь, ты будешь виновать в моей смерти.

— Белый петух пропел, — сказал Белебон, который не мог побороть жалости.

— Белый петух, — закричала Фраголетта.

— Все равно, изменница, — сказала в ярости людоедка, — твой час пробил, ты должна умереть.

С этими словами она бросилась на свою жертву. Но Фраголетта была молода и ловка, она вырвалась, открыла окно и выскочила в сад. Взбешенная колдунья бросилась за ней, но прыгнула так неловко, что зацепила ногой за окно, упала вниз головой и выбила себе оба зуба, в которых заключалась ее сила и жизнь. Под окном лежал только ее труп.

V

Оставшись вдвоем с Белебоном, Фраголетта задумалась о том, что с ней будет. Возвратиться на родину ей и в голову не приходило, она была сирота, и все ее забыли. Остаться в этом доме, где она столько вынесла, Фраголетта тоже не намеревалась. Белебон, с своей стороны, ничего не говорил. Он был счастлив, что Фраголетта около него, и боялся думать о будущем. Однако наступил день, когда она потребовала свободы. Белебон не мог ей отказать в этом, но напомнил неблагодарной все, что он для нее сделал, и предложил ей руку и сердце.

— Нет, — сказала Фраголетта, — я не выйду замуж за сына колдуньи.

— Уезжайте тогда, — сказал бедный Белебон, — уезжайте, так как ничем нельзя вас удержать. Но прежде, чем покинуть меня в этом доме, где я умру вдали от вас, докажите мне хоть раз в жизни свое

дружеское расположение, дайте мне руку и простите грех моего происхождения. Не будем расставаться, как чужие.

Фраголетта протянула руку, он взял ее и покрыл поцелуями и слезами. Она не отнимала руки и смотрела на него с каким-то особенным выражением.

— Прощайте, Фраголетта, — сказал Белебон, — вы уносите с собой мое счастье и жизнь. Счастлив, сто раз счастлив тот, кому вы отдадите эту руку.

— Ну, — сказала она, — так как ты уже держишь ее, то возьми ее совсем.

Белебон поднял голову и, рыдая, бросился к ней на шею. А она, причудница, поцеловала его в лоб и принялась смеяться и плакать вместе. Никогда нельзя знать, что происходит в сердце женщины.

Через два дня они повенчались.

Так кончается сказка. Но позволительно спросить, что стало потом с нашей четой. Продолжал ли Белебон заниматься опасным ремеслом своей матери и возвратилась ли Фраголетта со своим мужем к людям, чтобы вести человеческую жизнь? Я написал по этому поводу одному ученому сицилийцу, члену академии в Катанье, Агринте и др. И вот его ответ:

«Милостивый Государь!

В наших старинных летописях я не нашел нигде имен Фраголетты и Белебона, но, не доверяя своим скудным познаниям, я обращался к моим ученым братьям всех академий, и они ответили мне, что ни у одного из народов, завоевывавших Сицилию, как-то: пелазгов, сиканов, финикийцев, греков, карфагенян, римлян, арабов, норманнов, испанцев и др. — не существовало мужа-колдуна. На основании этого можно допустить, что и Белебон после своей женитьбы не был злонамереннее других».

Такого именно мнения мне и нужно было; оно мне кажется мудрым и правдоподобным. Отдаю его на суд моих читателей и в особенности читательниц.

КАИПОРА

Бразильская легенда

Один человек больше всего на свете любил охоту. С рассвета до заката пропадал он в лесу, в самых глухих уголках, сплетая из жердей ловушки для птиц, роя волчьи ямы, расставляя западни и капканы.

И вот как-то раз, когда он, взобравшись на самую верхушку дерева, подстерегал дичь, из чащи выскочило стадо кабанов. Охотник прицелился и метким выстрелом уложил сразу троих. Но в ту минуту, когда он, в восторге от своей удачи, стал слезать с дерева, издали послышался громкий свист. Охотник вздрогнул и замер на своем настиле из веток, испуганно вглядываясь в темную лесную глубину... Да, сомнений быть не могло: то приближался Каипора, главный леший окрестных лесов, — видно, желал взглянуть хозяйским глазом на свое кабанье стадо...

Все ближе и ближе слышался свист, и уже не только свист, а еще и топот копыт и треск валежника. И вот наконец чаща раздвинулась, и охотник увидел Каипору. Он был маленький, жилистый, черный, как черт, мохнатый, как обезьяна, и ехал верхом на тощем черном кабана. В правой руке он держал длинную железную рогатину, а левая рука его и вовсе не была видна, как, впрочем, и весь левый бок — виден он был только наполовину, словно другая его половина растаяла в сонном, жарком, сыром воздухе леса. Вонзая острые пятки в бока поджарого кабана, он скакал по своей вотчине с гиканьем и свистом, протыкая рогатиной воздух, поднимая такой шум, что хоть святых вон выноси, и выкрикивая гнусавым голосом охотничий клич:

— Эге-ге! Эге-ге! Эге-ге!

Наткнувшись на убитых кабанов, распростертых на земле, он стал с силой тыкать в них своей рогатиной, приговаривая:

— Вставайте, вставайте, бездельники! Не время спать!

И убитые кабаны вскочили как ни в чем не бывало и убежали ворча. Только последний, самый большой кабан никак не хотел вставать... Каипора пришел в бешенство: он тыкал непокорного с такой силой, колот с таким остервенением, что даже сломал один рог своей рогатины. Тут только большой кабан поднялся, словно нехотя, и, встряхнувшись, поскакал вслед за остальными. Каипора закричал ему вслед:

— Нежности какие! Ну, погоди, я тебя проучу! Теперь из-за тебя придется завтра идти к кузнецу чинить рогатину!

И, пустив вскачь своего сухопарого кабана, Каипора умчался, оглашая чащу гнусавым криком:

— Эге-ге! Эге-ге! Эге-ге!

Долго еще сидел охотник на дереве. Когда ни крика, ни топота уже не было слышно и вокруг стояла полная тишина, он слез с дерева и не чуя под собою ног побежал домой.

На следующее утро, ранехонько, зашел он в гости к кузнецу. Ну, поговорили о том о сем, а тем временем солнце уже встало высоко на небе. Тут-то и постучался в двери кузницы невысокий кряжистый индеец в кожаной шляпе, нахлобученной на глаза. Вошел и говорит кузнецу:

— Добрый день, хозяин. Не можешь ли починить вот эту рогатину? Только поживей, а то я уж больно спешу...

— Эх, добрый человек, — отвечает кузнец, — поживей-то никак нельзя, потому как жар в горне раздувать некому. Мехи-то у меня с утра — как неживые.

А наш охотник как взглянул на индейца, так сразу признал в нем вчерашнего знакомого и подумал, что Каипора затем, верно, и переменял свое обличье, чтоб пойти к кузнецу чинить рогатину, которую сломал вчера о бока большого кабана. «Ну, погоди...» — подумал охотник и вскочил с места со словами:

— Я раздую горн, мастер.

— Нешто умеешь? — спросил кузнец.

— А попробую. Пожалуй, тут особой-то учености не требуется, — сказал охотник.

Кузнец разжег горн и велел охотнику взяться за мехи. Охотник приналег на мехи и стал раздувать, но только тихо так: р-раз — два-а; р-раз — два-а — три-и-и, — напевая в такт песенку:

*Кто бродит по лесу,
Насмотрится чуда...*

Индеец глядел-глядел, а потом подошел, оттолкнул охотника, да и говорит:

— Пусти-ка, ты не умеешь! Дай-ка я!

И как нажмет на мехи, да и пошел быстро-быстро: раз — два — три; раз — два — три... А сам напевает:

*Кто бродит по лесу,
Насмотрится чуда...
...Насмотрится чуда,
Но только об этом
Ни слова покуда!..*

Тут наш охотник стал пятиться к двери, выскользнул тихонько на улицу, да и давай Бог ноги! С тех пор он никогда уже не убивал кабанов и если что в лесу увидит, то уж держит язык за зубами.

ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА О КАИПОРЕ

Один человек пошел на охоту и заблудился в лесу, целый день бродил он туда-сюда, но дороги домой так и не нашел. Когда стало темнеть, он в отчаянии закричал:

— Боже мой! Неужто мне придется коротать ночь в лесу?!

И тут, откуда ни возьмись, появился старик негр.

— Ты что кричишь? Что ты тут делаешь?

— Слушай, старик, я тут брожу с самого утра. Я заблудился и не знаю, как теперь попаду домой.

Подошел к нему старик и сказал:

— Дай-ка ты мне табачку покурить...

Охотник дал ему табаку. А негр опять просит:

— Дай-ка ты мне еще табачку пожевать...

Охотник дал ему и жевательного табаку. Старик набил кисет, жевательный табак положил в карман и спросил:

— Ну так чего тебе надобно?

— Мне бы домой попасть...

— Поди срежь себе прут...

Охотник срезал себе прут подлиннее, и старик сказал:

— Хватайся за один конец, а я за другой. Закрой глаза и держись крепче.

Охотник сделал все, как велел старик. Почудилось ему, будто они летят. А когда остановились и охотник открыл глаза, он увидел, что стоит возле своего дома, а старика нигде нет.

ЖУРУПАРИ

Бразильская легенда

Сказывают, что однажды старейшины племени собрались, чтобы попить настой из листьев ипаду — листьев коки, заглушающих голод. И вот, когда они собрались уходить, подошла к ним девушка.

— Зачем ты пришла? — спросили старики.

— Как зачем? Я хочу вместе с вами попить ипаду.

Ничего не ответив ей, старики отправились в лес, а девушка осталась в том доме, откуда они ушли.

После этого она забеременела, хотя и была все время одна.

Дважды старейшины пытались помочь ей разродиться, но ребенок, видно, не хотел покидать материнской утробы. Отчаявшись, ее оставили в покое.

И вот однажды, когда беременная переходила вброд реку, ее укусила в живот рыба траира, и женщина тут же родила сына.

Сказывают, что старейшины сразу же отняли ребенка у матери и отнесли его далеко в лес, чтобы та не проведала, где он, и не смогла найти сына.

И мальчик вырос в лесу. А став взрослым, иногда выходил к людям. Лица его видно не было, а от тела, рук и головы исходил огонь и раздавался страшный грохот.

Слыша его, старейшины говорили:

— Женщины, отвернитесь, не смотрите на него!

Так появился злой дух Журупари.

ПОХИЩЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ЖУРУПАРИ

Бразильская легенда

Рассказывают, что мужчины из племени тариана семьи Араваков собирались каждый вечер в верховьях реки Папури, играли на музыкальных инструментах и танцевали танец Журупари. И вот женщины решили однажды украсть эти инструменты.

Каждое утро женщины шли в лес и искали место, где мужчины прячут эти инструменты. И так прошло несколько лет. Однажды женщины остались на ночь около дома для танцев Журупари, чтобы посмотреть, каковы все-таки эти инструменты. Каждая из женщин

держала факел.

Мужчины принялись танцевать и танцевали до полуночи. Потом некоторые унесли инструменты, чтобы спрятать их в реке, а другие пошли в лес и положили свои инструменты в дупло дерева. Женщины все видели и, когда мужчины повернули обратно в деревню, бросились за инструментами. Они освещали себе дорогу факелами, но инструменты убегали от них в свете огня. Наконец женщинам удалось окружить дерево. Инструментам уже некуда было бежать, и женщины схватили их. Обрадованные женщины спрятали инструменты в другое место, далеко, далеко. Наутро они собрались вместе, и старшая из женщин сказала:

— Ну, теперь у нас тоже есть свои инструменты. А чтобы мужчины не догадались, кто это сделал, мы сегодня же уйдем к водопаду Уаракапа и нарвем стеблей умари для еды.

Так и сделали.

Вечером мужчины отправились в дом для танцев Журупари, но когда они стали искать свои инструменты, то в дупле ничего не нашли. У них остались только те, что были спрятаны в реке. Мужчины принялись искать повсюду, но все напрасно. Женщин они не заподозрили, так как те ушли с утра к водопаду Уаракапа. Никто из мужчин не умел гадать, и они не узнали, кто унес инструменты.

Поэтому они ничего не спросили у женщин, когда те вернулись.

Через день женщины собрались танцевать танец Журупари. Придя к реке Туи-Игарапе, они взяли инструменты и стали дуть в них, но инструменты не издавали ни единого звука. Женщины переворачивали их, снова дули, но все равно ничего не получалось. Тогда одна из женщин сказала:

— Мы можем обольстить мужчин. Давайте заставим юношей научить нас играть на инструментах.

Женщины вернулись домой, накрасились красным соком растения каражуру и начали заигрывать с мужчинами. А так как слабые головы юношей не могли еще в то время устоять перед женскими уловками, то они согласились научить женщин играть на инструментах Журупари. Поэтому они в тот же вечер пошли к берегу Туи-Игарапе и там стали играть на инструментах Журупари в присутствии женщин. Но старики в деревне слышали звуки инструментов и принялись испуганно спрашивать друг друга:

— Кто это играет на наших инструментах? Слушайте!

В полночь музыка прекратилась, но женщины уже знали все секреты Журупари.

И тогда женщины стали приказывать мужчинам работать вместо них. И мужчины опечалились, ибо им приходилось теперь выкапывать маниоку, чтобы делать муку, полоть траву, очищая засеянное поле, и качать детей, как раньше делали женщины.

Один из мужчин был почти колдуном. Каждую ночь он гадал, чтобы узнать, кто причинил им такое зло.

Его тень уходила от него искать виновников и не могла поймать их тени. Но благодаря своей тени он узнал, кто в их племени обладает слишком мягким сердцем. Тогда он собрал стариков и сказал:

— Наши волосы уже поседели, и никто из нас не знает, кто рассказал женщинам нашу тайну. Поскольку это не был, конечно, никто из нас, то мы должны теперь обольстить женщин, и они нам расскажут, кто открыл им секрет Журупари.

Мужчины так и сделали. Они обольстили женщин, и однажды те им сказали:

— Когда вы станцуете перед нами танец Журупари, мы вам скажем, кто открыл нам секрет Журупари.

Мужчины согласились и попросили вернуть им священные инструменты, чтобы играть на них во время танца. Женщины принесли им инструменты, и в тот же вечер мужчины отправились в дом для танцев Журупари и начали играть и танцевать. В разгар танца вошли женщины. И вдруг они с ужасом увидели, что у всех мужчин были теперь одинаковые лица. Казалось, что все они — один и тот же человек. От страха женщины онемели и тут же лишились рассудка. Тогда старик, который был почти колдуном, вышел на середину дома и сказал:

— Все те, у кого седые волосы, — из рода Журупари. А юноши больше не будут играть на инструментах Журупари, чтобы не приносить нам несчастья. Посмотрите на наши руки, видите, как они огрубели от работы, которую нам пришлось делать из-за того, что юноши научили женщин играть на инструментах Журупари!

И с тех пор секрет Журупари снова перешел к мужчинам.

ЖУРУПАРИ И ДЕВУШКИ

Бразильская легенда

Сказывают, что у одной старухи было трое дочерей. Как-то раз сговорились девушки со своим дядей идти собирать плоды пальмы мирити. Но Журупари проведal об их уговоре, убил по дороге дядю и на рассвете сам пришел в условленное место в его образе.

Не заметили девушки обмана и отправились с ним в лес. Шли они довольно долго, когда одна из сестер спросила, далеко ли еще до пальмовой рощи. Журупари ответил, что она уже совсем близко.

Но рощи видно не было, а они все шли да шли, тогда другая девушка спросила, долго ли еще идти, и Журупари снова ответил, что роща уже неподалеку.

Когда совсем рассвело, они подошли к пещере, где и жил Журупари, и тут одна из девушек, взглянув на ноги дяди, вскрикнула:

— Это сам Журупари! Это Журупари!

Но убежать сестры уже не могли. Когда вошли они в дом Журупари, он и говорит:

— Вот мы и на месте.

Сказал и ушел, оставив попугая стеречь пленниц, чтобы они не сбежали.

Вернулся Журупари к ночи и велел старшей сестре принести ему огня в гамак, где он спал. Она принесла огонь, а злой дух схватил девушку и принялся сосать из нее кровь, прямо как вампир. На рассвете Журупари снова ушел в лес.

Только он за дверь, девушки бросились к гамаку — посмотреть, что стало с их сестрой, которая провела ночь с Журупари, но нашли там только обглоданные кости.

На следующую ночь Журупари приказал средней сестре принести огня и тоже сожрал ее.

Когда поутру он опять ушел в лес, младшая сестра заглянула в гамак, но лишь обглоданные кости и нашла. Плача, легла она в гамак рядом с останками сестер и тут увидела девушка пролетавшего мимо фламинго гуарауна и крикнула ему:

— Ах, Гуарауна! Если б ты был человеком, то наверняка бы помог мне вернуться домой!

Спустя какое-то время подошел к ней обернувшийся юношей Гуарауна и велел побыстрее собираться да прихватить с собой кости сестер, пепла и соли немного. Еще велел он ей украсть милонгу — амулет Журупари.

Девушка взяла все, что он сказал, и отправились они в путь-дорогу. Но не успели выйти из пещеры, как попугай принялся кричать:

— Хозяин, твой ужин похитил фламинго!

Услышав это, Журупари бросился в погоню, крича:

— Фламинго! Верни украденное!

Когда беглецы увидели, что Журупари нагоняет их, юноша-птица велел младшей сестре бросить за спину кости, и сразу же за ними встала стена из дыма, она отгородила их от Журупари, и тот поотстал немного.

Они бежали уже довольно долго, когда снова услышали:

— Фламинго! Верни мой амулет!

Тогда фламинго велел девушке сжечь пепел и соль, тут же за их спинами вырос высоченный колючий кустарник. Пока Журупари продирался сквозь колючки, они снова успели намного опередить его. Только когда беглецы были уже совсем рядом с домом девушки, они снова услышали:

— Фламинго! Отдай мой амулет!

Тогда юноша приказал сжечь вместе соль, пепел и остатки костей. И за их спинами разлилась широкая река, которую Журупари не смог перейти. Так они и добрались домой, мать была очень рада, что хоть одна из дочерей жива, ведь она-то решила, что они все погибли. (В этой легенде перепутан дух Журупари с Курупира, у которого вывернутые ноги, и поэтому он не может перейти реку.)

Петер-Кристен АСБЪЁРНСЕН

РАССКАЗЫ БЕРТЫ ТУППЕНХАУК

Лиса-обманщица была наконец убита, шкурка с нее снята, и в домике у старосты мы справили по рыжехвостой шумные поминки. Время стояло глухое, осеннее, за день все порядком устали, поэтому никто не хотел долго засиживаться. Когда пробило одиннадцать, все стали собираться по домам. Староста предложил мне лошадь. Это было очень любезно с его стороны, но я отказался. Проезжая дорога делала большой круг, и я предпочел идти на лыжах напрямик через лес.

И вот с ружьем и с лисьей шкуркой за спиной я отправился в путь.

Лыжная тропа была отличная. Днем немного подтаяло, вечером подморозило, и глубокий снег покрылся плотным настом. В небе

светил месяц и весело подмигивали звезды. Что еще может желать путник?

Я быстро мчался по лесистым холмам и березовым рощам. Вершины деревьев, побелевших от инея, переплетались ветвями, и над головой у меня сверкал блестящий серебряный свод. Было очень тихо. Лишь изредка раздавалось то уханье совы, то визгливый лай лисиц, затеявших драку, то лопотанье зайца — может, он жаловался на стужу, а может, испугался крика совы.

А потом опять все стихало. И только шарканье лыж нарушало тишину ночи.

Вдруг, где-то совсем близко, послышался скрип полозьев, и вскоре со мной поравнялись легкие низенькие сани.

Я посторонился, чтобы дать дорогу, но незнакомец, сидевший в санях, придержал лошадь и заговорил со мной.

По ружью и лисьей шкурке у меня за плечами и по моей охотничьей шапочке он сразу догадался, что я охотник, и сказал, что только что, когда он ехал вдоль высокого берега реки, он видел стаю волков. Волки шли по льду на эту сторону. Если я потороплюсь, то, пожалуй, успею их догнать.

Поблагодарив его, я двинулся дальше в путь.

Крутой склон холма, спускавшийся к реке, порос еловым лесом и густым кустарником. Лыжи сами несли меня вниз, ветки хлестали по лицу, в глазах все мелькало и рябило. Я летел вихрем, не различая дороги, ничего перед собой не видя, и, прежде чем успел что-нибудь сообразить, наскочил на пень.

Одна из лыж сломалась, ружье отлетело в сторону, а я сам растянулся на снегу, да так, что с головой зарылся в сугроб.

Несколько минут пролежал я оглушенный. Потом попробовал встать, но почувствовал такую сильную боль в левой ноге, что не мог сделать и шагу.

Кое-как, ползая на коленях, я обшарил кругом снег и наконец нашел свое ружье. Опираясь на него, как на палку, я спустился вниз к реке.

Тут я притаился за бугром и с нетерпением охотника стал поджидать волков. Скоро они появились. Их было пять, они медленно шли друг за другом по берегу. Подпустив стаю шагов на сорок, я нажал правый спуск моей двустволки. Ружье дало осечку. Нажал левый спуск, но слишком поспешно — порох вспыхнул, и пуля ударилась о вершину ели, стоящей на другом берегу.

Испуганные волки, вытянув хвосты, полным ходом умчались в глубь леса.

Раздосадованный, вылез я из своего убежища и, поминая недобрым словом проезжего, поплелся по берегу, пытаюсь понять, где же я нахожусь. К великой моей радости, я скоро заметил на другом берегу легкий дымок, поднимавшийся над верхушками деревьев, и крышу, мелькнувшую между елями.

Ну, наконец-то знакомые места! Это мыза Туппенхаук. Хозяин ее работает в том самом имении, где я живу.

Домик весело светился в темноте всеми своими оконцами. С трудом, сильно хромая, я перебрался на другой берег, еле-еле дотащился до двери, толкнул ее и вошел в комнату, облепленный снегом с головы до ног.

— Силы небесные! Кто это? — испуганно вскрикнула старая Берта Туппенхаук и выронила нож, которым она резала окорок.

— Добрый вечер, Берта, — сказал я. — Да ты не бойся! Разве ты не узнаешь меня?

Берта всплеснула руками:

— Ах, это вы, господин студент!.. Ну, и напугали же вы меня! Смотрю — дверь открывается и на пороге стоит кто-то белый... А время-то глухое, самая полночь.

Я рассказал ей в двух словах о том, что со мной случилось, и попросил послать кого-нибудь из ее сыновей в имение за лошадью и саними.

— Ну, не правду ли я говорила, что волков лучше не трогать? — проворчала старуха. — Сколько раз предупреждала — не ставьте на волков капканы, не то худо будет! Да мне не верили. А вот и Пер Нордигорен в прошлом году сломал себе ногу, а нынче — вы!.. Теперь небось все поверят старой Берте. Да уж кто-кто, а волк никому не прощает обиды...

И, бормоча что-то себе под нос, она направилась в угол, где стояла большая кровать. Оттуда по всему дому разносился разноголосый семейный храп. Старая Берта наклонилась над белокурым пареньком, лежащим с краю, и принялась его будить.

— Вставай, вставай, маленький Ула! Надо сходить в имение за лошадью для господина студента. Вставай, говорю!

— А-а! — сладко зевнул белокурый Ула и повернулся на другой бок. Он любил хорошо поспать и не видел необходимости отказывать себе в этом удовольствии из-за всяких пустяков.

Прошла целая вечность, пока он вздыхал, зевал, что-то невнятно бормотал и протирали глаза. Наконец он вылез из-под разноцветного тряпья, натянул штаны, влез в куртку. Но парень никак не мог взять в толк, что от него требуется, и только

когда ему было обещано несколько монет за труды, в голове у него слегка прояснилось.

Пока Берта вела переговоры с сыном, я осмотрелся по сторонам. Чего только не было в этой хижине! И ткацкий станок, и прялка, и старые колоды, служившие, как видно, вместо стульев, и метлы, и кадки, и полуобтесанные топорщища, и куры на насесте, и мушкет на стене, и сохнувшие чулки под потолком, и еще множество разных вещей — всего не перечесать.

Выпроводив за дверь парнишку, Берта уселась рядом со мной возле очага.

Она была в праздничном наряде — синяя кофта, обшитая блестящей шелковой тесьмой, черная юбка в складку, чепец с развевающейся сзади кисеей.

Лицо у Берты было широкое, скуластое, кожа отливала желтизной, раскосые глаза смотрели так, что казалось, будто они пронизывают насквозь. Увидев ее, каждый сказал бы, что она похожа на колдунью. А что касается жителей округи, так никто в этом и не сомневался.

— Послушай, Берта, уж не ждешь ли ты гостей? — спросил я. — Очень уж ты принарядилась!

— Нет, я никого не жду, — сказала Берта. — Я сама вот только домой вернулась. Знаете, как бывает: идешь к одному, а по дороге позовут еще пятеро — того лихорадка трясет, этот ногу повредил, у кого ребенка сглазили, у кого лошадь занемогла. А кто поможет? Берта! Все Берта!

— Скажи, а вывихи и ушибы ты тоже умеешь лечить? — спросил я с самой серьезной миной.

— А как же! Сколько над беднягой Нордигореном мудрили все эти ученые доктора, — сказала Берта с усмешкой, — а на ноги он стал все-таки тогда, когда за дело взялась старая Берта! Если господин студент не гнушается, я могу полечить и его. У меня как раз на такой случай есть наговорная водка.

— Сделай одолжение! Я не сомневаюсь, что только ты мне поможешь! — сказал я. Очень уж мне хотелось вывести ее знахарские хитрости.

Берта подошла к старому, рассохшемуся шкафу и достала оттуда пузатую бутылку и рюмку на деревянной ножке.

Наполнив рюмку до краев, она стянула с моей больной ноги сапог, а потом, наклонившись над рюмкой, стала что-то бормотать. А так как она была глуховата, то ей, верно, казалось, что она говорит очень тихо. Поэтому я от слова до слова

услышал таинственное заклинание, которое Берта ни за какие деньги не открывала бы мне, если бы я стал ее просить. Для успеха колдовства это заклинание надо повторить трижды, и я его отлично запомнил.

*Воздух,
Вода,
Земля
И огонь!
Ногу сломал
Необъезженный конь.
Жилы срastутся,
Смешается кровь,
Все, что разорвано,
Свяжется вновь!"*

Берта то вставала, то снова садилась и, повторив заклинание в третий раз, плюнула на все четыре стороны. Потом быстро вылила водку на ушибленное место и стала осторожно растирать мою распухшую ногу. От холодной водки и от растирания мне сразу стало легче. Чтобы знать эту премудрость, и вправду не надо быть доктором! Но я не хотел огорчать добрую старушку.

— Спасибо, Берта! Кажется, твое заклинание уже помогает, — сказал я. — Может, ты мне выдашь секрет, скажешь, как ты заговариваешь водку?

— Нет-нет, и не просите, — поспешно ответила Берта. — Тому, кто научил меня этому делу, я поклялась страшной клятвой не открывать его тайны ни одному человеку.

— Да кто же это такой был? Верно, настоящий колдун? — допытывался я.

— Колдун не колдун, а с любым колдуном мог поспорить, — ответила Берта. — Это был мой дядя, брат моей матери, Масс. Он умел заговаривать любую болезнь, останавливать кровь и даже находить краденое. Нечего греха таить, случалось ему не только лечить, но и насылать всякие хворости. Вся округа его побаивалась... Да, никто не станет спорить — большого ума был человек.. А все-таки и он не уберется от порчи!..

— Как так? Расскажи, пожалуйста, если это не тайна, — пристал я к ней.

Старая Берта помолчала с минуту и начала рассказывать.

¹ Стихи в свободном переводе С. Я. Маршака.

— Может, вы мне и не поверите, — сказала она, поглядев на меня искоса, — но я своими собственными ушами слышала от дяди Масс эту историю. Случилось это давно, когда я еще девчонкой была. Дядя Масс жил тогда в Кнэ, — знаете Кнэ, что в Хюрдальской долине? Он был дровосек и часто уходил в горы рубить лес да и оставался там по нескольку дней подряд. Для дровосеков это дело привычное. Устроят себе шалаш из сосновых веток, разложат перед входом огонь и спят себе как дома.

Однажды дядя Масс работал в лесу с двумя товарищами.

Только что повалил он огромное дерево и присел на пень отдохнуть, вдруг видит: прямо под ноги ему катится большой клубок пестрых ниток. Дядя Масс удивился. В самом деле, откуда в дремучем лесу взяться клубку пестрых ниток? Дядя Масс долго не решался даже дотронуться до него (и лучше бы ему никогда до этого клубка не дотрагиваться!), но что там ни говори, а любопытство все-таки разобрало его. Поглядел он направо, налево, поднял голову вверх и видит — неподалеку от того места, где он только что повалил сосну, на уступе скалы сидит девушка. Сидит себе и шьет.

Никогда еще — ни во сне, ни наяву — не приходилось ему встречать такой красавицы. Смотрит он на нее во все глаза и пошевелинуться не может.

А она усмехнулась, повела бровью и говорит таким голосом, будто ручей журчит:

«Что же ты стоишь? Поддай мне мой клубок!»

Дядя Масс поднял клубок, подал ей, а сам все глядит, глядит на нее, глаз не оторвет.

Наконец опомнился, схватил топор и снова принялся за работу. Да какая уж тут работа! Машет топором, а у самого красавица из ума не идет. Наконец не выдержал он и опять глянул вверх. Что за диво! На скале уже никого нет. Исчезла его красавица, будто на крыльях улетела.

Целый день ходил он сам не свой. Все по сторонам оглядывался, красавицу свою искал. И ночью — товарищи его как легли, так и уснули, а ему не спится. Лежит и все чего-то ждет. И дождался-таки!

Вошла она в шалаш неслышным шагом, взяла его за руку и повела за собой. Даже не спросила — хочет он идти или не хочет. А он идет и сам не понимает зачем, а все-таки идет... Привела она его к каменной горе. Там, в подземной пещере, было ее жилье. Да ведь какое! Дядя Масс говорил, что и слов-то таких нет, чтобы описать

тамошнее богатство!

Три дня прожил в подземном дворце дядя Масс, три дня праздновал свою свадьбу с лесной красавицей.

А на четвертый день проснулся, открыв глаза — глядь, лежит он снова в своем сосновом шалаше подле товарищей. И ни красавицы, ни дворца — ничего нет! Встал дядя Масс и поскорее взялся за топор. Товарищам ничего не рассказывает. Да и они его не спрашивают. Думают: верно, кончились у него припасы, он и ходил домой в Кнэ за хлебом да сыром, вот и все.

А только с той поры стали они примечать за ним что-то неладное. Сидит он как ни в чем не бывало у костра, чинит что-нибудь или топор направляет да вдруг как вскочит ни с того ни с сего и убежит в лес, будто его кто позвал...

А его и вправду позвали, только другим не слышать.

Воротится он из лесу и сядет где-нибудь в сторонке, подальше от людей. Молчит, смотрит в землю, усмехается. А спросят его: да что с тобой, Масс, где ты был? — только отвернется да отмолчится — вот и весь ответ. Совсем околдовала его лесная жена...

Однажды рубил он колья для изгороди.

Только что повалил он дерево и забил клин, да так ловко, что расщепил ствол во всю длину, вдруг видит — выходит из чащи его красавица.

В руках у нее серебряное ведро. И несет она ему в этом ведре обед — похлебку из сметаны. Такую густую, жирную, вкусную — просто объедение!..

Уселся он на пенек, поставил перед собой ведро, а жена напротив — на расщепленное дерево присела.

Да не пришлось Массу этой похлебке попробовать. Едва взялся за ложку, смотрит — что такое? — из щели ствола, на котором сидит его жена, высовывается кончик хвоста... Тут Масс точно громом ударило. Так вот оно что! Значит, жена-то его попросту русалка, нечисть лесная! Вскочил он, вышиб с одного удара клин из дерева и зажемячил русалочий хвост. Заметалась русалка, как лисица в капкане, оборвала хвост — и бежать.

Он даже глазом моргнуть не успел, а ее и след простыл.

Стоит дядя Масс как вкопанный и только шепчет:

«Сгинь! Пропади! Сгинь! Пропади!»

Сколько он так стоял, он и сам не помнил. Потом очнулся,

смотрит: вместо серебряного ведра — перед ним корзина из бересты, а вместо сметанной похлебки — болотная тина со всякими там пауками, слизняками да головастиками.

С той поры дядя Масс никогда не заглядывал в этот лес. Очень уж он боялся, чтобы русалка в отместку не обратила его в зверя, в птицу или просто в трухлявый пенёк. Они это умеют!

Прошло пять лет. И вот раз отправился дядя Масс разыскивать пропавшую лошадь. Шел он, шел и забрел в тот самый лес. Просто ли он с дороги сбился или нечистая сила его заманила, а только попал он в такую чашу, в какой ему отроду бывать не приходилось. Глушь да темь.

И стоит в этой глуши маленькая хижина. От земли до крыши мхом обросла. И кому охота в таких дебрях жить!..

Заглянул дядя Масс в окошко, видит: хозяйничает в хижине какая-то женщина. Не поймешь — старая или молодая, — уж больно безобразна.

Месит женщина какое-то зеленое. А в углу сидит ребенок лет четырех — весь в мать лицом.

И вдруг оставила женщина работу, налила в кружку пива и говорит ребенку:

«Вынеси-ка пива твоему отцу! Вон он там стоит, под окном».

Как услышал это дядя Масс, так и бросился бежать без оглядки! И только тогда дух перевел, когда затворил за собой дверь своего дома в Кнэ и запер ее на засов.

С тех пор дядя Масс никогда уже не ходил в горы и даже из Кнэ навсегда уехал, чтобы только подальше быть от тех мест...

А все-таки, — закончила свой рассказ старая Берта, — даром это ему не прошло. Так и остался он с той поры и до конца дней своих словно не в себе. Большого ума человек, а с придурью!..

— Да он, может быть, так с придурью и родился, твой дядя Масс из Кнэ, — сказал я. — И уж что там ни говори, а в колдовстве он не много смыслил. Ну, что это за колдун, если сам не может уберечься от порчи!

Берта, может быть, и была в душе со мной согласна, но продолжала уверять, что такого умного знахаря, как ее дядя, не было и не будет. Я не стал с ней спорить, потому что мне хотелось услышать от нее еще какую-нибудь чудесную историю.

И в самом деле, старая Берта разговорилась.

Я набил трубку, закурил от горячей лучины, которую протянула мне Берта, и приготовился слушать.

— Да уж если русалки и тролли вздумают обморочить челове-

ка, — сказала Берта, — так будьте спокойны, они вам так отведут глаза, что вы самого себя не узнаете. Вот послушайте, что случилось однажды в городке Мельбу.

Как-то летом погнали девушки коров и коз на горные пастбища в Халланд.

Сначала все было хорошо, но через несколько дней скот ни с того ни с сего начал беситься. Сладу с ним никакого не было. Девушки просто из сил выбились, гоняясь за одичавшей скотиной.

Они уже не знали, что им делать: гнать ли стада обратно в Мельбу или звать кого-нибудь на помощь. Но тут к ним на горное пастбище пришла еще одна девушка из их селенья. По всей округе она считалась первой красавицей и была только что просватана.

И что ж вы думаете — стоило этой девушке показаться в горах, как скотина сразу успокоилась — и коровы, и овцы, и козы.

Пасти их стало так легко, что девушка уговорила подруг вернуться домой, а сама вместе со своей любимой собакой осталась в горах присматривать за стадом.

Однажды сидела она после полудня у себя в хижине и пряла шерсть.

Вдруг дверь открывается и входит ее жених.

Девушка удивилась. Она не ждала его в эту пору. А он как ни в чем не бывало садится возле нее на лавку и говорит, что решил не откладывать свадьбу на осень, а справить ее сегодня же, здесь, на горном пастбище. Он уж и гостей позвал — всех родных и соседей.

Девушке бы радоваться, а у нее почему-то на сердце словно тяжелый камень лежит.

А тут уж и гости стали съезжаться. Накрыли свадебный стол, устали его серебром, подали всякие кушанья. Подружки подвенченное платье принесли и венец с алмазами.

Убрали они невесту как полагается и по старинному обычаю надели ей на голову венец, а пальцы унизали кольцами.

Все вокруг будто знакомые: родня, подруги, соседи, соседки... А девушке почему-то не по себе. И верный ее пес словно почуял недоброе — поджал хвост, ворчит, пятится от гостей. А когда невесту усадили за стол, он выскользнул из хижины и опрометью кинулся вниз — в Мельбу.

Прибежал — и давай бросаться от человека к человеку. Лает, дергает всех за полы, тянет за собой. Ну, люди и поняли, что в горах какая-то беда случилась.

Мигом собрались, захватили что под руку попало — топоры, палки, косы — и пошли в горы. А впереди всех — кто бы вы

думали? — жених той девушки с ружьем в руках.

Первым на гору взобрался, первым подкрался к хижине да и заглянул в дверную щелку.

И что же он видит? За накрытым столом сидят его родичи и соседи — те самые, что следом за ним бегут сюда с палками да косами. А в главе стола, рядом с невестой, сидит он сам в праздничной одежде. Пьет, ест, смеется...

— Ну, вот видишь, — перебил я Берту, — а ты говорила, что если русалки и тролли захотят обморочить человека, так он сам себя не узнает. А жених-то ведь узнал, где он, где не он...

— Ну и что ж, что узнал? Зато невеста не узнала, где он, где не он. А это небось похуже, — ответила Берта. — Да вы слушайте, что дальше было.

Парень сразу смекнул, что это горные тролли приняли человеческий образ, чтобы украсть у него невесту.

Недолго думая вскинул он ружье и выстрелил прямо в потолок.

В ту же минуту дверь хижины с треском распахнулась и оттуда прямо ему под ноги покатались какие-то лохматые клубки — один другого больше.

Не помня себя, жених ворвался в комнату и увидел свою невесту одну за свадебным столом в полном подвенечном уборе. Только на пальце у нее не хватало венчального кольца.

Весь стол был уставлен старинной серебряной посудой. А на блюдах и в чашках горами лежала всякая дрянь — ядовитые грибы, пауки, лягушки, змеи...

«Да что тут такое делается? — закричал жених не своим голосом. — И почему ты в подвенечном наряде?»

«Но ведь ты сам уговорил меня сегодня венчаться», — отвечает невеста.

«Я? — спрашивает жених. — Да это был такой же я, как эта жаба — свадебный пирог. А вот теперь я — и вправду я».

«Да посмотри — вон и гости, которых ты сам привел», — говорит девушка и показывает за окно.

А там уже весь народ собрался.

Жених только смеется: «Я, мол, этих гостей для того-то и привел, чтобы тех гостей прогнать».

Мало-помалу девушка стала понимать, что с ней случилось, и рассказала всем, как отвели ей глаза горные духи...

— Были там и такие люди, которые, как вы, не очень-то верили в духов, — посмеиваясь, сказала Берта. — Да хочешь не хочешь, поверишь, когда на столе в простой пастушьей хижине стоит сереб-

ряная посуда, а на голове у деревенской девушки сияет алмазный венец.

Не мешкая долго, жених увел свою невесту вниз, в Мельбу, и, чтобы никакому троллю не взбрело больше на ум украсть у него невесту, в тот же день обвенчался с ней, благо она уже была в свадебном наряде.

Пир был на славу. Невеста сидела за столом в том самом уборе, что принесли тролли. Только на этот раз угощение было получше, чем пауки да гадюки...

— Да, я слышал где-то эту историю, — сказал я. — Только мне говорили, что это случилось не в Халланде, а в Вальдресе, — прибавил я, чтобы немножко поддразнить Берту.

Но старую БERTY не так-то легко было смутить.

— Так это уже совсем не то! — сказала она. — Вы, наверно, думаете про девушку по имени Барбру. Ей тоже горные духи чуть не отвели глаза, только это совсем другая история.

— Какая же? — спросил я.

— А вот какая. Однажды шла Барбру в горах и вдруг слышит такой громкий голос, будто сама гора заговорила.

«Король Хакен! Король Хакен!»

«Здесь я!» — отвечает голос из другой горы, да такой гулкий, что земля под ногами у нее задрожала.

«Король Хакен, сын мой, не хочешь ли ты жениться?» — спрашивает первый голос.

А второй отвечает:

«Только на Барбру!»

«Будет по-твоему».

Так оно и случилось. Не успела Барбру шагу сделать, как вдруг одна гора раскрылась, и оттуда вышли девушки со свадебным убором в руках. Окружили они Барбру и стали обряжать ее к венцу. А Барбру точно оцепенела — что ей говорят, то и делает.

Тем временем из другой горы выехали всадники на черных лошадях с гривами по самую землю. Впереди всех ехал сам король Хакен, весь в золоте и серебре. Так бы и увели тролли бедняжку Барбру в свои подземные пещеры, да, на ее счастье, неподалеку в горах охотился ее жених.

Потом он рассказывал людям, что ни с того ни с сего стало ему вдруг так тяжело, так беспокойно, будто кто ему на ухо шепнул: торопись, не то беда будет!

Бросился он бежать. Сам не знает, куда бежит, а ноги его

несут прямо туда, где его невесту венчают с королем Хакеном.

Прибежал он, видит: стоят черные лошади под старинными седлами, какие-то люди толпятся, праздничные столы готовят. А девушки наряжают Барбру к венцу. Убрали ее как полагается и подвели к своему королю.

«Все готово, — говорят. — Только надо ей глаза отвести».

Тут жених сорвал с плеча ружье, зарядил его — да не пулей, а старинной дедовской пуговицей — и выстрелил прямо в короля Хакена. Тот сразу упал как подкошенный. А в горах застонало, загудело, и вся земля затряслась.

Тролли подхватили на руки своего короля и в один миг исчезли в расщелине скалы. А со стола запрыгали лягушки, поползли во все стороны черви да змеи и всякая прочая нечисть.

Только подвенечный убор и блюдо из литого серебра так и остались у Барбру. А потом они перешли к ее дочке, а от дочки — внучке. Не верите — пойдите сами поглядите.

...Берта могла бы рассказывать без конца, но в это время за окошком послышался скрип полозьев и фыркание лошадей. Это за мной приехали из имения.

Я распростился с Бертой, поблагодарил ее за рассказы, дал несколько монет за лечение и отправился домой.

Холодные примочки и спиртовые компрессы очень помогли мне. Через несколько дней я опять бегал на лыжах как ни в чем не бывало.

Старая Берта приходила навестить меня. Она несколько не удивилась, узнав, что я уже здоров, и не без гордости сказала на кухне:

— Что ж, тому, кто знает тайные заклинания дяди Масса из Кнэ, не трудно вылечить ушибленную ногу. Мне и сломанные доводилось лечить...

Тут ребяташки, которым я уже успел рассказать, как лечила меня Берта, окружили ее и со смехом запели:

*Воздух,
Вода,
Земля
И огонь!
Ногу сломал.
Необъезженный конь.
Жилы срастутся,*

*Смешается кровь,
Все, что разорвано,
Свяжется вновь!*

Старая Берта сначала очень рассердилась и дня три не показывалась у нас в имении. Но в конце концов мы с ней помирились, и она рассказала мне еще немало чудесных историй.

Однако уже никогда больше не открывала она мне секретов своего колдовства и не произносила при мне — ни вслух, ни шепотом — таинственных заклинаний дяди Масса из Кнэ.

ЛЕШИЙ

Русская сказка

Одна поповна, не спросясь ни отца, ни матери, пошла в лес гулять и пропала без вести. Прошло три года. В этом самом селе, где жили ее родители, был смелый охотник: каждый божий день ходил с собакой да с ружьем по дремучим лесам. Раз идет он по лесу; вдруг собака его залаяла, и песья шерсть на ней щетиною встала. Смотрит охотник, а перед ним на лесной тропинке лежит колода, на колоде мужик сидит, лапоть ковыряет; подковырнет лапоть, да на месяц и погрозит:

— Свети, свети, ясен месяц!

Дивно стало охотнику: отчего так, думает, собою мужик — еще молодец, а волосом как лунь сед? Только подумал это, а он словно мысль его угадал:

— Оттого, говорит, я и сед, что чертов дед!

Тут охотник и смекнул, что перед ним не простой мужик, а леший; нацелился ружьем — бац! — и угодил ему в самое брюхо. Леший застонал, повалился было через колоду, да тотчас же привстал и потащился в чащу. Следом за ним побежала собака, а за собакою охотник пошел.

Шел-шел и добрел до горы; в той горе расщелина, в расщелине избушка стоит. Входит в избушку, смотрит: леший на лавке валяется — совсем издох, а возле него сидит девица да горько плачет:

— Кто теперь меня поить-кормить будет!

— Здравствуй, красная девица, — говорит ей охотник, — скажи: чья ты и откудова?

— Ах, добрый молодец! Я и сама не ведаю, словно я и вольного света не видала и отца с матерью не знавала.

— Ну, собирайся скорей! Я тебя выведу на святую Русь.

Взял ее с собою и повел из лесу; идет да по деревьям все метки кладет. А эта девица была лешим унесена, прожила у него целых три года, вся-то обносилась, оборвалась — как есть совсем голая! А стыда не ведает.

Пришли на село; охотник стал выпрашивать: не пропадала ли у кого девка? Выискался поп.

— Это, — говорит, — моя дочка!

Прибежала попадья:

— Дитятко ты мое милое! Где ты была столько времени? Не чаяла тебя и видеть больше!

А дочь смотрит, только глазами хлопает — ничего не понимает; да уж после стала помаленьку приходить в себя... Поп с попадьею выдали ее замуж за того охотника и наградили его всяким добром. Стали было искать избушку, в которой она проживала у лешего; долго плутали по лесу, только не нашли.

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК ЯГ-МОРТ

Коми народная сказка

Было у одного охотника три сына.

Вот пришел как-то отец с сыновьями на охоту — белок и рябчиков бить.

Живут они в лесу месяц, живут другой, живут третий.

Хорошая охота выдалась, много зверя промыслили. Одна беда — не стало у них огня.

А мороз крепкий, сварить мясо не на чем, спать холодно.

— Давайте жребий кидать, — говорит отец сыновьям. — Кому выпадет, тот и пойдет домой за огнем.

Младший сын говорит:

— Погодите жребий кидать. Влезу я на самую большую ель, посмотрю: нет ли поблизости жилья. Если нигде нет, тогда надо домой идти.

Похвалил отец младшего.

— Ты толковый, — говорит, — хорошо придумал.

Полез младший сын на самую высокую елку, смотрит вправо-влево, смотрит вперед-назад и видит: далеко в лесу, словно волчий глаз, светится огонек.

Слез он с дерева и говорит братьям:

— Вон там-то и там-то огонь светится, верно, жилье есть.

Обрадовались братья, тоже на ель полезли. Правда, светится

вдалеке огонек.

Спустились они на землю и стали спорить, кому первому за огнем идти.

Отец говорит:

— Пусть старший идет, он самый сильный, он скорее всех огонь принесет.

Хорошо. Взял старший ружье и пошел.

Вдруг видит: лежит на дороге чугунный горшок.

— Ты куда идешь? — спрашивает горшок.

— За огнем.

— Вернись лучше, не ходи, — говорит горшок. — Обожжет тебя огонь.

— Не обожжет, — говорит старший охотников сын.

И пошел дальше.

Попадается ему на дороге берестяной шердын.

— Ты куда идешь? — спрашивает шердын.

— За огнем.

— Вернись, не ходи, — говорит шердын. — Обожжет тебя огонь.

— А может, и не обожжет, — говорит парень.

И дальше пошел.

Лежит на дороге толчая.

— Ты куда идешь? — спрашивает толчая.

— За огнем.

— Не ходи, вернись, — говорит толчая. — Обожжет тебя огонь.

— Не обожжет, уберегусь, — говорит парень.

И опять пошел дальше.

Лежат на дороге грабли.

— Ты куда идешь? — спрашивают грабли.

— За огнем.

— Не ходи лучше, вернись, — говорят грабли. — Обожжет тебя огонь.

— Не обожжет, цел буду, — говорит парень.

И опять пошел дальше.

Шел, шел, видит — стоит избушка. Дверь открыта. В каменке огонь едва-едва теплится. А хозяина нет.

Начал старший охотников сын дрова подбрасывать, огонь раздувать.

И вдруг над самым его ухом проговорил кто-то хриплым голосом:

— Ты что здесь делаешь?

Вскочил парень, смотрит: перед ним старик стоит — борода до полу, зубы словно колья торчат, руки точно крючья висят. Ну прямо леший! А это он самый и был — лесной человек Яг-морт.

— Тебе что здесь надо? — спрашивает лесной человек Яг-морт. — Ты зачем мой огонь трогаешь?

— Хочу себе взять! — говорит парень.

— А тебе горшок на дороге попался? — спрашивает лесной человек Яг-морт.

— Попался.

— А шердын попался?

— Попался.

— А толчая попалась?

— И толчая попалась.

— А грабли попались?

— И грабли попались.

— А что они тебе говорили?

— Говорили, чтобы я вернулся.

— А ты почему их не послушался? Знаешь, что это за горшок? — спрашивает Яг-морт, а сам зубами скрипит.

— Горшок как горшок, чтобы мясо варить, — отвечает парень.

— Вот и врешь, — говорит лесной человек Яг-морт. — А что за шердын, знаешь?

— Простой шердын, — отвечает парень, — чтобы муку просеивать.

— Вот и врешь, — говорит лесной человек Яг-морт. — А что за толчая, знаешь?

— Как не знать! Толчая и есть толчая — зерно толочь, — отвечает парень.

— Вот и врешь, — говорит лесной человек Яг-морт. — А что за грабли, знаешь?

— Чего тут не знать! Эка невидаль — грабли!

— Ничего-то ты не знаешь, — говорит ему лесной человек Яг-морт. — Ну, за это я тебя сейчас проучу хорошенько.

Схватил его за волосы, пригнул к полу, зажал между ногами и вырезал у него из спины ремень шириной в ладонь.

Едва вырвался от лешего старший охотников сын, а уж как вырвался — бросился бежать без оглядки. Про головню и думать забыл.

Пришел к отцу и братьям едва живой.

— Огонь принес? — спрашивает отец.

— Какой там огонь! Сам едва жив остался. Чуть не задушил меня леший.

А про спину молчит, только поеживается.

Рассердился отец, послал среднего сына за огнем.

Проходит день, и этот без огня возвращается, и у него из спины леший вырезал ремень.

Да про это молчит средний сын, только охает тихонько.

Смеется младший брат над старшими.

— Ну что вы за охотники? — говорит. — Лесного человека испугались. Вы бы побили его, а потом и огонь бы унесли.

— Вот ты сам и сходи, — говорят братья. — И тебе достанется.

— Что ж, пойду, — говорит младший.

Взял ружье, взял топор и отправился в путь.

Шел, шел, видит, лежит на дороге горшок.

— Ты куда идешь? — спрашивает горшок.

— За огнем.

— Вернись лучше, не ходи, беду наживешь, — говорит горшок.

— Не пугай, не боюсь! — и дальше пошел.

Попадается ему на дороге шердын.

— Ты куда идешь? — спрашивает шердын.

— За огнем.

— Вернись, не ходи, обожжет тебя огонь, — говорит шердын.

— Был бы только огонь, а уж я с ним управлюсь, — отвечает младший охотников сын.

И дальше пошел.

Попадается ему на дороге толчея.

— Ты куда идешь? — спрашивает толчея.

— За огнем.

— Не ходи, вернись, а то худо будет, — говорит толчея.

— Без огня еще хуже, — говорит младший охотников сын.

И дальше пошел.

Попадают ему на дороге грабли.

— Ты куда идешь? — спрашивают грабли.

— За огнем.

— Вернись, не ходи, жалеть будешь, — говорят грабли.

— Вот возьму огонь и вернусь, — отвечает младший охотников сын.

И опять дальше пошел.

Дошел до избушки, входит, а там сам лесной человек Ягморт лежит. Голова в одном углу, ноги в другом.

— Живешь-поживаешь, добрый человек, — говорит млад-

ший охотников сын. — Непустишь ли меня ночевать?

— Что ж, ночуй. Только не взять тебе того, за чем пришел. Ты горшок на дороге видел?

— Видел, — говорит младший охотников сын. — И шердын видел, и толчею видел, и грабли видел — все твое добро.

— А что это за горшок, знаешь? — спрашивает лесной человек Яг-морт. — Что за шердын, что за грабли, что за толчея, знаешь?

— Знаю, — отвечает младший охотников сын. — Горшок — твоя голова, шердын — твое тулово, грабли — твои руки, толчея — твои ноги. Если непустишь меня ночевать, разобью я твою голову, изломаю руки-ноги, разрублю на куски тулово.

— Ну, вижу я, что ты больно умный, — говорит лесной человек. — Полезай на печку да рассказывай мне сказки. Да такие, чтобы было в них все небывалое, а бывалое скажешь — волосы выдеру.

— Ладно, слушай, — говорит младший охотников сын. — Только если перебьешь меня, тогда уж я у тебя волосы выдеру.

— И то ладно, — говорит лесной человек Яг-морт.

Залез младший охотников сын на печку, стал рассказывать:

— Полетел я как-то на небо, три года летел, наконец долетел. А на небе все люди вверх ногами ходят. «Почему же это вы вверх ногами ходите?» — спрашиваю у них. А они мне говорят: «Потому вверх ногами ходим, что нечем сапоги шить, щетины у нас нет». А я им говорю: «Давайте я вам без щетины сапоги сошью. У леших волосы еще лучше щетины». Вот потому я и пришел к тебе — волосы у тебя повыврывать.

Услышал это лесной человек Яг-морт и обеими руками за голову схватился.

— Не дам волосы рвать! — кричит.

— Дашь не дашь, а раз слово сказал, вырву, — говорит младший охотников сын. — Такой уж у нас был уговор.

Запустил руку лешему в волосы, и сколько рука захватила, столько и вырвал.

Леший так и съезжился весь. А младший охотников сын опять рассказывает:

— Сшил я всем сапоги и пошел гулять по небу. Вижу — мужик на гумне овес лопатой веет. А из-под овса мякины летит видимо-невидимо. Наловил я этой мякины, свил веревку и стал той веревкой всех ледяных ловить. Выловил ледяных, а водяные за ними сами идут. Гляди, вот уже к дому подошли!

Вскочил леший — и к дверям.

— Зачем же обманываешь? — говорит. — Никого тут нет!

— А как же мне не обманывать, когда сам ты велел, — говорит младший охотников сын. И опять руку в волосы ему запустил да и выдернул целую копну волос.

Совсем притих лесной человек Яг-морт, сидит, голову потирает.

А младший охотников сын опять рассказывает:

— Пошел я как-то на охоту. Дошел до озера, стою и думаю: как бы мне на другой берег переправиться? Вдруг вижу: сидят на дереве мухи, много мух. Я их всех переловил, ниточкой связал и сам за конец ниточки ухватился. Мухи полетели и меня подняли. До середины озера донесли, а тут как раз нитка и оборвалась. Упал я в озеро, вот-вот утону. А на озере утки сидели. Поймал я одну за ногу, ну она меня к берегу и подтащила. Вот стою я на берегу и не знаю, что делать. Огня нет — ни высохнуть мне, ни согреться. Вдруг смотрю: идет медведь. Поднял я ружье, чтобы выстрелить, а медведь и говорит: «Ты в меня не стреляй, лучше скажи, что тебе нужно?» Опустил я ружье, говорю: «Разводи огонь, замерз я». А медведь отвечает мне: «Как же я огонь разведу? Мне нечем. Коли хочешь, садись ко мне на спину, я тебя отнесу туда, где огонь есть». Сел я на медведя, и понес он меня по лесам, по болотам, через реки, через озера и к тебе принес. А ты огня не даешь.

— Эй, Мишка! — крикнул тут в окно младший охотников сын. — Иди в избу, задуши этого лешего!

Так и задрожал со страху лесной человек Яг-морт.

— Что хочешь, — говорит, — бери, только уведи медведя.

— Нет, — говорит младший охотников сын, — пусть задушит тебя, чтобы не оставлял ты людей без огня. — И опять в окно кричит: — Мишка, иди сюда!

— Ой, не пускай медведя, — плачет леший, — все тебе дам, только вели медведю уйти. На вот, бери огненный камень, бери железку. Ударишь железкой по камню, и будет у тебя огонь. Возьми сумку с дробью, из нее сколько ни вынимай зарядов, всегда полная будет. Возьми ружье самострельное. Все бери, только оставь живым.

— Нет, — говорит младший охотников сын, — мне этого мало. Отдавай ремни, что ты у братьев из спины вырезал.

— Бери, — говорит леший, — и это бери.

И повел младшего охотникова сына в свою кладовку. А там все стены увешаны ремнями из человеческой кожи.

— Зачем же ты ремни из человеческой кожи хранишь? — спрашивает младший охотников сын.

— А это, — говорит лесной человек Яг-морт, — я счет веду

вашим людям, тем, которых я напугал. А таких, что меня напугали, еще не было, ты первый.

Спрятал младший охотников сын камень с железкой в карман, обменял свое простое ружье на самострельное, надел через плечо сумку с дробью, спрятал за пазуху два кожаных ремня, а лесной человек Яг-морт еще целебной травы ему дает.

— Бери, бери, — говорит, — пригодится!

Распрощались они, и отправился младший охотников сын в обратный путь.

Встречают его братья и спрашивают:

— Где же твой огонь? Что-то не видно его!

— А он вот здесь у меня спрятан, — отвечает младший брат и вытаскивает свой камень.

Ударил по камню железкой, огонь сразу и вырвался.

Глазам своим не верят братья!

— А ну-ка дай и нам попробовать!

— Что ж, пробуйте, — говорит младший брат. — А мне подставляйте-ка ваши спины, я вам кожу залатаю!

И достает из-за пазухи два ремня.

Приложил один ремень к спине старшего брата, другой — к спине среднего брата, обвязал целебной травой, и сразу приросла кожа к их спинам.

— Смотрите ж, в другой раз умнее будьте! — говорит младший брат старшим.

Потом развели они большой огонь, нажарили мяса, наелись, напились, обогрелись, обсушились и с богатой добычей вернулись домой.

А лесной человек Яг-морт с тех пор и остался безо всего — ни огня у него нет, ни ружья с сумкой. Ничего он сделать людям не может, только зря пугает.

КАК ПЕРА-БОГАТЫРЬ ЛЕШЕГО ОДОЛЕЛ

Коми народная сказка

Наша страна Коми большая и вся лесами скрыта. Леса глухие, темные, стеной стоят. А зверя да птицы в лесах — тьма-тьмущая, не сосчитать.

С давних пор жили в тех местах люди. Хлеб не сеяли, коров не заводили. Лесованьем жили. Кто на что охотился — один на медве-

дя, другие на тетерева и рябчика, кто лося или белку промышлял, а кто — уток.

Болот тоже хватало.

И была там когда-некогда за Гайной-селом Лупья-деревня. Затеялась она среди болот и лесов. Зимой кое-как еще доедешь, летом по речке доберешься, а в другое время болота не пустят.

Вот в этой-то деревне и жил парень, Пера его звали. Жил не богато, попросту сказать, бедно. Дом у него пустой, а ему и горя мало. Где стоит, там у него и дом: разведет костер-нодью¹, наломает пихтовых веток, уляжется, и ничего ему больше не надо. Целыми днями бродил он по лесу, в такую глушь заходил, куда нога человеческая не ступала. И ни одному зверю от него не убежать. Лыжи у Перы трехсаженные, каждая лыжа из цельного ствола ели вырезана. За спиной у него лук со стрелами. Есть такое дерево, тусяпу зовется, по-другому — можжевельник, — так Пера его замочит в воде и в дугу согнет, а тетиву из оленьих и лосиных сухожилий сделает. Без промаха бьет такой лук. Да сколько с охоты ни принесет Пера, все раздаст.

Про Перу много чего рассказывают.

Как-то раз задумал один мужик лупьянский дом себе строить и соседей позвал — помочь бревна возить. Поехали помочане в лес. И Пера с ними. Нарубили бревна, назад едут, полные возы везут. А у Перы, — то ли лошаденка чахлая была, то ли бревна слишком тяжелые, — только воз ни туда ни сюда.

— Ну и лошадь у тебя! Кошка и то сильнее! — смеются мужики. — Да ты ее хлестни разок!

Рассердился Пера. От гнева потемнел в лице. А хлестать лошадь не стал — пожалел. Подумал он, подумал — и давай распрягать лошаденку. Мужики смотрят, посмеиваются. А Пера ухватился за оглобли и одним махом вытащил воз на дорогу.

Помочане только руками разводят: «Ну и богатырь!»

А Пера и вправду был богатырь.

Насмешки над собой не прощал, а где люди в беде, там он первый помощник, всему народу защитник.

Вот, говорят, что было.

Облюбовал себе лешак парму, лесной пригорок, что возле Лупьи-деревни.

Дом себе поставил, а дом-то у него не как у людей, о трех углах. Всем лесным зверьем распоряжаться стал, все лесные жители у него под началом ходили. А больше всего любил

¹К о с т е р-н о д ъ я — костер этот складывается по-особенному, так, что жар от него идет не вверх, а в стороны. И гореть он может всю ночь.

лешак покуражиться над людьми. Завьется он вихрем, завоюет, засвистит, застучит и уж такой север-ветер поднимет, что не то что человека с ног свалит, а деревья с корнем вырывает.

Охотника с дороги сбить для него первое удовольствие. Ходит, кружит охотник — нет нигде дороги, ну словно украл ее кто. А это леший украл.

Хорошо, если догадается человек шапку задом наперед надеть или стельку вывернуть из сапога и на дорогу бросить, — тут уж лешак отступится от него.

А то налетит на встречного человека, подхватит и унесет к себе в дом — пусть поработает на него, лешака. Кто артачиться станет, с тем разговор короткий: посадит на высоченную ель, свяжет да так и оставит. Сиди, остывай.

Уж как его народ ублажал! Со всей деревни, бывало, сбор сделают, — кто пирог с окунем даст, кто яйца, кто шаньги вынесет, кто еще что, — и, как солнце зайдет, отнесут все в лес. На осиновый пенек положат и прокричат три раза:

— Покушай, Висел! (Это лешака так звали.) Ешь на здоровье, только нас не трогай!

А лешему что?! Придет, съест и опять за свои забавы примется.

Думали, думали люди, как им от лешака избавиться, и надумали: надо идти к Пере-богатырю, просить у него помощи.

Мрачнее, чем Кама-река в непогоду, стал Пера-богатырь. Надел теплый совик¹, взял лук со стрелами, привязал покрепче свои трехсаженные лыжи и пошел в лес. Сразиться с лешаком решил.

Соседи говорят:

— Ты только по его дороге не ходи. Не прощает он того, кто по его дороге ходит.

— И огонь возле его дороги не разводи. Не позволяет он этого.

— И зверя никакого не стреляй. Где его дорога, там он один над всем зверьем хозяин.

— Ты смотри не ложись на его дороге. Он увидит — убьет.

Пера всех их слушает, а свое думает: «Если дорогу лешака стороной обходить, так как я с ним встречаюсь?»

И прямо свернул на дорогу Висела-лешака. Развел костер-нодью и улегся рядом.

Лежит, ждет, что будет.

Только солнце за лесом скрылось, задул север-ветер, рвет с

¹С о в и к — одежда из звериных шкур шерстью наружу, с капюшоном.

деревьев листву, гнет стволы к земле. Тут и сам Висел-лешак появился — ростом с высокую сосну, лицо что колесо от телеги, бровей нет.

— Уходи с моей дороги! — кричит страшным голосом.

— Никуда я не уйду, — говорит Пера-богатырь. — Мне и здесь неплохо. Не мешай мне, я спать хочу.

— Не уйдешь добром, будем тогда силой мериться. Ты меня осилишь — твоя дорога, ты на ней хозяин. Я осилю тебя — за мной дорога останется, и уж не ступать тебе больше по этой дороге.

— Что ж, я согласен, — говорит Пера.

Выдернул лешак молодую березку, обломал с двух концов.

— Вот, — говорит, на этой дубинке давай будем силу нашу мерить.

Уселись они друг против друга, взялись каждый за свой конец и давай тянуть, каждый в свою сторону, — кто кого перетянет.

Пера хоть и богатырь, а лешак, конечно, посильнее был.

Зато Пера — похитрее. Он свой поясной ремешок за пень зацепил.

Лешак тянет, тянет, а перетянуть Перу не может.

Уж и пень стал трещать, а Пера — держится.

Леший услышал треск и спрашивает:

— Что это у тебя, Пера, трещит? Может, косточки твои похрустывают?

— Да нет, это сила в меня входит, меня распирает.

Испугался лешак.

— Да, видать, силен ты, Пера, не одолеть мне тебя. Ходи по моей дороге сколько хочешь, и зверье, и птица пусть твои будут. А сейчас давай спать. Притомился я что-то.

— Спать так спать, — говорит Пера.

— Только ведь я сплю так, что от моего храпа земля дрожит, черный лес шатается, а из ноздрей искры сыплются. Не побоишься меня?

— А что мне бояться? — говорит Пера. — Я как дубовая чурка сплю, меня хоть буди, хоть не буди, — ничего не слышу, с бока на бок не повернусь.

Ну, подбросили они еще веток в костер и улеглись по обе стороны огня.

Уснул лешак. И верно, от его храпа искры сыплются, деревья качаются.

А Пера не спит. Встал он, разыскал кряж побольше и положил на то место, где сам лежал, а сверху свой совик меховой накинул. Потом отошел от огня и спрятался за деревом. Лук и стрелы наготове держит.

Недолго спал лешак. Открыл он один глаз, другой, видит, лежит-спит Пера, совиком с головой покрылся. Окликнул его лешак — не отвечает.

«Верно ведь, как чурка, спит».

Тогда встал лешак, взял свое копье и в огонь сунул. И когда раскалилось оно докрасна, размахнулся и вонзил свое копье в деревянную колоду.

— Получай, — говорит. — Больше по моей дороге не пойдешь!

— Пойду, — отозвался Пера и спустил стрелу прямо в грудь лешему.

Зашатался леший, закричал, завыл и бросился бежать.

И уж так далеко убежал, что никто его никогда не видел.

И дорога его в лесу стала свободная.

И людей он больше не тревожил.

Да и другие лешие стали людей остерегаться.

ЗОЛОТАЯ ГОЛОВНЯ

Французская сказка

I

Спереди Броссельянского леса, в землянке, оплетенной ветками, жили три брата — сироты. Они были угольщики и трудились день и ночь, чтобы кое-как прокормиться.

Раз вечером, после того как они нажгли полную печь угля, Жан, старший из братьев, сказал младшим:

— Братья, мы почти кончили работу, остается только поддерживать огонь в печи. Я пойду в Пемпон поплясать на свадьбе у Жерома Шуана.

— Хорошо, ступай, — сказали Жак и Франсуа.

Жан тотчас вошел в хижину и стал наряжаться на свадьбу.

Надел старую куртку, штаны, на которых было всего только две заплаты — одна на колене, другая на задуге, башмаки, недавно подбитые новыми подметками, и свою воскресную широкополую шляпу. Одевшись, он ушел, напевая.

Когда Жан ушел, второй брат подумал.

«Разве непременно двоим нужно поддерживать огонь в печи? Малыш Франсуа и один отлично справится с этим. Зачем же мне сидеть дома и умирать со скуки, когда сегодня все парни и девушки собрались у Жюльена Генеля, пьют сидр, едят жареные каштаны и рассказывают сказки?»

И Жак тоже ушел, наказав Франсуа, чтобы он присматривал за печью, так как, если огонь погаснет, весь их труд пропадет даром.

Франсуа шел четырнадцатый год. Он был мальчик послушный и добрый, и старшие братья часто пользовались этим.

Вот и в тот вечер бедный ребенок просто с ног валился от усталости. После того как он целый день помогал братьям, ему предстояло еще добрую половину ночи не спать и поддерживать огонь в печи.

Но он, не жалуясь, взял кочергу и принялся ворошить угли, чтобы огонь не погас.

Медленно текли часы за часами, и, как ни боролся Франсуа с усталостью, сон постепенно одолевал его. Чтобы не заснуть, он стал ходить от печи к хижине, и от хижины к печи. Но ничего не помогало, и в конце концов Франсуа в изнеможении сел и уснул.

Ему снилось, что он король и пасет коров, сидя на большом белом коне. Он так богат, что каждый день ест белый хлеб и свиное сало. Если бы кто-нибудь в эти минуты увидел спящего Франсуа, он прочел бы на его лице блаженство, навеянное этим дивным сном.

Но Боже, какое разочарование и горе ждали его, когда он проснулся! Он не был больше прекрасным принцем, разъезжавшим верхом по степи, он был бедный угольщик, у него погас огонь в печи, и он знал, что братья за это непременно его поколотят.

Что делать? Как быть? Как помочь беде? Спичек тогда еще не знали, и каждое утро женщины ходили из дома в дом со старым деревянным башмаком в поисках горящего уголька.

Бедный Франсуа в отчаянии рвал на себе волосы и призывал на помощь всех святых.

Вдруг, подняв глаза к небу, он заметил вдалеке, высоко над деревьями, языки пламени.

— Ого! — закричал он. — Видно, какие-нибудь угольщики развели большой костер, чтобы уберечься от ночной росы. Пойду-ка я поскорее да попрошу у них несколько головешек.

Он побежал в ту сторону, где виднелось пламя, и, подойдя поближе, очень удивился, заметив, что оно переливается раз-

ными цветами: голубым, белым, желтым, красным.

Оно светило так ярко, что Франсуа мог хорошо рассмотреть тот угол леса, куда он забрел.

Он так и застыл на месте. Холодный пот выступил у него на лбу: ведь он находился в двух шагах от Трессельенской прогалыны, близ Барантонского ключа, где водились феи!

На колокольне в Пемпоне пробило полночь.

И тут Франсуа вспомнил, что слышал от людей, будто здесь сходятся по ночам лесные духи. Здесь они играют и пляшут. А всех тех смертных, кто пытался их застигнуть и увидеть, они увлекали в свой адский хоровод и заставляли плясать до тех пор, пока те не падали мертвыми от изнеможения.

Идти вперед? Или бежать обратно? Да и возможно ли еще убежать?

Пока он раздумывал так, из чащи вышли несколько лесных фей. Они окружили его, схватили и повели. Франсуа был ни жив ни мертв, но волей-неволей шел за ними. Он очутился посреди прогалыны перед огромным костром, у которого грел ноги бог дубов.

Увидев Франсуа, лесной бог закричал страшным голосом:

— Смертный! Что ты делаешь здесь?

Франсуа, плача, рассказал о своей беде, о том, как он оплошал и боится побоев. Лесной бог, слушая его, понял, что бедный мальчик не лжет, и смягчился. Указав на костер, он сказал почти ласково:

— Ну, юноша, возьми огня на лопатку и пользуйся им на здоровье, а сюда больше не возвращайся.

Маленький угольщик не ждал вторичного приглашения: он сунул в костер лопатку и вытащил пылающую головню, при свете которой легко нашел дорогу домой. Добежав до своей печи, он бросил в нее головню, и огонь вспыхнул сразу, как по волшебству.

Когда братья вернулись домой, обжигание угля в печи было закончено, и они так и не узнали о том, что произошло в их отсутствие.

II

Утром Франсуа, как всегда, должен был вычистить печь.

Занятый мыслями о событиях прошедшей ночи, он wygrебал лопатой золу и вздрогнул от неожиданности, увидев под нею вчерашнюю головню, которая по-прежнему ярко светилась каким-то волшебным блеском.

Опомнившись от удивления, Франсуа придвинулся ближе, стал

поворачивать головню и так и этак, увидел, что она не горит, обтер ее концом своего фартука и понял наконец, что перед ним большущий слиток золота и что это золото принадлежит ему!

Братья ушли продавать уголь, а Франсуа весь день не переставал думать о своей находке. С детства предоставленный самому себе, он легко поддавался дурным страстям. «Такое золотое полено, — говорил он себе, — стоит много-много денег. Это богатство, а богатые люди счастливы и живут весело. Золото — мое, его дали мне одному. Жан и Жак не имеют на него никаких прав».

Совесь его восставала против таких мыслей и говорила ему: «Ты совсем маленьким остался сиротой, и братья заменили тебе умерших отца и мать».

Но дурные чувства брали верх и нашептывали ему:

«С тех пор ты постоянно работал и с лихвой расплатился за все, что они для тебя сделали. Ты с ними давно в расчете, не смущайся этим и оставь золото себе».

Утешенный такими мыслями, Франсуа выкопал яму под буком и зарыл в ней свое сокровище.

С этого дня он не знал ни минуты покоя. Он простился навсегда с безмятежными и радостными снами. Жизнь его совсем изменилась. Его не оставляла неотступная забота. Он избегал братьев, прежних приятелей, всех. Он в одиночестве бродил по лесу, думая о том времени, когда покинет эти места, уедет в Париж, разменяет свое золото, а потом вернется и купит всю землю в их округе, чтобы знакомые лопнули от зависти. Им уже овладел бес тщеславия.

Но, несмотря на золотую головню, Франсуа был беден и не мог пуститься в желанное путешествие. Прошло много лет, пока он по грошу накопил себе денег на дорогу.

Он весь день трудился, помогая братьям, молча, никогда не обращаясь к ним ни с единым словом, и все мечтал о будущем счастье, все считал свои сбережения, которые хранил в чулке, и часами не сводил глаз со своего сокровища.

Ему не удавалось откладывать столько, сколько он хотел, и он ушел от братьев работать с другими угольщиками, которые хорошо платили.

III

И вот наконец наступил долгожданный день.

Ни с кем не простившись, Франсуа покинул родные места,

унося на спине свое золото, завернутое в старые тряпки и перевязанное веревками.

Глядя на этого тщедушного парня, бледного, худого, на вид хилого и жалкого, никто бы не поверил, что это владелец большого состояния.

Он шел в Париж, переходя из деревни в деревню, питаясь в Бретани одними лишь яблоками и каштанами, которые подбирал под деревьями, а дальше, за Бретанью, — виноградом, сорванным тайком в виноградниках, да спелой ежевикой. Он охотно пользовался гостеприимством крестьян, которые кормили его из сострадания, обманутые его жалким видом.

После долгих странствий он однажды вечером увидел вдали крыши великого города. Скоро, изнемогая от усталости, он вошел в предместье Парижа и стал искать приюта на ночь.

На другое утро он разбил на куски свою золотую головню и отправился продавать их ювелирам. Он выручил громадные деньги.

В лавке одного торговца Франсуа снял с себя платье угольщика и оделся в городское. Новая одежда и бледное лицо делали его похожим на знатного господина.

Он поселился в гостинице и скоро вкусил всех наслаждений, какие предлагает людям Париж.

Обладая редким умом, красивой и располагающей к себе наружностью, к тому же рассыпая золото полными пригоршнями, он очень скоро сблизился со знатными людьми и приобрел хорошие манеры. Целая свита новых друзей облегчила ему доступ в высший свет. Перед ним раскрылись все двери, и маркиз де Компе — так он назывался теперь — скоро стал настоящим вельможей, перед которым заискивали, которого баловали, которому завидовали.

Но все эти успехи, за которыми он вначале гнался с увлечением, быстро ему наскучили. Он был бретонец, и воспоминания о родине никогда не оставляли его.

В разгаре самых пышных и веселых пиров угольщик Франсуа думал о высоких деревьях Броссельянского леса, о полях, над которыми носится аромат цветущей гречихи, и часто говорил себе: «Ведь я бы мог и там, на родине, веселиться не хуже, чем здесь, и пировать с друзьями».

IV

И вот в одно прекрасное утро, по своему обыкновению ни с кем не простясь, он ушел с бала, купил лошадь и оружие, — ведь в те времена дороги не были так безопасны, как

теперь, — и отправился в Бретань.

Путешествие прошло благополучно, и по приезде Франсуа купил великолепный замок в окрестностях Плелана.

Началась веселая жизнь. В замок приглашены были дворяне со всей округи.

Своры гончих заливались во дворах замка. В лесу раздавались звуки рогов. В покоях замка всегда звенела музыка.

Званные обеды, балы, охоты непрерывно сменяли друг друга. Мотовству не было предела, и одни только бедняки оставались забытыми и заброшенными.

При таком образе жизни золото маркиза де Компе заметно таяло, и к тому же он вздумал вернуть игрой деньги, которые расточал так безрассудно. Это его погубило. Он потерял все, что у него еще оставалось.

После одного пиршества Франсуа за одну ночь проиграл все до последнего гроша и снова стал таким же нищим, как в годы своей юности.

Игра была в самом разгаре, когда ему пришлось сказать, что в конюшнях замка вспыхнул пожар и его никак не удастся потушить. Но Франсуа был слишком увлечен игрой. Он хотел поскорее выиграть, чтобы снова попытаться счастья. И в ответ только пожал плечами.

Спустя несколько часов все строения стали добычей огня, спасти не удалось ничего.

Когда пожар уничтожил все, гости разъехались по домам, но никто из них не позвал Франсуа к себе. Собутельники теперь избегали его. Несчастный остался один среди развалин и пепла.

Он пробыл там целый день, весь поглощенный своим несчастьем. Голод вынудил его искать где-нибудь приюта. Только теперь вспомнил он, что у него есть братья, и направился к старой хижине.

Жан и Жак разводили огонь в печи и за работой пели.

До этого они несколько раз видели маркиза, когда он проезжал верхом со сворой своих гончих, и находили в нем некоторое сходство с их младшим братом. Но им и в голову не могло прийти, что это он и есть. Однако, когда он вошел в хижину, у них не осталось сомнений, что это Франсуа, одетый как знатный вельможа.

— Брат, — сказали они, — ты, видно, очень богат: у тебя замок, лошади, собаки, которых содержать стоит, верно, дороже, чем прокормить всех крестьян у нас в лесу, и у тебя так много друзей!

— Нет, я больше не богат, — возразил Франсуа. — Замок мой сгорел, лошади и собаки проданы, деньги прожиты, друзья меня покинули. У меня нет ничего, и я умираю от голода и холода.

— Так подели с нами обед и отогрейся у огня, — сказали угольщики, указывая на очаг и на горшок с тюрей из черного

хлеба. — Здесь всегда найдется место для бедняка.

Франсуа уголил голод и подошел к огню, а братья продолжали работать.

Этот дружеский прием показался ему унижительнее самого грубого отказа в приюте. Он страдал от того, что братьям было лучше, чем ему, и не хотел оставаться у них.

Да и, кроме того, он совсем отвык работать и прекрасно понимал, что нельзя оставаться у братьев, если он не будет трудиться вместе с ними.

— Эх! Будь что будет! В последний раз попытаю счастья! — сказал он себе. — Пойду к лесным духам на Трессельенскую поляну.

Он дождался темноты и вышел из хижины.

V

Около полуночи несчастный маркиз, борясь со страхом, пошел по направлению к прогалине.

Была ужасная погода, гремел гром, молнии бороздили небо.

Как и первый раз, Франсуа увидел разноцветное пламя, сиявшее над вершинами самых высоких деревьев.

Зловеще кричали совы. Летучие мыши и козодои как тени скользили над кустами. Стояло лето — пора, когда лягушки и жабы, кузнечики и сверчки поют и стрекочут всю ночь напролет. Но в эту ночь они не подавали никаких признаков жизни. Лишь ветер шумел в чаще, вздыхали лиственницы, дрожали папоротники, колыхался вереск, — вся природа стонала и жаловалась.

Маркиз, собрав все свое мужество, двинулся вперед.

Взрывы смеха, голоса, пение донеслись вдруг из чащи. И скоро несчастного обступили феи, увлекли на поляну, закружили в неистовой пляске.

Бог дубов, увидев Франсуа, тотчас узнал его и крикнул страшным голосом:

— Смертный, зачем ты пришел сюда?

Франсуа начал рассказывать ему все ту же историю о потухшем в печи огне. Но старик его перебил.

— Слыхал, слыхал, не верится что-то! Впрочем, — добавил он, посмеиваясь, — сейчас увидим, говоришь ли ты правду. Опusti лопатку в огонь и попробуй вытащить головню.

Бледный, с блуждающим взором бедняга подошел к костру, сунул в огонь лопатку и хотел вытащить ее обратно. Но не мог. Казалось, ее удерживает какая-то невидимая сила.

Руки его судорожно напряглись. Они как будто приросли к лопате, которую он держал. Пламя сначала лизало лопату, потом руки несчастного маркиза, потом охватило его всего. Вопя от ужасной муки, он исчез в огне.

К утру, на заре, пляска прекратилась, феи исчезли, пламя погасло, и на поляне остался обгорелый труп несчастного Франсуа.

Прошло время, и тело покрылось корой; из коры стали пробиваться побеги ветвей, и теперь на этом месте стоит старое чахлое дерево, ветви которого касаются земли. Его называют «деревом угольщика».

ДАР ЧЕРНОГО ЛЕШЕГО

Польская сказка

Жил-был в одной деревне бедный крестьянин. Как ни бился, ни трудился, не мог он со своей семьей прокормиться. Вот и прозвали его соседи Горемыкой.

Достался ему от отца земли клочок, да какой от него прок? Слева — болото, справа — песок, даже вереск и тот не растет, только посередке узенькая полоска землицы, вся в яминах да камнях. Какой уж тут достаток!

Вот отправился как-то осенью мужик свою полосу под озимые пахать. Конь — кожа да кости, еле тащится, выптербленный лемех по камням скрежещет. У мужика по лбу пот градом катится, словно в знойный июльский полдень. А на дворе мелкий холодный дождик моросит, даль мглой затянуло, как по осени бывает.

Пашет, пашет мужик. Умаялся, живот совсем подвело. Отдохнуть бы да хлебушка пожевать, что за пазухой спрятан. «Нет,— думает,— поработаю до полудня без отдыха».

Работа спорится, когда сила есть. А у бедного мужика сил мало, и голод его донимает. Куст шиповника отдохнуть манит и от дождя укрыться. Приостановился мужик, краюшку из-за пазухи вынул, оглядел, понюхал. «Может, съесть? — думает.— Хлебушек добрый, из чистой ржи, хоть и черствый, а корочка вкусно пахнет... Только солнышко еще низко, до полудня далеко... Съем краюшку сейчас — до вечера не дотяну. Нет, обождать надо. Положу-ка я лучше хлеб на межу под куст: пускай не соблазняет».

Обернул краюшку льняной тряпицей, чтоб сырость осенняя не пропитала, и с тяжелым вздохом положил под куст на межу.

Пашет он и не глядит по сторонам: ни налево, ни направо — ни на песок бесплодный, ни на болото топкое.

А за болотом и вовсе трясина бездонная, и водилось там леших видимо-невидимо.

Зеленый Леший к себе в топь заманивает. Ухватится жабьими лапищами за колеса — они по ступицу в трясине увязнут. Большущей зеленой жабой прыгает перед конскими мордами — кони в сторону шарахаются, упряжь рвется, телега ломается, а измученные, перепуганные люди плутают до рассвета, дорогу ищут.

Жил там и Синий Леший. Этот по протокам, по ручейкам из болота в реки и озера выплывает. Сети у рыбаков рвет, рыбу распугивает! А то плотину прокопает, воду спустит, и водяная мельница останавливается.

Рыжий Леший болотную лихорадку на людей напускает.

Но отчаянней всех Черный Леший. Только он отваживается среди бела дня из болота вылезать, по окрестным полям скакать, в хаты заглядывать да высматривать, что бы ему натворить, как навредить людям, горе-беду наслать на них.

Вот вылез Черный Леший из трясины, за кустом шиповника притаился. Луп-луп глазищами, озирается, что бы такое выкинуть, себя, Лешего, потешить.

Видит: мужик из-за пазухи хлеб достал, со всех боков оглядел, в тряпицу льняную завернул и со вздохом под куст положил на межу. А сам опять за соху взялся.

Только мужик спиной к Лешему повернулся, Леший краюшку схватил и шмыг в кусты. Сидит и ждет, что будет. Мужик покражу обнаружит, ругаться небось станет, вора проклинять да их, чертей, поминать. Вот потеха!

Тут солнышко из-за туч выглянуло, весь свет позолотило, короткие тени легли на мокрую землю от деревьев и кустов.

Пахарь из-под ладони на небо глянул, вздохнул с облегчением: вот и полдень, время червячка заморить. Вывел он коня на межу — пусть попасется, а сам к кусту зашагал, где хлеб схоронил. Подходит, а хлеба-то нет, одна тряпица на земле белеет. Мужик глазам своим не поверил. Что за напасть?

— Кто ж это на хлеб мой позарился? Меня, горемыку, без еды оставил? Не иначе шел мимо человек еще бедней меня. Пусть ест на здоровье!

Оторопел Черный Леший. Вот чудак! Не ругается, не проклиняет, чертей не поминает. А коли так, никакой радости от проделки нет. Чуть было не подбросил он хлеб обратно под куст, да спохватился: негоже им, лешим, людей жалеть. Коли напроказил, так тому и

быть. У них тоже свое бесовское достоинство есть.

Леший загоготал злобно, топнул козлиными копытами, потрянул козлиными рогами и умчался прочь — в болото.

А там, в глуши непроходимой, где нога человеческая не ступала, на краю мочажины, камышом и ряской поросшей, сидел Водяной — старшой над всей нечистью.

Развалился Водяной на троне из ивовых прутьев и дремлет — разморило его осеннее солнышко. На нем кафтан богатый, из тростника сотканный, на лысине — камышовый венок, лицо зеленью отливает; из себя он огромный, пузатый.

Дела он все справил: леших да бесенят в разные стороны разослал — козни дьявольские строить, добрым людям вредить.

Остановился перед ним Черный Леший. Водяной один глаз открыл и спрашивает:

— Зачем пожаловал?

— Да вот украл я у бедняка краюшку хлеба,— проскрипел Леший,— думал, он ругаться станет, нас, чертей, поминать...

— Ну и что? — всрепнулся Водяной.— Проклинал?

— Нет. Здоровья пожелал тому, кто хлеб его съел.

— Здоровья, говоришь, пожелал? — Водяной покачал головой, большущей, как дыня.— Закрома у него небось полнехоньки. Что ему кусок хлеба!

— Какое там! Во всей округе бедней его не сыщешь. С хлеба на квас с семьей перебивается. Теперь до самого вечера крошки во рту не будет.

Услыхал это Водяной, брови насупил да как рявкнет:

— Ах ты негодяй! Иль ты забыл, что лешие и бесы тоже свою честь блюсти должны? Последний кусок хлеба украл у бедняка? К богачу небось потрудней в сундук залезть. Стыд и срам! Пусть люди бедняков обижают. Беги что есть мочи и положи хлеб, откуда взял.

— Да как же я положу его? — захныкал Леший.— Раскрошился он весь, а крошки птицы склевали.

Водяной приложил палец к носу и задумался.

— Не можешь отнести хлеб — службу ему сослужи. В работники к нему наймись. Послужи мужику верой-правдой да через три года возвращайся. А до того и на глаза мне не показывайся!

Делать нечего. Водяного, что над всеми бесами и лешими старшой, никто ослушаться не смеет. Выскочил Черный Леший из топи болотной, оземь ударился, в пригожего малого обратился и к мужику подходит.

Солнце уже за дальним лесом схоронилось, и голодный мужик домой собрался.

Еле волочит он ноги, лошадь спотыкается, соха на камнях, на выбоинах подпрыгивает. А у мужика сил нет ее придержать. В глазах темно от голода и усталости.

Тут подходит к нему незнакомец. Глаза зеленые, точно лесные озера, волосы, как вороново крыло, черные, над алыми губами темные усики топорщатся, лицо румяное — парень кровь с молоком!

Залюбовался мужик парнем, а что глаза у него злым огнем горят, этого он не заметил.

Незнакомец соху за рукояти ухватил и говорит:

— Давайте-ка я вам помогу, хозяин!

Свистнул парень, и лошадь, будто дотронулись до нее волшебной палочкой, встрепенулась, заржала весело и помчалась домой. Ни дать ни взять молодой жеребец! Мужик диву дается.

— Наймите меня в работники,— молвил парень.

Еще пуще удивился мужик:

— Какая тебе корысть к бедняку наниматься? Мы и сами-то впроголодь живем, а тебе еще платить надо...

А тот в ответ:

— Не надо мне никакой платы. Не гоните меня и в накладе не останетесь.

И просил он так настойчиво, что мужик даже испугался малость. Почему знать, кто он, этот пришелец? Может, разбойник, что от справедливой кары прячется, безопасное убежище ищет? Прогонишь его, он еще мстить станет. «Лучше не перечить ему»,— решил бедняк и говорит:

— Ну что ж, поживи недельку, а коли понравится, насовсем оставайся.

Так поселился Леший у мужика. Первым делом стал он коня в силу приводить: скребницей чистит, отборным овсом кормит, ключевой водой поит. А откуда он овес брал, мужику невдомек.

Недели не прошло — коня не узнать, словно подменили его. Бока округлились, шерсть блестит, грива расчесана. Идет-пританцовывает, ровно девица на свадьбе. День-деньской без усталости работает, а в телегу запряжешь — так и рвется вперед, вожжи не удержит.

Соседи диву даются. Откуда у мужика такой конь? Купить — не купил, потому что гроша ломаного у него нет. Обменять — не обменял: кто ж без обмана его клячу возьмет, а он хоть и

бедный, но честный мужик. Да и масть у коня та же, и шрам на спине. Чудеса! А может, колдовство?

Привел батрак коня в силу, за корову принялся. По обочинам, по придорожным канавам ее пасет, траву посочней косит. Возвращается корова с пастбища — вымя у нее что твое ведро.

Пьют мужиковы ребятишки молока вволю. Побелели они, потолстели. Чирикают весело, как воробьи, когда солнышко пригреет.

«Хороший батрак, усердный,— думает мужик.— Хлеба ест мало, а работает за семерых».

— Оставайся у меня, живи,— говорит он Лешему.— Мне такой работник надобен.

Обрадовался Леший. Не то несдобровать бы ему. Как покажешься на глаза Водяному, приказа его не выполнивши! У нечисти на этот счет строго!

Прошло сколько-то времени, и вот говорит батрак мужику:

— Пора поле под озимую пшеницу пахать, не то поздно будет.

А мужик в ответ:

— Да я уже полоску запахал и рожь посеял. Надо ведь и под картошку клочок поля оставить.

— А вон тот кусок возле болота разве не ваш?

— Мой-то мой, да толку-то что,— со вздохом говорит мужик.— Кочки да мхи пахать не станешь.

— Давайте я попробую.

— Лошадь не осилит.

— У меня осилит. А зерно для посева я сам раздобуду.

Согласился мужик. Пускай этот чудной батрак поступает по своему разумению. Коли он сам зерно достанет, значит, убытка в хозяйстве не будет.

Распахал Леший болото. А ночью у всех хомяков в округе кладовые обчистил и к полевым мышам в норки заглянул. Писк, плач поднялся — за десять верст слышно! Приволок Леший мешок пшеницы — ну прямо чистое золото! — и засеял поле.

Увидели это соседи, от смеха животы надорвали.

— Вот дурак! Зерно в болото швыряет. Уж лучше бы жабым пометом засеял, хоть жабы развелись бы.

Смеются соседи, пригорюнился хозяин. А батрак знай свое дело делает да помалкивает.

Пришла зима. Землю сковал лютый мороз. Зато весна настала на редкость дружная, теплая. А летом — сушь да зной!

Самые старые старики такой жары не припомнят.

Солнце жжет огнем, палит. Напрасно канюки жалобно кричат — дождя просят. Земля потрескалась, трава на лугах пожухла-пожелтела, поля покрылись толстым слоем пыли, колоски печально поникли.

А у мужика на болоте пшеница стеной стоит, налитые колосья к солнцу тянутся. Пришло время, сжали пшеницу. Урожай собрали сам-сто.

Насыпал мужик полнехонек амбар: и на хлеб, и на семена хватит, да еще на продажу останется. И хотя несуразной цены он не заламывал, а все же и в кубышку малую толику денег отложил.

На батрака он со страхом, с почтением поглядывает. А тот работает себе да посвистывает как ни в чем не бывало.

Вот настало время поле пахать, батрак и говорит мужику:

— В этом году пески пахать будем.

— Пески? Да там испокон века не росло ничего — ни былинки, ни травинки.

— У меня, хозяин, вырастет.

Не стал ему перечить мужик — знал: парень он проворный, башковитый. А соседи опять до упаду хохотали, когда мужик с батраком выехали пустошь пахать.

Запахали, посеяли, забороновали, управились и стали ждать.

В том году лето выдалось дождливое: ни клочка голубого неба, ни солнечного лучика. Серые струи дождя уныло плещут по лужам, барабанят по крышам, текут по размокшим дорогам — ни пройти ни проехать.

Поле мужика, что в низине, озером разлилось. Хлеб сгнил на корню, а на пустоши пшеница уродилась на диво. Опять собрал мужик урожай сам-сто.

Не смеются больше соседи, не до смеха им. «Откуда батрак знает, дождь будет или ведро?» — гадают они.

На третью осень вышел как-то ночью батрак и давай с болота на пустошь грязь носить, а песок с пустоши на болото. Огромный кус поля осушил, огромный кус удобрил. Теперь у мужика вся земля пахотной стала, для сева пригодной. Засевай да урожай собирай.

Каждому ясно: такая работа не под силу человеку. Проснулся утром мужик, увидел, что батрак сделал, сплюнул потихоньку, перекрестился и ни о чем больше его не спрашивал. Стороной обходил и с опаской поглядывал.

А батрак сложа руки не сидит. Пшеницу, рожь, ячмень посеял, картошку посадил. Хватило места и для капусты с горохом. Урожай по осени собрали невиданный.

Полон у мужика амбар, полон овин. И никакой он теперь не Горемыка, хотя соседи по старой памяти его так называют. Одежа на нем исправная, лицо гладкое, румяное. А ребятишек с женой и вовсе не узнать, будто и не они это.

Время идет, и третий год уже на исходе.

Настала лунная сентябрьская ночь. Месяц высоко на небе висит и заливает землю потоками голубого света, да такого яркого, что малюсенький самый гвоздик на дороге разглядишь, зато привычных предметов не различишь — до того свет этот обманчив.

Вот вышел батрак в глухую полночь на порог, оземь ударился, в Лешего обратился и к топи-трясине помчался.

А там меж ивами и раkitами, меж зельем болотным на краю мочажины, камышом и ряской поросшей, пляска, гульба — дым коромыслом! То нечисть разная: кикиморы да русалки, лешие да бесы, упыри да оборотни хороводы водят, скачут, визжат, по-собачьи брешут, гогочут. А над головами у них огни болотные, точно венки огненные.

Водяной на трухлявом пне сидит, на дудочке наигрывает — лягушачьими лапами перебирает, на серебряную луну любит-ся. Остановился Черный Леший перед ним, поклонился до земли и говорит:

— Вот и я! Кончилась моя служба. Верой-правдой послужил я мужику три года.

— Коли так, оставайся с нами! Ступай попляши, пока луна не померкнет, пока небо на востоке не зарумянится.

Но Черный Леший к месту пристыл, в затылке чешет, с копытца на копытце переступает.

— Чего тебе надобно? — спрашивает Водяной.

— Всемогуший господин и повелитель! Помог я мужику из нужды выбиться. Украденный кусок хлеба стократ ему вернул. Так и оставить мужика в довольстве, в достатке?

— А чего же ты хочешь?

— Подшутить над ним малость на прощание.

— Смотри только, чтобы вся работа насмарку не пошла.

— Не бойся!

Хлопнул Водяной в зеленые ладоши и закричал зычным голосом:

— Эй вы, бесы, лешие, идите-ка сюда!

Сбежалась к трухлявому пню вся нечисть. В кучу сбились, шеи вытянули, ждут, что старшой скажет.

Так и так, говорит он им.

— Дозволь ему над мужиком подшутить! Дозволь! — завопили, заверещали, заржали бесы, лешие, кикиморы.

Водяной ударил себя по зеленой ляжке и говорит:

— Ладно! Будь по-вашему! Недаром мы нечистой силой зовемся, значит, наше дело козни строить, проказить, людей пугать. Сыграй шутку со своим хозяином. Да смотри чести нашей бесовской не посрами!

У Черного Лешего глаза так и загорелись:

— Не бойся, не посрамлю!

До рассвета плясал и пел Леший со своими. Плясал до упаду, пел до хрипоты. А когда на востоке заалела заря, стукнул козлиным копытцем об землю и полетел напрямик к хате мужика.

А мужик спит себе спокойно и ни о чем не подозревает.

Наутро говорит ему батрак:

— Служил я тебе, хозяин, верно и платы никакой не требовал. А теперь давай рассчитаемся, в путь мне пора.

Мужик рад от батрака избавиться.

— Правда твоя, преумножил ты мое добро. Говори, сколько тебе заплатить?

— Ни много ни мало — меру ржи.

Удивился мужик:

— А на что тебе зерно? На себе ведь ты его не потащишь?

Батрак смеется в ответ:

— Насыпьте зерно возле печки да котел побольше дайте. Стану зерно варить.

— Зерно варить? И что же получится?

— Увидите.

Принялся батрак за дело. Залил зерно ключевой водой из такого ключа, что никогда петушиного пения не слышивал. Варил, парил, цедил, доливал, переливал и никому через плечо заглянуть не позволил.

Долго ли, коротко ли, приглашает батрак хозяина к столу. На столе бутылка, а в ней словно вода прозрачная, только запахом острым в нос ударяет.

— Что это? — спрашивает мужик.

Батрак скалит белые зубы и говорит:

— Питье такое.

— Отродясь такого не видывал: не квас, не мед, не пиво!

— Чего понапрасну глядеть — глазами не распробуешь.

Глотните-ка!

Попробовал мужик и скривился: горько и язык жжет.

— Да вы побольше выпейте,— уговаривает батрак.

Мужик отпил и сплюнул с отвращением:

— Тьфу, гадость!

Приуныл батрак: неужто шутка не удалась?

— Не угодил, значит? Не по вкусу мое угощение? Глотните, хозяин, еще разок, сделайте одолжение!

Выпил мужик стаканчик, выпил другой. В голове у него зашумело, хата ходуном заходила. Чудится мужику: стены рухнут, насмерть задавят. Хочет он встать — ноги не слушаются. Слово мөлвить хочет — язык заплетается. А батрак захохотал да так на мужика глянул, что у того мурашки по спине побежали. Догадался он, кто у него в батраках служил три года, и с горя третий стакан выпил. Выпил и под лавку свалился.

Загоготал глумливо Черный Леший, остатки варева по бутылкам разлил, выскочил в окно и был таков!

Проспал мужик под лавкой до вечера, проснулся — на душе тоскливо, свет белый не мил. А увидел бутылки на столе, словно клещами к ним потянуло.

Встал он соседей позвал и всю ночь потчевал их дьявольским зельем.

С той поры обеднели крестьяне. Работа у них не спорится, из рук все валится. Да и как работе спориться, если они каждую ночь к бутылке прикладываются, а наутро с больной головой встают.

И пошло у мужика прежнее горемычное житье: опять бесхлебица, бессолица, в доме разорица.

Вот какую злую шутку Черный Леший с мужиком сыграл.

С о д е р ж а н и е

ОЗЕРНАЯ ДЕВА

РУСАЛКА ИЗ КОЛОНСЕЯ. Шотландская сказка. <i>Перевод М. Литвиновой</i>	7
ОЗЕРНАЯ ДЕВА. Английская сказка. <i>Перевод М. Литвиновой</i>	10
РУСАЛКА. Украинская сказка. <i>Пересказ Л. Рюриковой</i>	14
О. Форш. РУСАЛОЧКА-РОТОЗЕЕЧКА.....	17
ЦАРИЦА ВОД. Бразильская легенда. <i>Перевод В. Житкова</i>	24
ИАРА — МАТЬ ВОД. Бразильская легенда. <i>Перевод Д. Кузнецовой</i>	27
Я. и В. Гримм. РУСАЛКА В ПРУДУ. <i>Перевод Г. Петникова</i>	29
Я. и В. Гримм. УНДИНА. <i>Перевод Г. Петникова</i>	33
МОРГАНЫ НА ОСТРОВЕ УЭССАН. Французская сказка. <i>Перевод М. Абкиной</i>	34
Г. Х. Андерсен. РУСАЛОЧКА. <i>Перевод А. Ганзен</i>	40
К. Пино. ЖАН-РЫБА И СИРЕНА. <i>Перевод В. Мартынова</i>	59

КАК ЧЕРТА ПЕРЕХИТРИЛИ

ЧЕРТ И ВЕДЬМА. Польская сказка. <i>Перевод А. Щербакова</i>	73
ЧЕРТ И СВЯТОЙ МАТИН. Польская сказка. <i>Перевод А. Акимовой</i>	74
ЧЕРТОВ КАМЕНЬ. Польская сказка. <i>Перевод А. Акимовой</i>	75
КАК МАРЫСЯ ЧЕРТА ПЕРЕХИТРИЛА. Польская сказка. <i>Перевод А. Акимовой</i>	77
О ДЬЯВОЛЕ И ГОСПОДЕ БОГЕ. Польская сказка. <i>Перевод Л. Пивоваровой</i>	80
КАК ЧЕРТ ПОМОГ БЕДНОМУ МУЖИКУ. Польская сказка. <i>Перевод Л. Пивоваровой</i>	81
ЯРОШЕК. Польская сказка. <i>Перевод Л. Пивоваровой</i>	82

О НИЩЕМ КОРОЛЕ. Польская сказка.	
<i>Перевод Л. Пивоваровой</i>	86
НА СЛУЖБЕ У ДЬЯВОЛА. Польская сказка.	
<i>Перевод Л. Пивоваровой</i>	90
КАК КУБА С ЧЕРТОМ В КАРТЫ ИГРАЛ. Польская сказка.	
<i>Перевод Л. Пивоваровой</i>	94
ХРОМОЙ БЕС. Польская сказка. <i>Перевод Л. Пивоваровой</i>	97
КАК ЧЕРТ МОНАХОМ БЫЛ. Польская сказка.	
<i>Перевод Л. Пивоваровой</i>	98
О РЫБАКЕ И ЧЕРТЕ. Польская сказка.	
<i>Перевод Л. Пивоваровой</i>	101
КАК МУЖИК У ЧЕРТА ДЕНЬГИ ЗАНИМАЛ. Польская сказка.	
<i>Перевод Л. Пивоваровой</i>	104
КАК МЕЛЬНИКИ ССОРИЛИСЬ. Польская сказка.	
<i>Перевод Л. Пивоваровой</i>	105
МАЗУР САМОГО ЧЕРТА ХИТРЕЕ. Польская сказка.	
<i>Перевод Л. Пивоваровой</i>	108
ЧЕРТ И ГОСПОДА. Сербо-лужицкая сказка.	
<i>Перевод А. Романенка</i>	109
КУЗНЕЦ И ЧЕРТ. Сербо-лужицкая сказка.	
<i>Перевод А. Романенка</i>	110
КАК ЧЕРТ СПРЕВУ ПАХАЛ. Сербо-лужицкая сказка.	
<i>Перевод А. Романенка</i>	111
ГЛУПЫЙ ЧЕРТ И СВЯТОЙ ПЕТР. Сербо-лужицкая сказка.	
<i>Перевод А. Романенка</i>	111
КАК ЧЕРТА ПЕРЕХИТРИЛИ. Французская сказка.	
<i>Перевод К. Варшавской</i>	112
ЧЕРТОВА КОСА. Французская сказка. <i>Перевод М. Абкиной</i>	119
Я. и В. Гримм. ЧЕРТ С ТРЕМЯ ЗОЛОТЫМИ ВОЛОСАМИ.	
<i>Перевод Г. Петникова</i>	121
Я. и В. Гримм. ЧЕРТ И ЕГО БАБУШКА. <i>Перевод Г. Петникова</i> ...	127
ЧЕРТ И КАЧА. Чешская сказка. <i>Пересказ Л. Рюриковой</i>	130
КАК ЧЕРТ СЛУЖИЛ У БЕДНЯКА. Словацкая сказка.	
<i>Пересказ Л. Рюриковой</i>	134
ИВАН КУРЬЯ НОГА. Белорусская сказка.	
<i>Пересказ Л. Рюриковой</i>	136
МУЗЫКА-ЧАРОДЕЙНИК. Белорусская сказка.	
<i>Пересказ А. Любарской</i>	139
ПРО ЧЕРТЕЙ. Из украинских преданий.	
<i>Пересказ М. Драгоманова</i>	142
КАК ЛЮДИ НАУЧИЛИСЬ КУРИТЬ. Украинская сказка.	
<i>Пересказ А. Любарской</i>	143

КРЕПОСТНОЙ И ЧЕРТ. Украинская сказка.

<i>Перевод Г. Петникова.....</i>	<i>144</i>
КУЗНЕЦ И ЧЕРТ. Украинская сказка. Перевод Г. Петникова.....	147
СОЛДАТ И ЧЕРТИ. Русская сказка. Пересказ А. Любарской.....	149
БЕГЛЫЙ СОЛДАТ И ЧЕРТ. Русская сказка.	
<i>Из собрания А. Афанасьева.....</i>	<i>156</i>

ТАЙНА ПРИНЦЕССЫ ТРОЙОЛЬ

ДЖИП И ВЕДЬМА ИЗ УОЛГРЕЙВА. Английская сказка.

<i>Перевод М. Литвиновой.....</i>	<i>163</i>
ВЕДЬМА И СОЛНЦЕВА СЕСТРА. Русская сказка.	
<i>Из собрания А. Афанасьева.....</i>	<i>170</i>
О ВЕДЬМАХ. Русская сказка. Из собрания А. Афанасьева.....	173
ВЕДЬМА НА ЛЫСОЙ ГОРЕ. Украинская сказка.	
<i>Перевод Г. Петникова.....</i>	<i>178</i>
ЛЕГЕНДА О ВЕДЬМЕ-ПРОЖОРЕ СЕЙУСИ. Бразильская легенда.	
<i>Перевод И. Тыняновой.....</i>	<i>179</i>
ДЬЯВОЛ И ПОРТНЯЖКА. Английская сказка.	
<i>Перевод М. Литвиновой.....</i>	<i>182</i>
КРЕСТЬЯНИН ТОЛОМЕ И ДЬЯВОЛ. Французская сказка.	
<i>Перевод Э. Линецкой .....</i>	<i>184</i>
ЗАМОК ДЬЯВОЛА. Французская сказка. Перевод Э. Линецкой ...	187
ПРИНЦЕССА ТРОЙОЛЬ. Французская сказка.	
<i>Перевод Э. Линецкой .....</i>	<i>194</i>
СЫН ДЬЯВОЛА. Французская сказка. Перевод А. Кулишер	204
БРАЗИЛЬСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О КИБУНГО.	
<i>Перевод Н. Мальхиной.....</i>	<i>211</i>
СЕМЬ ИСПЫТАНИЙ В ЖАРАУ. Бразильская легенда.	
<i>Перевод Е. Любимовой.....</i>	<i>216</i>
ДОГОВОР С ЯЩЕРИЦЕЙ. Бразильская легенда.	
<i>Перевод Е. Любимовой.....</i>	<i>221</i>
КОРОЛЕВНА-УПЫРЬ. Польская сказка. Перевод Д. Аврова.....	229
К. Пино.ПРИЗРАК ПОВЕШЕННОГО РЫЦАРЯ.	
<i>Перевод В. Мартынова.....</i>	<i>235</i>

ЗОЛОТАЯ ГОЛОВНЯ

Я. и В. Гримм.ПОДЗЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК.

<i>Перевод Г. Петникова.....</i>	<i>255</i>
БАРБАИК ЛОХО И ДОМОВОЙ. Французская сказка.	
<i>Перевод А. Кулишер .....</i>	<i>259</i>

ДОМОВЫЕ. Французская сказка. <i>Перевод А. Кулишер</i>	261
ФЭРН-ДЭНСКИЙ БРАУНИ. Шотландская сказка. <i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	262
«Я САМ». Шотландская сказка. <i>Перевод М. Клягиной-Кондратьевой</i>	265
Я. и В. Гримм. ДОМОВЫЕ. <i>Перевод Г. Петникова</i>	268
Я. и В. Гримм ДУХ В БУТЫЛКЕ. <i>Перевод Г. Петникова</i>	271
Э. Лабуле ФРАГОЛЕТТА. <i>Перевод К. Яковенко</i>	275
КАИПОРА. Бразильская легенда. <i>Перевод И. Тыняновой</i>	285
ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА О КАИПОРЕ. <i>Перевод Н. Малыхиной</i>	287
ЖУРУПАРИ. Бразильская легенда. <i>Перевод Д. Кузнецовой</i>	288
ПОХИЩЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ЖУРУПАРИ. Бразильская легенда. <i>Перевод И. Тертерян</i>	288
ЖУРУПАРИ И ДЕВУШКИ. Бразильская легенда. <i>Перевод Д. Кузнецовой</i>	291
П.-К. Асбьёрнсен. РАССКАЗЫ БЕРТЫ ТУППЕНХАУК. <i>Пересказ А. Любарской</i>	292
ЛЕШИЙ. Русская сказка. Из собрания А. Афанасьева.....	304
ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК ЯГ-МОРТ. Коми народная сказка. <i>Пересказ А. Любарской</i>	305
КАК ПЕРА-БОГАТЫРЬ ЛЕШЕГО ОДОЛЕЛ. Коми народная сказка. <i>Пересказ А. Любарской</i>	311
ЗОЛОТАЯ ГОЛОВНЯ. Французская сказка. <i>Перевод М. Абкиной</i>	315
ДАР ЧЕРНОГО ЛЕШЕГО. Польская сказка. <i>Пересказ Н. Подольской</i>	322

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Эта книга — из 20-томной серии «Сказка за сказкой», к выпуску которой приступили издательско-производственный центр «КИМОС», фирма «РИТА» (г. Москва) и ТОО «Библиополис» из г. Санкт-Петербурга.

Серия поможет Вам открыть безграничное богатство сказочного мира. Он принадлежит всем нам, но прежде всего детям, им и адресованы наши книги.

Группой молодых художников подготовлено красочное оригинальное оформление. Оно станет сюрпризом для Вас, как и многие мало известные тексты сказок.

Вышли и выходят из печати:

Братец Лис и Братец Кролик.

Сказочные истории из жизни птиц и зверей.

Заколдованный халат.

Арабские сказки, не вошедшие в «1001 ночь».

**Джованнини и Пульчероза, а также
Чиполлино и другие.**

Итальянские сказки.

Жил-был король...

Сказки писателей Европы.

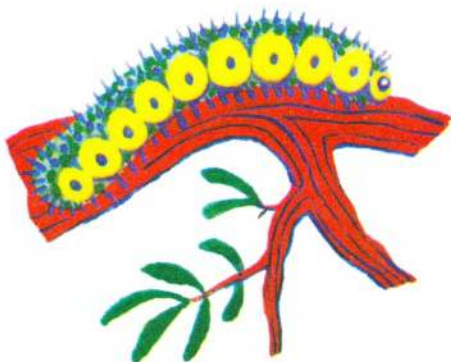
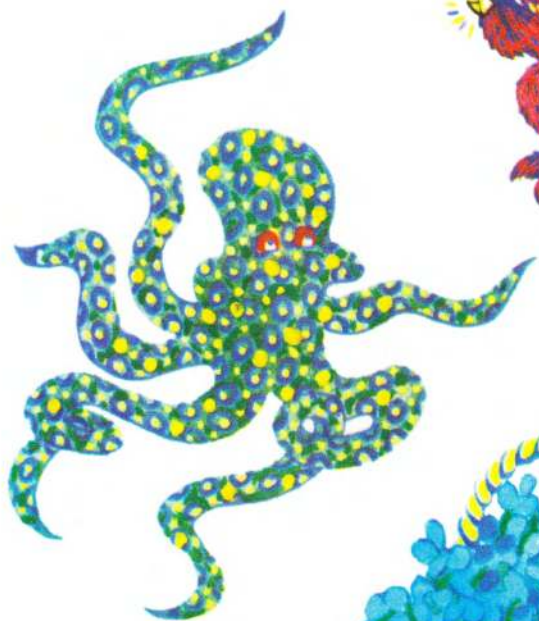
Золотая ладья.

Сказки и легенды с лазурной Адриатики.

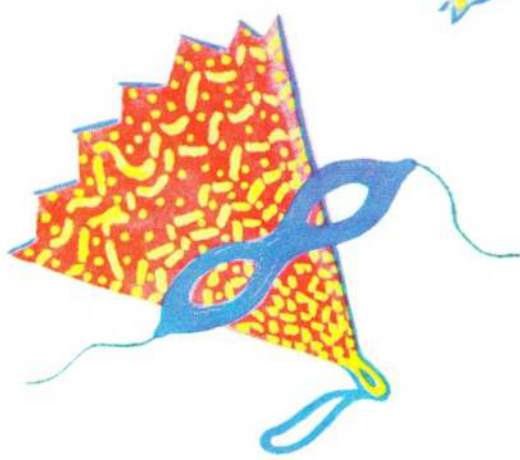
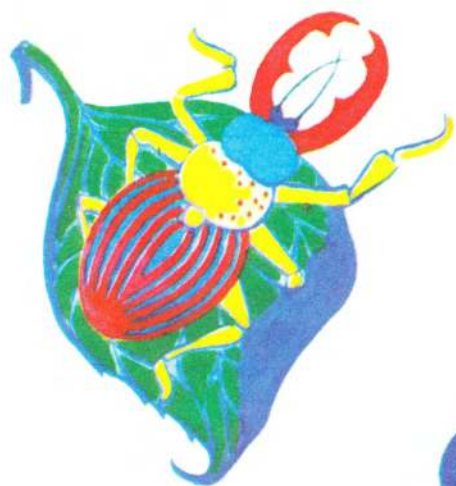
Шутка Черного Лешего.

Сказочные истории о русалках, домовых и прочей нечистой силе.

***По вопросам реализации обращаться:
г. Москва, тел. (095) 176-8004***

ШУТКА ЧЕРНОГО ЛЕШЕГО

Редактор
Л. Хренникова

Художник
В. Волипец

Технические редакторы
И. Бегичева и А. Щербаков

Корректор
О. Черникова

Подписано в печать 28.VI.1993 г. Формат 70×100¹/₁₆. Печ. л. 22,0.
Уч. изд. л. 24,86. Тираж 100 000. Зак. 30836

Москва, ТОО, фирма Рита, Авиамоторная, 12
Кишинев, ул. П. Мовилэ, 35, Полиграфкомбинат

Наша серия - сказки всех
времен и континентов -
многотомная сказочная
энциклопедия для дома